Вестник
Ярославского
государственного
университета
им. П. Г. Демидова.
Серия Гуманитарные науки

Научный журнал

Выходит 4 раза в год

Содержание

История

Марасанова В. М. Губернские учреждения Верхнего Поволжья в период подготовки и реализации реформы 1861 года 5

Барлова Ю. Е., Осипова М. С. «Настоятельный призыв к милосердию»: Джонас Хэнуэй в истории английской социальной политики 10

Шмелев Д. В. Народно-республиканское движение в отечественной историографии 17

Личак Н. А. Административные меры по сохранению культурного наследия в Советской России в 1920-х гг. 22

Иерусалимская С. Ю. Образование Ярославского высших наук училища 28

Фролов Р. М. Возможности использования базы данных о римских contiones 32

Голотин И. В. Вклад советской общественности в дело охраны памятников истории и культуры в середине 1960 – начале 1970-х годов (на примере Ярославского края) 37

Кузьмичев А. В. Социальный состав служащих приказов общественного призрения в последней четверти XVIII – первой половины XIX века (на материалах губерний Верхнего Поволжья) 41

Логинова Д. В. Становление системы подготовки водителей и специалистов массовых профессий на автотранспорте Коми АССР (1920-е – середина 1940-х гг.) 44

Культурология

Сорокин С. П. Литературно-коммерческой проект «Борис Акунин» в контексте современной социокультурной ситуации 48

Педагогика

Власенко И. С. Электронный образовательный ресурс: оценка востребованности и мотивированности со стороны потенциальных потребителей 51

Политология

Старкин С. В. Разведывательно-информационное обеспечение деятельности администрации Д. Эйзенхауэра 54

Право

Тарусина Н. Н. О принципах семейного права 59

Иванов А. Б. Проблемы соотношения союзного и республиканского законодательства о труде в СССР в 20-е годы XX века 64

Соловьев О. Г., Ильин А. А. О средствах дифференциации уголовной ответственности в Общей и Особенной части УК РФ 70

Иванчин А. В. О формальной сущности состава преступления 74

Психология

Карпов А. В. Основные типы консенсуса в процессах принятия групповых решений 78

Краснощеченко И. П. Типология траекторий профессионального развития студентов-психологов в образовательном пространстве вуза 85

Урываев В. А., Тарасова А. А. Субъективное благополучие в структуре личностных черт 91
Киселева Е. Ю., Абашин И. Г. Структурно-функциональный анализ индивидуально-психологических особенностей личности подростков 94
Филатова О. В. Структурная организация блока личностно значимых качеств специалистов различных типов профессий 97
Абашин И. Г. Политическая идентичность в системе высшей школы 101
Фаерман М. И. Интегративная концепция в групповом и индивидуальном консультировании 104
Мурафа С. В. Лонгитюдное исследование мнемических способностей младших школьников с ЗПР 109
Саковская О. Н. Направленность рефлексии в кризисе профессионального развития 114
Осинина Т. Н. О запоминании и воспроизведении учебного материала 117
Нилопец А. М. Исследование представлений о своем возрасте у детей 6–8 лет 121

Социология

Епархина О. В. Моделирование коррупции: параметры, условия, возможности 124

Филология

Арбузова И. И. Методические аспекты преподавания русских пространственных предлогов в иностранной аудитории 129
Шимко Е. А. Этимологическая характеристика немецких и русских лексем кровного родства по мужской линии 134
Постоянцева О. В. Истоки смеха: Юрий Одарченко и Даниил Хармс 140

Философия

Шустров А. Г. Понимание культуры как второй природы у восточнохристианских авторов 144

Экономика

Круглова Н. В. Валютное регулирование и финансовая политика России в условиях глобализации 150
Касьянова А. К. Инновационные подходы к экономической теории в современных условиях высшей школы 155
Костюкович Н. В., Вычегжанин Е. Ю. Современный рынок инноваций: особенности ценового механизма 161
Сидорова Е. А. Прямые иностранные инвестиции как фактор развития инновационной инфраструктуры России 165
Иванов А. Е. Периодизация реформирования пенсионной системы Российской Федерации 171
Добронравин Е. Р. Вопросы построения логистической системы на основе дифференциации ее составляющих 175
Прохоров К. О. Приоритезация заинтересованных сторон с использованием метода анализа иерархий 179
Губин В. А. Институт фермерских хозяйств и их финансовая устойчивость 183
Дополнительные сведения об авторах 188

Vestnik
Yaroslavskogo
gocudarstvennogo
universiteta
im. P. G. Demidova.
Series the Humanities

Academic Journal

Published four times a year

Contents

History

Marasanova V. M. Provincial Establishments in the Upper Volga Regions in Periods of Preparation and Implementation of the Reform of 1861 5

Barlova Y. Y., Osipova M. S. «An Earnest Appeal for Mercy»: Jonas Hanway and the History of Social Policy in England 10

Shmelev D. V. The Mouvement Republicain Populaire in the National Historiography 17

Lichak N. A. Administrative Measures for Keeping Cultural Heritage in Soviet Russia in 1920s 22

Ierusalimskaya S. I. Formation of Yaroslavl School of Higher Sciences 28

Frolov R. M. Availability of the Database of Roman Contiones 32

Golotin I. V. Contribution of Soviet Public to Protection of Historical and Cultural Monuments in the middle of 1960s - the beginning of 1970s (by an example of the Yaroslavl region) 37

Kuzmichev A. V. Social Structure of Public Charity Serving Orders in the Last Quarter of the XVIII – First Half of the XIX Century (by materials on provinces in the Upper Volga region) 41

Loginova D. V. Developing the Training System for Drivers and Specialists of Popular Professions in the Automobile Industry in the Komi Republic (1920s – middle 1940s.) 44

Cultural Studies

Sorokin S. P. Literary-Commercial Project «Boris Akunin» Inside Contemporary Social-Cultural Situation 48

Pedagogics

Vlasenko I. S. Electronic Educational Resource: Estimation of Needs for it by Potential Consumers 51

Politology

Starkin S. V. Reconnaissance and informational support of the Eisenhower administration 54

Law

Tarusina N. N. On Principles of the Family Law 59

Ivanov A. B. Problems of Parity of All-Union and Republican Legislations on Labour in the USSR in 1920s 64

Solovyev O. G., Ilin A. A. On Means of Differentiation of Criminal Liability in General and Especial Parts of the Criminal Code of the Russian Federation 70

Ivanchin A. V. On Formal Essence of a Crime structure 74

Psychology

Karpov A. V. The Main Types of Consensus in Group Decision-Making Processes 78

Krasnoshchechenko I. P. Typology of Trajectories of Psychology Students Professional Development in Educational Space of High School 85

Uryvaev V. A., Tarasova A. A. The Subjective Wellbeing in the Structure of Personality Traits 91
Kiseleva E. Ju., Abashin I. G. Structural Functional Analysis of Individual Psychological Features of Teenager's Personality 94
Filatova O. V. Structural Organization of the Block of Personal Meaningful Characteristics of Various Types of Professions Specialists 97
Abashin I. G. The Political Identity in the System of Higher School 101
Faerman M. I. The Integrative Concept of Group and Individual Counseling 104
Murafa S. V. Long-Term Research on Mnemonic Abilities of Junior School Children with Developmental Delays 109
Sakovskaya O. N. Direction of Reflection in the Crisis of Professional Development 114
Osinina T. N. On Storing and Reproducing Educational Material 117
Nilopets A. M. Research on the Idea of One's Own Age for 6–8 Year Old Children 121

Sociology

Eparkhina O. V. Simulation of Corruption: Parameters, Conditions, Potential 124

Philology

Arbuzova I. I. Methodical Aspects of Teaching Russian Spatial Prepositions for Non-Native Speakers 129
Shimko E. A. Etymological Characteristics of German and Russian Lexemes Denoting Male Line's Blood Kinship 134
Postoyantseva O. V. Laughter Sources: Jury Odarchenko and Daniel Kharms 140

Philosophy

Shustrov A. G. Understanding Culture as a Second Nature in the Eastern Christian Writers 144

Economics

Cruglova N. V. Currency Regulation and Financial Policy of Russia in Globalization Environment 150
Kasyanova A. K. New Approaches to Economics in Modern University Education 155
Kostyukovich N. V., Vychegzhanin E. Y. Modern Market of Innovations: Distinguishing Features of Price Mechanism 161
Sidorova E. A. Foreign Direct Investments as a Development Factor of Innovative Infrastructure in Russia 165
Ivanov A. E. RF Pension System Reform Periodization 171
Dobronravin E. R. Analysis of Logistics System's Performance by Differentiating it's Components 175
Prokhorov K. O. Stakeholders Prioritization Using the Analytic Hierarchy Process 179
Gubin V. A. Institute of Farming and Financial Stability of Farms 183
Contributors 190

ИСТОРИЯ

УДК 94 (470) «16/18»

На основании источников и литературы дается комплексная характеристика подготовки и проведения крестьянской реформы в Верхневолжском регионе России, включавшем Владимирскую, Костромскую, Тверскую и Ярославскую губернии. Проведенный анализ ситуации в регионе показал, что отмена крепостного права не сняла с повестки дня острые проблемы во взаимоотношениях помещиков и крестьян.

К л ю ч е в ы е с л о в а : реформа; губернатор; крестьянство; Верхнее Поволжье.

Grounding on the sources and literature the author provides a comprehensive description of the preparation and implementation of the Peasant Reform in the Upper Volga region of Russia, which included Vladimir, Kostroma, Tver and Yaroslavl provinces. The analysis of the situation in the region has shown that the abolition of serfdom did not withdraw from the agenda critical problems in the relations between landlords and peasants.

K e y w o r d s : reform; governor; peasantry; Upper Volga.

В. М. Марасанова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: vmm@uniyar.ac.ru

Губернские учреждения Верхнего Поволжья в период подготовки и реализации реформы 1861 года

Научная статья

V. M. Marasanova

P. G. Demidov Yaroslavl State University
E-mail: vmm@uniyar.ac.ru

Provincial establishment of the Upper Volga in the period of the preparation and implementation of the reform of 1861

Scientific article

Шестидесятые годы XIX в. вошли в историю России как время крутого общественно-политического и экономического поворота. Как писал будущий военный министр Д. А. Милютин, «мертвенная инерция, в которой Россия покоилась до Крымской войны, и затем безнадежное разочарование, навеянное Севастопольским погромом, сменилось теперь юношеским одушевлением, розовыми надеждами на возрождение, на обновление всего государственного строя» [1].

Изучению крестьянской реформы уделено внимание уже в дореволюционной историографии [2]. В XX столетии наиболее значительный вклад в изучение данной проблемы внесли П. А. Зайончковский, Л. Г. Захарова и другие исследователи [3]. О подготовке и проведении крестьянской реформы в отдельных губерниях Верхнего Поволжья (Владимирская, Костромская, Тверская, Ярославская) писали П. Н. Дружинин, А. М. Унковский, Л. Р. Горланов и другие [4]. Однако комплексного исследования по региону предпринято не было. Деятельность губернских властей в процессе подготовки и проведения реформы в регионе также не являлась предметом специального рассмотрения. Источниковая база изучения данной проблемы весьма обширна и включает законодательные материалы, делопроизводственную документацию, периодическую печать, источники личного происхождения [5].

Комитеты по подготовке проектов освобождения крестьян во всех губерниях действовали под наблюдением губернаторов. В марте 1858 г. тверской губернатор П. Т. Баранов получил предписание об открытии в Твери особого комитета для выработки положения о крестьянах. Комитет возглавил губернский предводитель дворянства А. М. Унковский [6]. Представляясь императору Александру II, на вопрос о возможных изменениях отношений между крепостными и помещиками

© Марасанова В. М., 2011

Унковский ответил, что «большинство дворянства Тверской губернии будет только сочувствовать, ибо хорошо понимает, что нельзя оставаться с крепостным правом» [7].

Тверской комитет открылся 7 августа 1858 г. В его составе было 27 членов с решающим голосом: председатель, 2 члена по назначению губернатора и по 2 представителя от 12 уездов губернии. Еще 12 членов комитета от уездов имели право совещательного голоса. Он стал единственным в России комитетом с либеральным большинством. Из 27 членов комитета 14 стояли на либеральных позициях – А. М. Унковский, А. А. Головачев, П. П. Максимович, П. Д. Кишенский, Н. А. Бакунин и др. В октябре 1858 г. в официальных кругах еще никто не обсуждал проблему выкупа земли и дворянским собраниям было запрещено касаться этого вопроса. В это время приехавшие в Петербург из Твери А. М. Унковский, А. Н. Перхуров, Н. Бакунин и П. Кишенский заявили министру внутренних дел С. С. Ланскому, что они согласны подготовить проект реформы так, как они считают нужным, «а если такого проекта не нужно, пусть назначат на наше место чиновников, которые напишут все, как им велят» [8]. В Тверской губернии предложили самый радикальный проект об устройстве быта помещичьих крестьян. Его авторами стали А. М. Унковский и А. А. Головачев. Проект предусматривал освобождение крестьян с землей в размере не менее 4 десятин. В выплате выкупа должны были участвовать все сословия страны.

3 мая 1858 г. Александр II отдал рескрипт на имя ярославского губернатора А. П. Бутурлина о разрешении приступить к составлению проекта положения об устройстве быта помещичьих крестьян. В состав комитета вошли 20 человек: 18 были избраны местным дворянством и двоих назначил губернатор. Председателем комитета стал президент Ярославского общества сельского хозяйства П. А. Бем. Ярославский комитет об улучшении быта помещичьих крестьян предлагал предоставить крестьянам свободу с наделением землей за выкуп в течение 12 лет. По всей России только Ярославский, Тверской и 5 членов Владимирского комитета высказались за полную отмену барщины и замену ее высоким оброком [9].

Тверской комитет и меньшинство Владимирского комитета выступили за единовременный выкуп крестьян с землей и полную ликвидацию крепостного права. Во время голосования по вопросу о наделении крестьян землей 14 либерально настроенных членов Тверского комитета высказались за предоставление крестьянам угодий. Остальные 13 членов комитета считали «оседлостью», которой должны были наделяться крестьяне, только землю под их домами и строениями и огороды. Либерально настроенный член Владимирского комитета И. С. Безобразов выступал за выкуп земли крестьянами (при максимальном сроке 5–8 лет), за всесословность, выборность, суд присяжных.

В конце 1859 г. появился циркуляр С. С. Ланского о запрещении обсуждения крестьянского вопроса в дворянских собраниях. Это вызвало бурные дебаты в Тверском губернском дворянском собрании. По предложению бежецкого помещика А. И. Европеуса, в МВД собирались отправить представление о том, что дворянство в силу закона имеет право рассуждать о своих нуждах, следовательно и о крестьянском вопросе. Это предложение получило 185 голосов, против было подано лишь 54. Губернатор П. Т. Баранов отказался дать ход постановлению собрания. Тогда большинством голосов (231 против 56) было решено подать всеподданейшее прошение с ходатайством об отмене циркуляра министра. Вскоре А. М. Унковский был смещен с должности губернского предводителя дворянства и выслан в Вятку. Новым губернским предводителем дворянства стал П. П. Клокачев, уже не вступавший в конфликты с властями.

Во Владимирской губернии либерально настроенному губернатору Е. С. Тиличееву пришлось вступить в конфликт с председателем губернского комитета по крестьянскому делу 70-летним губернским предводителем дворянства С. Н. Богдановым, который выступал за резкое сокращение крестьянских наделов. Е. С. Тиличеев был сторонником выкупа земли. Губернатор писал министру внутренних дел С. С. Ланскому, что некоторые помещики вполне сознают наступившую необходимость реформы и надеются, что с нею успокоится сильное «брожение умов» среди крепостных [10]. В 1860 г. С. Н. Богданов вышел в отставку, и губернским предводителем стал Д. В. Солеников. Он был на 10 лет моложе своего предшественника, но к крестьянскому вопросу относился так же.

Министр внутренних дел С. С. Ланской в докладе императору сообщил, что ярославский губернатор обратил внимание на «воздержанность от вина не только во время великого поста, но и во время масленицы, когда ожидали обнародования манифеста» [11]. В Ярославской губернии Манифест был обнародован 8 марта 1861 г. В этот же день по распоряжению губернатора А. В. Оболенского открылось

Ярославское губернское по крестьянским делам присутствие [12]. В тот же день Манифест был оглашен во Владимире, а временный губернский комитет по крестьянскому делу был преобразован в Губернское по крестьянским делам присутствие. В Костромской губернии губернское по крестьянским делам присутствие открылось 10 марта 1861 г. Его возглавил губернатор И. В. Романус. Таким образом, в губерниях Верхнего Поволжья Манифест был объявлен в числе первых.

«Губернские ведомости» начали публиковать благодарственные письма крестьян за дарованную свободу. Так, крестьянин с. Туношна Ф. Л. Гусев писал ярославскому губернатору 18 марта 1861 г.: «Манифест воспламенил в нас чувство верноподданейшей благодарности» [13]. Крестьяне начали отправлять пожертвования на сооружение в Петербурге храма Александра Невского. Однако сельский конторщик из Владимирской губернии писал в своих воспоминаниях: «Манифесту никто не обрадовался, от крестьян ни слова, ни звука радости. Народ понял одно, оставаться ему, дескать, два года крепостными, да и потом, а льгот никаких» [14]. В этом с конторщиком был согласен министр внутренних дел, который писал, что Манифест «не произвел сильного впечатления в народе и по содержанию своему не мог произвести этого впечатления» [15].

После объявления манифеста крестьяне верхневолжских губерний в массовом порядке отказывались от выполнения повинностей. В марте 1861 г. не вышли на барщину крестьяне в имении Ростовского уездного предводителя дворянства Бабкина. В апреле не выполняли барщину крестьяне в имении помещицы Вансецкой в Мологском уезде и только воинская команда смогла подавить волнение. Самое крупное выступление в Ярославской губернии началось 8 мая 1861 г. в имении помещика Арнаутова в Угличском уезде [16]. Генерал-майор М. Л. Дубельт, объезжавший Угличский и Ростовский уезды «вследствие неблагоприятных известий, полученных начальником Ярославской губернии», пять часов уговаривал крестьян выполнять барщину и платить оброк [17]. В три деревни была введена воинская команда и оставалась там на постое два месяца, что являлось сильным средством экономического воздействия на крестьян. В Тверской губернии за 1861 г. произошли 80 волнений крестьян. Наиболее крупные выступления имели место в поместьях А. Н. Вульфа, князя Г. Гагарина и графа Мусина-Пушкина [18]. Во Владимирской губернии войска были вызваны в имение Нарышкиной [19].

По данным П. А. Зайончковского, за 1861 г. по России для подавления крестьянских выступлений войска вызывались 120 раз и 7 из них приходились на долю верхневолжских губерний. В Тверской и Костромской губерниях подобных случаев не отмечено. Для Ярославской губернии П. А. Зайончковский зафиксировал 2 случая вызова войск, а для Владимирской – 5 [20]. По данным Н. М. Дружинина, за 1861 г. в Ярославской губернии произошли 59 волнений крестьян и в 8 случаях для их подавления использовалась военная сила [21]. Пик волнений в регионе пришелся на весну и лето 1861 г., и в дальнейшем крестьянское движение пошло на спад.

Крестьянские учреждения каждой губернии до 1874 г. контролировали мировые посредники, уездные съезды мировых посредников и губернское по крестьянским делам присутствие под председательством губернатора. Каждый уезд делился на несколько участков, в которые назначались мировые посредники и их кандидаты (помощники). Мировые посредники решали дела по исковым спорам и жалобам между помещиками и крестьянскими обществами, разбирали жалобы на сельские сходы по заявлению о семейном разделе и на действия сельских должностных лиц и наложение взысканий на них; дела по избранию и утверждению должностных лиц волостного и сельского управления. Они имели право подвергать крестьян аресту до 7 дней и штрафу до 3 руб. Их главной задачей являлась проверка и введение в действие уставных грамот, а также помощь в заключении выкупных сделок.

Например, в Тверской губернии создали 49 участков, в среднем по 4 на уезд. Тверские мировые посредники наиболее активно выступали с критикой крестьянской реформы. Тверские либералы потребовали созыва чрезвычайного съезда дворян губернии. Чрезвычайное дворянское собрание прошло 1–3 февраля 1862 г. и было закрыто губернатором. Итогом работы собрания стал адрес со 112 подписями, направленный Александру II. В нем тверские дворяне пришли к выводу «о несостоятельности Положений 19-го февраля и неумении правительства справиться с делом» [22]. По мнению авторов адреса, политика правительства в крестьянском вопросе ставила все общество в безвыходное положение, грозящее гибелью государства. Выход они видели в предоставлении земли в собственность крестьян.

Александр II счел адрес тверского дворянства неосновательным и выходящим за рамки тех прав, которые были предоставлены по закону дворян-

ским собраниям. Император поручил министру внутренних дел П. А. Валуеву «представить соображения о мерах… к направлению дела судебным порядком». После принятых съездом тверского дворянства решений «оба члена губернского присутствия по назначению от правительства (Бакунин и Толстой) подали в отставку, и 13 лиц… разослали в уезды объявления, что они впредь признают Положение "враждебным обществу"» [23]. 5 марта 1862 г. 9 мировых посредников заявили, что в своей деятельности будут руководствоваться не «Положением» 19-го февраля, а постановлениями чрезвычайного губернского дворянского собрания [24]. В Тверь направили комиссию генерал-адъютанта Н. Н. Анненкова. В результате работы комиссии 13 мировых посредников были арестованы, посажены в Петропавловскую крепость и после пятимесячного заключения преданы суду Правительствующего Сената. Они были уволены от должности и лишены права поступать на государственную службу и заниматься общественной деятельностью.

В ходе проведения крестьянской реформы в Тверской губернии средний размер крестьянского надела сократился с 5,2 до 4,1 десятины [25]. По Ярославской губернии надел бывших помещичьих крестьян сократился с 4,7 до 4,1 десятины. Выкуп во всех верхневолжских губерниях намного превосходил рыночную стоимость земли, так что крестьяне платили не только за землю, но и компенсировали своим бывшим владельцам потерю бесплатной рабочей силы. Так, в Тверской губернии выкуп составлял 252% стоимости земли, в Ярославской – 293%, во Владимирской – 276% [26]. Выкупные платежи вообще достигали 60% денежных повинностей крестьян [27].

В Тверской губернии добровольно на выкуп перешли лишь 8,5% крестьян, 78% сделок были совершены по требованиям помещиков, 5,7% – по требованиям кредитных учреждений. За 1860-е гг. тверские крестьяне подали 244 жалобы в губернские учреждения. Тверские крестьяне отказались подписать 1,9 тыс. уставных грамот. В Костромской губернии некоторые мировые посредники (П. Коровин, И. Д. Лермонтов, П. А. Шахров и др.) завышали в актах суммы дореформенных оброков, чтобы назначить более высокие повинности для временнообязанных крестьян. Однако иногда уставные грамоты носили настолько кабальный характер, что даже мировые посредники признавали их недействительными. Например, мировой посредник 4-го участка Ярославского уезда Калачев 13 мая 1862 г. признал неправильно составленной уставную грамоту по имению помещика А. С. Некрасова – отца великого поэта [28].

На 1 января 1887 г. по Ярославской губернии «поступило в Главное выкупное учреждение всего 6 100 выкупных сделок (390 по соглашению помещика с крестьянами, а 5 618 по обязательному выкупу)» [29]. В некоторых случаях против крестьян применялись репрессивные меры: например, за отказ подписать уставную грамоту палата уголовного суда постановила 15 марта 1862 г. наказать розгами крестьян мологского помещика Чистякова. В имении В. В. Балакирева Нерехтского уезда Костромской губернии 126 крестьян арестовали за отказ подписывать уставную грамоту, а всего по губернии эти грамоты отказалось подписать 60% крестьян [30].

Изученные материалы показывают, что губернское начальство региона использовало самые разные средства для приведения крестьян в повиновение – от уговоров до применения воинской силы. Но в целом отмена крепостного права не сняла с повестки дня острые проблемы во взаимоотношениях помещиков и крестьян. Великие реформы, разработанные либеральной бюрократией, на местах реализовывались чиновничеством во главе с губернаторами, имевшими в основном весьма консервативные взгляды. В этом, с одной стороны, был залог устойчивости традиционной государственности и, с другой стороны, неизбежность конфликтов и сложностей в реализации реформ, прежде всего в сфере крестьянского сословного и общественного управления. Поэтому, сделав первый шаг к конституционному строю и гражданскому обществу, Россия оказалась еще не готовой к таким кардинальным переменам, и они были отложены до первой российской революции.

Список использованной литературы

1. Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина, 1860–1862 гг. М., 1999. С. 39.

2. Головачев А. А. Десять лет реформ, 1861–1871 гг. СПб., 1872; Джаншиев Г. Эпоха великих реформ. 7-е изд. М., 1898; Корнилов А. А. Крестьянская реформа. СПб., 1905; и др.

3. Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. 3-е изд. М., 1968; Его же. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958; Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861. М., 1984; Великие реформы в России, 1856–1874. М., 1992; Федоров В. А. Крестьянское движение в Центральной России, 1800–1860. М., 1980; и др.

4. Горланов Л. Р. Акты и протоколы мировых посредников как источник по истории реализации реформы

1861 г. // История СССР. 1972. № 3. С. 118–125; Дружинин П. Н. Отмена крепостного права в Ярославской губернии // Очерки истории Ярославского края. Ярославль, 1974. С. 22–44; Иерусалимский Ю. Ю. Отмена крепостного права в Ярославской губернии // Страницы минувшего: VI Тихомировские краеведческие чтения. Ярославль, 1997. С. 104–106; Унковский А. М. А. М. Унковский (1828–1893). М., 1979; и др.

5. Конец крепостничества в России: Документы, письма, мемуары, статьи. М., 1994; Крестьянское движение в России в 1857 – мае 1861 гг.: сб. док. М., 1963; Отмена крепостного права: Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы, 1861–1862 гг. М.; Л., 1950; и др.

6. Тверские губернские ведомости, 1855: Неофициальная часть. 16 апр. № 16.

7. Александр Второй: Воспоминания, дневники. СПб., 1995. С. 31.

8. Цит. по: Джаншиев Г. Указ. соч. С. 141.

9. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 73. Оп. 1. Д. 4850. Л. 6–6 об.; Козлов С. А. Ярославское общество сельского хозяйства в период кризиса феодализма: дис. … канд. ист. наук. Ярославль, 1988. С. 77–79.

10. Фролов Н. В., Фролова Э. В. Владимирские наместники и губернаторы. Ковров, 1998. С. 85.

11. Отмена крепостного права. С. 8.

12. Ярославские губернские ведомости, 1861: Официальная часть. 18 марта. № 11; Неофициальная часть. 25 марта. № 12.

13. Там же: Неофициальная часть. 1 июня. № 22.

14. Цит. по: Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. С. 63–64.

15. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. М., 1961. Т. 1. С. 80.

16. Отмена крепостного права. С. 19, 33.

17. Крестьянское движение в России в 1857 – мае 1861 г. С. 515–516.

18. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 56. Оп. 1. Д. 18931; и др.

19. Милютин Д. А. Указ. соч. С. 70; Отмена крепостного права. С. 30.

20. Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. С. 132.

21. Дружинин Н. М. Указ. соч. С. 30.

22. Дневник П. А. Валуева. Т. 1. С. 145.

23. Там же.

24. Унковский А. М. Указ. соч. С. 82, 85.

25. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 3. Д. 155; ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 14193; и др.

26. Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. С. 11.

27. Костромские губернские ведомости. 1861. Официальная часть. 6 мая. № 17; и др.

28. ГАЯО. Ф. 121. Оп. 5. Д. 20. Л. 5.

29. Ярославские губернские ведомости, 1887: Неофициальная часть. 10 марта. № 20.

30. Горланов Л. Р. Указ. соч. С. 120, 122.

УДК 94(4)

В статье рассматриваются практическая деятельность и интеллектуальное наследие английского филантропа Джонаса Хэнуэя. Проанализированы основные сочинения Хэнуэя по вопросам бедности, нищеты и социальной помощи, а также его практический вклад в охрану детства, помощь павшим женщинам и улучшение условий жизни в работных домах. Сделан вывод, что Хэнуэй внес весомый вклад в уравновешивание общего негативного настроя английской элиты в отношении социального призрения и приоритетов в области социальной политики.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Джонас Хэнуэй; Англия; история; социальное призрение; бедность; «старое законодательство о бедных»; работные дома; охрана детства; благотворительность.

The article studies the intellectual heritage and the activity of Jonas Hanway, the 18th century English philanthropist. It analyzes Hanway's key works on poverty, misery and poor relief, as well as his practical contribution to child care, the relief of the fallen women and the improvement of living conditions in the workhouses. It is concluded that Hanway contributed to the balancing of the general negative attitude of English elites towards poor relief and priorities in social policy.

K e y w o r d s : Jonas Hanway; England; history; poor relief; poverty; Old Poor Law; workhouses; child care; charity.

Ю. Е. Барлова, М. С. Осипова

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
E-mail: barlova@mail.ru

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: margaritaosipova87@gmail.com

«Настоятельный призыв к милосердию»: Джонас Хэнуэй в истории английской социальной политики

Научная статья

Yu. E. Barlova, M. S. Osipova

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
E-mail: barlova@mail.ru

P. G. Demidov Yaroslavl State University
E-mail: margaritaosipova87@gmail.com

«An Earnest Appeal for Mercy»: Jonas Hanway and the History of social policy in England

Scientific article

Человек, чьим именем сегодня названа улица в центре Лондона; путешественник, объездивший полсвета и побывавший, в том числе, в России; модник, первым появившийся под лондонским дождем со странным предметом – зонтиком и сделавший этот предмет «традиционно английским» атрибутом; писатель, оставивший после себя 74 сочинения, которые публиковал исключительно за свой счет, – все эти характеристики относятся к *Джонасу Хэнуэю (1712–1786),* известному английскому филантропу, называвшему себя «пауперофилом» («любящим нищих»). Даже личный экипаж Хэнуэя, в котором он колесил по Лондону, был украшен лозунгом, будто бы предназначенным для приободрения обездоленных слоев, – «*Никогда не отчаивайся!*» [1].

© Барлова Ю. Е., 2011
© Осипова М. С., 2011

Родился этот неординарный человек в 1712 г. в Плимуте в семье поставщика продовольствия на английский королевский флот. После смерти отца его семья переехала в Лондон, а в 1729 г. 17-летний Джонас уже работал учеником торговца в Лиссабоне. Хэнуэй много путешествовал, торговал, участвовал в акционерных предприятиях и за несколько десятилетий нажил приличное состояние, с которым и вернулся в Лондон. В 1756 г., используя собственные средства, он основал «Морское общество» для поддержки британских моряков и трудоустройства на флоте лондонских беспризорников, а через два года – «Общество запаса для предотвращения нищеты и трудоустройства на флоте». В том же году, внеся 50 фунтов взноса, Хэнуэй стал управляющим госпиталя

для детей-сирот и подкидышей, а через некоторое время занял должность его вице-президента. В 1758 г. совместно с партнером по бизнесу Хэнуэй поспособствовал основанию госпиталя Магдалены – приюта для кающихся лондонских проституток и бездомных женщин. С 1761 г. он участвовал в продвижении через парламент ряда важных мер по охране детства, в частности по уменьшению уровня смертности среди бедных детей, находящихся на приходском попечении. В последние годы жизни, будучи членом многочисленных благотворительных организаций и комиссий, Хэнуэй потратил много усилий и времени на привлечение общественного и политического внимания к судьбе детей-трубочистов [2]. Умер Джонас Хэнуэй, так и не заведя собственной семьи, 5 сентября 1786 г.

Более половины сочинений Хэнуэя посвящены проблемам бедности, нищеты и социальной помощи, и, что характерно, почти каждое из них преследовало определенную практическую цель – принятие соответствующего закона или продвижение какого-либо благотворительного учреждения. Анализ этой части его письменного наследия, мало изученного даже в самой Англии, а в России до настоящего момента вообще неизвестного, позволяет довольно четко выявить позицию филантропа по проблемам бедности, нищеты и социальной помощи. В концептуальном плане мы можем разделить ее на следующие блоки:

1) общий взгляд Хэнуэя на категории бедности и богатства, на «правильное поведение» бедных и богатых людей;

2) его позиция по вопросу о социальной помощи уязвимым социальным категориям, находящимся в состоянии бедности и нищеты: детям, проституткам, морякам.

Об обязанностях богатых и нуждающихся, как и о природе бедности и богатства, Хэнуэй рассуждает в обширном двухтомном труде *«Добродетель в скромной жизни»*. Этот труд представляет собой любопытный пример характерного для литературы XVIII в. произведения, написанного в форме *моральных инструкций* – в данном случае инструкций, которые отец-фермер по имени Томас Трумэн (фамилию можно перевести как «настоящий человек») дает дочери Мэри, отправляющейся работать служанкой. Рассуждая вполне в духе протестантизма, Хэнуэй противопоставляет богатство и «честную бедность», отдавая предпочтение последней. Богатые, говорит Томас Трумэн дочери, «в большей мере зависят от фортуны, чем мы. Им надо больше для счастья – церемонии, экипажи, много излишней пищи и много излишних слуг». Поэтому «их чаша с большей вероятностью будет отравлена, чем наша, в которой гораздо меньше ингредиентов» [3]. Богатство, таким образом, ни в коей мере не гарантирует человеку счастья. «Мы живем от руки до рта, но испытываем облегчение, когда природа дает нам малые радости жизни, тогда как они привыкли думать, что огромное количество вещей абсолютно необходимо для благосостояния… ведь чем меньше число наслаждений, к которому люди привыкли, тем меньше будет число их нужд», – заключает он; к тому же, если человек не знает, как распорядиться богатством, оно «вообще превращается в бедствие» [4].

Моральную сторону бедности и богатства Хэнуэй трактует отличным от «общепринятого» дискурса образом. Ни то ни другое он не связывает напрямую с добродетелью или пороком. Богатство не значит добродетель, а бедность не является пороком. «Единственное различие между людьми, – говорится в "Добродетели в скромной жизни", – это порок и добродетель, *не зависящие* от богатства и профессии человека» [5]. Вместе с тем помощь нуждающимся провозглашается в книге безусловно правильным делом – *вне зависимости* от натуры получающего ее человека. «Большая часть человечества, – пишет Хэнуэй, – ведет себя так, будто бы *бедность заразна* – и будто бы мы, прося за других, можем превратиться в попрошаек сами». «Гуманность и христианское милосердие, – продолжает он, – может привести нас к оплакиванию горестей других;… но главный наш долг – молиться о благосостоянии других и вкладывать в это… Это – единственный путь обеспечения благосостояния для себя» [6]. Такое отношение к помощи раскрывается и в наставлениях, посвященных правильному поведению «хорошего» лендлорда и «хорошего» слуги.

Примером первого является некий сэр Джордж Френдли (фамилия переводится как «дружелюбный»), истинный христианин, который заботится о крестьянах и работниках, «дает им уверенность в трудоустройстве», спасая их от работного дома. Кроме того, он «добавляет из своего кармана на приходские расходы», снижая недовольство местного населения объемом налогов на бедных. Эти черты характера, говорит дочери Томас, лорд унаследовал от отца. Когда тот умер, то, в согласии с завещанием, его гроб не украшали и покрыли тонкой тканью, которую покойный заве-

щал отдать на одежды беднякам; следовавших за его гробом работников прихода надлежало «одеть в темное шерстяное пальто не дороже 15 шиллингов»; 8 женщин и 6 мужчин старше 55 лет наследник лорда должен был «одеть с головы до ног, но не дороже, чем на 40 шиллингов каждого». То же самое касалось 8 девочек и 6 мальчиков от 10 до 13 лет, сирот или крайне бедствовавших. Их следовало одеть на сумму, не превышающую 25 шиллингов на каждого, и купить каждому на 10 шиллингов книги религиозного содержания [7]. Как видим, в этом отрывке Хэнуэй предлагает некий образец «добродетельного поведения» богатого землевладельца в своем приходе, в котором усматриваются черты патернализма, отеческой заботы о «подвластном» лендлорду населении, в сочетании с пуританскими принципами экономии и разумности в расходах на помощь, а также с идеей морального совершенствования через религиозность.

Образцом «добродетельного» бедного человека в книге является служанка Сьюзан. Она, по словам Томаса, была послушна и смиренна, служила с доброй волей и была предана одним хозяевам, «посильно воплощая идею службы Господней нам, которая абсолютно добровольна». Она «заботилась о других слугах, следила, чтобы у них была пища и одежда и чтобы они были также послушны. Она была щедра в милостыне, но до предела разумна, что позволило ей сэкономить на старость» [8].

Дискурс этой работы глубоко религиозен. В ней четко провозглашается характерное для пуританизма понимание должного поведения бедняка: больше молиться, трудиться, быть скромным и послушным, верить в Провидение Господне и стараться реализовать свой потенциал. Книга Хэнуэя многократно переиздавалась и, в том числе, была адаптирована к использованию в воскресных школах и в качестве лекций для школьников, готовящихся стать слугами. Однако, «воспитывая» послушание и добродетель среди бедняков, работа не содержит следов того априорно негативного отношения к нуждающейся бедноте, какое было характерно для большинства подобных сочинений о бедности. Напротив, автор культивировал помощь нуждающемуся человеку *просто потому, что он в ней нуждается*.

Одним из направлений практической деятельности Джонаса Хэнуэя была охрана детства – направление, вообще довольно новое для XVIII в., так как само понятие *детства* начинает выкристаллизовываться в культуре и общественной мысли, по сути, лишь к середине следующего, XIX столетия. Хэнуэй же стал одним из первых, кто предложил воспринимать детей как отдельную от взрослых категорию, требовавшую особого подхода, в частности в вопросах социального призрения. До нас дошли три объемистых памфлета Хэнуэя о социальной помощи детям: «Настоятельный призыв к милосердию в отношении детей бедняков» (1766), «Письма о важности подрастающего поколения трудящейся части наших сограждан, в двух томах» (1767) и «Сентиментальная история мальчиков-трубочистов» (1785) [9].

В работах можно выделить несколько вопросов, на которые автор обращает внимание: сохранение жизней детей, находящихся на попечении прихода, детей-подкидышей и беспризорников путем улучшения условий их содержания; важность воспитания и образования детей бедняков для их правильного развития; проблема условий детского труда и, в частности, труда мальчиков-трубочистов.

Одним из основных объектов критики Хэнуэя стали ужасные условия содержания младенцев и малолетних детей в приходских работных домах и домах призрения. Хэнуэй четко формулирует мысль, которую можно считать новаторской для дискурса того времени: ребенок паупера *не виноват* в том, что он «рожден от ленивых, невезучих или несчастных родителей и появился на свет в ужасных условиях», и достоин того, чтобы его жизнь была сохранена для общества. Однако, изучив данные так называемых «реестров смертности» (bills of mortality) в лондонских приходах, Хэнуэй пришел к шокирующим выводам: *практически ни один ребенок, попавший в работный дом или дом призрения сразу после рождения, не доживал в нем до пятилетнего возраста*.

Вывод автор подкреплял множеством выдержек из приходских журналов и леденящих душу примеров, увиденных им собственнолично или же услышанных от приходских чиновников. «Это правда, что век людской недолог, – заключал Хэнуэй, – но эти бедные младенцы были скошены, как трава» [10].

Приходские работные дома он называл не иначе как «дома убийства, дома ограбления родителей и отъема у них дорогой и, пожалуй, единственной собственности». Хэнуэй приводит пример работного дома, в котором *ни один* из поступивших туда

54 младенцев не прожил и года. «Это показалось мне невероятным, – пишет он, – и я лично пошел в этот работный дом проверить обстановку, но! – это оказалось правдой. Здание проветривалось, было хорошо расположено, просто таков был уход!» В целом же, обобщив данные журналов по Лондону и его окрестностям, автор заключал, что из 16 тысяч окрещенных детей 8 тысяч не доживают до двух лет, и еще 1 900 – до пяти лет, то есть 62,5% детей бедняков умирают до пяти лет вследствие ненадлежащего ухода за ними [11].

«Все это не удивительно, – резюмировал Хэнуэй, – если учесть, что детей помещают в руки несчастных, грязных, дряхлых женщин, по три – четыре ребенка на одну женщину, … чье пособие скудно и вызывает соблазн присвоить молоко и хлеб, предназначенные для детей. Ребенок плачет, прося есть, а нянька бьет его за то, что он плачет». О подобных практиках ухода за младенцами автор сообщает нам, в частности, со слов приходских чиновников. Одного из них он спросил, почему вместо того, чтобы позволить матери, находящейся в работном доме, вскармливать своего ребенка грудью, они нанимают приходских кормилиц, которые обходятся приходу относительно недешево – 2 шиллинга 6 пенсов в неделю. Ответ был шокирующим: «если молодая женщина, даже будучи «в сомнениях», вероятнее всего, сохранит ребенку жизнь, то в руках наших сестер через 5–6 недель мы о нем больше не услышим». То есть, заключает Хэнуэй, для этого попечителя более выгодно заплатить приходской повитухе или кормилице, чем отдать ребенка тому, кто *сохранит это бремя для прихода*» [12].

Показательно, что Хэнуэй «отметал» возможные возражения о том, что причина плохого обращения с детьми в работных домах – бедность приходов и прихожан, уплачивавших «ненавистный» налог на бедных. Так, например, он упоминал некую сестру Хоув из «маленького бедного прихода на окраине города – св. Мэри Уайтчэпел; эта нянька вскормила и подняла на ноги 18 детей, из которых умерли лишь двое [13]. Причины безобразий виделись ему, скорее, в плохом администрировании – в частности, в произволе попечителей и церковных старост, – а также в недостатке работников, «справедливых и нежных чувствами».

Работу «Настоятельный призыв к милосердию» следует рассматривать в контексте практической деятельности Джонаса Хэнуэя. С 1756 г. он управлял госпиталем для сирот, что позволило ему вплотную столкнуться с проблемой детской смертности. В 1762 г. именно ему удалось пролоббировать в парламенте принятие акта об обязательной регистрации всех детей в возрасте до 4 лет, поступающих на попечение прихода, в работные дома или сиротские приюты Лондона и Вестминстера. Однако именно эти регистрационные журналы и вскрыли ту картину, о которой рассказывается в памфлете. Это дало Хэнуэю дополнительные аргументы для продвижения следующей своей идеи, впоследствии воплотившийся в известный «Акт Хэнуэя», – отсылать младенцев, поступающих на попечение прихода, за пределы города, в сельские приходы, или, по крайней мере, стараться находить способы помогать им вне стен работного дома.

Отдельной категорией детей-бедняков, о которой писал и заботился Хэнуэй, были лондонские мальчики-трубочисты. Можно сказать, что Хэнуэй стал одним из первых, кто обратил общественное внимание на нечеловеческие условия, в которых работали маленькие трубочисты, вычищающие трубы изнутри не только щетками, но и своими телами (отсюда распространенное тогда название трубочистов – «climbing boys» – «взбирающиеся мальчики»). Его деятельность на четыре года предвосхитила появление знаменитых стихотворений о маленьких трубочистах Уильяма Блейка и почти на столетие – аллегорическую сказку «Водяные мальчики» Чарльза Кингсли, ставшую символом популяризации проблемы в викторианском обществе.

Полное название работы Хэнуэя – «Сентиментальная история трубочистов в Лондоне и Вестминстере, показывающая необходимость лучшего регулирования их труда и предотвращения проявлений бесчеловечности к взбирающимся мальчикам: написана с целью сохранения жизней детей-бедняков». На обложке первого издания 1785 г. мы видим двух оборванных мальчишек на фоне собора Святого Павла; один из них на костылях. Надпись под картинкой гласит: «Снизу на нас по-прежнему смотрит ребенок, которого ожидает печальный поезд нищеты» [14].

Хэнуэй обращал внимание аудитории на несколько аспектов проблемы, «несовместимых с гуманностью». Один из них – медицинский: у мальчиков, некоторым из которых, бывало, не исполнилось и пяти лет, от чистки труб изнутри прекращался рост, искривлялись конечности, а зачастую развивалась болезнь, которую назвали «рак трубочиста». Второй аспект – социальный – был связан с тем, что мальчиками-трубочистами,

большинство из которых происходило из крайне бедных слоев, торгуют как рабами и обращаются, соответственно, как с неодушевленными предметами, «инструментами» для прочистки труб, не имеющими никаких человеческих прав. «Как мастера добывают этих детей? Это осталось бы загадкой, если бы не было известно, что огромное число наименее добродетельных и наиболее нуждающихся трудящихся бедняков расстаются со своими детьми за любую предложенную плату… Говорят также, что детей-сирот, бродяжек или бастардов из беднейших слоев продают в трубочисты за 20–30 шиллингов на 7 лет службы, что меньше стоимости терьера» [15].

Хэнуэй между тем констатирует «сложность» этой проблемы, так как «кто-то все равно должен исполнять такую работу». Если, рассуждает он, дать этим детям образование, то это сделает их нужду еще более мучительной, т. к. они начнут осознавать ее. Поэтому главное, о чем нужно думать, – это каким образом облегчить их участь. Хэнуэй предлагал ввести более жесткий контроль над мастерами со стороны магистратов и систему наказаний для первых в случае жестокого обращения с мальчиками, повысить возрастной порог допустимости работы трубочистом, а также собирать для мальчиков-трубочистов одежду на благотворительные пожертвования.

«Сентиментальная история трубочистов» – не единственная попытка Хэнуэя повлиять на решение этой проблемы. Как утверждает биограф филантропа Джон Пью, он заинтересовался этим вопросом в 1760 г., в 1770 г. помог в организации «дружественного общества в поддержку трубочистов», а в 1779 г. опубликовал предложения по учреждению системы смотрителей за детским трудом и регистрации каждого ребенка-трубочиста в специальных журналах. В 1786 г. он предложил провести первый в истории Англии «Акт о трубочистах», по которому, в частности, следует установить минимальный возраст детей, допускавшихся к этому труду, – 8 лет. Акт был принят, но уже после смерти Хэнуэя – в 1788 г.

Важная часть системы взглядов Хэнуэя на помощь бедным – *воспитание, образование и трудоустройство* детей низших классов. Он был глубоко убежден (что, впрочем, соответствовало духу эпохи Просвещения): чем раньше начать воспитание ребенка, тем лучше – тогда, быть может, ему удастся избежать плачевной судьбы своих родителей. Образование детей-бедняков, по его мнению, должно быть основано на религии и включать в себя следующие компоненты: чтение (в основном религиозных текстов, дабы «держать себя в страхе Божьем»), заучивание наизусть текстов молитв – не только для использования по прямому назначению, но и «как тренировка памяти»; что касается письма, то ему надо обучать «лишь одного из 20, тогда он поможет остальным 19-ти». Важно, считает он, с детства прививать ребенку навыки труда, «так как от их труда будет зависеть их благосостояние, мальчиков надо приучать к инструментам, а также к умению починить свою одежду, вязать носки и содержать жилище в чистоте, девочек – держать иголку с ниткой, и не только чинить, но и шить себе одежду» [16]. Таким образом, основная задача образования бедных слоев, по Хэнуэю, – это приобщение их к труду и религии и посредством этого достижение их «послушания, смирения и благосостояния».

Ту систему религиозного воспитания низших слоев, которая существовала в Англии, он считал несовершенной, и в первую очередь из-за отсутствия контроля над учителями воскресных школ: «ведь если сапожник хочет получить заработок, он должен предъявить сапог!». Джонас Хэнуэй активно выступал за повсеместное распространение воскресных школ для всех категорий бедняков. Показательно, что очень многие его современники подвергали саму идею воскресных школ острой критике. Так, знаменитый философ Бернард Мандевилль в «Очерке о благотворительности и благотворительных школах» писал, что в таких школах бедным позволят подняться над их уровнем, что недопустимо для субординации. Вместо школ Мандевилль пропагандировал воспитывать в бедных трудовую дисциплину, желательно – в закрытых учреждениях типа работных домов [17].

В памфлете «Настоятельный призыв к милосердию» Хэнуэй высказывался за материальные стимулы для мастеров к лучшему обучению подмастерий – за сохранение платы мастеру за ученика (палата общин хотела ее отменить, подозревая, что мастера берут бедных детей в ученики просто ради наживы). В качестве моральных стимулов к обучению он предлагал выдачу подмастерьям специальных сертификатов, если они, помимо мастерства, освоили часть Библии. Помимо этого, он выступал за продажу книг с избранными религиозными проповедями, адаптированными для простых людей, по максимально низкой цене – 6 пенсов. Все эти мысли Хэнуэй изложил в работе

«Письма о важности подрастающего поколения трудящихся классов», появившейся в том же году, что и «Настоятельный призыв к милосердию». Наконец, в Акте 1767 г. (так называемый «второй Акт Хэнуэя») содержались расширенные положения об ученичестве: приходы Лондона и Вестминстера обязали вести журналы (реестры) подмастерий, была установлена «стипендия» подмастерьям чуть более 4 фунтов за три года ученичества – очень неплохая сумма для бедного человека.

Важным установлением в истории британской благотворительности стали организованные при участии Хэнуэя учреждения, способствовавшие трудоустройству маргинальных групп населения. Это «Морское общество», предназначенное для трудоустройства уличных мальчишек на флоте, и уже упоминавшийся Госпиталь Магдалены, имевший целью исправить и трудоустроить кающихся проституток Лондона и окрестностей. Если данных по работе «Морского общества» немного, то относительно госпиталя Магдалены известно, что он открылся на деньги, собранные благотворителями (сама королева, жена Георга II, пожертвовала на госпиталь 3 тысячи фунтов), и в 1758 г. туда поступили первые восемь женщин. К 1786 г. в госпитале побывало 2 415 женщин, из них 1 571 (больше половины) «исправились», устроились на работу, вышли замуж и родили детей. Остальные «умерли, подтвердив свою неисправимость», или, не выдержав дисциплины, покинули госпиталь. Хэнуэй был эмоционально вовлечен в судьбы этих женщин, о чем свидетельствует тот факт, что многих «выпускниц» он впоследствии приглашал к себе домой, устраивал для них вечера, дарил подарки, давал советы [18].

Наконец, помимо образования, религиозного и трудового, важной частью воспитания человека из низших слоев Хэнуэй считал воспитание *экономности* и борьбу с так называемыми «излишествами и предрассудками в отношении еды». Среди таких предрассудков он, подобно многим своим современникам, неоднократно называет потребление чая – «азиатский обычай», который «повреждает горло» и «крайне не питателен, особенно та крашеная, смешанная и испорченная дрянь, которая продается (под видом чая) людям низшего класса» [19]. Среди бед, «способствующих попаданию обычных людей в нищету», Хэнуэй особенно выделяет и потребление мальтозного ликера (позднее известного как виски. – *Ю. Б., М. О.*), вина и спиртовых ликеров, а также неэкономное потребление мяса и хлеба.

Систему взглядов Хэнуэя на бедность и бедных не стоит слишком идеализировать и апологизировать. Он мыслил вполне в духе времени, верил, подобно большинству англичан того времени, что причинами бедности, помимо несчастий и болезней, являются «порок и леность». Он так же, как все его современники, культивировал «самопомощь» как выход из бедности. В его помощи бедным, кроме того, не мог не усматриваться и характерный для его времени практицизм. Бедных тогда воспринимали как потенциальный производственный ресурс: бедные люди – это те, кто трудится на благо нации, и именно поэтому нельзя допускать их вымирания и деградации в нищету. «Мы не позволим страдать ребенку, рожденному для труда, – писал Хэнуэй в "Настоятельном призыве к милосердию", – ведь вымирание тех, кто трудится, более опасно, чем уменьшение численности высших рангов людей». В духе времени филантроп высчитывал и то, какие убытки терпит нация из-за высокой смертности детей-бедняков, которые «будут потеряны для будущего труда» [20].

С другой стороны, Хэнуэй воспринимал помощь нуждающимся как нечто само собой разумеющееся, и даже ненавистный многим своим соотечественникам налог на бедных он считал безусловно правильным установлением: «*налог на бедных*, на который столь часто жалуются, при правильном применении без нарушений, является инструментом сохранения большого количества субъектов, особенно детей, которые более ценны, чем старики», – писал он в «Настоятельном призыве» [21].

Филантропические инициативы Д. Хэнуэя, какими бы мотивами они ни обусловливались, были, вне всякого сомнения, направлены на сохранение жизней представителей многочисленного класса английской бедноты и достижение более или менее сносных условий их существования, включая приемлемые заработки, достаточные, по его собственным словам, чтобы не полагаться на чаевые или милостыню. Особым направлением его деятельности стала поддержка тех, кто уже «деградировал из обычной бедности в нищету», то есть оказался «на дне», – детей-беспризорников, павших женщин. Во многом благодаря ему в XIX в. возникла новая риторика, трактующая детское беспризорничество и женскую нищету как результат «аморального соблазнения» женщины мужчиной. Такой «гендерно-окрашенный» подход к проблеме бедности был нетипичен, если не сказать уникален, для XVIII в.; поэтому можно

утверждать, что во многом благодаря Хэнуэю эта риторика закрепилась в британской культуре в течение последующих ста лет. Таким образом, деятельность Д. Хэнуэя, «сделавшего, по словам Пью, всеобщую благотворительность руководящим принципом» [22], способствовала сглаживанию общего негативного настроя английской политической и интеллектуальной элиты в отношении социального призрения и – в более долгой перспективе – смещению приоритетов в социальной политике Британии.

Список использованной литературы

1. Pugh J. Remarkable Occurrances in the Life of Jonas Hanway. L., 1787. 340 p.; Taylor J. S. Jonas Hanway: founder of the Marine Society: charity and policy in eighteenth-century Britain. London, Scholar. 1985. 120 p.

2. Taylor J. S. Op. cit.

3. Hanway J. Virtue in Humble Life: in 2 vol. Vol. 2. L., 1774. P. 458.

4. Ibid. P. 59, 485.

5. Ibid. P. 291.

6. Ibid. P. 224.

7. Ibid. P. 55–63.

8. Ibid. P. 255.

9. Ibid.

10. Hanway J. A sentimental history of chimney sweepers in London & Westminster. Showing the necessity of putting them under regulations, to prevent the grossest inhumanity to the climbing boys. With a letter to a London clergyman on Sunday schools. Calculated for the preservation of the children of the poor. L.: Dodsley & Sewell, 1785. P. 42.

11. Ibid. P. 6.

12. Hanway J. An Earnest Appeal for Mercy to the Children of the Poor. L., 1766. P. 39.

13. Ibid. P. 51–53.

14. Hanway J. A Sentimental history ... P. 16.

15. Cullingford B. Chimneys and Chimney-Sweeps. L.: Shire Publ., 2003. P. 24.

16. Hanway J. A Sentimental history of chimney sweepers in London & Westminster. P. 87.

17. Hanway J. An Earnest Appeal for Mercy to the Children of the Poor. P. 109.

18. Mandeville B. The Fable of the Bees and other writings / Ed. E. J. Hundert. Hacket Publ., 1997. P. 171–185.

19. Pugh J. Op. cit. P. 181.

20. Hanway J. Letters on the Importance of the Rising Generation of the Labouring Part of our Fellow-subjects. Vol. 2. L., 1767. P. 7.

21. Hanway J. An Earnest Appeal for Mercy to the Children of the Poor. P. VI.

22. Ibid. P. 2.

УДК 94(44)

В статье анализируется отечественная историография Народно-республиканского движения Франции в период IV Республики. Даётся анализ оценок советских и современных российских исследователей.

Ключевые слова: Народно-республиканское движение; МРП; советская историография; российская историография; французская христианская демократия.

The article analyses Soviet and Russian historiography on the Mouvement Republicain populaire(MRP) in the period of the IV Republic in France. The article presents analysis of expert works by Soviet and contemporary Russian scholars concerning the MRP.

Key words: Mouvement Republicain Populaire; MRP; Soviet historiography; Russian historiography; French Christian democracy.

Д. В. Шмелев

Казанский государственный технический университет им. А. Н. Туполева
E-mail: dmitryShmelev@mail.ru

Народно-республиканское движение в отечественной историографии

Научная статья

D. V. Shmelev

Kazan State Technical University named after A. N. Tupolev
E-mail: dmitryShmelev@mail.ru

The Mouvement Republicain populaire in the national historiography

Scientific article

История политических партий является одним из главных направлений отечественной историографии. На протяжении второй половины XX в. историками и политологами были опубликованы труды, освещавшие деятельность коммунистов, радикалов, социалистов, голлистов, других французских партий. В ряду таких исследований нашлось место и для истории партии Народно-республиканского движения (МРП, от фр. – Mouvement Républicain populaire). Партия была основана в ноябре 1944 г. участниками движения Сопротивления и активистами христианско-демократических организаций и сыграла важную роль в политической жизни Франции в годы IV и начала V Республики.

Роль партии МРП во внутренней и внешней политике послевоенной Франции обусловила внимание отечественных и зарубежных специалистов к ее истории. В разрозненном виде сюжеты, связанные с этой партией, представлены не только в общих, но и в ряде специализированных работ по истории политических партий, в монографиях и статьях, посвященных изучению французского католицизма. Все они написаны под влиянием идеологических штампов и основаны на марксистской концепции партии-класса, на противопоставлении буржуазии и пролетариата, на выявлении связи между уровнем жизни, профессией, воспитанием и политической принадлежностью. Исходя из такого понимания сущности политической партии, советская историография рассматривала партию МРП именно как буржуазную (правую или правоцентристскую), католическую и консервативную. Исследователи отмечали, что в сфере внешней политики МРП выделялась своей приверженностью к европейской интеграции и «атлантизму», а также ярко выраженными проамериканскими и антисоветскими настроениями [1].

Истоки этой традиции уходят корнями в историю политической борьбы во Франции периода Освобождения, когда партия МРП составила серьезную конкуренцию крупным левым партиям – ФКП и СФИО. Именно коммунисты, отодвигая на второй план реформистскую программу народных республиканцев и их стремление быть слева, выдвинули в качестве критерия оценки МРП католическое происхождение ее активистов и электората, поддержку традиционных семейных и морально-нравственных ценностей. Тем самым было положено начало мифологизации французской христианской демократии, которой также

© Шмелев Д. В., 2011

немало способствовали начало «холодной войны» и усиление антикоммунизма в политическом дискурсе различных политических сил, но в большей мере – успех христианских демократий в Германии и Италии.

Благодаря такой политической подоплеке, советские исследователи изначально были настроены весьма критично к МРП. Необходимо отметить, что собственно строгих критериев определения «католической партии» советской историографией предложено не было. Большинство авторов не утруждали себя доказательством католической принадлежности партии МРП и ее связей с Ватиканом, а принимали эту данность как аксиому.

Ю. Харланов в обзоре французских политических партий отмечает католическое происхождение партии МРП, ее связь с церковными кругами. «МРП была создана французской буржуазией, – пишет он, – как партия, предназначенная заменить собой традиционные буржуазные партии, скомпрометированные предательской предвоенной политикой и сотрудничеством во время войны с Гитлером. С 1945 по 1947 год МРП является основной опорой монополистической буржуазии, главным противовесом коммунистам, входившим до мая 1947 года во французское правительство» [2]. Автор указывает на принятие партией программы Сопротивления, участие ее лидеров в движении Сопротивления, наличие «демагогической социальной фразеологии», что позволило народным республиканцам добиться «некоторых успехов» в первые послевоенные годы. Падение влияние партии МРП, по мнению Ю. Харланова, связано с ее стремлением провести в жизнь «программу крупных монополий» (причем содержание данной программы традиционно не раскрывается). Наконец, при характеристике деятельности партии МРП автор обзора отмечает ее «крайнюю реакционность», пропаганду «политики перевооружения Западной Германии», стремление к «беспощадному подавлению национально-освободительного движения во французских колониях» [3].

Другие ученые также следуют в русле заданной традиции. Н. Н. Молчанов в работе о IV Республике бездоказательно характеризует МРП как «католическую партию, вдохновляемую Ватиканом». По его мнению, возникновение МРП связано с «исчезновением довоенных правых партий» и образованием «политического вакуума, который и заполнила МРП». «Хотя после освобождения МРП даже выдвигала "антикапиталистические" лозунги, формально поддерживала программу НСС, среди трех партий Сопротивления (ФКП, СФИО и МРП) она была консервативным, реакционным элементом, близко стоявшим к де Голлю», – заключает исследователь [4].

Ю. В. Борисов заявляет, что «МРП – партия крупного капитала и церковной знати, выступающая под лицемерными лозунгами политической, экономической и социальной демагогии» [5]. М. А. Крутоголов не относит МРП к правым партиям, а выделяет отдельно как «католическую партию». Тем не менее он утверждает, что МРП была «создана монополиями в конце 1944 г. на базе существовавшей до войны и тесно связанной с Ватиканом партии "народных демократов", а также ряда других католических организаций» [6]. Предназначением МРП было «заменить собой традиционные буржуазные партии, скомпрометировавшие себя политикой коллаборационизма» [7]. Исходя из этой же логики, автор отмечал, что «лидеры МРП в правительстве проводили реакционную внутреннюю и внешнюю политику» [8].

Роль партии МРП во внешней политике также рисовалась весьма критично. В. С. Шилов, оценивая внешнеполитические позиции партии МРП, пишет, что народные республиканцы «были проводниками реакционных начинаний французского империализма», выступали за политическую интеграцию Западной Европы, «поддерживали все колониальные войны французского империализма» и т. д. [9].

Классическим примером советского подхода стала книга В. Н. Чернеги, в которой один из разделов посвящен партии МРП. Автор традиционно для советской историографии называет МРП католической партией, которая «представляла первую попытку сочетать реформистскую пропаганду с массовым типом организации». Тем не менее он признает, что МРП все же отражала «веления времени», опиралась на идеи социального католицизма и выступала за осуществление экономической и социальной демократии. В относительно «умеренном» по тональности экскурсе В. Н. Чернеги присутствует краткая характеристика особенностей организационной структуры партии, ее электората. Он делает вывод, что «электорат МРП был столь же эклектичен, что и ее программа», а по характеру социальной базы «она занимала промежуточное положение между левыми и традиционными правобуржуазными партиями». Политическая деятельность

партии МРП, по мнению В. Н. Чернеги, «противодействовала политике прогрессивных преобразований», способствовала провалу первого проекта конституции IV Республики. Занимая «отрицательную позицию по ряду важнейших социально-экономических проблем», партия выступала с платформы антисоветизма, будучи приверженной западноевропейской интеграции и «укреплению союза Франции с США». В русле подобных оценок следовал и конечный вывод исследователя: «МРП не смогла трансформироваться в крупную христианско-демократическую партию, пользующуюся устойчивой поддержкой религиозного электората» [10].

В целом, в различных исследованиях советского периода в общих чертах рассмотрены процесс эволюции МРП от IV к V Республике [11], социальная доктрина МРП, организационная структура и массовая база [12], взгляды МРП по вопросам внешней политики [13]. Специально изучена проблема перехода партии в оппозицию в годы президентства де Голля [14].

Наиболее детальным и четким является анализ создания и деятельности партии МРП, предпринятый Т. М. Фадеевой в рамках изучения «стратегии буржуазного реформизма». Несмотря на то что ее подход следовал в русле традиционной историографии, ей по существу удалось избежать большинства пропагандистских клише. Это касается, например, характера МРП и анализа ее организации и массовой базы. Ее выводы представляются объективными: «Внутренняя противоречивость МРП состояла в том, что среди ее активистов преобладали лица левых убеждений, а основную часть избирателей составляли лица, в прошлом голосовавшие за правых. Рабочие составляли значительную часть активистов в этой буржуазной массе, но возможности их влияния на политику партии урезывались самой ее структурой. Представительство партийных низов в руководящих инстанциях МРП сильно ограничивалось в пользу парламентариев, а сами они ограждались от слишком сильного давления снизу» [15].

Заслугой Т. М. Фадеевой является первый более или менее внятный анализ социальной доктрины партии МРП и ее эволюции. Она считает, что «предпосылкой ее успеха в этом отношении было наличие у партии целостной программы и доктрины, воспитывавшей у ее активистов чувство внутренней сплоченности». Ею отмечено влияние «исторических условий» периода Освобождения на доктрину МРП, дан разбор главных реформистских положений программы. Т. М. Фадеева подчеркивает приверженность партии республиканским традициям, проведению структурных реформ, критике капитализма и др. [16].

Следует признать, что в советской историографии встречаются противоречивые оценки партии МРП (Ю. В. Борисов [17] и Т. М. Фадеева). Т. М. Фадеева считает, что МРП старательно отмежевывалась от реакционного католицизма и была новым выразителем интересов буржуазии, причем «более дальновидным» [18].

В отличие от них, не склоняясь к какому-либо из мнений, Д. И. Сырги, изучая политику и доктрину МРП, пришел к следующему выводу: «Оценивая в целом подход лидеров Народно-республиканского движения к политическим и социально-экономическим проблемам, можно квалифицировать его как буржуазно-рефомистский, задачей которого является спасение капиталистической системы путем ряда реформ, имеющих целью смягчение классовых противоречий и объективно ведущих к усилению позиций государственно-монополистического капитализма» [19].

Важным этапом в деле изучения французских политических партий стал выход крупной монографии М. М. Наринского, посвященной борьбе партий и классов в годы IV Республики во Франции. М. М. Наринский относит партию МРП к «буржуазным политическим формированиям», объединившим «умеренно-реформистские группировки» с целью уравновесить влияние рабочего класса и коммунистов. Он указывает на идейные истоки партии МРП в лице христианского реформизма и социального католицизма, поддержку духовенства, католических молодежных организаций и христианских профсоюзов, «молчаливое одобрение де Голля». «Важной особенностью Народно-республиканского движения и залогом его успеха стало отсутствие у партии тяжкого груза прошлых грехов; она вышла из горнила Сопротивления и отражала стремление к обновлению Франции», – пишет автор [20]. В своей работе он дал краткую характеристику программных документов партии МРП начального этапа ее существования, в частности манифеста, показал ее позиции по основным социально-экономическим, конституционным и внешнеполитическим проблемам страны. Считая, что программа носила «умеренный характер», М. М. Наринский заключил, что «позиции Народно-республиканского движения

вряд ли можно расценивать как последовательно дирижистские, скорее, эта партия стояла у истоков современного неолиберализма» [21].

В годы перестройки с расширением доступа исследователей к зарубежным архивам и материалам их позиции несколько смягчаются. Например, Г. Н. Канинская и Н. Н. Наумова в своей коллективной работе уже избегают эпитета «католическая», хотя и продолжают называть партию МРП «наиболее влиятельной буржуазной партией IV Республики» [22].

В последние десятилетия, когда спал груз марксистского идеологического давления, появилась возможность создания более объективной истории партии МРП. Однако приходится констатировать, что в российской историографии по-прежнему витает «тень прошлого». В недавно опубликованной коллективной работе под редакцией Ю. И. Рубинского партия МРП продолжает называться «католической» [23]. Е. А. Карцев в исследовании о французском неоконсерватизме относит МРП к правым и католическим партиям, доктрина которой основана на идее «классового сотрудничества». Он отмечает, что «в борьбе за распространение своего влияния на массы потенциальных избирателей МРП широко использовала мощный аппарат религиозной и социальной пропаганды» [24]. При этом он ошибочно относит создание разного рода организаций «католического действия» к периоду МРП и пишет об «идейном контроле» народных республиканцев над ними (на самом деле, они возникли в 20-е годы XX в. и имели от МРП автономное существование) [25].

В рамках традиций советской историографии дают характеристику партии МРП В. П. Смирнов и Н. Н. Наумова. В. П. Смирнов называет МРП «самой крупной новой политической партией, выдвинувшей широкую программу политических и социальных реформ». Он подчеркивает сочетание идей Сопротивления и социального католицизма в программе партии, стремление изменить довоенную социально-экономическую систему, осуществить «структурные реформы» и решить социальный вопрос. Внешнеполитический курс МРП, по мнению автора, был направлен на объединение стран Западной Европы. «В отличие от довоенных буржуазных партий… партия МРП ввела систему оформленного членства и строгую партийную дисциплину. Имея связи с крупным капиталом и католической иерархией, она тем не менее стремилась предстать перед массами как партия трудящихся», – пишет В. П. Смирнов [26].

Н. Н. Наумова в статье о «независимых» называет МРП «правоцентристской партией, вышедшей из Сопротивления», которая ассоциировалась у французов с «защитой устоев существующего строя и одновременно с необходимостью его некоторой модернизации». Она отмечает, что партия МРП выступала за «усиление государственного регулирования, национализацию основных отраслей промышленности, за участие рабочих в управлении делами предприятий и получении ими некоторой доли прибыли, за создание ассоциации труда, руководства и капитала», но также за «сосуществование государственных и частных (религиозных) школ», за сохранение «в неизменном виде колониальной империи» [27].

На данный момент можно констатировать, что подавляющее большинство рассматривали и продолжают рассматривать МРП как католическую и буржуазную партию, как правую партию с консервативным электоратом и идеологией, как партию, несущую ответственность за кризисы IV Республики. В то же время налицо отсутствие крупных и серьезных работ, комплексных исследований, посвященных партии МРП с опорой на французские архивы и выводы зарубежной историографии. Написание такого исследования позволило бы по-иному решить некоторые вопросы, трактовавшиеся отечественной историографией с ангажированных позиций – природу партии МРП (была ли партия МРП католической партией), классификацию партии по шкале левые / правые на разных этапах ее существования, влияние на формирование и эволюцию политического курса послевоенной Франции. Привлечение нового разнообразного материала позволило бы серьезно скорректировать оценки отечественной историографии и рассматривать партию МРП как: 1) партию христианско-демократического толка, имеющую неконфессиональный (некатолический) характер, 2) массовую партию с опорой на низовые партийные структуры, 3) системную партию – ключевой элемент политико-институциональной системы IV Республики, 4) левоцентристскую партию.

Список использованной литературы

1. Молчанов Н. Н. Четвертая республика. М.: Соцэкгиз, 1963. 607 с.; Рубинский Ю. И. Пятая республика (Политическая борьба во Франции в 1958–1963

годах). М.: Международные отношения, 1964. 387 с.; Смирнов В. П. Новейшая история Франции, 1918–1975. М.: Высшая школа, 1979. 375 с.; Чернега В. Н. Буржуазные партии в политической системе Франции. Третья – Пятая республики. М.: Наука, 1987. 301 с.

2. Харланов Ю. Политические партии Франции // Международная жизнь. 1956. № 3. С. 70–71.

3. Там же.

4. Молчанов Н. Н. Указ. соч. С. 54–55.

5. Борисов Ю. В. Новейшая история Франции, 1917–1964. М.: Просвещение, 1966. С. 173.

6. Крутоголов М. А. Государственный строй современной Франции (Четвертая республика). М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 38–39.

7. Там же.

8. Там же.

9. Шилов В. С. Политические партии и внешняя политика Франции (1958–1969). М.: Наука, 1977. С. 17.

10. Чернега В. Н. Указ. соч. С. 47–54.

11. Коломийцев В. Ф. Эволюция МРП и партии радикалов // Французский ежегодник, 1968. М.: Наука, 1970. С. 253–275.

12. Фадеева Т. М. Стратегия буржуазного реформизма в современной Франции. М.: Мысль, 1975. 248 с.

13. Шилов В. С. Указ. соч.

14. Сырги Д. И. Переход партии МРП в оппозицию и кризис правящего большинства во Франции (1962 г.) // Проблемы новой и новейшей истории. М., 1983. С. 68–83.

15. Фадеева Т. М. Указ. соч. С. 32.

16. Там же. С. 32–41.

17. Борисов Ю. В. Указ. соч.

18. Фадеева Т. М. Указ. соч. С. 36–37.

19. Сырги Д. И. Указ. соч. С. 57.

20. Наринский М. М. Борьба классов и партий во Франции, 1944–1958. М.: Наука, 1983. С. 12.

21. Там же. С. 12–16.

22. Канинская Г. Н., Наумова Н. Н. Борьба классов и партий во Франции в годы IV Республики (политические партии IV Республики). Ярославль: ЯрГУ, 1989. С. 61.

23. Франция: В поисках новых путей / отв. ред. Ю. И. Рубинский. М.: Весь мир, 2007. С. 329, 335.

24. Карцев Е. А. Французский неоконсерватизм: либеральная стратегия для XXI века. М.: Теис, 2008. С. 246.

25. Там же. С. 246–247.

26. Смирнов В. П. Франция в XX веке. М.: Дрофа, 2001. С. 187–188.

27. Наумова Н. Н. «Независимые» на пути к власти (1944–1951 гг.) // Французский ежегодник, 2003. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 199–200.

УДК 719

Статья посвящена особенностям сохранения культурного наследия в 1920-х гг. в Советской России – противоречивому времени в отношении сохранения памятников искусства и старины. Законодательными актами государственной власти культурное наследие было поставлено под охрану. Однако в ходе индустриализации страны многие памятники искусства и старины были уничтожены.

Ключевые слова: охрана памятников; культурное наследие; Советская власть; государственная политика; 1920-е гг.

The article is devoted to the peculiarities of keeping cultural heritage in the 1920-es in Soviet Russia – the period of a very controversial time as far as monument conservation is concerned. Cultural heritage was put under protection by rule of the legislative acts. But in the course of industrialization many antique and art monuments were destroyed.

Key words: monument conservation; cultural heritage; Soviet power; state policy; 1920s.

Н. А. Личак

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: dimmyar@mail.ru

Административные меры по сохранению культурного наследия в Советской России в 1920-х гг.

Научная статья

N. A. Lichak

P. G. Demidov Yaroslavl State University
E-mail: dimmyar@mail.ru

Administrative Measures for Keeping Cultural Heritage in Soviet Russia in 1920s

Scientific article

Революционные потрясения 1917 г., Гражданская война и последующие события коренным образом изменили отношение к памятникам искусства и старины. Историко-культурное наследие оказалось в тяжелейшем положении в ходе разрушения старой государственной системы, тотальной национализации и уничтожения частной собственности, атеистической политики большевистской власти.

В основе деятельности Отдела по делам музеев и охраны памятников, организованного в 1918 г., лежала подготовка законодательных актов о национализации крупных музеев, частных собраний, историко-архитектурных памятников и ансамблей, историко-бытовых и мемориальных комплексов. Планировалось уточнить правовые аспекты, связанные с охраной памятников истории и культуры, монументальной пропагандой.

Система государственных органов охраны памятников была сформирована как в центре, так и в провинции. Национализировались и получали охранные грамоты крупнейшие музеи, частные коллекции, историко-культурные объекты, выдающиеся по своим художественным или историческим достоинствам.

Однако ни декреты, ни иные законодательные акты 1918–1921 гг., направленные на обеспечение сохранности, использования историко-культурного наследия, не установили ни сущности понятия «памятник», ни конкретных форм регистрации. Работа по сохранению памятников прошлого велась стихийно и затрагивала в основном центральные районы страны.

С начала 20-х гг. XX в. государство начало перестройку своей деятельности, направив ее в требуемое новой идеологией русло. Сфера охраны памятников стала ареной классовой борьбы.

В 1920 г. музейный отдел при Наркомпросе был переименован в Комитет по делам музеев и охраны памятников (Главмузей). В марте 1921 г. Главмузей вместе с его подведомственными отделами и подотделами перешли в ведение Главного управления научными учреждениями академического центра Наркомпроса (Главнауки). Губернские коллегии, действовавшие при отделах народного образования, были преобразованы в губмузеи.

© Личак Н. А., 2011

Главным достижением методической работы Главмузея к 1925 г. стало создание единой классификации памятников на территории СССР. Предлагалось проводить деление памятников архитектуры на четыре категории: мирового значения (или «вне категории»); всероссийского, областного (местного) значения; «без категории» (не имеющие исторического значения) [1]. К группе «вне категорий» относились «уники», представляющие высшие достижения стиля; к первой категории – каменные постройки до 1613 г., деревянные до XVIII в. и выдающиеся позднейшие постройки, а также памятники, связанные с особо важными историческими лицами и событиями. Вторая категория – каменные постройки 1613–1725 гг., деревянные до 1825 г. и лучшие образцы типичных памятников зодчества позднейшего времени, сооружения, связанные с памятью выдающихся лиц и событий; третья – каменные памятники постройки 1725 г. и позднее, деревянные – от 1825 г., имеющие значение в историко-художественном отношении.

В Москве в 1928 г. на учете состояло 236 памятников гражданской архитектуры и 238 – церковной; при этом все – не ниже второй категории. Музейным подотделом зарегистрировано, кроме того, 263 памятника третьей категории, но этот список не был утвержден Моссоветом [2]. Вводимое в классификацию понятие «историческое значение», повышавшее категорию памятников, сводилось к установлению их мемориальности (связи с выдающимся событием или лицом) [3].

В конце 1920-х гг. в нормативно-правовых актах появился и в дальнейшем стал широко употребляться обобщающий термин «культурные ценности» [4], который вобрал в себя ранее неиспользуемую категорию «антиквариат» [5]. Стали употребляться в государственно-правовых документах и термины «церковные ценности» [6], «музейные ценности» [7], заповедники и национальные парки, памятники садово-парковой культуры музейно-академического значения, памятники искусства, старины, быта и природы. В 1927 г. были подведены первые итоги по выявлению историко-революционных памятников, часть из которых вошла в общий список памятников, подлежащих государственной охране, составленный в 1929 г. [8].

Разработка системы учета и охраны памятников не означала, однако, ее практической действенности. Специалистам в области охраны памятников противостояли идеология и менталитет хозяйственников, а во многом и потребителей, так или иначе пользовавшихся архитектурным наследием в хозяйственно-экономических целях. В первые послереволюционные годы проблемы охраны и использования памятников были связаны главным образом с покинутыми или реквизированными дворцами и усадьбами, содержавшими богатое художественное убранство и обстановку, несовместимыми с пролетарским образом жизни. В охраняемых государством памятниках архитектуры, например в монастырях, устраивались общежития и тюрьмы, в которых жили и содержались люди [9]. Начался поиск компромисса между государством и органами охраны памятников, вводились требования «ненарушения главных частей памятника и возможности восстановления произведенных переделок» [10].

Памятники церковного искусства и произведения древнерусской живописи, наиболее интересные в художественном отношении, подвергались вывозу в центральные музеи и складированию в местные. Приходские храмы первое время находились в ведении приходов, но затем, в силу финансовых трудностей, репрессий в отношении духовенства и иных проблем, оказались бесхозными; монастырские комплексы и архиерейские резиденции реквизировались. «Без всяких оговорок» предполагалась только охрана «уников» – немногочисленных архитектурных сооружений, хорошо сохранившихся, воздвигнутых знаменитыми зодчими [11].

Оценка усадебного наследия, в составе которого были уникальные памятники архитектуры, мемориальные сооружения, художественные коллекции и библиотечные собрания, также была неоднозначной, в ходе которой учитывались особенности усадьбы, ее архитектурно-художественного и историко-мемориального ансамбля.

Для многих сотрудников Наркомпроса и местных органов власти усадьба теряла всякое историческое и художественное значение, если коллекции были из нее вывезены. В целом по России из 540 усадеб, признанных ценными в первые послереволюционные годы, на 1 октября 1926 г. оставлена на учете 221 усадьба (53 – по Московской губернии; 168 – по другим губерниям) [12].

С 1926 г. по всей стране начинается планомерная работа по сносу церквей [13]. Причинами сноса прежде всего являются хозяйственные цели, например расширение транспортных проездов.

С научно-технической точки зрения обеспечивались фотографическая съемка и обмеры, большемерный кирпич использовался для целей научной реставрации, был установлен план и научное наблюдение за памятными объектами [14].

Основная и главная причина уничтожения культовых памятников была связана с активизацией борьбы с религией. Руководство памятниковосстановительным процессом осуществлялось Всероссийской комиссией по делам реставрации при Музейном отделе Наркомпроса, с 1924 по 1934 гг. – Центральными реставрационными мастерскими (ЦГРМ) под руководством представителя Главнауки И. Э. Грабаря. Мастерские стали методическим центром отечественной реставрации с высоким научным уровнем, с привлечением талантливых художников-реставраторов [15]. В первые годы существования филиалов ЦГРМ в Ленинграде и Ярославле [16] имелась возможность проводить реставрацию в различных городах и публиковать результаты научно-исследовательской деятельности в сборниках статей [17].

В составе мастерских было несколько отделов – архитектурная реставрации, реставрация древней и новой живописи, древнего шитья [18], возглавляемых как сотрудниками с большим стажем научно-практической работы, так и поддерживаемых молодыми специалистами, начало деятельности которых пришлось на первые послереволюционные годы.

В планы мастерских входили ремонтно-восстановительные и реставрационные работы памятников архитектуры различных регионов СССР – Центрального, Сибири, Крыма, Средней Азии. Столь грандиозным планам невозможно было осуществиться. В связи с отсутствием денежных средств мастера ограничивались ремонтом уникальных памятников архитектуры в Москве, Сергиеве, Юрьеве-Польском, Переславле-Залесском, Ярославле, Угличе. Большое место в деятельности мастерских занимали так называемые охранные работы – обследование, учет памятников. До 1925 г. было обследовано 258 памятников архитектуры по всей стране. Начатая реставрация уникальных исторических объектов через несколько лет была свернута в связи с изменением политической ситуации, усилением идеологического прессинга. Многие памятники после ремонтных работ будут и вовсе разрушены [19].

Деятельность ЦГРМ по регистрации и подготовке первого государственного списка памятников [20] явилась продолжением работ по реставрации объектов архитектуры и искусства, начатых значительно раньше в Комиссии по сохранению и раскрытию древнерусской живописи, созданной И. Э. Грабарем еще в 1918 г. [21]. Ставя перед собой задачу ограждения уникальных памятников древнерусской живописи от разрушения, Комиссия приступила к реставрации памятников в столице и провинции. Начиная организацию первых из 15 экспедиций, И. Э. Грабарь исходил из представления о том, что каждой из культур феодальных центров Древней Руси должна отвечать своя школа живописи. Архитекторы, музейные сотрудники, реставраторы – Е. А. Смирнова-Иванова, Н. Р. Левинсон, А. А. Кейслер, – являясь сотрудниками подотдела, заполняли анкетные листы, разработанные специально для описания памятников архитектуры, на основании которых составлялась запись в инвентарной книге. Последним этапом учета было заполнение карточек для двух каталогов – географического и хронологического. На оборотной стороне карточки помещались фотография памятника и библиография о нем [22].

Подотдел провинциальной охраны Музейного отдела особо тесно был связан с губернскими учреждениями по охране памятников старины, решая проблемы обследования, учета и вывоза культурных ценностей из усадеб и особняков на местах.

С середины 1920-х гг. начинается новый период в истории охраны культурного наследия Советской России. Экономические, политические и идеологические процессы, происходившие в стране, самым непосредственным образом повлияли на развитие охраны и музеефикации памятников. Все сферы жизни страны подвергались жесткому идеологическому прессингу и цензуре в области культуры. Идеологизация увеличивалась с момента создания в 1920 г. Главполитпросвета во главе с Н. К. Крупской.

Особенностью политики нового правительства по отношению к памятникам и музеям стала декларативность. Провозглашавшиеся принципы охраны культурного наследия были далеки от их реального воплощения: законы об охране памятников, принятые правительством, были направлены на пресечение лишь некоторых попыток уничтожения памятников прошлого.

Частично развивающимся процессам противостояла интеллигенция. Так, во главе Музейного отдела до 1927 г. находилась Н. И. Седова-Троцкая, обладавшая выдающи-

мися организаторскими способностями и административным ресурсом, сумевшая за короткий срок в условиях Гражданской войны сплотить вокруг отдела оставшихся в стране профессионалов в области охраны культурного наследия [23].

Система охраны памятников искусства и старины в дальнейшем столкнется с крайне затруднительным осуществлением своей деятельности в 1929 г. – моментом ухода с должности А. Н. Луначарского, последнего идеолога политики сохранения национального достояния. Переплетение законодательных основ с политикой, проводимой в отношении культурного наследия, привело к оформлению «особых» принципов его сохранения.

Реализация имущества Государственного музейного фонда, позволявшая музеям через антикварные магазины и аукционы продавать ценности, не имеющие исторического значения и не входящие в основной состав коллекций, осуществлялась под контролем Наркомпроса. А. М. Горький писал, что «в Стокгольме открыто до шестидесяти антикварных магазинов, торгующих картинами, фарфором, бронзой, серебром, коврами и вообще предметами искусства, вывезенными из России» [24].

В конце 1920-х гг. два антикварных магазина в Москве и Ленинграде распродавали старинные вещи. Только по Ленинградскому музейному фонду и дворцам-музеям в 1926–1927 гг. были назначены для продажи через Антиквариат (отдел Народного комиссариата внешней торговли) различного рода предметы искусства на сумму в 1 млн руб. В 1928–1929 гг. хранилища Государственного музейного фонда ликвидировались, а ценности распределялись между музеями и Антикварiатом Наркомвнешторга [25].

Продажа предметов старины рассматривалась как необходимый источник развития социалистического строительства. В справочнике «Внешняя торговля Союза Советских Социалистических Республик за период 1918–1927/28 гг.» [26] были отмечены две статьи дохода: «картины и гравюры» и «предметы искусства и старины» [27]. Судьба индустриализации решалась посредством реализации памятников искусства и старины Родины [28].

В отдельную категорию охраны включались «памятники революции», «памятники революционного движения», «памятники народного быта», «памятники Красной Армии». Вопрос об их сбережении был оговорен Постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР «О музейном строительстве в РСФСР» от 20 августа 1928 г. Документ поручал Народному комиссариату просвещения РСФСР представить на утверждение Совнаркома список памятников революционного движения, искусства и старины, подлежащих охране и «не могущих быть изъятыми без получения на то согласия со стороны Народного комиссариата просвещения РСФСР» [29]. Несмотря на, казалось бы, важность для советской власти поставленной задачи, работа по выявлению, учету и охране памятников архитектуры, в том числе связанных с революционными событиями или деятелями освободительного движения, по выражению руководителя Главнауки М. Н. Лядова, велась «весьма слабо» [30].

Положение с охраной как революционных памятников, так и памятников архитектуры на местах оставалось сложным. Губернские отделы народного образования не торопились предоставлять списки памятников. Заместитель наркома Народного просвещения В. Яковлев и помощник начальника Главнауки В. Лиэ в декабре 1928 г. подписали циркулярное письмо «Об учете памятников архитектуры» [31], обращенное ко всем краевым, областным и губернским отделам народного образования, Наркомпросам автономных республик. В нем утверждалась «необходимость своевременного представления списка памятников революционного движения, искусства и старины, подлежащих охране» в Совет народных комиссаров до 1 сентября 1929 г. Стремление выражалось в необходимости перейти от «спасательных» работ к систематическому выявлению, учету и изучению наследия.

Невнимательное и инертное отношение местных органов в целях охраны культурного наследия не свидетельствует об ослаблении внимания к сбережению культурного наследия. Так, негосударственное общество изучения Русской усадьбы, объединившее участников в целях обследования и накопления материалов и осуществления образовательно-популяризационной деятельности, в конце 1920-х гг. было фактически разгромлено, а его члены репрессированы.

В ряде правительственных постановлений настойчиво выдвигалось требование «немедленно перестроить работу музеев таким образом, чтобы они превратились в базы массовой политико-просветительной работы на основе научного показа» [32]. Идеологической установкой провозглашался «... лишь марксизм-ленинизм, метод диалектического материализма» [33].

С 1925 г. губмузеи, а в 1926–1927 гг. заменившая их инспектура Отдела народного образования были ликвидированы. Судьба памятников, рассредоточенных по различным ведомствам, перешла в руки людей, в силу характера своей деятельности далеких от рассматриваемых выше проблем, не понимавших зачастую значения охранных мероприятий. Активные восстановительные работы ЦГРМ под руководством И. Э. Грабаря практически были свернуты к 1927 г. Положение усугубилось с начавшимися в июне 1929 г. политическими «чистками».

В конце 1920-х гг. в связи с работой над планами реконструкции советских городов встала проблема места памятников прошлого в будущем социалистическом городе. В 1925–1928 гг. в прессе возникла дискуссия на эту тему, отразившая отношение к памятникам культуры прошлого, получившая распространение, главным образом, в хозяйственных кругах. Считалось, что уничтожение памятников, приспособление (перестройка) их в хозяйственных целях оправдываются «жизненно неотложной необходимостью, которая возникает в результате огромного размаха социалистического строительства» [34]. Выступая в защиту памятников, А. В. Щусев, И. Э. Грабарь, П. В. Сытин разъясняли их архитектурно-художественную ценность и роль в эстетическом облике города [35].

В обстановке жесточайшей экономии, контроля, самоокупаемости советское правительство четко закрепило нормативно-правовое положение об охране памятников искусства и старины. Оно практически сняло с себя ответственность за сохранение культурного наследия, переложив руководство по сохранению и финансированию большинства историко-культурных объектов с государственного уровня на местный.

Стало очевидным формирование в обществе утилитарно-нигилистического отношения к культурному наследию. В ходе политико-просветительной и пропагандистской работы следовало убедить массы в правильности и необходимости намеченных правительством преобразований в области экономики, политики, идеологии. Сооружение гигантских заводов, электростанций, каналов, железных дорог, реконструкция городов, колхозное строительство, широкая распашка земель, развернувшаяся в конце 1920-х гг., создавали условия, при которых ценные памятники истории неминуемо попадали в зону строительства. Необходим был тесный контакт государственных органов охраны с плановыми и проектными организациями для выяснения того, что именно и каким образом можно сохранить от разрушения, как наладить контроль памятникоохранных мероприятий на местах, организовать изучение и фиксацию объектов, которые уничтожались в ходе строительства.

Государственные органы охраны памятников, научная и краеведческая общественность не оставались равнодушны к судьбе памятников и пытались вести борьбу за их судьбу. III Всероссийская конференция по краеведению, заседание президиума ЦБК (1928 г.), Пленум Ленинградского областного бюро краеведения (1928 г.) и другие краеведческие совещания безрезультатно выносили резолюции о необходимости осуществления государственного контроля за сохранением культурного наследия, что привело к разрушению системы охраны памятников, созданной в первые послереволюционные годы, к концу 20-х гг. XX в.

Список использованной литературы

1. Схема распределения памятников архитектуры на категории // Ежедневник Наркомпроса РСФСР. 1928. № 3. С. 2.

2. Клушанцев Б. М. Охрана памятников в Москве и Московской губернии // Московский краевед. 1928. Вып. 7–8. С. 61.

3. Равикович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР // История СССР. 1967. № 2. С. 198.

4. Декрет народных комиссаров Союза ССР «О специальных средствах для обеспечения государственной охраны культурных ценностей» от 19 февраля 1924 г. // Собрание Узаконений и Распоряжении Рабочего и Крестьянского Правительства (СУ РСФСР). 1924. № 19.

5. Постановление Наркомторга СССР о 4 мая 1928 г. «О новом порядке вывоза из страны товаров антиквариата» // Советская торговля. 1928. № 10. С. 26.

6. Циркуляр НКВД РСФСР «О борьбе с хищениями церковных ценностей» от 22 мая 1925 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А.-393. Оп. 2. Д. 1107. Л. 11.

7. Циркуляр НКВД РСФСР «Об охране музейных ценностей» от 12 мая 1927 г. // Там же. Оп. 1. Д. 232. Л. 12.

8. Центральный архив г. Москвы (ЦАГМ). Ф. Р.-1. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.

9. Там же. Д. 462. Л. 1.

10. Там же. Д. 5. Л. 104.

11. Там же. Д. 5. Л. 105.

12. Русская усадьба на пороге XXI века. Смоленск, 2001. Вып. 3. С. 124.

13. ЦАГМ. Ф. Р.-1. Оп. 1. Д. 38. Л. 3.

14. Там же. Д. 10. Л. 34.об-35.

15. Перцев Н. О восстановлении памятников древнерусской живописи // Восстановление памятников культуры (проблемы реставрации). М., 1981. С. 154.

16. Забицкая О. Л. Основные направления деятельности ЦГРМ в области охраны и реставрации архитектурных памятников // История и теория реставрации памятников архитектуры. М., 1986. С. 56.

17. Вопросы реставрации: сб. 1–2. М., 1926–1928.

18. ЦАГМ. Ф. Р.-1. Оп. 1. Д. 456. Л. 3.

19. Там же. Д. 31. Л. 3.

20. Там же. Д. 10. Л. 35.

21. Белозерова И. В. Из истории учета культурных ценностей в первые годы советской власти: 1918–1921 гг. (по материалам Отдела письменных источников ГИМа) // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. М., 1990. С. 55–68.

22. Кончин Е. Революция в Мертвом переулке. URL: http://moscow.clow.ru/information/1/1/arbat6_1_3.html

23. Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М., 1990. С. 145–148.

24. Российская музейная энциклопедия / Рос. ин-т культурологии. М., 2005. Т. 1. С. 146.

25. Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. М., 1960. С. 533.

26. ГАРФ. Ф. А.-2307. Оп. 3. Д. 22. Л. 5.

27. Жуков Ю. Н. Операция Эрмитаж. М., 1993. С. 103.

28. Известия ЦИК и ВЦИК. 1928. 3 окт.

29. Еженедельник НКР РСФСР. 1928. № 47. Ст. 1054.

30. Там же. 1929. № 1. Ст. 23.

31. Бюллетень Наркомпроса. 1930. № 16. Ст. 470.

32. Труды I Всероссийского музейного съезда. М., 1930. Т. 1. С. 109.

33. Крылова Л. Н. И. Э. Грабарь и охрана памятников. Четыре этапа его жизни: свободный человек, свободный художник, общественный деятель, государственный служащий // V Грабаревские чтения: иеждународная научная конференция. М., 2003. С. 106.

34. Турьинская Х. Музейное дело в России в 1920–1936 гг. // Культурология. Дайджест. 2003. Вып. 2. М., 2003. С. 185.

34. Крылова Л. Н. Указ. соч. С. 107.

35. Равикович Д. А. Указ. соч. С. 198.

УДК: 94(470) “16/18”:378(091)

В статье рассматривается образование высших наук училища в Ярославле. Приводится характеристика уровня высшего образования в России. Автор, используя статистику, прослеживает количество студентов, которые обучались в училище в первой половине XIX в. Показаны рабочие программы, которые составлялись для университетов.

Ключевые слова: училище; образование; учебный округ; устав лицея; студенты.

In the article formation of Yaroslavl higher sciences school is considered. The characteristic of level of higher education in Russia is given. Using statistics the author traces quantity of school students in the first half of the XIX-th century. Syllabi for university education are shown.

Key words: school; education; educational district; lyceum charter; students.

С. Ю. Иерусалимская

ООО «Нордстрой»
E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Образование Ярославского высших наук училища

Научная статья

S. I. Ierusalimskaya

Business Enterprise «Nordstroy»
E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Formation of Yaroslavl School of Higher Sciences

Scientific article

В исторической динамике формирования и последующей организации российского образования период начала XIX столетия следует рассматривать в качестве своеобразного, достаточно автономного в своём развитии этапа, когда система отечественного просвещения начала развиваться в общеевропейском русле. Результатом реформирования сферы образования, проведённого императором Александром I в 1803–1804 гг., стало открытие в начале XIX в. на территории Российской империи целого ряда высших учебных заведений – университетов: Дерптского (1802 г.), известного ещё со времён средневековья, Виленского (1803 г.), Казанского (1804 г.), Харьковского (1805 г.). В Петербурге была восстановлена учительская гимназия, учреждённая Екатериной II. Указом 16 апреля 1804 г. данное учебное заведение было преобразовано в Главный педагогический институт, реформированный 8 февраля 1819 г. в университет [1]. В начале XIX столетия в стране продолжал успешно развиваться Московский университет.

Начиная с 1804 г. деятельность всех российских университетов регулировалась, прежде всего, университетскими уставами [2]. В Комиссии об училищах и позднее в Главном управлении училищ были разработаны уставы университетов: Дерптского – ратифицирован 12 декабря 1802 г.; Виленского – утверждён 18 мая 1803 г.; Московского, Харьковского и Казанского – официально одобрены 5 ноября 1804 г. [3]. Таким образом, университетские преобразования Александра I явились прямым и логическим завершением политики Екатерины II в сфере народного образования. Что же касается внутренней организации университетов, то этот вопрос впервые был поставлен на повестку дня в связи с возможной реформой Московского университета в особом комитете по рассмотрению уставов учёных заведений, созданном по указу Александра I 18 марта 1802 г. [4].

Одной из наиболее важных характерных черт системы университетов, возникшей в Российской империи в начале XIX в., считается так называемая «университетская автономия». Данным термином обозначалась совокупность привилегий, выделявшая указанные учебные заведения среди прочих учреждений самодержавно-бюрократического государства и превращавшая их в своего рода «учёные республики» [5]. Отступления от духа автономии наблюдались в первых университетских уставах. Несмотря на это, они сохраняли свою реальную силу на протяжении более чем трёх десятилетий (исключение составлял лишь Дерптский университет, уже в 1820 г. получивший обновлённый устав) [6].

© Иерусалимская С. Ю., 2011

В рассматриваемый период университеты играли не только учебную, но и важнейшую научную, организационную и методическую роль в системе российского народного просвещения. Отечественный университет представлял собой явление общеевропейской культуры, особый тип мышления, памяти и воспроизводства культурных ценностей [7]. В январе 1803 г. вся территория страны была разделена на шесть учебных округов: Московский, Санкт-Петербургский, Харьковский, Казанский, Виленский и Дерптский, во главе которых встали одноимённые вузы с попечителями (последние выступали в качестве посредников между выборным ректором и министерством).

В дальнейшем число округов было расширено вначале до семи (1831 г.), затем до девяти (1832 г.). В 1804–1835 гг. именно университеты возглавляли учебные округа, разрабатывали учебные программы для начальной и средней школы [8], осуществляли инспекцию учебных заведений, преподаватели вузов активно участвовали в создании и написании учебников для всех типов школ. Таким образом, университеты являлись основной формой отечественного высшего образования в первой трети XIX столетия, на них были возложены функции учебно-методического и административного контроля над работой общеобразовательных школ, в то время как высшее руководство школой осуществляло Министерство народного просвещения (МНП).

В первой четверти XIX в. государственная власть и МНП, осознавая недостатки своей образовательной политики, стремились расширить сеть учебных заведений на территории страны [9], сделать её более разнообразной и доступной для различных социальных групп России. Особое внимание в данном вопросе правительство уделяло обучению молодёжи с целью её последующего поступления в отечественные вузы. Качественную профессиональную подготовку для молодых кадров здесь обеспечивали лицеи и другие высшие учебные заведения. В начале XIX столетия одновременно с развитием основных типов высших, средних и низших общеобразовательных учебных заведений в России вырабатывался новый тип школы («гимназии высших наук» или лицеи), соединивший в себе основные черты гимназии и университета [10]. Эти учебные заведения могли приравниваться к университетам.

Так, к университетам приравнивались привилегированные учебные заведения гуманитарного профиля – лицеи: Царскосельский под Петербургом (1810 г.), Ришельевский в Одессе (1817 г.) и основанное на средства представителя известного рода промышленников, землевладельцев, благотворителей и меценатов П. Г. Демидова [11] в 1803 г. первое высшее учебное заведение в Ярославле. Спустя век, 30 августа 1903 г., как отмечалось в официальном документе, «Демидовский Юридический лицей, с высочайшего соизволения… торжественным актом празднует столетнюю годовщину существования в гор. Ярославле высшего учебного заведения, переименованного в 1870 г. в Демидовский Юридический лицей» [12].

В кругу перечисленных учебных заведений существовала внутренняя иерархия. Самым элитным и статусным по праву считался Царскосельский лицей – его лучшие выпускники могли рассчитывать на получение чина девятого класса в Табели о рангах. Второе место принадлежало наделённым особыми правами Благородным пансионам Московского и Петербургского университетов, которые предоставляли выпускникам возможность на получение чина 10-го класса. Немного ниже по статусу были Демидовское высших наук училище и Гимназия высших наук князя Безбородко, дававшие своим учащимся право на чины не выше двенадцатого класса [13].

Открытие учебного заведения такого уровня, как Демидовское высших наук училище, являлось для губернского города начала XIX столетия делом во многом новым, малоосвоенным и непростым. В указанное время народное образование в России и регионах в ряде случаев ограничивалось домашним обучением [14]. Ярославское дворянство было мало заинтересовано в открытии высшего гражданского учебного заведения, больше склоняясь к созданию в городе военного училища. Подавляющее большинство представителей отечественного дворянства в рассматриваемое время, делая выбор в сфере получения образования (в том числе высшего), отдавали предпочтение военной карьере. В свете этого Училищный совет при Московском Императорском университете 2 декабря 1827 г. даже издал особый документ «О малом числе дворян в училищах и гимназиях», посвящённый урегулированию данной проблемы [15].

В то же время российское торгово-предпринимательское сословие, активно способствуя делу создания национальной промышленности в стране, одновременно осваивало новые знания. Отдельные представители отечественного купечества приобщались в начале XIX столетия к европейским культурным ценностям и понимали роль и значение изучения наук. К ним принадлежала семья знаменитых российских предпринимателей и меценатов

Демидовых [16]. Представителя этой династии П. Г. Демидова устраивала географическая близость Ярославля к Москве, наличие в городе достаточного количества жителей, культурные традиции ярославцев.

На организацию в Ярославле высшего учебного заведения П. Г. Демидовым было ассигновано сто тысяч рублей и пожертвовано 3 578 душ крепостных (в документах 1822–1830 гг. количественные показатели несколько изменились и упоминались 3 617 и 3 619 душ крепостных соответственно [17]). В своём прошении к императору им было высказано пожелание, чтобы упомянутая денежная сумма составляла вечный капитал училища, а последнее пользовалось только процентами с него, употребляя эти средства на содержание «неимущих ярославских дворян и другого состояния людей». Из подобного рода учебных заведений Демидовское училище являлось старейшим в России.

Основную же часть дохода училище должно было получать в качестве оброка с приписанных к нему вышеупомянутых крепостных крестьян Демидовских вотчин Угличского уезда. Согласно уставу училища двадцать его студентов из числа «недостаточных» (т. е. нуждавшихся в финансовой помощи) лиц дворянского сословия находились непосредственно на иждивении училища, получая содержание из Демидовского фонда; остальные учащиеся содержались за счёт государства и собственных денежных вложений и считались казенными, своекоштными и вольнослушателями. Так, в 1830 г. в Ярославском Демидовском высших наук училище насчитывалось 39 казенных студентов, 12 пансионеров, 18 своекоштных, 14 вольнослушателей, всего 83 человека. По социальной принадлежности большинство студентов являлись дворянами (33 человека), из обер-офицерских слоев вышли 25, из духовного звания – 16, воспитанников – 7, из мещан – 1, из вольноотпущенных – 1 [18].

Перечень нуждавшихся в денежном вспомоществовании лиц ратифицировался основателем учебного заведения П. Г. Демидовым вплоть до его смерти в 1821 г. Он же положил начало комплектации библиотечных фондов книгохранилища Ярославского высших наук училища, преподнеся в дар учебному заведению 263 экземпляра книг на различных языках.

Помимо этого, П. Г. Демидов содействовал организации ряда учебных кабинетов. На предоставленные им финансовые средства производились приобретения пособий, приборов, коллекционных собраний по флористике, а также камней и минералов [19]. Здесь необходимо отметить, что возникновение в начале XIX столетия при учебных заведениях империи подобных учебно-вспомогательных учреждений (так называемых «кабинетов») являлось органичной частью эволюции российских университетов. Основными функциями подавляющего большинства кабинетов являлись собирательство тех или иных научных коллекций, составление их подробных описаний, изучение и последующее экспонирование [20].

6 июня 1803 г. вышел указ Александра I, по которому император, учитывая просьбу П. Г. Демидова, учредил Ярославское высших наук училище, имевшее равную степень с университетами. 29 апреля 1805 г. состоялось торжественное открытие данного учебного заведения. Первый набор студентов численностью в одиннадцать человек приступил к занятиям в 1804/1805 учебном году. При этом курс наук там был так называемый камеральный, т. е., используя современную терминологию, преподавалось хозяйственное и административное право. Уставом лицея определялось, что «главные познания для учащихся должны составлять науки юридические и камеральные». Последними охватывались экономические, финансовые и некоторые технические познания [21].

Законодательное оформление «университетской автономии» в России произошло в начале царствования Императора Александра I и обычно связывается с утверждением 5 ноября 1804 г. первого Устава российских университетов, хотя все её базовые принципы были закреплены уже в «Предварительных правилах народного просвещения» 24 января 1803 г. [22]. По Университетскому уставу 1804 г. Московский университет возглавил Московский учебный округ. Таким образом, первые двадцать лет своего существования Ярославское высших наук училище входило в ведомство Московского университета. Руководил училищем проректор, который выбирался из его профессоров. Совет Московского университета осуществлял непосредственный контроль над деятельностью руководителя Ярославского высших наук училища, который был ему подотчётен.

С первых дней студенты обучались древнегреческому и латинскому языкам, математике, политической истории, политической экономики, праву естественному и народному (используя современную терминологию – международному), философии и химии [23]. 1819 г. ознаменовался созданием традиционной для того времени кафедры богосло-

вия. Учебные планы были дополнены следующими предметами: французским и немецким языками, рисованием, фехтованием, музыкой и танцами. Профессорско-преподавательский состав училища включал в себя профессоров, адъюнктов, лектора иностранных языков, учителя музыки, танцев и фехтования [24]. Здесь следует отметить, что, согласно Уставу 1805 г., персонал Демидовского училища сохранялся в полном составе на протяжении порядка 20 лет (1808–1828 гг.). В указанное время штаты преподавателей данного учебного заведения насчитывали семь профессоров и шесть – семь учителей для занятий с пансионерами. При училище и пансионе несли службу 50 вольнонаемных [25].

В государственном указе 1809 г. значилось: «… В отвращение сего и дабы положить наконец преграду исканиям чинов без заслуг, а истинным заслугам дать новое свидетельство нашего уважения…» было признано необходимым установить, что производству в чин коллежского асессора (восьмой класс) впредь могли подлежать исключительно лица с высшим образованием, либо выдержавшие экзамен по установленной программе (помимо соответствующей выслуги лет) [26]. Данное положение, без сомнения, еще больше увеличило значимость и престиж высшего образования в Российской империи.

Ярославское высших наук училище являлось учебным заведением самого широкого профиля. Не случайно его выпускниками становились кандидаты исторических, словесных, физико-математических и этико-политических, т. е. юридических, наук. С этого времени было положено начало высшему образованию всего Верхневолжского региона. По уставу училища, подписанному Александром I 28 января 1805 г., определялось, что Ярославское Демидовское высших наук училище занимало «первую ступень после центральных университетов» [27]. Данное учебное заведение с самого своего основания находилось под патронажем Московского императорского университета, что самым существенным положительным образом повлияло на учебно-методический и научный уровень Демидовского училища.

Список использованной литературы

1. Ендольцев Ю. А. Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2003. С. 8.

2. Жуковская Т. Н., Казакова К. С. Русский студент дореформенной эпохи: нормы и повседневная жизнь корпорации // Российская история. 2007. № 6. С. 64.

3. Министерская система в Российской империи: к 200-летию министерств в России. М., 2007. С. 774.

4. Андреев А. Ю. Император Александр I и профессор Г. Ф. Паррот: к истории возникновения «университетской автономии» в России // Российская история. 2006. № 6. С. 19–20.

5. Там же. С. 19.

6. Жуковская Т. Н., Казакова К. С. Указ. соч. С. 64.

7. Вишленкова Е. А., Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века // Российская история. 2007. № 6. С. 183.

8. Фукс А. Н. Русская история в школьных учебниках Д. И. Иловайского // Российская история. 2008. № 5. С. 185; и др.

9. Вишленкова Е. А., Андреев А. Ю. Указ. соч.

10. Министерская система в Российской империи. С. 774.

11. Семёнова А. В. Демидовский временник: Исторический альманах // Российская история. 2008. № 5. С. 195–196; Юркин И. Н., Козлова Н. В. Демидовы против Демидовых // Вопросы истории. 2005. № 10.

12. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 571. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

13. Диссон Ю. А. Лицеи и благородные пансионы в системе народного просвещения России в первой трети XIX века: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2008. С. 16.

14. Солодянкина О. Ю. Иностранные наставники в дворянском домашнем воспитании в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.): автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2008. С. 4.

15. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 429. Оп. 1. Д. 9. Л. 349–352; и др.

16. Семёнова А. В. Указ. соч. С. 195.

17. ГАЯО. Ф. 571. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–2; Д. 2. Л. 4.

18. Там же. Д. 2. Л. 9.

19. Егоров С. А. «На честное дело жизни»: Ярославская юридическая школа. Ярославль, 1997. С. 10; 18.

20. Назипова Г. Р. Казанский университет и музеи: проблема культурного взаимодействия (XIX – начало XX вв.): автореф. дис. … д-ра ист. наук. Казань, 2009. С. 24.

21. Очерки истории высшей школы Ярославского края / отв. ред. д-р ист. наук, проф. А. М. Селиванов. Ярославль, 2003. С. 14.

22. Андреев А. Ю. Указ. соч. С. 19.

23. ГАЯО. Ф. 571. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.

24. Щеглов В. Г. Высшее учебное заведение в г. Ярославле имени Демидова в первый век его образования и деятельности. Ярославль, 1903. С. 45.

25. ГАЯО. Ф. 571. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.

26. Шепелев Л. Е. Гражданские чины. Титулы и форменная одежда чиновников гражданского ведомства. // URL: http://militera.lib.ru

27. Егоров С. А. Указ. соч. С. 13.

УДК 940(47)

В статье отмечаются принципы создания базы данных источников о проведении римских contiones. Рассматриваются методы и примеры ее использования для исследования динамики развития этого политического института. Отмечаются недостатки и ограничения метода формального сопоставления различных случаев проведения contiones на основе аккумуляции сведений источников в базе данных.

Ключевые слова: политическая система; Рим эпохи царей; Римская Республика; римские народные собрания; contiones; базы данных.

The article considers Roman *contiones'* database creation principles. Methods and examples of its application for research of this political institution's developmental dynamics are examined. Shortcomings and limitations of the formal comparison of diverse *contiones'* occurrences in terms of accumulation of source information in the database are noted.

Key words: political system; Roman Kingdom; Roman Republic; Roman assemblies; *contiones*; databases.

Р. М. Фролов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: FrolovRM@yandex.ru

Возможности использования базы данных о римских contiones*

Научная статья

R. M. Frolov

P. G. Demidov Yaroslavl State University
E-mail: FrolovRM@yandex.ru

Availability of the Database of Roman contiones*

Scientific article

Римские contiones (народные сходки, где не проводилось голосования) представляли собой часто повторяющиеся, типичные события в политической жизни римского государства. Нарративная традиция сообщает примерно о тысяче случаев проведения таких собраний в периоды царей и Республики, что обусловливает необходимость систематизации, упорядочивания сведений источников о них[1]. Большой объем данных традиции дает возможность, помимо изучения отдельных (исключительных) случаев их проведения, провести исследование общих тенденций развития института в целом, что позволяет обнаружить закономерности, незаметные, если изучать contiones, вне их сопоставления.

Для проведения исследования мы прибегли к построению базы данных всех случаев проведения римских народных сходок в формате ACCDB, создаваемой при помощи ПО MS Access 2010. Основная таблица данных, заполняемая при помощи удобных форм ввода, содержит информацию о времени, месте проведения contio, ссылки на источники, сведения об организаторах, ораторах. Отражена терминология источников, фиксируются сообщения о процедуре проведения, результатах собрания и т. д. Заполнялись дополнительные таблицы базы, где отмечались показания источников о взаимодействии конций с сенатом и комициями, а также фиксировались дополнительные сведения источников, относящиеся не к конкретному случаю проведения contio, а к институту в целом.

[1] Попытку каталогизировать все случаи проведения римских contiones предпринял пока только испанский исследователь Ф. Пина Поло: [Pina Polo F. Las contiones civiles y militares en Roma. Zaragoza, 1989.]. Однако составленный им каталог, хотя и ознаменовал собой важный этап исследования contiones, сегодня, спустя более 20 лет после его создания, должен быть дополнен и частично пересмотрен. Во-первых, простая табличная форма представления неудобна для работы (по сравнению с цифровой базой данных). Во-вторых, Ф. Пина Поло не учел случаи несанкционированных магистратами contiones, а также большое количество бесспорных эпизодов магистратских конций (см. об этом ниже). В-третьих, исследователь четко не обозначил методику подсчетов, что сильно снижает ценность составленного им списка.

* Исследование проведено при поддержке Министерства образования и науки РФ: Госконтракт № 16.740.11.0104, Аналитическая ведомственная программа развития научного потенциала высшей школы (ЗН-1009), а также РФФИ, грант № 10-06-00140-а.

© Фролов Р. М., 2011

Такая форма аккумуляции и систематизации данных источников значительно облегчает последующую работу с ними. Она позволяет различными способами производить отбор данных. Возможен полнотекстовый поиск, использование текстовых фильтров в таблице данных, запросы к таблице по нескольким параметрам. Получаемые при помощи запросов и фильтров выборки данных позволяют избежать необходимости каждый раз просматривать все многочисленные случаи проведения contiones в поисках тех немногих эпизодов, которые нужны для исследования того или иного частного вопроса. Наконец, существует возможность различными способами осуществлять визуализацию данных, что в некоторых случаях существенно облегчает их понимание и интерпретацию.

На данный момент в базу полностью включены сведения важнейшего источника о республиканских contiones – Тита Ливия, у которого зафиксирован 451 случай проведения contiones. Из них 41 эпизод, о которых источник дает недостаточно сведений для их уверенной интерпретации как описаний именно contiones, а также 58 случаев не римских сходок (схожих по описанию с римскими contiones) и 48 эпизодов несанкционированных сходок, которые не фиксируются в каталоге Ф. Пина Поло (за вычетом случаев, которые без достаточных оснований интерпретируются исследователем однозначно как описания официальных собраний). Из остальных 304 случаев Ф. Пина Поло зафиксировано только 216, не учтено 88 (почти 30%). Сюда мы включаем и те 25 случаев, когда источники четко фиксируют проведение нескольких конций, но Ф. Пина Поло отмечает только одно собрание.

Продемонстрируем теперь на нескольких примерах варианты использования базы данных для исследования тенденций развития contiones (по данным Тита Ливия). Прежде всего рассмотрим распределение случаев проведения contiones по десятилетиям (рис. 1).

На графике (с накоплением) видно, во-первых, что значительная часть эпизодов по разным причинам не учтена Ф. Пина Поло. Во-вторых, хорошо заметно, что наиболее часто конции проводились в периоды кризисов, таких как борьба с узурпацией власти второй коллегией децемвиров (450–449 гг. до н. э.) и Вторая Пуническая война (218–202 гг. до н. э.). В-третьих, очевиден общий рост числа зафиксированных случаев собраний. Однако такое впечатление должно обязательно корректироваться тем фактом, что на эпоху царей (244 года) приходится лишь одна книга труда Тита Ливия; о 218 годах ранней Республики повествуют 9 книг; о 55 годах, относящихся к периоду средней Республики, рассказывают 25 книг; наконец, о последнем столетии Республики можно найти сведения только в Периохах. Если сделать поправку на объем сохранившихся сведений, то общая картина станет иной. Для удобства можно осуществить сопоставление по эпохам (рис. 2).

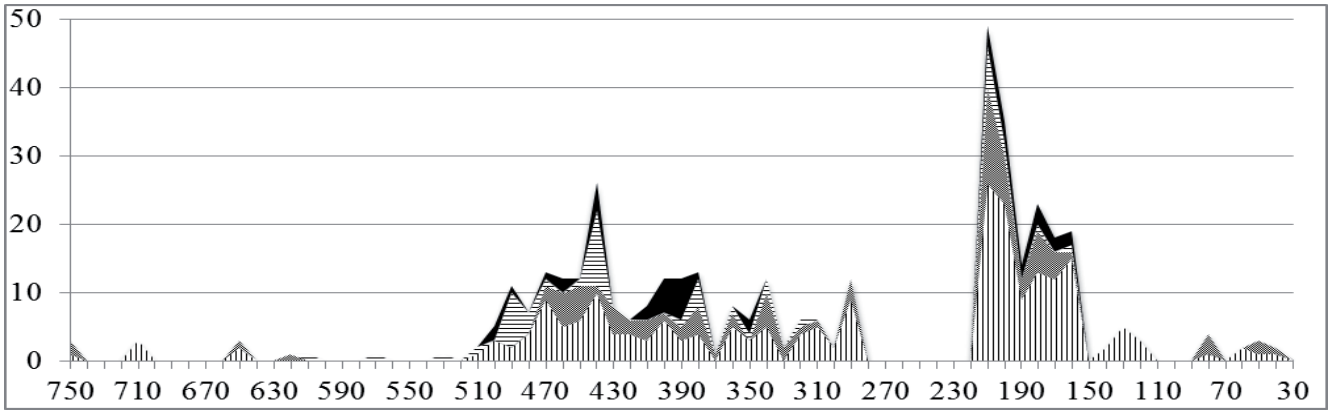

Рис. 1. Распределение случаев проведения contiones по десятилетиям (данные Тита Ливия): по горизонтали – десятилетия до н. э., по вертикали – количество случаев; ▥ – все contiones, по подсчетам Ф. Пина Поло; ■ – все contiones, кроме зафиксированных Ф. Пина Поло, а также несанкционированных собраний и «спорных» случаев; ▤ – несанкционированные contiones за вычетом «спорных» и зафиксированных Ф. Пина Поло как официальные; ■ – «спорные» случаи, когда источник не дает достаточно сведений для того, чтобы уверенно говорить о проведении contio

Наглядно видно, что картина изменения числа случаев contiones от периода к периоду значительно меняется, если иметь в виду объем имеющихся сведений (однако учитываем, что информация о 133–30 гг. до н. э. сохранилась только в Периохах, поэтому эту эпоху сложно сопоставлять с другими).

Необходимость подобных сопоставлений (при всей их условности) порождается тем, что в историографии сведения источников о частоте проведения народных сходок рассматриваются некритически. Например, вывод о том, что в период поздней Республики якобы зафиксировано более частое использование contiones, Х. Моритсен расматривает как дополнительное подтверждение предположения о том, что в широкие слои населения стали гораздо более активно привлекаться к участию в народных сходках, чем раньше, когда аудитория конций «традиционно» состояла из boni [1]. Проведенный анализ показывает, что впечатление о частом проведении конций (в данном случае на примере средней Республики) может быть связано с тем, что об этом периоде сохранилось больше данных. Мы не можем утверждать однозначно, что в случае, если бы традиция располагала большим количеством сведений о предшествовавших эпохах, количество известных для них случаев contiones увеличилось бы в той же пропорции. Однако такая возможность, по меньшей мере, не исключена. В то время как основанный на простых подсчетах числа сходок, без учета объемов сохранившихся сведений, тезис о том, что в позднюю Республику сходки проводились чаще, чем до того, не выдерживает критики.

Опираясь на аккумулированные в базе данных сведения, попытаемся проследить динамику частоты проведения конций в пределах каждого периода, поскольку в этом случае будут сопостав-

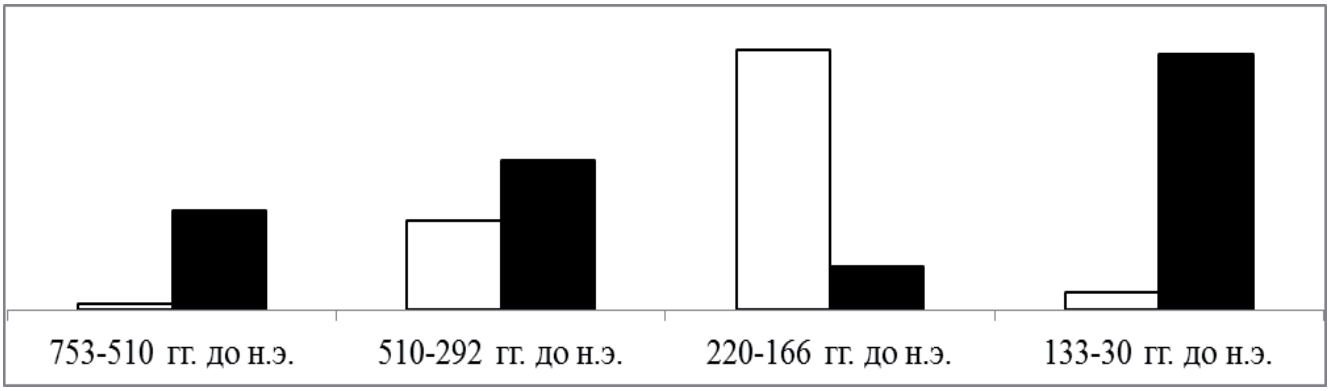

Рис. 2. Пропорциональное соотношение с поправкой на число десятилетий (□) и с поправкой на число десятилетий и объем сохранившихся сведений (■) о количестве зафиксированных случаев проведения contiones по эпохам (данные Тита Ливия)

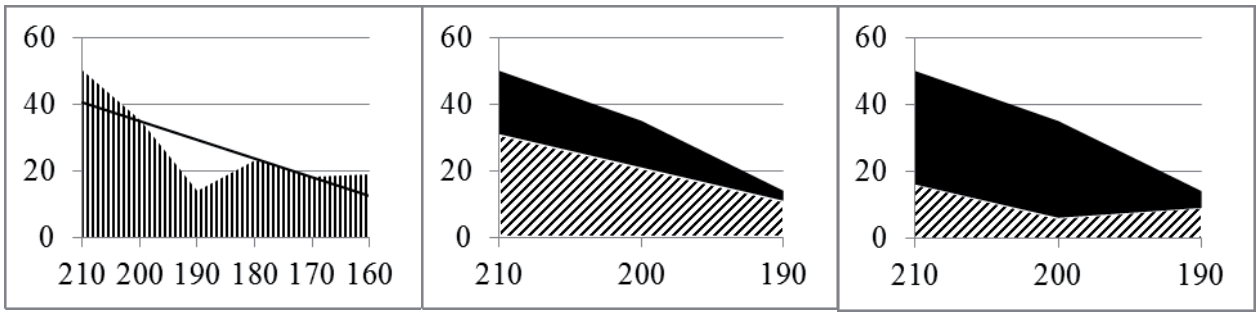

Рис. 3. Частота проведения сходок в период 220–166 гг. до н. э.: по горизонтали – десятилетия до н. э., по вертикали – количество случаев, приходящихся на каждое десятилетие; слева – распределение случаев проведения contiones (с линией тренда), в центре – соотношение воинских (■) и гражданских (▨) contiones, справа – соотношение contiones, обсуждавших связанные с войной вопросы (■), и остальных (▨) contiones (данные Тита Ливия)

ляться временные промежутки, для которых состояние источников будет (до определенной степени) однородным. Рассмотрим для примера период средней Республики (точнее, 220–166 гг. до н. э.; рис. 3).

По линии тренда ясно видна общая тенденция. Почему contiones к концу этого периода стали созываться реже? Зная исторический контекст, можно предположить, что падение числа зафиксированных сходок связано с ослаблением угрозы полного военного поражения в ходе Второй Пунической войны (218–202 гг. до н. э.), Ливий фиксирует все меньше именно воинских contiones, в результате чего число сходок в целом также уменьшается. Проверим этот тезис, обратившись к графику изменения соотношения количества воинских и гражданских сходок в этот период. Мы видим, что в ходе Второй Пунической войны заметно уменьшилось число гражданских конций (с 31 в 210-е гг., до 21 в 200-е гг., т. е. уменьшение на треть), в то время как количество воинских собраний (соответственно 19 и 14) уменьшилось только на четверть. По всей видимости, понесенные поражения заставили римлян сосредоточиться больше на ведении войны, а не на гражданских делах. Действительно, в 190-е гг. до н. э., после окончания войны, было зафиксировано 3 воинских собрания. Таким образом, очевидно падение, по сравнению с предыдущим десятилетием, в пять раз числа проведенных конций данного вида. Одновременно число гражданских contiones упало до 11, т. е. только в два раза. Анализ периода 220–190 гг. до н. э. можно уточнить путем детального исследования «повестки дня» отдельных собраний. Сравнение числа сходок (в том числе теперь и гражданских), где обсуждались вопросы, так или иначе обусловленные ведением войны, и остальных contiones делает более очевидным тот факт, что именно за счет сходок, которые касались войны, было столь велико число зафиксированных случаев contiones в целом. С окончанием Второй Пунической войны сходок, где обсуждались вопросы, имевшие отношение к войне, стало совсем немного, в то время как остальные собрания продолжали проводиться примерно в таком же количестве.

Вернемся к сопоставлению между собой длительных периодов истории римской civitas. Поскольку сравнение в разной степени обеспеченных источниками периодов по абсолютным показателям (таким, как частота проведения contiones) затруднено, предпочтительнее сопоставлять их по относительным показателям. Среди таких параметров можно назвать, в частности, популярность различных мест проведения contiones, соотношение организаторов (имевших разные статусы), сопоставление сходок по видам (о видах contiones см. [2]), соотношение наиболее часто выполняемых конциями функций, про-

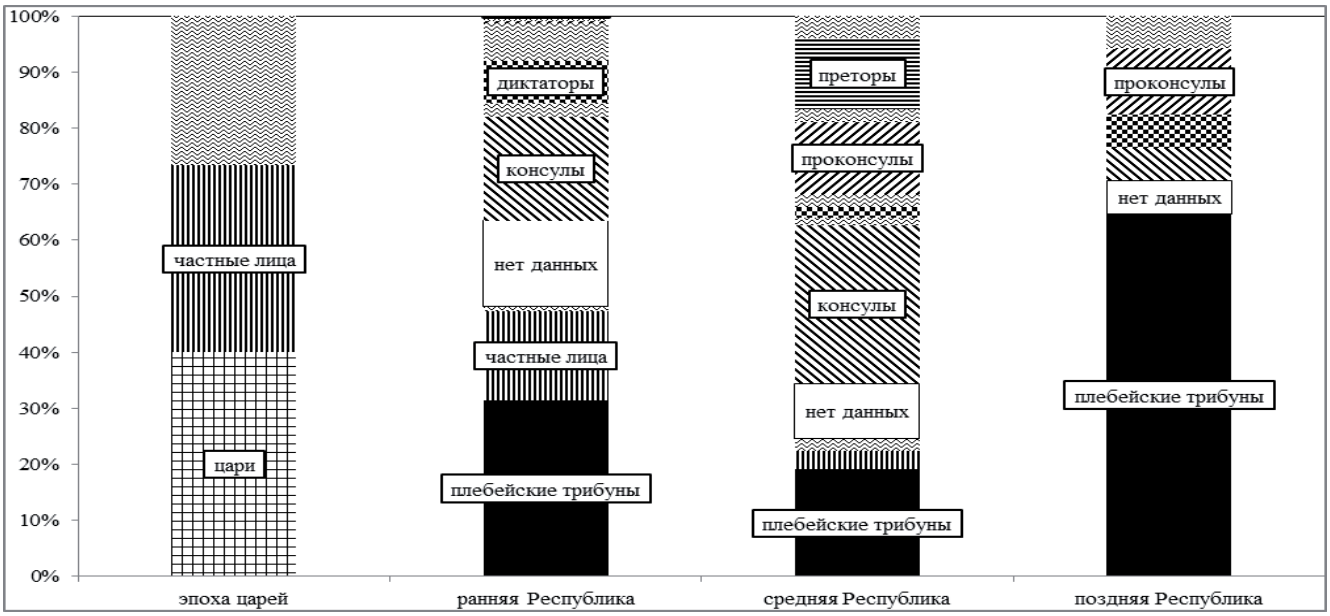

Рис. 4. Соотношение организаторов contiones, имевших различные статусы: – цари, – плебейские трибуны, – частные лица, – консулы, – диктаторы, – преторы, – проконсулы, – цензоры, – остальные, – нет данных (данные Тита Ливия)

цент случаев уступки в ответ на требования собравшихся, долю случаев применения насилия в ходе или в результате собрания.

Попробуем для примера интерпретировать изменение по периодам соотношения организаторов, имевших различные статусы (рис. 4).

На основе полученной картины можно сделать, в частности, следующие наблюдения: 1) частные лица с течением времени все реже выступали в качестве организаторов конций; здесь общая тенденция однозначна; 2) консулы все более часто становились председателями contiones, но в кризисную эпоху поздней Республики созывали сходки уже значительно реже; 3) плебейские трибуны, напротив, в среднюю Республику с затуханием сословной борьбы стали заметно реже организовывать contiones, чем в предшествовавший период, но в эпоху кризиса Республики организовали более двух третей всех сходок, оставив далеко позади носителей иных статусов; в целом плебейские трибуны всегда оставались одними из основных организаторов изучаемых собраний.

Другой пример сопоставления периодов по относительным показателям может дать рассмотрение динамики случаев применения насилия на сходках или в результате них. Эпоха царей и период кризиса Республики дают наибольшее количество таких случаев (соответственно 31 и 21% от общего числа проведенных contiones, о которых сообщает Ливий). При этом весьма примечателен тот факт, что в эпоху сословной борьбы случаи применения насилия были почти столь же редки (6%), как и в гораздо более стабильное, в отношении гражданских конфликтов, время средней Республики (2%).

В рамках одной статьи невозможно проиллюстрировать на примерах все основные подходы к использованию базы данных. В частности, отдельно необходимо говорить о таком направлении, как выяснение изменения характера взаимодействия института contiones с сенатом и комициями. Создаваемая база источниковых данных позволяет провести анализ того, как менялась с течением времени доля сенатских заседаний, связанных предметом рассмотрения с contiones. Можно подсчитать, сколько заседаний сената предшествовало сходкам, последовало за ними, сопровождало contiones, как часто конции оказывали фиксируемое в источниках влияние на исход сенатских заседаний. Такие же изыскания можно провести и в отношении связи конций и комиций. Эти и подобные исследования крайне важны, т. к. невозможно понять значение того или иного политического института, не обращая внимания на роль остальных элементов политической системы (ср. [3]). В данном случае еще и выясняется взаимозависимость основных политических институтов.

В заключение нужно подчеркнуть, что использовать различные варианты сопоставления количественных данных необходимо с большой осторожностью. Выводы, полученные на основе применения описываемого подхода, ни в коем случае не могут считаться сами по себе достаточно аргументированными. Продемонстрированный метод должен носить сугубо вспомогательный характер. Необходимо подтверждение полученных на его основе выводов исследованиями конкретных случаев contiones, с учетом всей их специфики. Дело в том, что, хотя изучаемые собрания до определенной степени поддаются описанию с использованием одного и того же набора характеристик (место проведения, организатор и т. д.), они все же могут сильно отличаться одно от другого по иным признакам. Во многих случаях показания источников сложно с уверенностью интерпретировать так, чтобы получить однозначный формальный показатель. Однако построение базы данных о проведении римских contiones позволяет нагляднее представить динамику развития института. Поэтому отказ от использования возможностей формального сопоставления различных случаев проведения contiones, на наш взгляд, столь же неверен, как и некритичное отношение к результатам такого сопоставления.

Список использованной литературы

1. Mouritsen H. Plebs and Politics in the Late Roman Republic. Cambridge, 2004. P. 62.

2. Фролов Р. М. Виды и основные функции римских народных сходок (contiones) в эпоху Республики // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 2.

3. Смышляев А. Л. Народ, власть, закон в позднереспубликанском Риме (По поводу концепции Ф. Миллара) // Вестник древней истории. 2003. № 3. С. 59.

УДК 94(47).084.9

В статье приводятся результаты исследования роли Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в деле охраны памятников в середине 1960 – начале 1970-х годов. На примере деятельности Ярославского областного отделения показаны формы участия общественности в охране объектов культурного наследия. В качестве источников использован корпус материалов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: формы охраны памятников; реконструкция советских городов; использование памятников архитектуры; общество охраны памятников; культурное наследие.

This article gives the results of research on the role of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments in protection of historical and cultural monuments in the middle of the 1960-es – the beginning of the 1970-es. Using an example of Yaroslavl regional branch activities forms of public involvement in protection of national heritage are given. Many documental resources serve for the first time as research materials.

Key words: forms of protection of monuments; reconstruction of soviet cities; usage of architectural monuments; society for protection of monuments; national heritage.

И. В. Голотин

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: Ilya_golotin@mail.ru

Вклад советской общественности в дело охраны памятников истории и культуры в середине 1960 – начале 1970-х годов
(на примере Ярославского края)

Научная статья

I. V. Golotin

P. G. Demidov Yaroslavl State University
E-mail: Ilya_golotin@mail.ru

Contribution of Soviet Public to Protection of Historical and Cultural Monuments in the middle of 1960s – the beginning of 1970s
(by an example of the Yaroslavl region)

Scientific article

Охрана памятников истории и культуры представляет собой историческое общественное явление, обусловленное объективными факторами. Важное место среди них, по мнению исследователей, занимает проблема сосуществования и взаимодействия двух форм памятникоохранительной деятельности – государственной и общественной [1]. Первая, как правило, выражалась в принятии законов, осуществлении надзора за их выполнением и применении карательных мер. Общественная охрана памятников, напротив, способствовала изучению, популяризации и защите объектов культурного наследия от невежества и нигилизма правящей прослойки. В данной статье мы попытаемся проанализировать основные направления деятельности советской общественности в деле сохранения памятников истории и культуры на примере работы Ярославского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников и культуры (далее – ЯВООПИК).

23 июля 1965 г. специальным Постановлением Совета Министров РСФСР (далее – СМ РСФСР) было организованно Всероссийское общество охраны памятников и культуры (далее – ВООПИК) [2]. В 1966 г. состоялся его Учредительный съезд, был утвержден устав, в котором анонсировались задачи ВООПИК: содействие государственным органам охраны памятников в их работе, привлечение широких слоев населения к распространению знаний о памятниках [3]. Общество избрало свой Центральный совет (далее – ЦС), куда вошли представители государственных органов, научных и реставрационных организаций, директора крупных музеев и заповедников, известные деятели куль-

© Голотин И. В., 2011

туры [4]. Возглавил ЦС заместитель председателя Совета Министров РСФСР В. И. Кочемасов, фактическим исполнителем и организатором работы являлся его заместитель В. Н. Иванов [5]. К концу 1970-х гг. количество членов ВООПИК превысило 12 млн человек, в его составе насчитывалось более 100 тысяч первичных организаций [6].

Создание ЯВООПИК проходило в нескольких этапов. Решением Яроблисполкома от 11.09.1965 г. был создан областной организационный комитет по подготовке и проведению учредительной конференции [7]. В число его задач входило: пропаганда целей ВООПИК среди местного населения, проведение лекций и бесед о памятниках истории и культуры Ярославского края [8]. Таким образом, проводилась работа по вовлечению в члены общества самых широких слоев населения. Для этой цели привлекались руководители культурно-просветительских учреждений – музеев, библиотек и сельских клубов. Активно велась работа и по привлечению коллективных членов – крупных промышленных, сельскохозяйственных и кооперативных организаций. Декларировалось, что членство в обществе является платным, а взносы будут направляться на реставрацию памятников [9]. Работа оргкомитетов была признана завершенной после созыва I Учредительной конференции ЯВООПИК 07.01.1966 г. [10]

В число членов ЯВООПИК входили историки, краеведы, преподаватели вузов, представители партийного аппарата и областного управления культуры, музейные сотрудники, художники, архитекторы, реставраторы. Следует отметить, что работа по привлечению в число членов общества крупных специалистов, авторитетных ученых, деятелей искусств и писателей постоянно ставилась ЦС ВООПИК в число приоритетных задач [11].

Важным этапом организации общества стало создание секций при президиуме совета ЯВООПИК [12]. Секции – исторических, архитектурных памятников, памятников археологии, искусства и литературы, а также молодежная – отражают основные направления работы общества.

Одной из самых крупных, как по количеству участников, так и направлениям работы, являлась секция по охране и пропаганде памятников архитектуры. В ее состав входили 17 специалистов – архитекторов, реставраторов, историков, искусствоведов. Председателем секции до конца 1970-х гг. был ярославский архитектор С. В. Капачинский. Основные направлениями работы секции – выявление и постановка на государственный учет памятников архитектуры, осуществление проверки выполнения охранно-арендных договоров и взыскание через суд штрафов. Так, в мае 1966 г. Облкнигторг был оштрафован на 2 000 руб. за причинение вреда церкви Николы Мокрого [13]. Неоднократно члены секции в отношении арендаторов-нарушителей готовили критические сюжеты, которые демонстрировались на Ярославском телевидении [14].

Члены секции вели жесткую борьбу с арендаторами, по вине которых памятникам причинялся существенный вред. Одним из самых громких дел середины 1960-х гг. стало обнародование фактов варварского разрушения Толгского монастыря. Ярославской общественностью была развернута кампания по его спасению. Толгский монастырь до 1959 г., по мнению специалистов, в том числе известного реставратора П. Д. Барановского, находился в хорошем физическом состоянии [15]. Однако после смены руководства детской исправительной колонии (памятник находился на ее балансе с 1934 г.) [16] памятнику был нанесен существенный вред. Дирекция колонии неоднократно выламывала кирпич из стен монастыря и строила из него гаражи [17]; во Введенском соборе был устроен ледник, который приносил большой вред фрескам [18], кровля на памятниках имела большие отверстия, а в кедровой роще было развернуто строительство домов сотрудников колонии. Несмотря на предъявляемые обвинения со стороны членов секции о нарушении практически всех Постановлений СМ РСФСР об охране памятников истории и культуры, директор колонии (Н. Д. Колосков) продолжал наносить вред памятнику [19]. Ни областная прокуратура, ни руководство Управления культуры Яроблисполкома не проявили собственной инициативы по спасению Толгского монастыря [20], тем самым став соучастниками преступления [21].

Полуразрушенный памятник был передан в ведение Русской православной церкви лишь в 1987 г. [22]. Данный пример раскрывает один из существенных недостатков работы ВООПИК в целом. Особенность структуры управления местных отделений общества состояла в том, что возглавляли их, как правило, номенклатурные работники (президиум совета ЯВООПИК возглавлял председатель Яроблисполкома С. Ф. Торопов).

Общественная организация находилась под сильным контролем власти. По мнению исследователей, именно этот фактор в значительной мере лишал членов местных отделений – общественников – самостоятельности, отдельные выступления которых не воспринимались всерьез [23].

Важным направлением работы секции по охране и пропаганде памятников архитектуры стало участие ее членов в защите исторической застройки центра города Ярославля. По мнению исследователей, середина 1960-х гг. характеризуется возвратом к утилитарному восприятию культурного наследия [24], что проявилось в возобладании антиисторических направлений в градостроительстве. В 1960-е гг. в связи с широким размахом строительства наиболее остро встал вопрос о сосуществовании исторической и современной застроек советских городов [25].

Согласно концепции застройки Ярославля, город должен был быть перестроен заново. На первое место выдвигались создание комфортных условий для проживания ярославцев (строительство домов по типовым проектам), размещение новых объектов социальной инфраструктуры, сокращение фонда ветхого жилья за счет сноса старых деревянных домов [26].

Группа ярославских специалистов, в том числе и члены секции по охране и пропаганде памятников архитектуры ЯВООПИК (А. В. Покровский, С. В. Капачинский, С. Е. Новиков и другие), принимали непосредственное участие в защите памятников. Согласно Постановлению СМ РСФСР от 24.05.1966 генеральные планы городов перед утверждением должны были быть согласованы с отделениями ВООПИК на местах [27]. Большая дискуссия разгорелась вокруг нового генерального плана Ярославля, предполагавшего снос целого ряда памятников архитектуры в историческом центре. Согласно проекту Ленинградского Гипрогора в районе «стрелки» был намечен к сносу памятник архитектуры – здание подворья Толгского монастыря и весь квартал рядом с ним [28]. Также к сносу были намечены здание Госбанка – памятника гражданской архитектуры первой половины XIX в., здания почтамта, бывшая гостиница купца Н. П. Пастухова, Технологического института на Красной площади (ныне первый корпус ЯрГУ им. П. Г. Демидова) [29]. На их месте предполагалось возведение высотных жилищных зданий.

Сложная ситуация с защитой памятников архитектуры в историческом центре Ярославля была связана с отсутствием на тот момент утвержденного местного проекта охранных зон. Согласно «Временной инструкции об организации охранных зон и зон регулирования застройки для памятников истории и культуры в РСФСР» (1966 г.) определялись особые режимы застройки городов [30]. В частности, в охранных зонах запрещалось любое новое строительство, снос архитектурных сооружений без согласования органов охраны [31]. Благодаря своевременному участию общественности в обсуждении, а затем в утверждении в 1968–1969 гг. схемы охранных зон центра Ярославля, удалось спасти целый комплекс историко-архитектурных памятников [32].

Однако факты порчи в связи с реконструкцией с молчаливого согласия органов охраны и общества по-прежнему оставались. Так, в докладной записке В. И. Жельвиса, председателя первичной организации ВООПИК при Ярославском педагогическом институте, отмечались многочисленные случаи системных переделок и перестроения фасадов памятников архитектуры XVIII – начала XIX в. Автор сделал вывод, что тем самым предпринята попытка уничтожения облика Ярославля как старого губернского города [33].

В деятельности ВООПИК, в частности Ярославского областного отделения, прослеживаются две основные тенденции. С одной стороны, благодаря участию членов общества в деле охраны памятников были предприняты конкретные решения по их сохранению. С другой – будучи зависимы от влияния государства и принимая порой позицию вынужденного соглашательства, они санкционировали разрушения и переделки памятников истории и культуры.

Список использованной литературы

1. Кулемзин А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление. Кемерово, 2001. С. 250.

2. Охрана памятников истории и культуры: сб. документов / под. ред. Г. Г. Анисимова. М.: Советская Россия, 1973. С. 144.

3. Фуров В. Г. Грани наследия. М.: Советская Россия, 1985. С. 38–39.

4. Алексеева М. В. Государственное управление в сфере охраны культурного наследия. Ростов н/Д., 2009. С. 48.

5. Павлович М. К. В. Н. Иванов. Страницы биографии // История и культура Ростовской земли. Ростов, 2006. С. 20.

6. Иванова Л. И. Проблемы сохранения культурного наследия в СССР // Социализм и культура: сб. ст. М., 1982. С. 53.

7. Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИ ЯО). Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.

8. Там же. Л. 24.

9. Там же. Д. 38. Л. 29–30.

10. Там же. Д. 22. Л. 10.

11. Материалы IV пленума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М., 1971. С. 135–136.

12. ЦДНИ ЯО. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 21. Л. 93.

13. Там же. Д. 20. Л. 21.

14. Там же. Л. 22.

15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-639. Оп. 1. Д. 272. Л. 12.

16. ЦДНИ ЯО. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 46. Л. 15.

17. Там же. Д. 36. Л. 30.

18. Там же. Д. 31. Л. 55–56.

19. ГАРФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 54. Л. 114–115.

20. ЦДНИ ЯО. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 31. Л. 77.

21. Там же. Д. 8. Л. 175.

22. Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля. Ярославль, 2005. С. 519.

23. Рязанцев Н. П. Охрана культурного и природного наследия в России в XX веке. Ярославль, 2007. С. 25.

24. Казка Е. А. История охраны памятников историко-культурного наследия в Бурятии в 1918 – 1965 гг.: дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006. С. 115.

25. Полякова М. А. Охрана культурного наследия России: учеб. пособие для вузов. М.: Дрофа, 2005. С. 94.

26. Хуторянский В. Л. Ярославль в ближайшем будущем. Ярославль, 1959. С. 13 – 15.

27. Охрана памятников истории и культуры. С. 153.

28. ГАРФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 54. Л. 62.

29. Там же. Л. 63.

30. Там же. Д. 49. Л. 22.

31. Кочемасов В. И. Год поисков, год надежд // История СССР. 1967. № 5. С. 198.

32. ЦДНИ ЯО. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 30а. Л. 20.

33. Там же. Д. 46. Л. 14.

УДК 94(47.072)

Статья посвящена анализу социального состава служащих приказов общественного призрения в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв., т. е. за весь период их существования. На основе архивных материалов, выявленных в государственных архивохранилищах Костромской, Тверской и Ярославской областей, охарактеризовано представительство различных сословий в системе местных государственных учреждений социальной направленности, представлено соотношение образовательного уровня и вероисповедания сотрудников данного ведомства.

К л ю ч е в ы е с л о в а : приказы общественного призрения; Верхнее Поволжье; социальный состав; чиновники.

The article is devoted to the analysis of social structure of public charity serving orders in the last quarter XVIII – first half XIX centuries, i.e. all period of their existence. On the basis of the archival materials revealed in state archival storehouses of the Kostroma, Tver and Yaroslavl regions, the representation of various estates in system of local official bodies of a social orientation is characterized, the parity of educational level and religion of employees of the given department is presented.

K e y w o r d s : public charity orders; the Upper Volga region; social structure; officials.

А. В. Кузьмичев

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: kuzav-@mail.ru

Социальный состав служащих приказов общественного призрения в последней четверти XVIII – первой половины XIX века
(на материалах губерний Верхнего Поволжья)

Научная статья

A. V. Kuzmichev

P. G. Demidov Yaroslavl State University
E-mail: kuzav-@mail.ru

Social Structure of Public Charity Serving Orders in the Last Quarter of the XVIII – First Half of the XIX Century
(by materials on provinces in the Upper Volga region)

Scientific article

В последнее время в России большое значение придаётся повышению эффективности «человеческого капитала». Поэтому востребованным сегодня становится исторический опыт решения социальных вопросов и подготовки кадров для социальных служб. Для оценки кадрового состава и эффективности работы персонала государственных органов управления было предпринято исследование приказов общественного призрения в губерниях Верхнего Поволжья в последней четверти XVIII – первой половине XIX в., которые появились в результате губернской реформы Екатерины II 1775 г. [1]

Дореволюционные авторы изучали в основном финансовую деятельность приказов общественного призрения [2]. Историки советского периода редко обращали внимание на деятельность приказов общественного призрения. Тем не менее в исследованиях Н. П. Ерошкина, А. Д. Степанского, В. И. Беляева и др. рассматривалась деятельность местных государственных учреждений, в том числе приказов общественного призрения [3]. Современные исследователи активно разрабатывают историю благотворительности, изучают местные правительственные учреждения, их состав и основные направления деятельности [4]. В работах О. К. Павловой, Т. Б. Кононовой, Е. А. Зеленовой появление данных органов рассматривается как закономерный и неотъемлемо связанный с благотворительной деятельностью процесс [5]. Данное утверждение особенно активно развивается в современных работах [6]. Деятельность местных органов власти Верхнего Поволжья на рубеже XVIII – XIX в. исследовали В. М. Марасанова, И. Г. Мельникова и др. [7], однако приказы общественного призрения в верхневолжских губерниях еще не были темой специального комплексного исследования.

В процессе изучения приказов общественного призрения можно опереться на широкий круг исто-

© Кузьмичев А. В., 2011

рических источников, таких как, например, законодательные акты, делопроизводственная документация, включающая журналы заседаний, формулярные списки о службе чиновников, в фондах приказов общественного призрения и других местных учреждений, хранящихся в государственных архивах Костромской, Тверской и Ярославской областей.

Анализ источников показал, что приказы общественного призрения являлись сложной структурой. С одной стороны, в их деятельности концентрировались административные функции управления, а с другой – им подчинялись различные по своему назначению учреждения (тюрьмы, богадельни, больницы, приюты, работные дома). Таким образом, во-первых, можно говорить собственно о чиновниках приказов общественного призрения. Табельными чиновниками в приказах являлись председатель – губернатор и столоначальники, но для функционирования приказов были необходимы и канцелярские служители – писари, письмоводители и т. д. Во-вторых, для выполнения возложенных на них задач приказы привлекали дополнительный персонал: врачей, смотрителей, фельдшеров, обслуживающий персонал в учреждениях, входивших в ведомство приказов (кухарок, сторожей, истопников).

В отличие от других губернских учреждений, приказы общественного призрения не получили твёрдых штатов и необходимых для выполнения своих задач денежных средств. Они действовали главным образом за счёт добровольных пожертвований и штрафов, большая часть которых направлялась на содержание тюрем [8]. Работой приказа общественного призрения руководил губернатор. В состав учреждения входили и заседатели от губернских сословных судов [9]. Приказы должны были контролироваться представителями сословий, кроме крепостных и духовенства. В состав каждого приказа входили 2 заседателя верхнего земского суда, избиравшиеся из дворян, 2 заседателя губернского магистрата как представители купеческого и мещанского сословий, 2 заседателя от верхней расправы, т. е. представители государственных крестьян. При необходимости приказам предоставлялось право приглашать на свои заседания предводителя дворянства и городского голову. Однако данное представительство не было выборным; все члены приказа назначались губернатором, а, значит, приказ был ему подотчётен.

В полном составе члены приказов были обязаны собираться один раз в год в период с 8 января до страстной недели, предшествовавшей Пасхе. Ход заседания фиксировался в специальном журнале, который затем отсылался на просмотр губернскому прокурору. Например, в Государственном архиве Ярославской области (ГАЯО) хранится значительное число дел, озаглавленных «Журналы заседаний приказа общественного призрения» [10]. В них рассматривались текущие дела, связанные, прежде всего, с хозяйственной деятельностью конкретных заведений общественного призрения.

Весьма полное представление о приказе общественного призрения дают документы Государственного архива Тверской области (ГАТО). Так, в 1840-е гг. в Тверском приказе общественного призрения в разное время служило около 36 человек, в основном представители администрации (в том числе секретари, бухгалтера, писцы, столоначальники) (18 человек или 50%), а также смотрители и их помощники различных больниц, аптекари (18 человек или 50%) [11]. Имеющиеся данные дают представление о вероисповедании служащих Тверского приказа общественного призрения, где большинство составляли православные (33 человека, или 91,5%), хотя также были и лютеране (2 человека, или 5,5%), у одного человека (3%) вероисповедание в документах не указано. Такой религиозный состав служащих совпадал с вероисповеданием населения всего региона, которое было преимущественно православным.

Материалы ГАТО позволяют судить и о принадлежности служащих к определённому сословию. Так, выходцы из дворян составляли 6 человек (16,5%); из духовного звания происходил 21 человек (58%); из военных – 4 (11%); 1 человек являлся выпускником воспитательного дома (3%); из детей приказных служителей – 2 человека (5,5%); из придворно-егерских – 1 человек (3%); социальное происхождение одного человека не было указано (3%). Если детям дьяконов и священников не представлялось возможности принятия сана священнослужителей, то они зачастую нанимались на канцелярские должности в приказы общественного призрения. Дворянам предоставлялось преимущественное право стать или смотрителями больниц, или главными смотрителями, например, богоугодных заведений.

Сословие определяло уровень полученного образования. Из 36 человек в Тверском приказе общественного призрения духовное образование получили 18 человек (50%), светское – 5 (14%), военное – 1 (3%), домашнее – 1 (3%); у 11 человек образование в источниках не указано (30%). Подобная ситуация сохранялась в приказах верхневолж-

ских губерний до 1860-х гг. [12]. К концу 1850-х гг. в Тверском приказе общественного призрения из 16 служащих 7 человек (44%) получили духовное образование, столько же (44%) учились в светских учебных заведениях, 1 человек (6%) обучался вольнонаёмными учителями, у одного (6%) – не было аттестата. За то же время увеличился процент представителей духовного сословия до 10 человек (62%), военного – до 2 (13%), но уменьшился состав служащих-дворян – до 2 человек (13%). В приказе служил 1 воспитанник Московского воспитательного дома (6%) и 1 человек из «приказнослужительских детей» (6%) [13]. Эти данные свидетельствуют о постепенном росте уровня образования сотрудников приказа и некотором увеличении численности представителей духовного сословия.

Изученные документы показали, что в приказах общественного призрения работали представители различных слоёв населения. Приказы имели два уровня – административный и исполнительный, сосредоточивавшийся непосредственно в подведомственных учреждениях. Соответственное количественное распределение служащих выглядело примерно в пропорции 2:1 (на 40 человек управленцев приходилось по 16 – 20 человек персонала в каждом из учреждений приказов). Приказы были ориентированы прежде всего на непривилегированное население.

Список использованной литературы

1. Благочестивейшей Самодержавнейшей Великой государыни императрицы Екатерины Второй учреждения для управления губерний Всероссийской империя. М., 1775.

2. Апушкин А. А. Призрение душевнобольных в Костромской губернии. Кострома, 1911; Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Т. 1. СПб., 1875; Костромской край: юбилейный сб. 1613–1913. Кострома, 1913; Максимов Е. Д. Приказы общественного призрения в их прошлом и настоящем // Трудовая помощь. 1901. № 9, 10; Сырцов И. Я. Город Кострома в его прошлом и настоящем. Кострома, 1909; и др.

3. Беляев В. И. Здравоохранение Ярославля в прошлом и настоящем. Ярославль, 1961; Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983; Степанский А. Д. История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979; и др.

4. Калинин В. Д. Из истории городского самоуправления в России (XVII – начало XX в.) М., 1994; Марасанова В. М. Местное управление в Российской империи (на материалах Верхнего Поволжья). М., 2004; Фрученкова Т. Г. Воспитательные дома и начало светской благотворительности и общественного призрения в России в царствование Екатерины II // Благотворительность в России: Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003; и др.

5. Зеленова Е. А. Трансформация благотворительной деятельности в системе социальной политики России (вопросы теории и практики). М., 2009; Кононова Т. Б. Особенности развития благотворительности в России. М., 2002; Павлова О. К. Российская история: Предпринимательство и благотворительность. СПб., 2004.

6. Благотворительность как нравственный ресурс гражданского общества России. СПб., 2007; Мерсиянова И. В. Практики филантропии в России: вовлечённость и отношение к ним населения. М., 2009 (Сер. «Мониторинг гражданского общества». Вып. 3); и др.

7. Марасанова В. М. Чиновничество верхневолжских губерний в последней четверти XVIII века: численность и состав // Вестник Яросл. гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2008. № 5. С. 13–17; Мельникова И. Г. Чиновничество верхневолжских губерний в первой четверти XIX века: автореф. дис. … канд. ист. наук. Ярославль, 2010; и др.

8. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 511. Оп. 1. Д. 420. Л. 3; Ф. 511. Оп. 1. Д. 237. Л. 161 об.-162; Ф. 511. Оп. 1. Д. 928. Л. 64; Ф. 511. Оп. 1. Д. 263. Л. 7.

9. Памятная книжка Костромской губернии на 1853 г. Кострома, 1853. С. 10.

10. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 83. Оп.1. Д. 481, 551, 729; Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 156. Оп. 1. Д. 11; Ф. 486. Оп. 1. Д. 2.

11. ГАТО. Ф. 511. Оп. 2. Д. 23. Л. 6–11; Ф. 511. Оп. 2. Д. 184. Л. 117 об.-221; Ф. 511. Оп. 1. Д. 226. Л. 1-9, 74; Ф. 511. Оп. 1. Д. 453. Л. 2-5; Ф. 511. Оп. 1. Д. 934; Ф. 511. Оп. 1. Д. 229. Л. 11–18а; Ф. 511. Оп. 1. Д. 237. Л. 12; Ф. 511. Оп. 1. Д. 335. Л. 10.

12. ГАТО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 6583. Л. 1; ГАКО. Ф. 156. Оп.1. Д. 1200. Л. 8–9.

13. ГАТО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 408. Л. 2об.-16, 29-59; Ф. 511. Оп. 1. Д. 255. Л. 114–188.

УДК 656:94(470.13)

Статья посвящена анализу системы подготовки водителей и других специалистов автотранспортной отрасли на примере Коми АССР в 1920–1940-е гг. На основе архивных материалов, выявленных в Национальном архиве Республики Коми (НАРК), и других источников изучена система преподавания в автошколах, уровень подготовки и социальное обеспечение курсантов.

Ключевые слова: автошколы; шоферские курсы; автотранспортная отрасль; Коми АССР.

The article is devoted to the analysis of training system for drivers and other experts of the motor transportation branch by an example of the Komi Republic in 1920 - 1940. The system of teaching in driving schools, level of preparation and social maintenance of cadets is investigated on the basis of archival materials revealed in the National archive of the Komi Republic and other sources.

Key words: driving schools; driving programmes; motor transportation branch; the Komi Republic.

Д. В. Логинова

Сыктывкарский лесной институт
E-mail: dianalog2010@mail.ru

Становление системы подготовки водителей и специалистов массовых профессий на автотранспорте Коми АССР (1920-е – середина 1940-х гг.)

Научная статья

D. V. Loginova

Syktyvkar Forest Institute
E-mail: dianalog2010@mail.ru

Developing the Training System for Drivers and Specialists of Popular Professions in the Automobile Industry in the Komi Republic (1920s – middle 1940s.)

Scientific article

Сегодня истории автомобильного транспорта придается большое значение: собраны многочисленные документы, статистические данные и воспоминания очевидцев, которые позволяют «построить родословную» отечественного автомобилестроения. Кроме того, организация подготовки кадров для автомобильной отрасли, которая широко развернулась с первых лет Советской власти, имеет практическое значение.

Историки советского периода, освещая историю автотранспорта, редко обращали внимание на деятельность автошкол, краткосрочных курсов и техникумов, ведущих подготовку специалистов для автотранспортной отрасли [1]. В постсоветское время работы по данной теме также весьма малочисленны [2]. Подготовку кадров для речного, железнодорожного и автомобильного транспорта Коми АССР в 1930–1960-е гг. рассмотрел М. П. Дмитриков [3]. Некоторую информацию об истории автошкол можно найти непосредственно на их сайтах, приглашающих на курсы по вождению [4]. Таким образом, начальный период автомобилизации республики практически не освещен в литературе.

Предметом настоящего исследования стало изучение системы подготовки кадров для автотранспортной отрасли в Республике Коми в 1920 – середине 1940-х гг. При изучении деятельности автотранспортных образовательных учреждений в Коми можно опереться на такие исторические источники, как нормативно-правовые документы (приказы, указания, инструктивные письма и т. д.); делопроизводственная документация автопредприятий и автошкол; статистические материалы; материалы периодической печати (прежде всего областной газеты «За новый Север»), хранящиеся в Национальном архиве и Национальной библиотеке Республики Коми.

© Логинова Д. В., 2011

Необходимость массовой подготовки кадров для автомобильной отрасли республики была продиктована тем, что в середине 1930-х гг. автомобиль начал вытеснять гужевой транспорт в перевозке грузов и пассажиров, позволив увеличить объемы и сократить время перевозки. Всего в 1920 − середине 1940-х гг. в Коми АССР было организовано 23 школы и курсовой подготовки – самостоятельных, а также при предприятиях и техникумах. Самыми крупными в республике были автошкола ТЭК (треста Трансэнергокадры) и курсы шоферов при тресте «Комилес».

Курсы по подготовке специалистов были платными. Размер платы для предприятий в различных школах составлял от 115 до 700 руб. за человека. К учебе допускались лица обоего пола в возрасте 18–35 лет. Но с началом Великой Отечественной войны возрастной ценз был понижен до 14 лет. Преимуществом при наборе на курсы пользовались мужчины. Поступающие должны были иметь образование не ниже 7 классов. В годы войны требование образовательного уровня было понижено до 4 классов и более этот уровень не понижался. При поступлении на курсы достаточно было подать документы. Единственными учебными заведениями, где абитуриенты сдавали вступительные испытания, были курсы водителей при Управлении Сыктывкарских лесозаводов и Сыктывкарском лестехникуме (в последнем приемные испытания проводились в объеме начальной школы по математике, физике, политграмоте, русскому и коми языкам) [5].

Руководство автошкол и курсов при организации учебного процесса самостоятельно устанавливало сроки обучения и переподготовки специалистов, придерживаясь установленных нормативов [6]. В среднем подготовка водительских кадров 3-го класса составляла 2,5–3,5 месяца, водителей 2-го класса – 2 месяца. Были и курсы шоферов с 4- и 5-месячными сроками обучения [7]. Подготовка других специалистов (дизелистов и газогенераторщиков, шиномонтажников, аккумуляторщиков, автослесарей, авторегулировщиков, автоэлектромонтеров) проходила в течение 1–2 месяцев в зависимости от специальности. В годы войны сроки подготовки специалистов были сокращены до 35 дней. Кроме того, автошколы предлагали безотрывную от производства систему подготовки, но в этом случае сроки обучения удлинялись в 1,5–2 раза. Иногда подготовку и переподготовку шоферов и трактористов автошколы проводили непосредственно при хозяйствах [8]. Для этого, например, автошкола ТЭК заключала договоры с организациями, предприятиями, колхозами и совхозами, МТС Коми АССР [9].

Автошколы также принимали лиц в частном порядке (автошкола ТЭК и Автомотошкола при республиканском комитете физкультуры и спорта). С началом войны этот вид подготовки был отменен и принимались только лица, командированные от военкомата и предприятий.

Поступающие на учебу должны были пройти медицинское освидетельствование, предоставить командировочное удостоверение от предприятия, паспорт, анкету, заверенную фабзавкомом, воинский билет, характеристику с места работы за последний год. Зачисленным курсантам выдавалось удостоверение установленного образца.

По нормативам в автошколах теоретические занятия длились 45 минут с 5-минутными перерывами. Перечень обязательного учебного оборудования включал в себя демонстрационные пособия, учебные экспонаты и промышленные образцы частей автомобиля (двигатель, блоки цилиндров и т. д.), образцы автоматериалов, действующие агрегаты, модели, плакаты, кинопленочные диапозитивы, учебно-производственное оборудование, учебно-тренировочные приборы, учебные ходовые машины [10]. Теоретические занятия, включавшие теорию и устройство автомобиля, правила дорожного движения, перемежались с учебным вождением, которое всегда было наиболее слабым местом учебного процесса вследствие недостатка транспортных средств и необходимости экономии бензина, особенно в годы войны. До войны для учебных поездок выделялось 30 часов. Но уже в 1942 г. количество часов учебной езды было сокращено сначала до 20, а затем − до 15, но при этом требования к навыкам вождения не были снижены. Отмена в годы войны обязательного представления экзаменующимися справок о числе часов учебного вождения позволило «развязать» этот узел, но качество подготовки вождения значительно упало.

Для обучения курсантов в автошколе ТЭК было 3 автомашины ГАЗ-АА, одна из которых в годы войны была переделана под газогенераторный ГАЗ-42. Все машины были исправны и на ходу [11]. В связи с острой нехваткой бензина

всем начальникам Автоуправлений, школ и курсов рекомендовалось перевести учебные машины с бензинового на газогенераторный вид механизма. Соответственно необходимо было обеспечить их чурками как видом топлива. Их производство было налажено в п. Верхний Чов г. Сыктывкара.

К выпускным экзаменам допускались все курсанты, прошедшие теоретическую и практическую подготовки. Комиссия по приему итогового экзамена состояла из представителя райвоенкомата, являвшегося председателем комиссии, представителей Госавтоинспекции и райисполкома. Преподаватели автошколы присутствовали на всех экзаменах только с правом совещательного голоса. Знания оценивались по шкале от 2 до 5 баллов по каждой дисциплине. Курсант допускался к сдаче всех экзаменов независимо от того, как им были сданы предыдущие. Разрешалась пересдача дисциплин. Получившие по всем дисциплинам «отличные» оценки награждались похвальными грамотами. Удостоверения шоферов курсанты получали в Госавтоинспекции. В зависимости от оценок устанавливался срок стажировки для шоферов [12]. Все курсанты, сдавшие экзамены в ГАИ, обязаны были пройти 2-месячную стажировку в автохозяйствах в качестве помощников шоферов с обязательной работой на текущем ремонте, и только после этого они допускались к самостоятельному управлению автомобилем.

Практически все автошколы обеспечивали студентов общежитием либо им выплачивались «квартирные» для самостоятельного съема жилья. Поскольку проблема жилья являлась главной причиной отсева с курсов, директоров Сыктывкарских учебных заведений – строительного и кооперативного техникумов, фельдшерско-акушерской школы – обязывали предоставлять на время летних каникул помещения в своих учебных заведениях под общежития [13]. Важным обстоятельством являлось и обеспечение учащихся постельным бельем [14]. К услугам студентов Сыктывкарского лестехникума были предоставлены столовая и прачечная [15]. Учащимся автошколы ТЭК в годы войны Наркомат торговли должен был ежемесячно выделять 25 кг мыла [16]. Школы и курсы обеспечивали курсантов письменными принадлежностями.

Одним из решающих условий при выборе учебного заведения была выплата стипендии учащимся. В целом она варьировалась в рассматриваемый период от 100 до 250 руб. Кроме того, в Сыктывкарском лестехникуме в годы войны студентам выдавались также рабочие карточки II категории и было положено 2-разовое питание [17]. Курсанты автошколы ТЭК были прикреплены к Дырносскому кирпичному заводу для обеспечения их дополнительным питанием. Это было очень важно в голодные военные годы.

Одной из мер по повышению знаний по автоделу был техминимум для всех работников автотранспортных предприятий. На усвоение дисциплин техминимума отводилось 29 часов (в 1936 г.), впоследствии это количество увеличилось до 60. Организовывались также кружки по изучению автомобиля и курсы повышения квалификации водителей. Весной 1936 г. такой кружок был организован на базе Коми Автогужтреста. Руководителем был назначен начальник ГАИ Коми АССР Д. Н. Галаган с оплатой 6 руб. в час (оплата штатных преподавателей в 3 раза ниже). Кружок обязаны были посещать все шоферы, их помощники, заведующие эксплуатационным отделом и агенты по движению, также начальник автопарка. Занятия проводились ежедневно после работы с 18 до 21 часа [18].

Несмотря на масштабность подготовки специалистов автотранспортной отрасли, были и недостатки в организации учебного процесса. Приведем несколько примеров. Плохо проводилась практическая подготовка шоферов по слесарным и демонтажным работам [19]. Обеспечение методической литературой тоже было не на высоте, и в связи с расширением учебной деятельности автошкола покупала у организаций и частных лиц литературу по устройству мотоциклов и автомашин [20]. У автошкол редко были собственные помещения [21]. В связи с этим водительская квалификация зачастую оставалась довольно низкой.

Всего за годы работы только автошколы ТЭК подготовили более 1,5 тыс. специалистов для автотранспортной отрасли [22]. В целом за довоенный период в Коми АССР была налажена подготовка водительских и иных кадров на многих предприятиях, что позволило обеспечить автотранспортными кадрами всю республику. Большинство из них было закрыто к концу войны. Подготовкой кадров начали заниматься исключительно в автошколе ТЭК.

Список использованной литературы

1. Киздарбеков Б. История развития автотранспорта Казахстана (1959-1970 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Алма-Ата, 1981. 26 с.

2. Лаврентьев А. В. Автомобильный транспорт юга Дальнего Востока СССР (30-е – середина 80-х гг. XX в.): Исторический опыт: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2001. – 25 с.; Рубец А. Д. История автомобиля в России. М., 2008. С. 190–196; и др.

3. Дмитриков М. П. Создание единой транспортной системы Коми АССР (1938 – 1960 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1986. 15 с.

4. Классические традиции подготовки водителей / Ростовский учебно-курсовой комбинат автомобильного транспорта // URL: http://www. voditel61.ru (дата обращения: 24.02.2011); Кузница автомобильных кадров: 75 лет Челябинскому областному учебно-курсовому комбинату автомобильного транспорта // URL: http://www. zavedi. ru (дата обращения: 24.02.2011); Автошкола Красноярск // URL: http://www. ukkat-krsk.ru (дата обращения: 24.02.2011); и др.

5. Объявление // За новый Север. 1936. 20 июля. С. 4; Там же. 1940. 16 февр. С. 4.

6. Основные положения об автошколах и курсах: учебный план и программы подготовки шоферов. М.: ТЭК, 1936. 79 с.

7. Объявление // За новый Север. 1936. 24 июля. С. 4.

8. Там же. 1940. 18 марта. С. 4.

9. Там же. 10 дек. С. 4.

10. Перечень обязательного учебного оборудования автомобильных школ и курсов «Трансэнергокадры». М.: Трансэнергокадры, 1936. С. 5–7.

11. НАРК. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 82. Л. 59.

12. Там же. Л. 12.

13. Там же. Ф. р-727. Оп. 1. Д. 6. Л. 96.

14. Там же. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 53. Л. 33.

15. Объявление // За новый Север. 1942. 1 июля. С. 4.

16. Там же. 1936. 20 июля. С. 4.

17. НАРК. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 61. Л. 79.

18. Объявление // За новый Север. 1944. 24 мая. С. 4.

19. НАРК. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 5. Л. 15.

20. Объявление // За новый Север. 1941. 9 нояб. С. 4.

21. Шнюков М. Автошкола заслуживает большего внимания // Там же. 26 марта. С. 3.

22. Подсчитано по: НА РК Ф. Р-140. Оп. 2. Т. 2. Д. 1848, 1915,1961, 1971, 1986, 1998; Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 82.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008.82.09

Статья посвящена анализу аспектов реализации известного культурного проекта «Борис Акунин» и рассмотрению факторов и предпосылок появления известной издательской марки (литературно-издательский проект) на литературном рынке.

Ключевые слова: литературно-коммерческий проект; автор-брэнд; миддл-литература.

The article renders aspects of realization of the cultural project «Boris Akunin» and analyzes preconditions and factors for emerging of the well-known publishing brand inside literary (art) market.

Key words: literary-commercial project; author-brand; middle-literature.

С. П. Сорокин

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
E-mail: in_ter@list.ru

Литературно-коммерческой проект «Борис Акунин» в контексте современной социокультурной ситуации

Научная статья

S. P. Sorokin

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
E-mail: in_ter@list.ru

Literary-Commercial Project «Boris Akunin» Inside Contemporary Social-Cultural Situation

Scientific article

Борис Акунин – в современной российской культуре явление многоплановое. Это и псевдоним литератора Григория Чхартишвили, и самая успешная в современной российской словесности издательская марка, и сверхпопулярный бренд, и медийная фигура, а в последнее время и персонаж, выражающий традиционное для типа русского интеллигента отвращение к власти и режиму. В рамках данной статьи рассмотрим некоторые аспекты реализации литературно-коммерческого проекта, который также можно назвать «Борис Акунин».

Понятие «литературный проект» довольно широко употребляется в современной культуре, в том числе применительно к фигуре Бориса Акунина. Нам, в контексте темы, ближе всего те определения, которые на сей счет дает Я. М. Бендерский: «Литературный проект <…> не просто книга или книги одинокого писателя; книга сама по себе и сама в себе, пока еще не оцененная критикой. Книга, которая вбрасывается в безграничный книжный рынок, который ей нужно завоевать и доказать, что ее стоит-таки купить и прочитать. Проект же – это серьезное вложение капитала, целая индустрия шоу-бизнеса, хорошо знающая законы продаж, которая стоит за тобой и раскручивает твои книги, рекламируя, зондируя почву, оповещая читателей и внедряя в подсознание назойливую мысль, будто бы без данной книги ты отстанешь от моды. Литературный проект просчитывается далеко вперед и до малейших деталей, холодно и по-деловому, бьет без промаха, учитывает малейшие прихоти читателя, подлаживаясь и удобно подстраиваясь под его вкусы и потаенные желания. Короче, литературный проект – это удачный способ быстро и хорошо заработать» [1].

Анализируемый литературно-коммерческий проект был подготовлен теми тенденциями, которые существуют в современной культуре. Что было угадано и учтено при создании и реализации проекта «Борис Акунин»? Представим анализ тех предпосылок и факторов, которые способствовали появлению известной издательской марки.

В России возникает явление, аналогичное массовой литературе Запада. Литератор вышел на рынок. Массовый читатель требует «своей» литературы,

© Сорокин С. П., 2011

а литератор чутко воспринимает законы коммерческого литературного рынка и обслуживает этот запрос. «Личность писателя трансформируется личностью читателя, – писал Ю. Айхенвальд. – Не только писатель определяет читателя, но и читатель – писателя: первый создает последнего по образу и подобию своему, симпатически выявляя его сущность» [2]. Литература сегодня нередко «сканирует массу», переносит ее психологические характеристики на другой носитель. Можно согласиться с М. Загидуллиной: проектирующий себя автор в массовом искусстве стремится написать книгу так, чтобы она читалась, а целью этого осмысленного «хождения в народ» становится желание «угадать язык той, второй, литературной системы и овладеть им в совершенстве» [3]. Установки и стратегии массового читателя (и порожденного его «ожиданием» писателя), в которых обнаруживаются радикальные ментальные сдвиги и своеобразная корректировка сознания, свидетельствуют об «упрощении» литературных ожиданий. Характерно в связи с этим признание самого Бориса Акунина: «Беллетрист существует в режиме диалога. Он всегда рассказчик, он всегда следит за реакцией публики, он ее просчитывает. Этого требует элементарная учтивость: взялся развлекать – развлекай» [4].

Имеет место ориентация творца на успех и популярность. В литературу входит практика автора-бренда, автора-звезды: имя автора массовой литературы становится брэндом в том значении, как его понимают современные культурологи. «Брэнд – это, разумеется, продукт. Но в снятом виде он включает не только сам продукт, но и его потребителя как социальный тип, и социально-культурный контекст его потребления. Продукт создан анонимом для анонима. Издательства предлагают различные способы включения читателя в раскрутку брэнда. Реклама формирует подсознание-авоську, в которую сбрасываются все товары – от зубной пасты до конфеты» [5]. В эту «подсознание-авоську» массового читателя сбрасывают и название новых издательских проектов.

В литературе, как и в целом в культуре, возникает «многоукладность» [6], в частности феномен дифференцированного спроса и его удовлетворения. Существенным контекстом для проекта «Борис Акунин» стало введенное С. И. Чуприниным понятие миддл-литературы – типа словесности, стратификационно располагающегося между высокой, элитарной, и массовой, развлекательной, литературами, порожденного их динамичным взаимодействием и по сути снимающего оппозицию между ними [7]. К миддл-классу можно отнести как «облегченные» варианты высокой литературы («серьезность light», по наблюдению М. Ратгауза) [8], усвоение которых не требует от читателей особых духовных и интеллектуальных усилий, так и те формы массовой литературы, которые отличаются высоким исполнительским качеством и нацелены отнюдь не только на то, чтобы потешить публику.

Есть определенные общие черты литературы миддл-класса:

во-первых, ориентация на образовательный уровень, интеллектуальные навыки и интересы «офис-интеллигенции». «Это, – фиксирует И. Роднянская, – основательные, обеспеченные, продуктивные люди, для которых натренированность ума, цивилизованность вкуса, эрудированность в рамках классического минимума так же желанны, как здоровая пища, достойная одежда и занятия в фитнес-центрах». Их «бодрая готовность к безотказному функционированию плохо совместима с разными там метафизическими запинками вроде вопросов жизни и смерти. Хотя отлично совмещается с любопытством к таинственному и чудесному, развеивающему скуку, не навевая тревоги» [9];

во-вторых, для писателей этого вектора характерно подчинение собственно эстетических функций произведения задачам коммуникативным, когда ценятся сообщение и остроумие, сюжетная и композиционная изобретательность, проявленные автором при передаче этого сообщения. Эта литература не может быть ни аутичной, ни депрессивной, зато обязана быть занимательной, стремясь, как заметил Б. Дубин, к «синтезу привычного и экстраординарного» [10];

в-третьих, общей чертой миддл-литературы можно назвать отказ от так называемого языка художественной литературы (с его установкой на стилистическую изощренность и опознаваемую авторскую индивидуальность) в пользу языка нейтрального, безусловно грамотного, но не создающего проблем для понимания даже и при торопливом чтении.

В миддл-литературе, по словам О. Седаковой, «успех и слава входят в само задание, в самый замысел такого рода творчества. ‹…› Это совсем не низкий успех, это выполнение задачи общественного служения поэта, это знак того, что порученное ему сообщение доведено до адресата» [11].

Проект обязан своим существованием изменениям в литературной практике. Постмодернизм

в русской литературе, зародившись как явление элитарное и концептуальное, к концу 1990-х гг. перетекает в коммерческую словесность как технология. Коммерческие авторы используют игровую технику, разработанную постмодернистами. Об игровой природе своей литературной деятельности Борис Акунин рассуждает характерным образом: «…Я уверен, что многие профессиональные литераторы займутся жанровой литературой, и это будет получаться интересно. Потому что игровая литература – это вообще интересно» [12]. Теперь это игра с ожиданиями широкого читателя, направленная на их удовлетворение.

Отчасти специфика читательского спроса в России оказалась связана с пристрастием к детективу, а отчасти с историко-культурной памятью, требовавшей от писателя соответствия нормам и темам высокой классики XIX в., идейности, проблемности, а не сугубо утилитарной деятельности. Однако эти идеи и проблемы должны резонировать на уже существующие у читателя знания и уже сложившиеся взгляды. Ю. М. Лотман определял специфику читательского заказа в «переходные эпохи»: «Читатель хотел бы, чтобы его автор был гением, но при этом он же хотел бы, чтобы произведения этого автора были понятными» [13]. На этот запрос ответил и проект «Борис Акунин».

Список использованной литературы

1. Бендерский Я. М. Борис Акунин – литературный проект или ловкая мистификация. 2009. 27 авг. // URL: http://world.lib.ru/b/benderskij_j_m/yakov_be.shtml (дата обращения: 13.05.11).

2. Айхенвальд Ю. А. Последние страницы: Воспоминания. Проза. Стихи. М.: ИЦ РГГУ, 2003. С. 311.

3. Загидуллина М. В. Ремейки, или Экспансия классики // Новое литературное обозрение. 2004. № 5 (69). С. 219.

4. Кузьменко Е. А. Писатель № 06577: [Григорий Шалвович Чхартишвили] // Огонек. 1999. Ноябрь, № 34. С. 43.

5. Дубин Б. В. Действующие лица и исполнители: Литературная культура постсоветской России // Свободная мысль-XXI. 2003. № 1. С. 107.

6. Лотман Ю. М. О русской литературе: Статьи и исследования (1958–1993): История русской прозы. Теория литературы / [Вступ. ст. И. А. Чернова]. СПб.: Искусство-СПБ, 1997. С. 86.

7.Чупринин С. И. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям. 2009. 14 мая // URL: http://lib.rus.ec/b/177813/read. (дата обращения: 13.05.11).

8. Ратгауз М. Е. Первое постсоветское поколение: культурный прорыв? 27.06.2010 // URL: http://www.5-tv.ru/video/503168 (дата обращения: 13.05.11).

9. Роднянская И. Б. Инволюционные модели культуры как актуальный симптом // Вопросы литературы. 2010. № 1 // URL: http://magazines.russ.ru/voplit/2010/1/ro1.html (дата обращения: 13.05.11).

10. Дубин Б. В. Указ. соч. С. 99.

11. Седакова О. О современной гуманитарной мысли // «Газета «Культура»»: электрон. журнал. 2003. 14–20 авг. // URL: http://www.kultura-pottal/tree_new/cultpaper/article.jsp?number=7558&crubruc_id=10036168&rubric_id=1003615&pub_id=913785 (дата обращения: 13.05.11).

12. Кузьменко Е. А. Указ. соч. С. 42.

13. Лотман Ю. М. Указ. соч.

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.02

Статья посвящена анализу пилотных исследований при разработке образовательных технологий нового поколения – электронных учебных комплексов. Ставится задача – выяснить отношение студентов к внедрению в университетскую практику новой дистанционной образовательной программы «Русский язык и культура речи». Итоги анкетирования отражают востребованность новых образовательных ресурсов со стороны студентов как потенциальных потребителей данной информации.

Ключевые слова: респонденты, блок вопросов; электронный учебник; аудио- и видеолекции; дистанционная образовательная программа «Русский язык и культура речи».

The article is dedicated to an analysis of pilot projects during the development of new generation of educational technologies - electronic educational complexes. The main purpose is is to find students opinion of introducing into curricular a new educational program «Russian Language and Culture of Speech». The results of a survey show that innovative educational resources are valued by students as potential consumers of this kind of information.

Key words: respondents, block of questions; electronic teaching materials; audio and video lectures; distant educational program «Russian Language and Culture of Speech».

И. С. Власенко

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
E-mail: vava_86@mail.ru

Электронный образовательный ресурс: оценка востребованности и мотивированности со стороны потенциальных потребителей

Научная статья

I. S. Vlasenko

K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University
E-mail: vava_86@mail.ru

Electronic Educational Resource: Estimation of Needs for it by Potential Consumers

Scientific article

Последнее десятилетие ознаменовалось в нашей стране подготовкой и проведением целого ряда важнейших общегосударственных реформ. Большинство изменений носят стратегический характер, рассчитанный на поступательную модернизацию институтов государства на десятилетия вперед. Серьезные изменения происходят в сфере образования. Оценки происходящим событиям общество и специалисты дают разные – от резкой критики до безоговорочной поддержки. Безусловно, любая реформа не может быть идеальной, в ней всегда есть пробелы, недочеты, которые, нужно и можно устранять. Для этого проводятся экспериментальные исследования и экспертные обсуждения. Но мы также должны понимать, что без изменений не обойтись, нельзя не замечать событий, происходящих в обществе. Их необходимо учитывать и максимально эффективно реагировать на них. Так, новая парадигма развития образования призывает нас менять подходы к современному студенту, предлагать новые формы методики, адаптированные под сегодняшние социально-экономические условия [1]. Здесь особую роль играют новые методические формы работы со студентами в базовых курсах университетского образования, одной из которых является предмет «Русский язык и культура речи» [2].

Сегодняшний первокурсник серьезно отличается от первокурсника пятилетней давности: у него изменены потребности, он получает информацию из других источников и взаимодействует с миром по-другому [3]. Целью исследования было выяснить отношение студентов к внедрению в университетскую практику дистанционной обра-

© Власенко И. С., 2011

зовательной программы «Русский язык и культура речи».

В качестве респондентов была выбрана целевая группа: студенты 1–2-го курсов гуманитарных направлений Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского и Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Всего в анкетировании участвовали около 200 человек. Все вопросы исследования – 17 позиций – были разделены на три блока: «Вводный», «Основной», «Сравнительный».

Первый блок вопросов «Вводный» (вопросы с 1–5) был непосредственно связан с анкетными данными студентов, определял характеристики их взаимодействия с Интернетом, выяснялись качественные параметры прикладного использования студентами интернет-ресурсов. Ответы на вопросы данного блока показали высокую степень вовлеченности современного студента в интернет-пространство, причем не только для получения необходимой учебной и рабочей информации, но и для неформального общения. Интернет стал для студента необходимым атрибутом учебной и повседневной жизни, обладающим высокой практической значимостью для решения вопросов эффективной коммуникации. Кроме того, большинство студентов (73% опрошенных) хотят видеть в современном образовательном процессе новые информационные технологии.

Второй блок вопросов «Основной» был направлен на проверку отношения целевой группы к конкретным функциональным нововведениям, связанным с внедрением компьютерной программы в образовательную практику в общем и в систему преподавании предмета «Русский язык и культура речи» в частности. Никто из опрошенных не высказался против идеи внедрения компьютерной программы, позволяющей эффективно усваивать образовательный материал. Однако около трети высказали опасения, что если программа станет основным средством обучения, то это приведет и к психологическим, и к организационным проблемам.

Несмотря на высокий уровень проникновения Интернета в студенческую среду и положительного отношения к интернет-ресурсам, большинство студентов не готовы к переходу на сугубо дистанционные самостоятельные занятия. Нам кажется, что подобный подход связан с возрастом опрашиваемых студентов (1–2-й курс), их психологической зависимостью от физического присутствия преподавателя, к чему они привыкли в рамках традиционного школьного образования. В то же время ответы студентов свидетельствуют, что четко прослеживается тенденция к их большей вовлеченности в новые формы преподавания: 81% респондентов готовы к переходу на частичный дистанционный образовательный процесс.

Анкета позволила выявить высокую мотивационную ориентацию студентов на использование дистанционной компьютерной программы для решения конкретных практических задач. Современный студент согласен заменить 10–20% учебного времени на дистанционное образование; 19% респондентов посвятили бы дистанционным занятиям более 40% от общего объема учебного времени. Студенты заинтересованы в дистанционной форме проверки своих знаний. Только 5% студентов отрицают такой вариант контроля. Для современного студента системы тестирования являются гармоничной формой проверки знаний студентов; у респондентов есть опыт участия в мероприятиях систематического и итогового контроля, учитывая школьные тестовые экзамены и ЕГЭ. При этом мы хотели проверить готовность осуществлять контрольные работы в соответствии со спецификой предмета «Русский язык и культура речи»: свободные ответы на понимание языковых фактов; применение конкретных языковых навыков в определенных ситуациях. В дальнейшем особая роль в разработке образовательной программы будет отведена адаптации контрольно-измерительных материалов по русскому языку для успешной работы в режиме электронного образовательного ресурса.

Третий блок вопросов «Сравнительный» позволял определить степень востребованности прикладных функций программы «Русский язык и культура речи». Использовалась пятибалльная шкала оценивания. Ниже представлены средние оценки, выставленные респондентами: a) наличие обширного электронного учебника по «Русскому языку и культуре речи» для необходимого структурированного и оперативного поиска необходимой информации – 3,96 балла; b) возможность дистанционного образовательного процесса, связи с преподавателем и одногруппниками для решения образовательных задач – 3,52 балла; c) наличие индивидуальных лекций преподавателя в электронном виде – 3,62 балла; d) возможность просмотра/прослушивания видео- и аудиолекции – 4,28 балла; e) возможность прохождения контрольных и тестов в режиме компьютерной программы, заменяющей письменные работы – 3,93 балла; f) погашение учебной задолженности в режиме компьютерной программы после пропущенных аудиторных занятий – 4,2 балла; g) возможность оперативно связываться с представителями других вузов РФ для решения образовательных задач – 3,63 балла.

Результаты показали, что самыми необходимыми являются функции d, f, a, e. Подтвердилась направленность студентов на практические функции контента, облегчающие и совершенствующие образовательный процесс. Так, самой популярной стала функция «Возможность просмотра/прослушивания видео- и аудиолекции» (4,28), позволяющая активнее самостоятельно усваивать образовательный материал. Оценка функции «Погашение учебной задолженности в режиме компьютерной программы после пропущенных аудиторных занятий» (4,2) также наглядно демонстрирует заинтересованность респондентов в предлагаемой программе. Функции b, c, g, коэффициент которых оказался сравнительно ниже среднестатистического, показывают, что некоторые функции будущего электронного ресурса должны быть усовершенствованы и технически модернизованы.

Опрос студентов, будущих потенциальных пользователей нового образовательного ресурса, свидетельствует о положительной мотивации к использованию образовательных программ и методических материалов нового поколения. Обобщая ответы респондентов, мы можем говорить о следующем: 1) современные образовательные ресурсы должны отражать реалии сегодняшнего времени, меняться и совершенствоваться вместе с современными технологиями и новыми социально-общественными условиями; 2) особое внимание при разработке программы должно быть уделено формированию гармоничной коммуникационной (технологической) и коммуникативной среды для преподавателя и студента; 3) активно прослеживается тенденция к все большей вовлеченности студента в новые формы преподавания, большинство из числа опрошенных (81%) готовы к переходу на частичный дистанционный образовательный процесс; 4) почти все студенты (97%) готовы использовать программу для решения конкретных практических вопросов, связанных с формированием общекультурных и специальных компетенций, но при условии обязательного прохождения основной образовательной программы в аудиторном контексте. Как правило, современный студент согласен заменить примерно 10–20% учебного времени на дистанционное образование, в основном связанное с решением организации самостоятельной работы; 5) перспективные возможности открываются при реализации функции «Обмен опытом со студентами и преподавателями вузов РФ». В общем контексте программы мы считаем необходимым внедрить частично этот рекомендательный информационный раздел, который позволит объединить полезную контактную информацию для создателей и пользователей электронного ресурса; 6) наиболее востребованы студентами функции: «Возможность просмотра/прослушивания видео- и аудиолекции»; «Погашение учебной задолженности в режиме компьютерной программы после пропущенных аудиторных занятий»; «Наличие обширного электронного учебника по "Русскому языку и культуре речи"», что свидетельствует о сформированности системы требований к современным образовательным ресурсам.

Исследование показало высокую востребованность дистанционной образовательной программы для изучения предмета «Русский язык и культура речи». При этом следует обратить внимание, что 90% респондентов позитивно оценили появление подобной программы; 98% согласились бы при определенных условиях использовать электронный учебник «Русский язык и культура речи»; 87% предложили наполнить будущую электронную версию программы аудио и видеолекциями. Опыт качественной оценки содержательного контента показал, что особая роль при разработке образовательной программы должна быть отведена электронным версиям контрольных работ по курсу, в которых особое место должны занять задания со свободными ответами в режиме электронного образовательного процесса. Особо ценными мы считаем рекомендации респондентов по организационно-методическим вопросам – обеспечению доступности образовательной программы в коммуникационных устройствах, интегрированию программы с интернет-браузерами, защищенности информационного контента при разветвленной системе гипертекстовых ссылок.

Ценные рекомендации потенциальных пользователей нового образовательного контента, практические советы по оформлению информационных материалов и практике использования электронного ресурса будут, безусловно, учтены при внедрении программы, которая в данный момент проходит пилотные исследования в вузах города.

Список использованной литературы

1. Рудакова Д. Т. Влияние информационных технологий на развитие содержания образования в условиях медиасреды // Образовательные технологии XXI века / под ред. С. И. Гудилиной, К. М. Тихомировой, Д. Т. Рудаковой. М., 2009. С. 208–211.

2. Федоров А. В. Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза. М., 2007.

3. Иванова Л. А. Медиаобразовательное пространство в стратегии инновационного развития высшего профессионального образования в современной России: постановка проблемы // Педагогическая теория, эксперимент, практика / ред. Т. А. Стефановская. Иркутск, 2008. С. 215–228.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.84

В данной статье рассматриваются некоторые аспекты взаимодействия разведывательного сообщества США с политикоформирующими кругами в контексте информационно-аналитического сопровождения внешнеполитического процесса в 1950-е гг., а также вопросы работы американской разведки в рамках президентских выборов. Особое внимание уделяется организации информационной поддержки администрации президента Д. Эйзенхауэра со стороны Центрального разведывательного управления США (ЦРУ).

Ключевые слова: разведывательное сообщество США; разведывательный анализ; информационно-аналитическая деятельность; стратегическая разведывательная информация; текущая информация; предупреждающий анализ.

This article discusses some aspects of interaction between the U.S. intelligence community with policymaking community in the context of information-analytical support of foreign policy process in 1950s. The problems of U.S. intelligence in the presidential election are considered. Particular attention is paid to information support of the President Eisenhower's administration by the CIA.

Key words: USA intelligence community; intelligence analysis; information and analytic process; strategic intelligence information; current information; warning analysis.

С. В. Старкин

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
E-mail: starkinserge@mail.ru

Разведывательно-информационное обеспечение деятельности администрации Д. Эйзенхауэра

Научная статья

S. V. Starkin

Nizhniy Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky
E-mail: starkinserge@mail.ru

Reconnaissance and informational support of the Eisenhower administration

Scientific article

22 ноября 1952 г. президент Гарри Трумэн произнес речь в Центральном разведывательном управлении (ЦРУ). Он рассказал о мотивах, которыми руководствовался при образовании ЦРУ и запуске процесса информирования лиц, принимающих решения, со стороны разведывательного сообщества.

Президент начал с упоминания того факта, что ЦРУ не существовало, когда в 1945 г. он вступал в должность президента. В то время Г. Трумэн был удивлен, что к нему не поступало необходимого количества информации по вопросам национальной безопасности. Наиболее ярким доказательством того, насколько плохо президент был информирован, стало то, что министр обороны Генри Стимсон впервые сообщил ему о проекте по разработке ядерного оружия «Манхэттен» только на 12-й день его пребывания в должности. До того Трумэн слышал о нем лишь мельком, несмотря на то что служил вице-президентом и руководителем ряда ключевых комитетов Сената [1].

Учитывая полезность еженедельных брифингов, Трумэн решил, что разведывательная информация должна поставляться всем кандидатам в президенты. Летом 1952 г. президент поделился этой идеей со Смитом, выразив желание, чтобы Управление организовало встречи своих сотрудников с генералом Дуайтом Эйзенхауэром и губернатором Адлаи Стивенсоном, заметив при этом: «Когда я стал президентом, было много вещей, о которых я не знал» [2].

Позднее, во время упоминавшейся речи в ЦРУ 22 ноября, Трумэн объяснил причину организации

© Старкин С. В., 2011

брифингов для избранного президента. Он заявил, что президент Соединенных Штатов облечен беспрецедентной в истории властью, и добавил: «Это главная причина, почему я так настаиваю на продолжении этой традиции. Я даю новому президенту больше информации, чем было в распоряжении у какого-либо другого президента в момент вступления в должность» [3].

Предметом данной статьи является исследование взаимодействия разведывательного сообщества США с администрацией президента Д. Эйзенхауэра в 1950-е гг.

Общеизвестно, что отношения между Трумэном и его преемником были довольно напряженными. В своих указаниях для ЦРУ Трумэн не смог избежать оценочных суждений в отношении Эйзенхауэра, иронично отметив, что тот, вероятно, «ошеломлен всем, что нужно знать президенту, чтобы быть в состоянии принимать адекватные решения» [4]. В беседе с доверенными лицами президент негативно отзывался о генерале. Пресса сообщала, что встреча двух высших лиц в Белом доме была «прохладно формальной»: «между мистером Трумэном и его преемником есть определенная напряженность» [5].

«Обмен любезностями» между президентом и его преемником начался вскоре после съезда республиканской партии, когда Трумэн послал телеграммы Эйзенхауэру и Стивенсону с приглашением на обед с его кабинетом. Трумэн предложил провести встречу со Смитом и офицерами ЦРУ, чтобы выслушать их доклад о внешней ситуации, а также с другими сотрудниками Белого дома для ознакомления с различными вопросами. В своей телеграмме Трумэн также предложил организовывать еженедельные разведывательные брифинги для обоих кандидатов [6]. Эйзенхауэр отклонил приглашение. В ответном письме он сообщил, что считал нужным получать «только те сведения от уходящей администрации, которые могут быть известны всему американскому народу» [7].

По случаю избрания Эйзенхауэра директор центральной разведки (ДЦР) Смит послал ему поздравительную записку [8], в которой сообщил, что сотрудник ЦРУ мог бы поставлять Эйзенхауэру информацию о мировой ситуации каждое утро в пятницу, как это было заведено у Трумэна. В свете развивающейся напряженности Эйзенхауэр принял предложение участвовать в брифингах ЦРУ.

Первый брифинг был проведен 30 августа Мелвином Хендриксоном, руководителем военного подразделения Директората текущей разведки [9]. Эйзенхауэр просмотрел информацию о расположении советских и спутниковых сил, получив подтверждение у Хендриксона, что со времени встреч с представителями армии США в Европе развертывание существенно не изменилось. Более продолжительная дискуссия состоялась в отношении Ирана, трудностей Франции в Северной Африке и торговли между Японией и Китаем. Последний вопрос обсуждался в контексте войны в Корее и продолжающихся дискуссий о прекращении вооруженных действий. Эйзенхауэр заметил: «Нашим самым мощным оружием является торговля, мне кажется, что мы должны использовать его по максимуму. Где японцы смогут получить то, что им нужно, если они не получат этого от Китая?» Относительно североафриканской ситуации генерал сказал: «Если французы ничего не сделают в самое ближайшее время, они получат еще один Индокитай». В заключение первой содержательной дискуссии Эйзенхауэр заявил, что хотел бы и дальше проводить такие брифинги [10].

Во время каждой встречи Эйзенхауэр задавал несколько уточняющих вопросов по фактам и сам делал комментарии по широкому спектру тем, которые в 1952 г. были приоритетными направлениями для правительства США. В основном это темы по ситуации в Советском Союзе, Корее и Иране. Эйзенхауэр также внимательно читал и комментировал материалы Управления относительно соглашений о безопасности возникающего ближневосточного альянса коллективной безопасности [11].

Пакет материалов, предоставляемых Эйзенхауэру на каждой встрече, включал в себя около 20 коротких справок из одного или двух абзацев, вкратце описывающих события в отдельных странах. События в СССР, Иране, Корее, Египте, Югославии и Японии фигурировали практически в каждой справке. Всего в ходе брифингов освещались события не менее чем в 50 странах. Кроме того, каждый раз прилагалась более подробная справка о стране, представляющей особый интерес, чаще всего это был Иран. Каждый пакет также содержал «Выводы» одной или двух последних Национальных разведывательных оценок. Последние обычно оценивали перспективы распространения идеологии коммунизма в разных регионах мира.

Генерал ценил эти встречи, отмечая их пользу. В завершение четвертой сессии, однако, он заметил – очевидно имея в виду Советский Союз и

Корею, – что ему «не хватало информации G-3» [12] (военные планы и операции США), которая, по его мнению, была необходима для полного понимания ситуации в этих странах. Эйзенхауэр также прокомментировал, что если он займет президентский пост, то сделает несколько дополнительных распоряжений относительно брифингов. В частности, он упомянул предоставление доступа к информации некоторым сотрудникам его штаба [13].

В конце ноября брифинги ЦРУ возобновились. Доклады теперь делал генерал Смит в сопровождении Дэвидсона. Первая встреча после выборов прошла 21 ноября в Вашингтоне. Особый интерес в этот раз вызвали события в Корее и идущие переговоры по прекращению конфликта. Смит также сделал обзор ситуации во всем мире. Видимо, потому, что брифинги стал проводить сам ДЦР и вследствие знакомства Эйзенхауэра и Смита, встречи стали более продуктивными, чем до выборов. Более серьезный анализ вопросов был обусловлен также тем, что Эйзенхауэр к тому времени осознал масштаб своей задачи – войти в курс мировых проблем в течение нескольких недель. Он интересовался политическими аспектами корейской проблемы, особенно хотел уяснить для себя, на что был готов Китай, и лучше понять роль и мотивацию этой страны в конфликте. Он спросил, например: «Я никогда не понимал, почему мы позволили китайцам называть себя добровольцами?» В ответ Смит объяснил нюансы ситуации, заключив: «Нам нельзя было бомбить Пекин – поэтому мы уступили» [14].

После выборов, готовясь к поездке в Корею, Эйзенхауэр позвонил Смиту, чтобы сказать, что он не может полагаться только на информацию американской армии в отношении того, что происходит в Корее, и что он хотел, чтобы ДЦР прилетел в Нью-Йорк и представил ему свою независимую оценку. Президент позвонил практически в последний момент и подчеркнул, что их визит должен остаться в тайне.

Во время переходного периода в конце 1952 г. пресса периодически фиксировала «еженедельные» встречи ДЦР с избранным президентом. В действительности же расписание генерала не позволяло проводить встречи регулярно. Его поездка в Корею и на Тихоокеанское побережье заняла более двух недель, и, вследствие этого, следующая встреча с директором ЦРУ состоялась только 19 декабря. На ней, помимо Эйзенхауэра, присутствовал руководитель его штаба – Адамс; Смита сопровождал заместитель директора по разведке Роберт Амори.

Как и ожидалось, предпочтения Эйзенхауэра относительно взаимодействия с разведкой не изменились после того, как он стал президентом. В архивах ЦРУ сохранились сведения, что на следующий день после инаугурации директор текущей разведки, Хантингтон Шелдон, послал Джеймсу Лею, исполнительному секретарю Совета национальной безопасности, список публикаций, которые РС могло бы предоставлять Белому дому. Очень скоро, однако, выяснилось, что президенту не нужны были регулярные материалы разведки, как и частые встречи с экспертами ЦРУ. Президент предпочитал периодически встречаться с руководителями разведки.

На протяжении восьми лет президентства Эйзенхауэра сложилась практика еженедельного выступления директора центральной разведки Аллена Даллеса перед Советом национальной безопасности (СНБ). Председательствовал на них сам Эйзенхауэр. Под его руководством они проводились более регулярно и формально, чем при каком-либо другом президенте до и после него. Как он сказал избранному президенту Кеннеди в 1960 г., СНБ «стал самой важной еженедельной встречей правительства» [15].

Традиционно заседание Совета начиналось с доклада ДЦР, в котором поднимались темы, заранее согласованные с аппаратом СНБ. Если президент, специальный помощник президента по национальной безопасности генерал Роберт Катлер или глава Штаба СНБ Лей не высказывали особых пожеланий относительно повестки, ЦРУ самостоятельно выбирало темы для доклада, хотя они всегда обсуждались с Леем до брифинга.

Как говорил генерал Эндрю Гудпастер, служивший секретарем штаба Белого дома, Эйзенхауэр хотел, чтобы Даллес сообщал последнюю информацию о важнейших мировых событиях, но ему было еще важнее получать информацию о более долгосрочных вопросах, стоящих на повестке. Из-за этого долгосрочного фокуса большинство поставляемых материалов готовилось Службой национальных оценок ЦРУ. Гудпастер припоминает, что Эйзенхауэр часто спрашивал: «Насколько достоверна эта информация – откуда она получена?» Даллесу было не всегда удобно отвечать «в присутствии еще четырнадцати человек в помещении» [16]. Эйзенхауэр, Даллес и еще

один помощник из персонала (иногда Гудпастер или старший помощник по штабу Гордон Грей) оставались после заседания для ответа на эти и другие вопросы президента [17].

Большинство докладов в СНБ делал сам ДЦР. Всем участникам брифингов, однако, было понятно, что Даллес чувствовал себя куда более комфортно в отношении политических и экономических вопросов, нежели в отношении научных и военных проблем. Регулярно директор приглашал на заседания специалистов, всегда самостоятельно подбирая людей. Так, Герберт Сковилл, заместитель директора по научной разведке, делал доклады по научным вопросам; специалист-ядерщик Герберт Миллер отвечал за доклады по ядерной сфере; Р. Амори периодически выступал по военным вопросам.

Члены СНБ отмечали разницу между брифингами, проводимыми директором центральной разведки и докладами экспертов. Грей поднял эту тему на встрече 11 января 1961 г., при обсуждении переходного периода с МакДжорджем Банди, представителем президента Дж. Кеннеди. Отвечая на вопросы Банди, стоит ли президенту проводить ежедневные встречи и с кем должен встречаться президент, Грей ответил: «Несколько месяцев назад я отметил для себя, что должен обсудить со своим преемником разведывательные брифинги в Совете. Я считаю, что они должны быть более конкретными и проводиться офицерами среднего звена, прошедшими специальную подготовку» [18]. В том же разговоре, однако, Грей признал, что практика встреч Совета с директором центральной разведки каждую неделю была «весьма полезным механизмом» [19].

Гудпастер вспоминает, что Эйзенхауэр уважал Аллена Даллеса, учитывая его работу во время войны. Президент считал его опытным человеком в плане сбора и анализа разведданных высшего уровня. Эйзенхауэр читал много разведывательных документов, полагая, что они представляют реальный взгляд на события и лишены политической окраски [20].

Однако следует указать на ряд имевшихся проблем. Эйзенхауэр был поражен, например, тем, что так называемое «отставание по бомбардировщикам» в середине 1950-х гг. оказалось ложным алармистским сигналом. Когда разведка и военные США начали писать о прогрессе СССР в ракетном производстве в конце 1950-х гг., Эйзенхауэр весьма скептично отнесся к этому. Он считал, что было, по крайней мере, две причины, по которым вопрос о ракетах и бомбардировщиках превратился в серьезную политическую проблему. Во-первых, общаясь с различными службами разведки, особенно разведкой военно-воздушных сил, конгресс «слышал постоянный барабанный бой о том, как мы отстаем» [21]. Другая проблема, по мнению Эйзенхауэра, состояла в личной заинтересованности военных служб в подобных оценках, оправдывающих их собственные программы [22].

В течение своего президентства Эйзенхауэр не читал ежедневных разведывательных докладов ни одной службы. Вместо этого Гудпастер вместе с сыном президента, Джоном Эйзенхауэром, каждое утро просматривали отдельные доклады ЦРУ, Госдепартамента, Министерства обороны. Самую важную информацию они излагали на утренней встрече с президентом.

Шелдон и заместитель директора по разведке Лофтус Бекер в начале марта 1953 г. обсуждали идею создания краткого ежедневного разведывательного документа на основе многочисленных источников специально для президента. Несмотря на то что Управление со временем лучше узнало предпочтения президента, эта идея так и не была реализована. Ни один документ подобного рода не появился до прихода администрации Кеннеди. Единственной новеллой, введенной при Эйзенхауэре и продолжавшейся в течение его президентства, была практика телеграфирования разведывательного доклада президенту во время зарубежных поездок, сохранившаяся по сей день.

В целом следует указать, что процесс разведывательных брифингов в течение 1950-х гг. имел ряд важных инноваций в информационной деятельности американской разведки и ее функционировании в качестве важнейшего компонента политической системы. Во-первых, существенным фактором было то, что ДЦР мог поставлять развединформацию в определенное время кругу лиц, включавшему в себя не только президента, но и главу комитета начальников штабов, госсекретаря и министра обороны и других ключевых акторов процесса принятия внешнеполитических решений. Во-вторых, наиболее очевидным преимуществом этой системы являлось то, что ЦРУ имело постоянную обратную связь: получало регулярные и определенные сведения о том, насколько президент заинтересован и находит полезным предоставляемую ему информацию. Получая ответную реакцию, ЦРУ старалось реагировать на пожелания президента и аппарата СНБ.

Таким образом, диалектика взаимодействия представителей разведывательного экспертно-аналитического комплекса США с политико-формирующими кругами в указанный период с полным основанием может рассматриваться в качестве плодотворного этапа с точки зрения формирования аналитической парадигмы американского разведывательного сообщества.

Список использованной литературы

1. McCullough David. Truman. N. Y.: Simon and Shuster, 1992. P. 376–378.

2. Ambrose Stephen E. and Immerman Richard H. Ikes Spies: Eisenhower and the Espionage Establishment. Garden City, NY.: Doubleday, 1981. P. 153.

3. Ibid. P. 156.

4. The New York Times. 1952. 19 November.

5. Ibid.

6. Harry Truman telegram to Dwight Eisenhower, 14 August 1952. Dwight D. Eisenhower Library, Abilene, Kansas.

7. Dwight Eisenhower telegram to Harry Truman, 14 August 1952. Dwight D. Eisenhower Library, Abilene, Kansas.

8. Dwight Eisenhower letter to Walter Bedell Smith, 14 August 1952. Dwight D. Eisenhower Library, Abilene, Kansas.

9. Helgerson John L. Getting To Know the President CIA. Briefings of Presidential Candidates 1952–1992. Center for the Study of Intelligence, Central Intelligence Agency, Washington, DC, 1996.

10. Hendrickson Melvin, Memorandum for the Record, «Briefing of General Eisenhower – 30 August 1952» 5 September 1952.

11. Eisenhower Dwight. Waging Peace. New York: Doubleday and Co., 1965.

12. Ambrose Stephen E. and Immerman Richard H. Op. cit. P. 155.

13. Ibid. P. 156.

14. Eisenhower Dwight. Mandate for Change, 1953–1956. N. Y.: Doubleday and Co., 1963. P. 72.

15. Eisenhower Dwight. Waging Peace. P. 712.

16. Kennedy Douglas B. Operation HAIK: The Eisenhower Administration and the Central Intelligence Agency in Indonesia, 1957–1958. Athens, GA: University of Georgia, 1996. P. 102.

17. Ibid.

18. Gordon Gray. Memorandum for the Record, 17 January 1961. Dwight D. Eisenhower Library, Abilene, Kansas.

19. Ibid.

20. Ambrose Stephen E. and Immerman Richard H. Op. cit. P. 185.

21. Eisenhower Dwight. Mandate for Change. P. 235.

22. Ibid.

ПРАВО

УДК 347.61/.643

В статье обобщаются и анализируются взгляды российских цивилистов на юридическую природу, систему и содержание принципов семейного права, формулируются предложения по их уточнению и закреплению в Семейном кодексе РФ.

Ключевые слова: нестандартные нормативные предписания; принципы; система; семейное законодательство.

In the article views of Russian civilians on the legal nature, system and the maintenance of principles of the family law are generalised and analyzed, propositions on their specification and fixation in the Family Code of the Russian Federation are formulated.

Key words: non-standard instructions; principles; system; family legislation.

Н. Н. Тарусина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: nant@univ.uniyar.ac.ru

О принципах семейного права

Научная статья

N. N. Tarusina

P. G. Demidov Yaroslavl State University
E-mail: nant@univ.uniyar.ac.ru

On Principles of the Family Law

Scientific article

Как и в большинстве других законодательных комплексов, в семейно-правовом присутствуют нормы декларативного типа [1], содержащие положения о целях и задачах, принципах отрасли (института) и иные заявления общерегулятивного и общеохранительного характера. Именно общие нормы (и дефинитивные, и декларативные), отмечает С. С. Алексеев, выражают «процесс интеграции правового материала»; выполняя функцию «цементирующего средства» в структуре права, они выявляют «юридическое своеобразие правовых общностей» и одновременно представляют собой реальные нормативные предписания регулятивного типа [2]. В ином социальном контексте, подчеркивает Г. В. Мальцев, «декларации могут иметь мало общего с целями, принципы – с дефинициями, все они – с нормами», но, когда «законодатель включает их в нормативно-правовые акты, когда они проходят через этапы юридической институционализации», им придается характер властного требования о должном «*к поведению людей, а также порядку вещей, устраиваемому посредством человеческих действий*» [3].

Нормы-принципы в теории права относят к «нормам всеобщего содержания», «нетипичным» или «нестандартным» нормативным предписаниям и т. д. [4]. Они не имеют традиционной классической структуры в ее чистом виде, хотя условно в них можно предположить и условия «запуска» в действие, и общее правило, и «десантированные» по отраслям права последствия наблюдения. Уже из филологического наименования данных предписаний следует, что они воздействуют на общественные отношения традиционным образом [5]. Однако из этого далее делается вывод об их вспомогательной роли в правовом регулировании [6]. Это вряд ли справедливо. Поскольку среди них присутствуют легальные дефиниции, основные начала (фундаментальные идеи), постольку они играют разную роль, в том числе и ключевую, ибо «фундаментальные идеи», о чем свидетельствует даже их филологическая «одежда», не могут находиться на периферии конструкции отрасли права. Они, конечно, обладают другой энергетикой и регулятивной технологией, нежели конкретные нормы-правила поведения, но тоже служат, как и последние, в организации «механизма правового регулирования» [7], однако на должностях топ-менеджеров[1].

[1] Конституционный Суд РФ в своей правовой позиции о значении принципов как фундаментальных идей механизма правового регулирования отметил: «Общие принципы права, в

© Тарусина Н. Н., 2011

Ю. А. Тихомиров отмечает, что верное понимание принципов права составляет базовое условие для правомерного усмотрения, их глубокое усвоение – реальный ориентир, с одной стороны, для правосознания и поведения правоприменителей, с другой – для оценки их деятельности третьим лицом. С опорой на данную базовую предпосылку, продолжает автор, осуществляется и правильный выбор юридических конструкций. В качестве негативного примера Ю. А. Тихомиров приводит участившиеся случаи предпочтения заключению с работниками вместо трудовых договоров (или параллельно с ними) гражданско-правовых договоров подряда, что с очевидностью означает лишение этих работников ряда трудо-правовых гарантий [8]. Примерами из семейно-правовой сферы могут, с нашей точки зрения, служить злоупотребления гражданско-правовыми конструкциями в институтах брачного договора и опеки и попечительства над детьми. Иллюстрация автора и наши иллюстрации по существу являются следствием весьма спорного (а скорее – неверного) толкования ключевых принципов соответствующих отраслей права и законодательства.

Среди небогатого ассортимента положений общей части СК РФ[2] принципы, как и должно, занимают ключевую позицию. Вопрос в том, обнимают ли они собою все необходимые идеи-начала и воспроизведены ли в адекватной филологической форме.

Семейно-правовая доктрина не единодушна относительно набора и содержания принципов отрасли. Так, А. И. Пергамент полагала ее ведущими идеями полное равенство мужчины и женщины в личных и имущественных правах, охрану материнства и детства, осуществление родительских прав исключительно в интересах детей и единобрачие [9]. Примерно аналогичную позицию занимал Г. М. Свердлов, дополняя означенное прежде всего соображениями о свободе семейного права от религиозного влияния и всесторонней охране родительских прав [10].

В. А. Рясенцев усилил частноправовой блок принципами свободы и добровольности брака и его расторжения (под контролем государства), включил в перечень основных идей семейного законодательства принципы заботы, моральной и материальной поддержки членов семьи и коммунистического воспитания детей [11]. Несколько позднее близкую позицию заняли В. Ф. Яковлев и Е. М. Ворожейкин [12].

Развивая доктрину и опираясь на действующий Семейный кодекс, Л. М. Пчелинцева относит к принципам признания браком только зарегистрированный союз (1); добровольность последнего (2); равенство прав супругов в семье (3); разрешение внутрисемейных вопросов по взаимному согласию (4); приоритет семейного воспитания, обеспечения и защиты прав и интересов детей (5); приоритет защиты прав и интересов нетрудоспособных членов семьи (6) [13].

О. Ю. Косова дополнительно вводит в разряд принципов идеи равенства правового положения детей независимо от обстоятельств их рождения, контроля государства за состоянием брачно-семейной сферы общественной жизни и двухуровневого правового регулирования семейных отношений [14].

Опираясь на гражданско-правовой принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, Н. В. Иванов проецирует его на дела семьи [15]. М. В. Антокольская, являясь апологетом гражданско-правовой сущности семейного права, не акцентирует своего внимания на проблеме принципов. Видимо, по умолчанию, автор ориентирует нас на начала цивилистики с определенной их спецификацией на брак и семью как объекты регуляции.

Н. С. Шерстнева, исходя из принятого ею за основной критерия интереса, пишет о принципах обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних, семейного воспитания и заботы о них и принципах, обеспечивающих личные и имущественные интересы супругов и других членов семьи (добровольности, равенства, взаимного согласия) [16].

Доктринальный ряд можно было бы продолжить, однако уже сложившаяся несколько эклектичная картина вполне позволяет перейти к некоторым уточнениям и сомнениям.

Соотнеся перечисленные вариации на тему принципов с версией законодателя (ст. 1 СК РФ), можно констатировать почти текстуальное совпа-

том числе воплощенные в Конституции Российской Федерации, обладают высшим авторитетом и являются критерием и мерой оценки правомерности всех нормативных актов… Конституционный Суд Российской Федерации не может отрицать возможность прямого применения иными судами… общих принципов права» (см.: Постановление КС РФ от 27 января 2004г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 части первой статьи 27, части первой, второй и четвертой статьи 251, частей второй и третьей статьи 253 Гражданского процессуального Кодекса Российской Федерации»).

[2] Во-первых, мы исходим из того, что понятие «начала законодательства» шире понятия принципов, во-вторых, в порядке уточнения фиксируем, что начала и отдельные принципы содержатся не только в общей части, что, впрочем, небезупречно.

дение, кроме нескольких позиций. Во-первых, отсутствуют идеи, фиксированные в дополнениях О. Ю. Косовой. Между тем их качество и природа различны. Если принцип двухуровневого регулирования семейных отношений является скорее техническим и не затрагивает сущности проблемы, то идея равенства детей независимо от обстоятельств их рождения – воистину одна из важнейших и специально семейных. Она не фиксирована в ст. 1 и обойдена молчанием в гл. 10–11 СК РФ. В то же время в истории семейного законодательства, даже XX в., наблюдались решения разного уровня гуманитарного «провала» – от возврата к явлению незаконнорожденности (по Указу ПВС СССР от 08.07.1944 г.) до искусственных ограничений судебного установления отцовства (ст. 48 КоБС РСФСР) [17]. Поэтому и на теоретическом, и на законодательном уровнях полагаем закрепление рассматриваемой идеи совершенно необходимым, тем более что возможны и правоприменительные эксцессы нарушения принципа равенства детей.

Заслуживает также внимания скорректированная О. Ю. Косовой формула государственного контроля: не принцип свободы брака и развода под государственным контролем (В. А. Рясенцев, Е. М. Ворожейккин и др.), который не исчерпывает всей проблемы, а идея контроля государством «за состоянием брачно-семейной сферы общественной жизни». Действительно, предлагаемая рядом цивилистов идея невмешательства кого-либо в семейную жизнь в качестве одного из начал семейного законодательства, по сути, в значительной степени мифологична, ибо лишь область договорного семейно-правового регулирования относительно свободна от госконтроля, и мера этой свободы существенно меньше, нежели в гражданско-правовом договорном пространстве: алиментные соглашения ограничены по субъектам и основаниям, а по предоставлению содержания детям – еще и размером суммы, а также формой поддержки; соглашение о месте проживания ребенка является одной из альтернатив обязательного решения данного вопроса в бракоразводном процессе и контролируется судом; в договорах об опеке (в том числе о приемной семье) участвует орган опеки и попечительства – непосредственный представитель государства; содержание брачного договора ограничено и должно соответствовать началам семейного законодательства (ст. 1 СК РФ)[3] и т. д.

За доктринальными пределами, как правило, оказываются идеи ст. 1 СК РФ о построении семейных отношений на чувствах взаимной любви, уважения и взаимопомощи. Б. М. Гонгало, апеллируя к позиции Г. Ф. Шершеневича о неправовом характере подобных ожиданий[4], полагает весьма сомнительной возможность реализации означенного призыва в семейно-правовой практике. В то же время автор не только не настаивает на очевидно отрицательной оценке его законодательного закрепления, но даже не исключает, со своей стороны, приветствия этому онормативленному идеалу [21].

Одновременно Б. М. Гонгало сомневается и в обоснованности упоминания идеи о взаимопомощи членов семьи, поскольку, будучи «вмонтированной» в юридическую материю, она «трансформируется, приобретая форму обязанностей по содержанию одними членами семьи других» [22].

Между тем, во-первых, авторитету Г. Ф. Шершеневича можно «противопоставить» (ни в коей мере не отрицая оного) авторитеты А. И. Загоровского, К. П. Победоносцева, А. И. Боровиковского и других цивилистов его эпохи. Так, А. И. Загоровский писал, что в основание семейных правоотношений, в отличие от классических гражданских, положены «потребности физической природы и нравственного чувства»; в отношениях семейных «мера и счет прав затруднены в силу особых свойств этих отношений, больше моральных, чем юридических» [23].

Во-вторых, анализируемые характеристики приобретают юридическое значение при рассмотрении дел о спорном разводе, где в числе оснований фигурирует «утрата чувства любви», о воспитании детей, где любовь к ним и уважение их достоинства составляют ключевые факты-объекты судебного познания и предмета доказывания, и т. д.

В-третьих, указание Г. Ф. Шершеневича на санкцию как «лакмусовую бумажку» нормативно-

[3] При этом семейноведы неоднократно обращали внимание на необходимость включения в его содержание обязательных положений об обеспечении интересов социально слабой стороны – ребенка и/или супруга (в случаях, когда они нуждаются в поддержке) [18].

[4] «К семейным правам не должны быть причислены устанавливаемые законом права на взаимную любовь, уважение, почтение, потому что это мнимые права, лишенные санкции, – право имеет дело только с «внешним миром, но не с душевным» [19].

Однако и Г. Ф. Шершеневич не всегда держал бескомпромиссную «оборону» в этом вопросе. Так, ученый писал: «Обязанность сожительства основана на праве личной власти, от которого муж не может отречься. Поэтому воспрещаются все акты, склоняющиеся к самовольному разлучению супругов. … Брак возлагает на супругов *обязанность верности*. … Нравственное общение, устанавливаемое браком, стесняет возможность *свидетельства на суде*. … Дети обязываются к *почтительности*» [20].

сти идеи не является универсально применимым: в ряде случаев «санкция» отстоит настолько далеко от диспозиции, что не все и не всегда ее обнаруживают[5], то есть возможны и исключения либо неочевидные ситуации.

В-четвертых, право отнюдь не всегда преследует сугубо прагматичные цели. Его принципы нередко являются именно идеалами, которые общество полагает ценностными установками. Если законодательство, правоприменение и доктрина признают в качестве принципов идеи равноправия, справедливости и др., то почему следует отрицать за установками ст. 1 СК РФ право на нормативное закрепление и практическое воплощение? (Тем более что в проекте ГК присутствует положение о «добрых нравах».)

В то же время Б. М. Гонгало справедливо упрекает часть деклараций ст. 1 в неточности формулировок. Так, закон действительно пока не знает такого субъекта права, как семья[6], поэтому и ответственности перед ней ее членов быть не может. Заведомо невозможным является и призыв законодателя решать все «внутрисемейные вопросы по взаимному согласию». «Конечно, – замечает автор, – можно вменить в обязанность всех членов семьи решение определенного рода вопросов (и дать их перечень) только "единогласием"; но не явится ли это произвольным вмешательством в семейные дела (то есть нарушением другого принципа), не спровоцирует ли конфликты?» [26].

Возможно, требует переосмысления подход к взаимодействию с религиозными нормами не только принципа свободы совести, но и свободы вероисповедания в семейной сфере [27].

Безусловно, необходимо отказаться от принципа признания браком только зарегистрированного союза. Во-первых, это противоречит принципу поддержки и охраны семьи, так как фактический брак служит одним из ее оснований (не договором же о совместной деятельности полагать устойчивое совместное проживание мужчины и женщины по семейному типу, нередко – и с детьми). Во-вторых, право должно реагировать на общественные отношения массового характера: если они негативны – через запреты и меры ответственности, позитивны – через веления или дозволения; иного, то есть игнорирования их, искусственной вычеркнутости, не должно быть дано. В-третьих, в западных странах и ряде стран ближнего зарубежья (например, в Украине – ст. 74 СК Украины) признание за фактическим супружеством определенных правовых последствий осуществлено еще в конце XX в., частично – в самом начале XXI в. [28]. Наконец, исторически Россия была первой страной, объявившей супружество объектом охраны и защиты – независимо от факта госрегистрации (КЗоБСО 1926 в период с 1926 по 1944 гг.), отказавшись впоследствии от своего новаторства по явно надуманным причинам. Разумеется, в качестве компромисса в ст. 1 СК РФ можно закрепить, наряду с признанием супружества как такового, идею поощрения регистрации союза – в целях более эффективной защиты прав и интересов его участников и их несовершеннолетних детей.

Вызывает возражение и придание (Л. М. Пчелинцевой) статуса принципа положению о добровольности брачного союза. Оно было актуальным в эпоху перехода от имперского законодательства, строившегося на власти мужа и отца, к принципиально новому семейному законодательству (1917–1926 гг.). В настоящее же время идея добровольности брака растворена, и обоснованно, в идее добровольности любых соглашений, в том числе и в семейно-правовой сфере.

Принцип равенства супругов в семье (Л. М. Пчелинцева), полагаем, должен быть распространен и на ряд других субъектов семейного права: родителей (разведенных или не состоявших в браке), близких родственников (дедушек, бабушек, братьев, сестер) – в вопросе общения со своими несовершеннолетними родственниками.

Современный контекст семейно-правового статуса ребенка как относительно самостоятельного и активного субъекта семейного права (ст. 54–57 СК РФ) требует, кроме традиционных идей приоритетности семейного воспитания, обеспечения и защиты прав и интересов ребенка, охраны детства, еще и современной компоненты – в виде формулы об уважении его достоинства и мнения.

Разумеется, высказанные предположения нуждаются в обсуждении. Однако очевидно, что определенная корректировка количественных и качественных характеристик необходима, как и сосредоточение данного нормативного блока в общей части Семейного кодекса.

[5] Например, долгое время дискутировалось положение о принадлежности доказывания к праву или обязанности стороны гражданского процесса, ибо санкция в виде гипотетической возможности «проиграть дело» казалась несколько мифической и явно не определенной [24].

[6] Хотя вопрос об этом небезосновательно ставится в науке семейного права [25].

Список использованной литературы

1. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1982. С. 71; Нормы советского права / под ред. М. И. Байтина, В. К. Бабаева. Саратов, 1987. С. 92; Марченко М. Н. Проблемы общей теории государства и права: в 2 т. Т. 2. М.: Проспект, 2007. С. 586; Карташов В. Н. Теория правовой системы общества. Т. 1. Ярославль, 2005. С. 138–142. И др.

2. Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. С. 108–109.

3. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 649–650.

4. Карташов В. Н. Указ. соч. С. 138.

5. Там же. С. 140.

6. Там же. С. 140.

7. Ершов В. В. Основополагающие общетеоретические и гражданско-правовые принципы права. М.: Российская академия правосудия, 2010. С. 47–96.

8. Тихомиров Ю. А. Усмотрение в фокусе права // Законы России. 2011. № 4. С. 73.

9. Советское гражданское право / под ред. С. Н. Братуся. Т. 2. М., 1951. С 366–367.

10. Свердлов Г. М. Советское семейное право. М.: Госюриздат, 1958. С. 38–45.

11. Рясенцев В. А. Семейное право. М.: Юридическая литература, 1967. С. 21–24.

12. Белякова А. М., Ворожейкин Е. М. Советское семейное право. М.: Юридическая литература, 1974. С. 14–21; Советское семейное право / под ред. В. А. Рясенцева. М.: Юридическая литература, 1982. С. 16–20.

13. Пчелинцева Л. М. Семейное право России. М.: Норма, 2004. С. 21–23.

14. Косова О. Ю. Семейное и наследственное право России. М.: Статут, 2001. С. 35–38.

15. Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева. Т. 3. М.: Велби, 2009. С. 362.

16. Шерстнева Н. С. Принципы семейного права. М.: Проспект, 2004. С. 16–42, 97–104.

17. Тарусина Н. Н. Семейное право. М.: Проспект, 2001. С. 84–87.

18. Михеева Л. Ю. К вопросу о совершенствовании норм семейного закоодательства, регулирующих отношения супругов по поводу имущества // Труды ИГП РАН. 2008. № 2. С. 178; Тарусина Н. Н. Семейное право: Очерки из классики и модерна. Ярославль, 2009. С. 363–365.

19. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Казань, 1905. С. 584.

20. Там же. С. 616–618, 627.

21. Семейное право / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2007. С. 17–18.

22. Там же. С.18.

23. Загоровский А. И. Семейное право. Одесса, 1902. С. 1–3.

24. Гурвич М. А. Лекции по советскому гражданскому процессу. М., 1950. С. 106; Треушников М. К. Судебные доказательства. М.: Городец, 1997. С. 52–60. Гражданское процессуальное право / под ред. М. С. Шакарян. М.: Проспект, 2004. С. 172.

25. Королев Ю. А. Семья как субъект права // Журнал российского права. 2000. № 10. С. 61–64.

26. Семейное право / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2007. С. 19.

27. Тарусина Н. Н. О взаимодействии светских семейно-правовых и религиозных норм // Вестник ЯрГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 66–70.

28. Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву. М.: Проспект, 2010. С. 130–157.

УДК 349.2

Статья посвящается становлению трудового законодательства в период образования СССР и в первые годы его существования. Показан сложный и противоречивый процесс формирования согласованной системы нормативных правовых актов в федеративном государстве. Обращается внимание на то, что проблемы соотношения союзного и республиканского законодательства о труде в 20-е гг. XX в. обусловливались, прежде всего, динамизмом трудовых отношений, нехваткой необходимого опыта у субъектов правотворчества и неопределенностью перспектив развития трудового законодательства в противоречивых условиях нэпа.

Ключевые слова: республиканские кодексы законов о Труде 1922 г.; Конституция СССР 1924 г.; полномочия союза и республик в сфере правового регулирования труда; проекты общесоюзного кодификационного трудоправового акта.

The article is devoted to the formation of the labour legislation from emerging of the USSR through the first years of its existence. The author shows difficult and inconsistent process of formation of the co-ordinated system of standard legal certificates in a federative state. The attention is drawn to the fact that problems of a parity of the all-union and republican legislations on labour issues in 1920s first of all were caused by dynamism of labour relations, by shortage of necessary experience of actors making laws and a spontaneity of development prospects of the labour legislation in inconsistent conditions of the New Economic Policy.

Key words: Republican Codes of Laws on Work of 1922; Constitution of the USSR 1924; powers of the union and republics in sphere of legal regulation of labour; draft of all-union codificated labour certificate.

А. Б. Иванов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: ivart76@mail.ru

Проблемы соотношения союзного и республиканского законодательства о труде в СССР в 20-е годы XX века

Научная статья

A. B. Ivanov

P. G. Demidov Yaroslavl State University
E-mail: ivart76@mail.ru

Problems of Parity of All-Union and Republican Legislations on Labour in the USSR in 1920s

Scientific article

Одной из актуальных в отечественной науке трудового права является проблема соотношения нормативных правовых актов в федеративном государстве. В современных работах нередко поднимается вопрос о необходимости упорядочения системных связей между различными видами источников. В связи с этим ставится задача «более четкого разграничения правотворческих полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти, соотношения федеральных и региональных нормативных правовых актов в сфере труда» [1]. В целом обозначенная проблема имеет большую историю, ее корни уходят в начальный период существования СССР.

До образования союзного государства взаимоотношения между советскими республиками, в том числе в области правового регулирования труда, как правило, определялись двусторонними соглашениями. Причем инициатива по установлению более тесных отношений в основном исходила от России. Так, по декрету ЦИК РСФСР от 1 июня 1919 г. «Об объединении советских республик» было признано целесообразным провести объединение некоторых народных комиссариатов с тем, чтобы руководство отдельными отраслями общественной жизни было сосредоточено в едином центре [2]. В декрете подчеркивалось, что такое объединение должно производиться путем соглашения с Центральными исполнительными комитетами и Советами народных комиссаров союзных республик. Наиболее последовательно данный декрет удалось реализовать в рамках отношений РСФСР с Украиной. Так, соглашение между Центральными исполнительными комитетами РСФСР и УССР об объединении ряда наркоматов (в частности, наркомата труда) было заключено в мае 1920 г. Объединенный нарко-

© Иванов А. Б., 2011

мат труда входил в состав правительства РСФСР, а его уполномоченный был аккредитован при правительстве УССР [3].

Помимо решения вопросов организационного характера, советскими республиками предпринимались попытки сформировать единую систему правового регулирования. При этом законодательство РСФСР нередко выступало основой для других республик в их правотворческой практике. Нормативные акты РСФСР, в том числе и в сфере труда, в соответствии с достигнутыми соглашениями действовали на территории других республик. Для придания им юридической силы, как правило, требовалось утверждение актом правительства соответствующей республики. Зачастую утвержденные таким образом российские акты действовали в республиках с определенными изменениями и дополнениями, отражавшими региональную специфику.

Подобным образом был, в частности, включен в республиканские правовые системы Кодекс законов о труде РСФСР 1922 г. Данный кодификационный акт был принят IV сессией ВЦИК девятого созыва 30 октября 1922 г. и вступил в силу с 15 ноября 1922 г. (за полтора месяца до образования СССР). При этом в постановлении ВЦИК от 9 ноября 1922 г. «О введении в действие Кодекса Законов о Труде РСФСР» особо указывалось, что КЗоТ распространяется на территории РСФСР и всех союзных и автономных республик и областей [4]. Необходимо отметить, что данное постановление ВЦИК принималось и утверждалось при участии представителей других советских республик, что придавало ему в республиках дополнительную легитимность.

КЗоТ РСФСР был введен на территории будущих союзных республик без каких-либо изменений (лишь на Украине в кодекс были внесены изменения «формального конституционно характера» [5]). Сроки введения его в действие не были едиными. Например, КЗоТ в Украинской ССР первоначально был принят даже раньше, чем в РСФСР, – 15 октября 1922 г. на III сессии ЦИК УССР шестого созыва. Позднее, 2 декабря 1922 г., Всеукраинский ЦИК издал постановление о введении с 15 ноября на территории Украины КЗоТ 1922 г. в окончательной редакции [6]. Союзный Совет Советских Социалистических Республик Закавказья ввел в действие КЗоТ РСФСР на территории Закавказской Федерации с 1 января 1923 г. [7]. В Белоруссии КЗоТ РСФСР 1922 г. начал действовать с 15 ноября 1922 г. на основании постановления ВЦИК 9 ноября 1922 г. [8]. Длительное время он действовал под наименованием «КЗоТ РСФСР», и только 27 июля 1929 г. постановлением белорусского ЦИК и СНК был принят КЗоТ БССР [9]. Во второй половине 1920-х гг. кодексы, в основе которых лежал российский КзоТ, стали действовать и на территории других вновь образовавшихся союзных республик (Узбекской, Туркменской и Таджикской). Необходимо обратить внимание на то, что КЗоТ РСФСР в начальный период своего действия воспринимался многими современниками именно как общесоюзный кодекс. Таким образом, механизм формирования единого правового пространства, каркас союзного законодательства в сфере труда начал закладываться еще до образования единого государства.

Политика по унификации законодательства союзных республик была продолжена и после образования СССР в декабре 1922 г. В этой связи необходимо прежде всего выделить декрет ЦИК СССР от 13 июля 1923 г. «О декретах и постановлениях ВЦИК и его Президиума» [10]. В соответствии с ним все декреты и постановления указанных органов, которые, в силу договорных отношений между РСФСР и союзными республиками и в силу полномочий, данных ЦИК СССР Президиуму ВЦИК в декабре 1922 г., получили распространение на территории РСФСР, союзных и договорных республик, сохраняли свою силу как обязательные к действию на всей территории СССР.

В то же время в отношении постановлений других органов власти РСФСР (в частности, наркомата труда) прямые указания в союзном законодательстве отсутствовали. В последнем случае, по всей видимости, имели силу прежние договоренности между РСФСР и союзными республиками. «Единообразной практики, – заключает Е. Н. Данилова, – в этом отношении в союзных республиках не было, и параллельно шло как проведение на территории той или иной из них постановлений НКТ РСФСР по одним вопросам, так и самостоятельное творчество республиканских органов по другим вопросам» [11].

Несмотря на достаточно последовательные шаги по унификации республиканского трудового законодательства на базе российских актов, в условиях объединения республик в общесоюзное государство все же требовались новые подходы к правотворческой политике. Прежде всего, в силу федеративного устройства СССР, необходимо было разграничить полномочия союзных и республиканских органов власти по вопросам труда, а также установить круг вопросов, относящихся к совместному ведению союза и входивших в него республик.

Однако эти практически значимые задачи на всем протяжении 1920-х гг. решались недостаточно определенно и последовательно, что создавало большие затруднения в ходе правотворческой и правоприменительной деятельности. «Недостатком, который постоянно давал себя чувствовать, – отмечал применительно к рассматриваемому историческому периоду К. П. Горшенин, – являлось отсутствие четкого разграничения общесоюзной и республиканской компетенции в области регулирования трудовых отношений» [12].

Так, в соответствии с п. «п» ст. 1 Договора об образовании СССР от 30 декабря 1922 г. к ведению союза в лице его верховных органов относилось «установление основных законов о труде» [13]. Аналогичное положение впоследствии было закреплено и в п. «р» ст. 1 Конституции СССР 1924 г. [14]. Интересно, что в отношении других отраслей права в ст. 1 Основного закона использовались другие формулировки – общие начала, общие меры и т. д. Очевидно, что в рассматриваемый период юридическая практика не выработала еще единого подхода к форме общесоюзных актов.

Несомненно, формулировка п. «р» ст. 1 Конституции страдала неопределенностью, но позднее так и не была конкретизирована. Она стала, по сути, главным «камнем преткновения» во время подготовки и обсуждения общесоюзного кодификационного акта в сфере труда, порождала она серьезные споры и в трудоправовой науке.

Большинство исследователей были единодушны в том, что в п. «р» ст. 1 Конституции СССР 1924 г. закреплялось указание на форму кодификационного акта в сфере труда. При этом одни авторы считали, что в рамках реализации права на установление «основных законов о труде» союзные органы могут принять кодификационный трудоправовой акт любой формы (не только Основные законы, но и, например, КЗоТ СССР или Трудовой кодекс СССР) [15].

Другие авторы были убеждены в том, что правомочие, закрепленное в п. «р» ст. 1 Конституции СССР 1924 г., следовало толковать буквально – именно как право на издание кодификационного акта только в форме Основных законов о труде. «Если бы дело дошло до официального рассмотрения проекта КЗоТ (СССР. – *А. И.*), – писал К. П. Горшенин, – то, как мы полагаем, потребовалось бы уточнение соответствующего положения Конституции, тем более, что это существенно бы затронуло суверенные права союзных республик» [16].

В этой связи интересно обратить внимание на практическую реализацию нормы, закрепленной в п. «р» ст. 1 союзной Конституции. Первоначально работа над проектом общесоюзного закона о труде проходила в 1924 г. в Конституционной комиссии (подкомиссии по труду) и в Народном комиссариате труда СССР. Эта работа была завершена в короткий срок, к началу 1925 г., а ее результатом стали два проекта, получившие название «Кодекс основных законов о труде». Через два года IV Съезд Советов СССР в своем Постановлении «О состоянии и перспективах развития промышленности СССР» (п. 27) поручил Правительству в кратчайший срок издать «Основной Закон о труде» [17]. Наконец, в феврале 1930 г. СНК СССР поручил НКТ СССР по согласованию с ВЦСПС в полугодовой срок разработать общесоюзный кодификационный трудоправовой акт именно в форме «Кодекса законов о труде СССР» [18]. Таким образом, можно считать, что законодатель в 1920-е гг. не придавал серьезного значения форме союзного кодификационного акта в сфере труда.

Важно отметить, что в п. «р» ст. 1 Конституции СССР закреплялась только компетенция верховных союзных органов, к которым относились Съезд советов, ЦИК, его Президиум и СНК СССР. Компетенция специального ведомства в области труда – наркомата труда СССР – определялась специальными актами. К ним прежде всего относились Общее Положение о Народных комиссариатах СССР и Положение о Народном комиссариате труда от 12 ноября 1923 г. [19].

Для того чтобы закрепить основы правового регулирования трудовых отношений и пределы правотворческой компетенции в области труда союза и союзных республик, требовалось также принять общесоюзный кодификационный трудоправовой акт. Необходимость принятия такого акта в 1920-е гг. никем не подвергалась сомнению. «Кодификация законодательства о труде, – писал, например, Р. Орлов, – должна быть использована… для наиболее четкого разграничения союзного и республиканского законодательства о труде» [20].

Начиная со второй половины 1920-х гг. задача кодификации общесоюзного трудового законодательства стала еще более актуальной в связи с тем, что уже в это время наметилась тенденция к регулированию труда рабочих и служащих в централизованном порядке посредством издания нормативных актов общесоюзного значения.

На высшем государственном уровне необходимость принятия подобного акта, несомненно, также

осознавалась. Так, еще до утверждения Конституции съездом Советов в январе 1924 г. постановлением сессии ЦИК СССР от 12 ноября 1923 г. Президиуму ЦИК было поручено образовать комиссию в составе представителей союзных республик, назначаемых Президиумами ЦИК этих республик, для подготовки ряда законов, включая основные законы о труде. Эта комиссия (Конституционная комиссия) создала ряд подкомиссий. Подкомиссию по вопросам трудового законодательства, начавшую свою работу в мае 1924 г., возглавил заместитель народного комиссара юстиции РСФСР Н. В. Крыленко.

Рассматривая проблемы правового регулирования труда в федеративном государстве, необходимо также обратить внимание на различные подходы к пониманию содержания союзного кодификационного акта в сфере труда. По этому вопросу у специалистов, как и по вопросу о форме акта, не было единой позиции. Одни авторы были сторонниками минимальных полномочий союзных органов в регулировании трудовых отношений. Основная часть вопросов, по их мнению, должна была регламентироваться КЗоТ и другими актами союзных республик. Такая позиция, в частности, нашла отражение в деятельности вышеназванной подкомиссии под руководством Н. В. Крыленко, подготовившей в 1925 г. первый проект Кодекса основных законов о труде СССР. Подкомиссия основывалась в своей работе на том, что кодексы законов о труде, действовавшие на территории союзных республик, представляют законодательство этих республик, а не общесоюзное законодательство, и что поэтому только принципиальные положения Кодекса могут быть восприняты в основных законах о труде Союза ССР. Современники за подобную позицию членов комиссии обвиняли в «узко-республиканском шовинизме» и в «законодательном сепаратизме» [21].

Сторонники другой позиции, говоря о будущем КЗоТ СССР (Трудовом кодексе социалистической реконструкции), заявляли о необходимости закрепления максимально широких полномочий союзных органов в правовом регулировании труда. «Совершенно недопустимо, – писала, например, Е. Н. Данилова, – чтобы промышленный пролетариат был поставлен в различные правовые условия в отдельных частях Союза. Это создало бы впечатление известной "конкуренции" между советскими республиками» [22]. В связи с этим авторы заявляли и о ненужности республиканских кодексов законов о труде. «Едва ли в этом есть смысл… Материалов для республиканских кодексов не остается, да и самое название это… имеет важное значение и нельзя запутывать рабочего, заставляя его задумываться над вопросами, чем отличается Союзный Кодекс от республиканского» [23]. Позднее указанная точка зрения наиболее последовательно проводилась в работах А. Е. Пашерстника, считавшего, что «правовое регулирование трудовых отношений должно в основном осуществляться при помощи нормативных актов общесоюзного значения» [24].

Между отмеченными двумя крайними взглядами выделялась идея о необходимости поиска разумного баланса полномочий между республиками и союзом в регулировании трудовых отношений. Ряд авторов был убежден в том, что на союзном уровне должны устанавливаться обязательный минимум трудовых прав и гарантий, основные принципы и направления правового регулирования труда. При этом и отдельным союзным республикам должны были предоставляться более широкие полномочия в области трудового законодательства [25].

Несмотря на большую работу, проведенную по подготовке общесоюзного акта о труде, в 1920-е гг. он так и не был принят. Как справедливо отмечает И. С. Войтинский, главным затруднением для выполнения в общесоюзном масштабе задачи кодификации основ советского трудового законодательства являлось «быстрое развитие этого законодательства» [26]. В 1920-е гг. акты, регулировавшие трудовые отношения, зачастую не успевали за развитием динамично развивавшихся общественных отношений. По словам народного комиссара труда СССР В. В. Шмидта, «каждый раз мы ставились перед политической необходимостью регулировать условия труда в новых условиях, не имея возможности и времени тщательно продумать и проверить наши законы… В итоге получалось не систематическое законодательство о труде по отдельным отраслям нашего народного хозяйства, а законодательство от случая к случаю, недостаточно продуманное, недостаточно взвешенное и нагроможденное бесчисленными пояснениями и разъяснениями» [27].

«Обилие актов и распоряжений, их сложность, запутанность и противоречивость…, – отмечал один из современников, – делают наше трудовое законодательство… недоступным, создают абсолютную невозможность правильно ориентироваться в них даже для наиболее квалифицированных работников органов труда, профсоюзных и хозяйственных организаций, соприкасающихся с вопросами труда» [28]. Попытки устранить данные противоречия в правовом регулировании предпри-

нимались как союзными, так и республиканскими органами власти, нередко по одному и тому же вопросу (так как не было четкого разграничения правотворческой компетенции). В результате неопределенность и противоречивость трудового законодательства еще больше усиливалась.

Уже в первые годы существования союзного государства количество различий в республиканском трудовом законодательстве стало постепенно возрастать. И. С. Войтинский, например, обращал внимание на то, что «республиканские Кодексы законов о труде, будучи едиными в своей основе (Кодекс РСФСР 1922 г.), с течением времени значительно разошлись между собой в подробностях своего текста» [29]. Главной причиной этого было закрепленное в самих кодексах право республиканских законодательных органов вносить изменения и дополнения в свои кодификационные акты.

Между тем первоначально, исходя из буквального толкования ст. 5 постановления ВЦИК от 9 ноября 1922 г., считалось, что КЗоТ РСФСР фактически имеет статус общесоюзного акта и что союзные республики не могут внести в КЗоТ изменения без одобрения ВЦИК [30]. В первые месяцы существования СССР даже предпринимались попытки пресечь самостоятельность республик в этом вопросе. Так, в январе 1923 г. НКТ РСФСР опротестовал во ВЦИК постановление Украинского ЦИК о замене всех имеющихся в кодексе ссылок на органы РСФСР ссылками на соответствующие органы Украины. «Тем самым, – говорилось в протесте НКТ РСФСР, – установилось положение, согласно которому изменения и дополнения кодекса производятся властью Украинского ЦИК, а издание разного рода инструкций и дополнений, предусмотренных кодексом, возлагается вместо НКТ РСФСР на НКТ Украины. То есть открывается, вопреки постановлению ВЦИК, широкий путь к сепаратному законодательству о труде на Украине» [31]. В итоге постановление Украинского ЦИК было отменено, как противоречащее договору РСФСР с Украиной. Однако это решение не остановило правотворческую самостоятельность в союзных республиках.

У республик в 1920-е гг. были различные подходы к включению в состав своих кодексов норм, содержавшихся в общесоюзных нормативных актах, что не способствовало единообразному применению закона. Если, например, в Закавказской Федерации большая часть принимавшихся издававшихся постановлений отличалась от актов, изданных в РСФСР и СССР, только редакционно, то в УССР обычно в этих случаях российские и союзные акты значительно перерабатывались (исключались отдельные статьи, вводились новые, изменялось их содержание и т. п.).

Очевидными были и расхождения в республиканском законодательстве по вопросам, требовавшим единообразной регламентации. Например, Украинский КЗоТ (п. «а» ст. 34) предусматривал положение, согласно которому договоры с определенным сроком действия не могли заключаться на срок свыше трех лет, а та же статья в КЗоТ РСФСР устанавливала время действия срочного договора не свыше одного года. Положение п. «ж» ст. 47 КЗоТ 1922 г. Белоруссии предоставляло работодателю право уволить работника при непосещении им работы вследствие временной утраты трудоспособности в течение четырех месяцев со дня утраты трудоспособности. В кодексах других союзных республик, в том числе и российском, в этом случае устанавливался двухмесячный срок.

Таким образом, в 1920-е годы СССР получал первый опыт в формировании единой системы трудового законодательства. Обеспечить единство трудового законодательства союзных республик, а также разграничить союзные и республиканские полномочия по изданию трудоправовых актов, по сути, так и не удалось по причине отсутствия опыта в данной области и динамичного развития трудовых отношений. Серьезной проблемой являлось отсутствие общесоюзного кодификационного трудоправового акта, который, несмотря на большую работу, проведенную по его созданию, в итоге так и не был утвержден. Принятие такого акта, безусловно, способствовало бы более эффективному правовому регулированию трудовых отношений, внесло определенность в систему источников трудового права и упростило деятельность по применению трудоправовых норм.

Список использованной литературы

1. Нуртдинова А. Ф., Чиканова Л. А. Концепция развития трудового законодательства // Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. М., 2010. С. 304.

2. Прокопенко В. И. Влияние законодательства о труде Российской Федерации на развитие трудового законодательства Украины // КЗоТ 1922 года и современность. М., 1974. С. 214.

3. Там же. С. 214, 215.

4. СУ РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.

5. Данилова Е. Н. Трудовое законодательство союзных республик // Вопросы труда. 1925. № 3. С. 76.

6. СУ УССР. 1922. № 52. Ст. 751.

7. СУ ЗСФСР. 1923. № 7. Ст. 89.

8. Семенков В. И. Влияние КЗоТ РСФСР 1922 г. на развитие законодательства о труде Белорусской ССР // КЗоТ 1922 года и современность. М., 1974. С. 189.

9. СЗ БССР. 1929. № 33. Ст. 191.

10. СУ РСФСР. 1923. № 82, ст. 796.

11. Данилова Е. Н. К проекту Кодекса основных законов о труде СССР // Советское право. 1925. № 3 (15). С. 12.

12. Горшенин К. П. Кодификация законодательства о труде: Теоретические вопросы. М., 1967. С. 72.

13. I съезд Советов СССР: Стенографический отчет с приложениями. М., 1923. Приложение 1. С. 4.

14. Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1924.

15. Войтинский И. Трудовой кодекс социалистической реконструкции // Советское трудовое право на современном этапе. М., 1931. С. 14.

16. Горшенин К. П. Указ соч. С. 73.

17. СЗ СССР. 1927. № 21. Ст. 239.

18. Войтинский И. Указ соч. С. 14.

19. Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1923. № 10. Ст. 299, 308.

20. Орлов Р. Кодификация и упрощение трудового законодательства // Вопросы труда. 1929. № 6. С. 54.

21. Данилова Е. Н. Пределы общесоюзного законодательства о труде // Вопросы труда. 1924. № 10. С. 34–35, 36.

22. Там же. С. 32.

23. Там же. С. 41.

24. Пашерстник А. Е. Теоретические вопросы кодификации общесоюзного законодательства о труде. М., 1955. С. 94, 99.

25. Шмидт В. Советское трудовое законодательство и очередные задачи нашей трудовой политики // Вопросы труда. 1925. № 7–8. С. 25–26.

26. Войтинский И. Указ. соч. С. 14.

27. Шмидт В. Указ соч. С. 23.

28. Орлов Ю. Указ. соч. 52.

29. Войтинский И. Указ. соч. С. 14.

30. Данилова Е. Н. Законодательство о труде в новых экономических условиях // Вопросы труда. 1923. № 1. С. 12.

31. Наркомтруда СССР и взаимоотношения с союзными республиками // Там же. № 2. С. 8.

УДК 342.52

В статье исследуются различные подходы к выработке понятия средств дифференциации ответственности в уголовном праве, анализируются перечни таких средств в Общей и Особенной части УК РФ. Авторами вносятся предложения о переводе ряда характерных для многих составов преступлений квалифицирующих обстоятельств из Особенной в Общую часть Кодекса.

Ключевые слова: уголовная ответственность; состав преступления; дифференциация; индивидуализация; средства; обстоятельства; квалифицирующие признаки.

In the article various approaches to development of the concept of means of differentiation of responsibility in criminal law are investigated. Lists of such means in General and Especial part of the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed. The authors propose to transfer some qualifying circumstances typical for many crimes structures from Especial to the General part of the Code.

Key words: the criminal liability; crime structure; differentiation; individualization; means; circumstances; qualifying signs.

О. Г. Соловьев, А. А. Ильин

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: olegsol1961@yandex.ru

О средствах дифференциации уголовной ответственности в Общей и Особенной части УК РФ

Научная статья

O. G. Solovyev, A. A. Ilin

P. G. Demidov Yaroslavl State University
E-mail: olegsol1961@yandex.ru

On Means of Differentiation of Criminal Liability in General and Especial Parts of the Criminal Code of the Russian Federation

Scientific article

В юридической литературе выделяется достаточно широкий круг *средств дифференциации уголовной ответственности*, которые внедрены или должны быть внедрены в материю уголовного закона [1]. Но, несмотря на это, нельзя утверждать, что сложилась цельная концепция о видах и содержании средств дифференциации уголовной ответственности, соотношении и взаимозависимостях между ними.

Во-первых, следует точнее определиться с терминологией. В настоящее время в теории уголовного права предлагается выделять не только *средства*, но и *обстоятельства* дифференциации [2]. К первым из них А. В. Васильевский относит все нормы и положения, в которых законодатель однозначно отразил направление изменения типовой ответственности, т. е. ответственности за преступления с основным составом для типового субъекта [3]. Под вторыми, по его мнению, следует понимать изложенные в законе условия применения средств дифференциации. Например, к последним он относит квалифицированные и привилегированные составы, а к дифференцирующим обстоятельствам – квалифицирующие (привилегирующие) обстоятельства [4].

Во-вторых, в юридической литературе нет единства в определении перечня дифференцирующих средств, имеющихся в Уголовном кодексе. Так, широкой трактовки средств дифференциации ответственности придерживается В. С. Минская, которая относит к ним практически все нормы и институты Общей части уголовного закона: категоризацию преступлений, формы вины, добровольный отказ, виды наказаний, назначение наказания и освобождение от уголовной ответственности и наказания и т. д. [5].

Т. А. Лесниевски-Костарева, напротив, неоправданно ограничивает круг средств диффе-

© Соловьев О. Г., 2011
© Ильин А. А., 2011

ренциации уголовной ответственности и относит к ним только: 1) квалифицирующие и привилегирующие признаки; 2) общие и специальные виды освобождения от уголовной ответственности [6]. В этой связи она критикует позицию П. В. Коробова, признающего в качестве средства дифференциации ответственности институт освобождения от наказания (гл. 12 УК) [7]. По существу, указывает Т. А. Лесниевски-Костарева, в этом случае не дифференцируются ни уголовная ответственность, ни типовое наказание, они остаются постоянными. При этом этап назначения наказания уже пройден, в этом случае можно говорить об этапе индивидуализации [8].

Полемизируя с ней, Л. Л. Кругликов и А. В. Васильевский отмечают, что она несправедливо отказывает в праве называться дифференцирующими многим институтам Общей части УК, например институту освобождения от наказания, полагая, что речь в нём идёт об индивидуальной степени общественной опасности, а не о типовой. Но если признаки общественной опасности деяния или лица, его совершившего, типизированы и закреплены в законе, то почему речь должна идти об индивидуализации? [9].

Несомненно, что институт освобождения от наказания необходимо отнести к средствам дифференциации, индивидуализацией же в этом случае нужно считать «маневрирование» правоприменителя в рамках ст. 79–83 УК. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 80 УК при замене неотбытой части наказания суд может избрать *любой более мягкий* вид наказания в соответствии с видами наказаний, указанными в ст. 44 УК. Именно выбор судом конкретного варианта, предлагаемого уголовно-правовой нормой, с учётом конкретных обстоятельств, и применение этого выбора к конкретному лицу и есть *индивидуализация* ответственности.

Более спорным выглядит вопрос о том, считать ли средством дифференциации институт освобождения от уголовной ответственности. Категорически возражает против этого (как и против того, чтобы признавать дифференциацией ответственности освобождение от наказания) М. Н. Каплин, который пишет, что «уголовной ответственностью может являться лишь реальная мера, а не освобождение от неё. Соответственно, дифференцировать то, чего нет, невозможно» [10]. Напротив, иные исследователи прямо относят институт освобождения от уголовной ответственности к средствам дифференциации [11]. Освобождение от уголовной ответственности и наказания, пишет А. В. Васильевский, является наиболее *радикальным средством дифференциации ответственности* [12]. При этом к дифференцирующим средствам не всегда относятся как общие виды освобождения от уголовной ответственности, так и специальные виды, закреплённые в Особенной части УК. Так, П. В. Коробов считает, что специальные виды освобождения не относятся к проявлениям дифференциации уголовной ответственности «из-за специфики оснований их применения» [13]. Некоторые исследователи усматривают в освобождении от уголовной ответственности не дифференциацию, а индивидуализацию уголовной ответственности [14]. Несомненно, подобный вывод не соотносится с правовой природой института освобождения от уголовной ответственности как института, закреплённого *законодателем* в *уголовном законе* и применяемого к неопределённому кругу лиц. Отнесение освобождения к индивидуализации либо к дифференциации имеет важное теоретическое и практическое значение. От решения данного вопроса зависит, например, определение оснований освобождения от уголовной ответственности. Как известно, основанием индивидуализации ответственности выступает прежде всего *индивидуальная* степень опасности содеянного и личности виновного; основаниями дифференциации (как мы уже отмечали) являются *характер* и *типовая* степень общественной опасности содеянного и *типовая* степень общественной опасности личности.

Полагаем, что к средствам дифференциации ответственности необходимо относить институт смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, как это делает А. В. Васильевский [15]. Однако М. Н. Каплин ставит под сомнение этот вывод и полагает, что не все обстоятельства, предусмотренные ст. 61 и 62 УК, необходимо относить к рассматриваемым средствам [16]. Представляется, что подобное утверждение в определённой степени верно лишь по отношению к институту отягчающих обстоятельств. Дифференцирующими могут быть любые смягчающие обстоятельства, характер действия которых либо прямо определён в законе (ст. 62 УК), либо может быть учтен

и признан судом исключительными (ст. 64 УК), либо учтен при назначении наказания при вердикте присяжных заседателей о снисхождении (ст. 65 УК). Из отягчающих обстоятельств чёткий дифференцирующий характер влияния имеет, пожалуй, только рецидив (ст. 68 УК). Однако с учётом положений ст. 62 и ч. 4 ст. 65 УК опосредованное дифференцирующее воздействие, на наш взгляд, могут оказывать любые отягчающие обстоятельства. Учитывая изложенное, следует напомнить, что Л. Л. Кругликовым предлагалось выделить промежуточную, «буферную» группу обстоятельств. От обычных смягчающих и отягчающих они отличаются тем, что влекут возникновение новой санкции, иных законодательных пределов назначения наказания (например, применительно к рецидиву, несовершеннолетию и т. п.). От квалифицирующих (привилегирующих) обстоятельств их отличает нейтральность в части влияния на квалификацию содеянного, невыполнение ими функции основания ответственности [17].

Таким образом, к средствам дифференциации уголовной ответственности, регламентированным в УК РФ, мы относим: в Общей части – 1) институт рецидива преступлений; 2) возраст субъекта преступления; 3) форму вины; 4) институт стадий преступной деятельности; 5) институт соучастия; 6) институт смягчающих и отягчающих обстоятельств; 7) институт освобождения от уголовной ответственности и наказания; в Особенной части – 1) разделы и главы УК; 2) общие и специальные составы; 3) квалифицированные и привилегированные составы – те, в которых законодательно закреплены дифференцирующие обстоятельства, ведущие, по сравнению с родственным простым составом преступления, к увеличению (уменьшению) степени общественной опасности содеянного (и личности виновного), соответственно изменяющие правовую оценку содеянного; 4) специальные виды освобождения, закреплённые в примечаниях к статьям Особенной части УК.

В литературе часто встречаются заслуживающие внимания предложения о переводе из Особенной в Общую часть Кодекса определённых квалифицирующих обстоятельств, характерных для многих составов преступлений. «На наш взгляд, – пишет Т. А. Лесниевски-Костарева, – следовало бы более активно использовать вынесение квалифицирующих признаков в Общую часть уголовного закона, помещая там их определение и обязательно указывая степень влияния на наказание» [18]. Оценивая указанную идею в целом положительно, отметим, что с того момента, как такого рода обстоятельства окажутся в Общей части, они утратят свойство влияния на квалификацию содеянного, перестанут быть признаками состава преступления (оставаясь средством дифференциации ответственности) [19]. Поэтому правильнее в такой ситуации, как мы уже отмечали, поддержать предложенную в теории идею создания промежуточной, «буферной», группы обстоятельств.

Список использованной литературы

1. Васильевский А. В. Юридическая техника закрепления в уголовном законе дифференцирующих уголовную ответственность обстоятельств // Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве: сб. науч. ст. / под ред. Л. Л. Кругликова. Ярославль, 2000. С. 99–107; Кругликов Л. Л. Правовая природа квалифицирующих обстоятельств как средства дифференциации уголовной ответственности // Кругликов Л. Л. Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи, 1982–1999 гг. Ярославль, 1999. С. 149–157; Кругликов Л. Л. Экономические преступления: понятие, виды, вопросы дифференциации ответственности // Налоговые и иные экономические преступления. Вып. 1. Ярославль, 2000. С. 3–17; Пухтий Е. Е. Преступления против семьи и несовершеннолетних: вопросы техники конструирования составов и дифференциации ответственности: дис. … канд. юрид. наук. Ярославль, 2004. С. 130–131.

2. Кругликов Л. Л. О дифференциации ответственности за экономические преступления с помощью средств Общей части УК РФ // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Вып. 5. Ярославль, 2001. С. 163.

3. Васильевский А. В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: дис. … канд. юрид. наук. Ярославль, 2000. С. 88.

4. Там же. С. 95.

5. Минская В. С. Дифференциация уголовной ответственности в УК РФ // Уголовное право. 1998. № 3. С. 18–24.

6. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 173–178.

7. Коробов П. В. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве (материальный и процессуальный аспекты). Ярославль, 1995. С. 8.

8. Лесниевски-Костарева Т. А. Указ. соч. С. 176.

9. Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Рец. на кн.: Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной

ответственности: Теория и законодательная практика. М., 1998 // Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве. Ярославль, 2000. С. 169.

10. Каплин М. Н. Сущность дифференциации уголовной ответственности // Юридические записки ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2001. Вып. 5. С. 177.

11. Васильевский А. В. Дифференциация ответственности и наказания в Общей части уголовного права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 18–19; Лесниевски-Костарева Т. А. Указ. соч. С. 178 и далее; Коробов П. В. Указ. соч. С. 9.

12. Васильевский А. В. Дифференциация ответственности и наказания в Общей части уголовного права. С. 19.

13. Коробов П. В. Указ. соч. С. 3.

14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. М., 2002. С. 19; Сверчков В. В. О диспозитивности и императивности в институте освобождения от уголовной ответственности (наказания) // Юридическая техника и вопросы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 1998. С. 37.

15. Васильевский А. В. Дифференциация ответственности и наказания в Общей части уголовного права: дис. … канд. юрид. наук. С. 170–171.

16. Каплин М. Н. Указ. соч. С. 180.

17. Кругликов Л. Л. О средствах дифференциации ответственности в Общей части Уголовного кодекса РФ // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. Ярославль, 1995. С. 54–57; Его же. О дифференциации ответственности за экономические преступления с помощью средств Общей части УК РФ. С. 164.

18. Лесниевски-Костарева Т. А. Указ. соч. С. 174–175.

19. Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Указ. соч. С. 170.

УДК 343.2/.7

В статье раскрывается сущность состава преступления. Автор доказывает, что состав преступления является воплощением признака уголовной противоправности, а общественная опасность лежит за его рамками. На этом основании делается вывод, что малозначительное деяние содержит состав преступления, но не является преступлением из-за отсутствия у него свойства общественной опасности.

Ключевые слова: состав преступления; соотношение понятий; уголовная противоправность; запрещенность; малозначительное деяние; статьи 8, 14 УК РФ.

The essence of a crime structure is revealed in the article. The author proves that the crime structure is an embodiment of a sign criminal breaking of the law, and public danger lies behind its frameworks. On this basis the conclusion is made that insignificant act contains crime structure but is not a crime due to the absence of a public danger property.

Key words: crime structure; parity of concepts; criminal breaking of law; prohibitness; insignificant act; articles 8, 14 of the Criminal Code of the Russian Federation.

А. В. Иванчин

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru

О формальной сущности состава преступления

Научная статья

A. V. Ivanchin

P. G. Demidov Yaroslavl State University
E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru

On Formal Essence of a Crime structure

Scientific article

Вопрос о сущности состава преступления напрямую связан с проблемой соотношения состава преступления и преступления. Споры на эту архиважную тему не утихают по сей день [1]. Предлагая свое решение данной проблемы, заметим, что много путаницы вызывают попытки соотносить несоотносимые понятия. М. П. Карпушин и В. И. Курляндский правильно, на наш взгляд, отмечают, что «правомерно проводить сравнение в одной плоскости», например, состав преступления сопоставлять с преступлением, состав определенного преступления – с определенным преступлением [2]. То есть процесс соотношения искомых понятий должен быть корректным в научном смысле – соотносить необходимо одноуровневые понятия. В частности, логично сравнивать понятие состава преступления и понятие этого же преступления (например, состав доведения до самоубийства и понятие доведения до самоубийства).

На этом уровне мы сразу же убедимся, что традиционные рецепты решения проблемы не работают: дескать, «преступление – это явление реальной жизни, а состав преступления – юридическое представление законодателя о конкретном реально существующем явлении – преступлении» [3]; «понятием преступления характеризуется реальное явление, а состав преступления выступает как юридическое понятие об этом явлении» [4]. Понятие какого-либо преступления – это явно не реальное жизненное явление, а понятие о нем, закрепляющее так же как и состав, типичные и существенные признаки преступления. Поэтому и Н. А. Лопашенко не решает, как представляется, рассматриваемую проблему, указывая, что преступление и его состав различаются, среди прочего, по природе: «состав – законодательная конструкция, преступление – реальность, находящаяся в социальной жизни общества, хотя и несущая на себе отпечаток воли законодателя, признающего преступление преступлением» [5]. Если соотнести понятие об этом преступлении с понятием его же состава, то решение проблемы с очевидностью будет иным.

Поэтому, наметив указанную отправную точку, следует перейти на уровень соотнесения признаков искомых понятий (т. е. проводить сравнение на понятийном уровне). Понятие любого преступления (видовое понятие), естественно, включает и признаки родового понятия. Родовое понятие закреплено в ч. 1 ст. 14 УК. Можно спорить об удач-

© Иванчин А. В., 2011

ности включения в набор признаков преступления виновности и наказуемости (так, виновность, как представляется, является частью запрещенности), но в любом случае непреложными останутся два фундаментальных свойства преступления – его общественная опасность и запрещенность уголовным законом (уголовная противоправность, предусмотренность уголовным законом, «формальный» признак преступления). И вот именно в соотношении состава с этими признаками состоит, на наш взгляд, квинтэссенция рассматриваемой проблемы.

Под общественной опасностью понимается причинение деянием существенного вреда общественным отношениям либо создание опасности причинения такого вреда. Господствующий до сих пор взгляд на соотношение состава преступления и общественной опасности был сформулирован еще А. Н. Трайниным: «Лишь общественно опасное действие может образовать состав преступления… Доказательство наличия в действиях лица всех элементов предусмотренного законом состава преступления есть тем самым и доказательство общественной опасности этих действий» [6]. Иными словами, общественная опасность, как считал А. Н. Трайнин, содержится в составе преступления, рассредоточена по его элементам. В. Н. Кудрявцев занимал аналогичную позицию: «Общественная опасность… является неотъемлемой чертой состава» [7]. Н. Ф. Кузнецова также указывала, что общественная опасность охватывается составом преступления, хотя и – конкретизирует она – его объективной стороной [8].

Действительно, если сравнение проводить на одном уровне, т. е. уровне определенного преступления (например, простого убийства), то получается, что понятие этого преступления, включающее общие его признаки (общественную опасность и т. д.), и понятие его состава совпадают. При таком подходе состав преступления с точки зрения логики охватывает и общественную опасность. Однако в доктрине встречаются и противоположные суждения – о том, что состав преступления не обладает общественной опасностью [9]. Этот правильный, на наш взгляд, подход требует развития. Анализ категорий «общественная опасность» и «противоправность» (запрещенность) вкупе с ретроспективным изучением состава преступления, его природы и функционального назначения привел нас к выводу о том, что *общественная опасность находится за рамками состава преступления, а последний есть воплощение «формального» признака преступления (т. е. признака запрещенности или уголовной противоправности)*.

Установление признаков состава преступления означает, по нашему мнению, что содеянное лишь запрещено уголовным законом, но еще ничего не говорит об опасности содеянного. Соотнесение деяния с составом и установление в результате соответствия между ними является основанием для предположения об общественной опасности содеянного. Однако это предположение в конкретном случае может быть опровергнуто, что явствует из содержания ч. 2 ст. 14 УК (нормы о малозначительности). Следовательно, для констатации преступления необходимо сначала установить в содеянном признаки состава преступления (запрещенность законом), а затем – общественную опасность (т. е. проверить, не является ли оно малозначительным).

Заметим, что обстоятельства, исключающие преступность деяния (гл. 8 УК РФ), и добровольный отказ от преступления свидетельствуют, как представляется, об отсутствии в содеянном признака запрещенности. Иными словами, в этих случаях отсутствует состав преступления. Дело в том, что состав включает в себя признаки преступлений, указанные в Общей части УК. Обстоятельства, влекущие признание деяния непреступным, выступают негативным, исключительным признаком состава, ограничивая действие признаков, указанных в диспозиции статьи Особенной части УК.

Норма же о малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК) имеет иную природу, нежели обстоятельства, исключающие преступность деяния. Во-первых, это подчеркнул сам законодатель, расположив ее в статье, посвященной определению преступления, а не в гл. 8 УК. Во-вторых, в ч. 2 ст. 14 прямо указывается, что деяние содержит признаки, предусмотренные УК, т. е. это деяние запрещено УК. В-третьих, включение малозначительности в состав преступления в качестве негативного признака преступления приведет нас к парадоксальным и явно ложным выводам, например, о том, что все составы преступлений сконструированы по типу материальных составов и составов создания опасности.

Вернемся, однако, к нашему тезису, согласно которому состав есть воплощение признака запрещенности (уголовной противоправности), а общественная опасность лежит за его рамками. Против этого тезиса может быть выдвинут еще один – этимологический – контраргумент. Речь ведь идет о составе *преступления*. Буквально получается, что этот состав может наличествовать лишь в престу-

плении, а значит, в общественно опасном деянии. Но представляется, что смысловая нагрузка термина «состав преступления» не должна смущать. Термин «состав преступления», как и многие другие, условен. В момент своего появления (в Средневековье) он выступал процессуальной категорией, затем стал обозначать признаки преступления (по существу слившись воедино с понятием преступления), но с тех пор его смысл претерпел дальнейшую эволюцию. Сегодня есть веские основания утверждать, что под составом преступления должен пониматься набор признаков, соответствие которым свидетельствует о предусмотренности содеянного уголовным законом, но не обязательно о его опасности.

Основное функциональное назначение состава преступления – это обоснование уголовной ответственности, в частности, путем его применения как базового инструмента в процессе квалификации деяния. В юриспруденции трудно переоценить значение формы. Состав преступления как раз и выступает той формой (системой признаков преступления – его нормативной моделью, законодательной конструкцией и т. п.), с которой удобно и легко работать правоприменителю (впрочем, ученому и законодателю тоже). Но за формой (составом) скрывается содержание, выяснение которого хотя и вторично для признания деяния преступлением, но также обязательно. Формальным же признаком преступления как раз и выступает его уголовная противоправность. Следовательно, в понятии любого преступления его состав (как форма) соответствует признаку уголовной противоправности, является его воплощением. В этом и состоит, по нашему мнению, сущность состава преступления и главный его отличительный признак от понятия преступления.

Нельзя при этом не заметить, что в состав преступления включаются те же самые признаки, что образуют и уголовную противоправность этого преступления (т. е. описаны в Общей и Особенной частях УК). Данный факт, казалось бы, должен говорить о тождестве состава преступления и понятия запрещенности этого преступления. Но это, на наш взгляд, не так. Несмотря на идентичный набор признаков, между ними есть разница. В содержании понятия, как известно из логики, признаки не структурированы. Следовательно, понятие запрещенности и состав преступления соотносятся как совокупность существенных признаков преступления и структура этих самых признаков.

Итак, понятие состава преступления обозначает иную реальность (иной предмет), нежели понятие этого преступления. Состав преступления олицетворяет набор признаков, характеризующих деяние как запрещенное, предусмотренное законом в качестве определенного преступления. И обнаружение соответствия между составом и признаками конкретного деяния позволяет лишь утверждать, например, применительно к квалифицированному групповому убийству: «Да, это деяние *предусмотрено* уголовным законом – пунктом "ж" ч. 2 ст. 105 УК». То есть делается вывод о том, что деяние *подпадает* под ч. 2 ст. 105 УК (п. «ж»), и не более. Для признания этого убийства преступлением необходимо выявить его общественную опасность (после обнаружения состава она презюмируется, но при возникновении сомнений в ее наличии – специально проверяется и устанавливается). И когда это будет сделано, только тогда будет правомерен вывод о том, что содеянное является *преступлением*, а не просто деянием, запрещенным уголовным законом.

Сделанный вывод о нахождении общественной опасности за рамками состава преступления приводит к мысли о несовершенстве ст. 8 УК. В сегодняшней редакции данная статья основанием уголовной ответственности признает совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК. Но после изложенного ясно, что точнее основанием уголовной ответственности считать совершение не просто деяния, содержащего состав, а совершение *общественно опасного* деяния.

Кроме того, выскажем еще одну претензию к ст. 8 УК: состав якобы содержится в деянии, т. е. в содеянном. Но представляется, что это явная неточность, поскольку состав преступления содержится в уголовном законе, ибо предусмотрен им. Поэтому в действительности признаки конкретного преступления лишь *соответствуют* признакам состава преступления. Например, признак кражи в особо крупном размере (ч. 4 ст. 158 УК) имеет широту выраженности от 1 млн руб. 1 коп. до бесконечности. Конкретная же кража в особо крупном размере (совершенная Ивановым, Петровым и т. д.) по этому признаку также всегда конкретна – 1 млн 357 тыс. 20 коп., 2 млн 452 тыс. руб. и т. д. Ясно, что в этой конкретной краже не может содержаться признак состава «от 1 млн руб. 1 коп. и выше» – *он шире признака конкретного преступления*. Признак конкретного преступления соотносится с признаком состава как единичный предмет с классом предметов. Последний, как

более общий, всегда шире по содержанию. Поэтому точнее говорить о *соответствии признака конкретного преступления (содеянного) признаку состава или составу преступления*.

Фактически мы становимся на позицию В. Н. Кудрявцева относительно задачи, решаемой в ходе квалификации преступления, – это «установление и юридическое закрепление точного *соответствия* между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой» [10] (курсив наш. – *А. И.*). К такому же обоснованному, на наш взгляд, выводу о том, что речь (в понятии квалификации, ст. 8 УК и т. д.) должна идти о *соответствии* признаков конкретного общественно опасного деяния «их описанию в УК» пришел и И. Я. Гонтарь [11] (позиция которого неприемлема, на наш взгляд, лишь в части трактовки им состава как *описания* деяния в законе).

Все это приводит к выводу о необходимости изложения ст. 8 УК в новой редакции. Предлагаем следующий ее вариант: «*Основанием уголовной ответственности является совершение общественно опасного деяния, признаки которого соответствуют составу преступления, предусмотренному настоящим Кодексом*». Представляется, что указанная модернизация позволит более точно выразить в УК РФ формальную сущность состава преступления. Предлагаемая корректировка ст. 8 предполагает также соответствующую модификацию ряда иных предписаний УК, в которых упоминается состав преступления (ч. 1 ст. 29, ч. 3 ст. 31 и др.).

Список использованной литературы

1. Лопашенко Н. А. Соотношение преступления и состава преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 4-й Международной научно-практической конференции. М., 2007. С. 128–134; Ворошилин Е. В. Еще раз к вопросу о соотношении состава преступления и преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Пятой Международной научно-практической конференции, 24–25 января 2008 г. М., 2008. С. 157–159; Кругликов Л. Л. Этапы становления учения о составе преступления // Там же. С. 122–127.

2. Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. С. 19.

3. Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование / под ред. В. С. Комисарова, А. И. Коробеева, Хе Бинсуна. СПб., 2009. С. 57.

4. Российское уголовное право: в 2 т. Т. 1: Общая часть / под ред. А. И. Рарога. М., 2004. С. 88.

5. Лопашенко Н. А. Указ. соч. С. 133.

6. Трайнин А. Н. Избранные труды / сост., вступ. ст. Н. Ф. Кузнецовой. СПб., 2004. С. 30, 32.

7. Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963. С. 88.

8. Курс уголовного права: Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. С. 180.

9. Благов Е. В. Применение уголовного права (теория и практика). СПб., 2004. С. 27.

10. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 5.

11. Гонтарь И. Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве (логико-методологические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 1997. С. 8.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.95

Представлен анализ современного состояния исследований проблемы консенсуса в социальной психологии и психологической теории принятия решений. Выявлены основные трудности и противоречия, сдерживающие дальнейшее развитие исследований в данной области. Предложена новая теоретически обоснованная и практически верифицированная двухмерная классификация основных типов консенсуса в процессах принятия групповых решений. Предложена новая интерпретация общегрупповых и решенческих феноменов процессов выбора в условиях различных типов консенсуса. Намечены направления синтеза концептуальных представлений, сформулированных в психологии малых групп и в психологической теории принятия решений.

Ключевые слова: принятие решений; принятие групповых решений; группа; групповая фасилитация; групповая ингибиция; консенсус; типология консенсуса.

The author presents the analysis of the current state of research on the consensus problem in the social psychology and the psychological theories of decision making. The main difficulties and contradictions that constrain further development of research in data-connected domain are identified. A new theoretically sound and practically validated two-dimensional classification of main types of consensus in decision-making group decisions is given. A new interpretation of the phenomena of selection processes in different types of consensus is proposed. The directions for synthesis of the conceptual ideas formulated in the psychology of small groups and in the psychological theory of decision making are outlined.

Key words: decision making; group decision-making; group; group facilitation; inhibition of a group; consensus; consensus typology.

А. В. Карпов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: karpov@bio.uniyar.ac.ru

Основные типы консенсуса в процессах принятия групповых решений*

Научная статья

A. V. Karpov

P. G. Demidov Yaroslavl State University
E-mail: karpov@bio.uniyar.ac.ru

The Main Types of Consensus in Group Decision-Making Processes

Scientific article

Психологический анализ процессов принятия управленческих, групповых, а также организационных решений показывает, что очень важную, а нередко и определяющую роль в их реализации играют процессы, стратегии и механизмы, связанные с достижением консенсуса. В настоящее время понятие консенсуса является одним из наиболее распространенных как в собственно научном плане (и в социальной психологии, и в иных, причем не только психологических дисциплинах), так и в различных сферах практики – в профессиональной деятельности, в социальной и политической областях, в повседневном групповом поведении [1]. Оно стало и общенаучным, и «модным», и – что бывает достаточно редко – одновременно входящим в тезаурус естественного языка. Всему этому в немалой степени способствует то, что предельно ясным и понятным представляется содержание данного понятия, его сущность – сама идея консенсуса как такового. Это – «общее», «разделяемое всеми», «согласованное и единодушное» решение, мнение и состояние группы (организации, общества). Данное понятие имеет интересное свойство: оно априорно воспринимается как достаточно «беспроблемное», а потому относительно простое и к тому же позитивно окрашенное в эмоциональном плане. Можно констатировать своего рода «консенсус относительно содержания понятия консенсус»,

* Выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда; № проекта 11-06-00823.

© Карпов А. В., 2011

который, однако, является не результатом содержательного обоснования, а следствием «эффекта априорной очевидности».

Вместе с тем, как это нередко бывает в науке, при ближайшем рассмотрении оказывается, что данное понятие и, соответственно, психологическая реальность, обозначаемая им, не только не является простыми и понятными, одномерными и беспроблемными, но, напротив, предстают как очень сложные, неоднозначные, противоречивые и в чем-то даже антиномичные. Несколько предваряя дальнейшее изложение, отметим, что данное понятие является не столько операциональным и тем более субстанциональным, сколько *собирательным,* достаточно аморфным и агрегативным, а потому претеоретическим по своей сути. Им сегодня обозначаются *качественно* гетерогенные явления и сущности, что не может не сказываться на его строгости и эвристическом потенциале. Действительно, этим понятием обозначаются следующие принципиально разные явления: *состояние,* к которому может приходить группа (организация) в результате дискуссии; *результат* разрешения той или иной проблемной ситуации группой; *стратегия,* которая используется в ходе решения; *требование,* которому должно (причем априорно) удовлетворять итоговое решение; общий *принцип,* положенный в основу структурирования группы (организации); *тип субъективных экспектаций,* репрезентирующийся в позитивных эмоциональных тонах и, соответственно, обладающий положительной «валентностью» для каждого из членов группы и др. [2].

Не менее показательно и то, что данное понятие является очень *слабо дифференцированным* и структурированным, поскольку совершенно недостаточно разработаны представления о различных видах, типах, формах консенсусов, то есть не развита систематика и таксономия консенсуса как такового. Причем все существующие (правда, немногочисленные) классификации и типологии в этой области характеризуются двумя основными и не вполне адекватными особенностями: они строятся на каком-либо *одном* основании; таким основанием почти всегда выступает некоторый *внешний* (хотя и важный) и не атрибутивный критерий, то есть критерий, не связанный с сущностью консенсуса как процесса *принятия группового решения*. Так, в качестве типичных примеров сказанного можно отметить следующие очень распространенные типологизации видов консенсуса.

• Одной из наиболее простых является дифференциация типов консенсуса на «внешний» и «внутренний». Первый предполагает достижение единства мнений в отношении решения какой-либо *внешней* для группы задачи. Второй требует достижения аналогичного единства в плане урегулирования *внутренних* проблем группы, организации (например, разрешения внутригрупповых конфликтов).

• Довольно часто для характеристики консенсуса используются понятия «глубины», *«полноты»*, «уровня» его достижения. При этом столь же часто смысл указанных характеристик никак не определяется и остается, скорее, поверхностным, а то и просто метафорическим.

• Эмпирически сложилось выделение видов консенсуса по своего рода «хронологическому» основанию – *временные* (так называемые «временные перемирия») и относительно *постоянные.*

• Виды консенсуса разделяются в зависимости от степени исходной конфликтности членов группы, то есть глубины и (или) *антагонистичности* их интересов и позиций. Консенсус в условиях антагонистических противоречий характеризуется, как правило, парциальностью, «временностью» и является обычно «*принудительно»* достигаемым под влиянием каких-либо внешних причин.

• Определенный интерес представляет также разделение консенсуса еще на две разновидности – «очный» и «заочный» [3]. Первый достигается в результате контактного взаимодействия членов группы (организации). Второй является продуктом «заочного» – неконтактного взаимодействия, осуществляемого обычно через посредника. Практика показывает, что достичь консенсуса в этом случае гораздо легче, а главное – качество достигаемого таким способом решения достаточно высоко (оно значимо выше качества решений, достигаемого в условиях «очного» консенсуса).

Приведенные способы выделения видов консенсуса отчетливо демонстрируют своеобразие состояния данной проблемы – ее эмпиричность, описательность, отсутствие единой таксономии видов консенсуса, преимущественно групповой характер оснований их классификации. Кроме того, наиболее существенным представляется обстоятельство, состоящее в том, что для характеристики видов консенсуса практически не используются особенности, вытекающие из его сути – из специфической для него формы, в качестве которой выступают процессы принятия групповых решений. Основания выделения видов консенсуса являются либо

групповыми, либо ситуативными, а не решенческими. Кроме того, все классификации базируются на каком-либо *одном* основании и являются поэтому одномерными, а потому *аналитическими*, хотя вполне ясно, что явление консенсуса выступает как сложное, многомерное и поэтому требует *сочетания* ряда классификационных оснований.

Наконец, еще одной очень показательной и характерной особенностью современного состояния исследований консенсуса является то, что при его изучении существует явный «крен» в сторону социально-психологической проблематики; в сторону изучения процессов, механизмов и особенностей межличностных отношений и внутригрупповых взаимодействий. Однако самая суть и основной механизм консенсуса – это, повторяем, все же процессы подготовки и принятия групповых решений. Вместе с тем в психологической теории решений проблематика консенсуса занимает отнюдь не то место, которое она объективно заслуживает в связи с атрибутивными характеристиками консенсуса как процесса группового решения. Более того, приходится констатировать определенную автономность – *несинтезированность* двух направлений изучения консенсуса – социально-психологического и с позиций теории решений (при явном преобладании первого из них). Все это также не только не способствует лучшему и более полному пониманию сути консенсуса, но и часто вносит «концептуальную неопределенность» в данную проблему.

Итак, по отношению к понятию консенсуса можно констатировать нередко встречающуюся в науке (да и в практике) закономерность: чем более простым и очевидным представляются те или иные понятия, проблемы, тем более сложными и глубокими, противоречивыми и многогранными они на самом деле являются. Мы считаем, что для преодоления рассмотренных выше трудностей, для конструктивной разработки психологической концепции консенсуса совершенно необходимо сместить общие акценты в изучении данной проблемы. Центральную роль в таком изучении должна играть именно психологическая *теория решений*, поскольку только она адекватна и «конгруэнтна» самой природе, сути консенсуса как группового решения. Все иные, безусловно очень важные и прежде всего социально-психологические, межличностные аспекты, являются все же вторичными по отношению к консенсусу как принятию группового решения. В свою очередь, реальная ассимиляция понятия консенсуса теорией решений должна давать *позитивный* и конструктивный ответ на основные проблемы, сформулированные (но не решенные) в теории консенсуса, в частности на те, которые рассмотрены выше. Это означает, что само понятие консенсуса должно быть дифференцировано и структурировано; оно должно перестать выступать лишь как номинативное, собирательное и должно стать *объяснительным.* Во-вторых, необходима такая типологизация основных видов и форм консенсуса, которая базировалась бы на самой их сути (как процессов групповых решений) и преодолевала бы элементаризм одномерных типологизаций как нерелевантных сложной природе консенсуса.

Есть основания считать, что решению двух сформулированных выше ключевых проблем, равно как и синтезу теории консенсуса с психологической теорией решений в целом, может содействовать разработанная нами психологическая концепция групповых решений [4]. В данной концепции консенсус рассматривается как один из классов групповых решений в целом; точнее, как один из *макроуровней* организации процессов принятия групповых решений (ПГР), обозначенный термином *интегративно-групповых* решений. Это означает, что общая логика объяснения феномена консенсуса состоит в «движении» *от* психологической природы процессов принятия решений (групповых) к одному из их уровней – уровню интегративно-групповых, то есть консенсусных, решений. Сами же интегративно-групповые решения отличаются от любых иных уровней организации групповых решений тем, что субъектом решения в них выступает *вся* группа (организация), а в основе выработки согласованного решения лежит именно *интеграция* (а не *агрегация* индивидуальных мнений, как, например, в мажоритарных решениях и не *подавление* одних мнений другими, как в авторитарных решениях).

С этих позиций оказывается возможным предложить, прежде всего, *новую типологию* основных видов консенсуса, базирующуюся к тому же одновременно на двух основаниях. Причем очень характерно то, что своеобразная подсказка для решения данной проблемы содержится уже в самом словосочетании «процессы групповых решений». Для того чтобы выявить типы организации *процессов,* необходимо взять сочетание двух главных признаков – что это *групповые* процессы и что это процессы *решения.* Следовательно, один из критериев дифференциации должен быть специфически решенческим, а второй – специфически групповым; они должны при этом использоваться комплексно.

Что касается первого – решенческого основания, то оно должно определяться следующей фундаментальной особенностью групповых решений как таковых. Процессуальная организация ПГР имеет, как известно, принципиально *двухстадийный* характер. Первой стадией выступает процедура *метарешения* группы относительно выбора ей стратегии своего дальнейшего функционирования в ходе выработки итогового решения [5]. Одним из возможных (и более того, основных) вариантов такого метарешения как раз и является *изначально* принимаемая членами группы установка на соблюдение принципа консенсуса. Группа решает, что в той или иной ситуации она будет действовать на основе принципа консенсуса. Это – результат метарешения, и он определяет собой всю последующую стратегию функционирования группы.

Однако в результате первой стадии группа может и не принять такого решения, а выбрать для себя иную стратегию (например, мажоритарную) или же не выбрать *никакой.* Последнее, впрочем, также равнозначно выбору, но своего рода «отрицательному» – выбору так называемой «свободной» стратегии. При этом уже *после* реализации той или иной стратегии, после длительного процесса выработки решения группа *может прийти* к необходимости или целесообразности консенсуса и избрать его как средство окончательного решения. Можно видеть, таким образом, что объективно главная особенность групповых решений – двухстадийность – открывает возможность двух, принципиально различных, вариантов их процессуальной организации. Соответственно, возможны и два принципиально различных «режима» достижения консенсуса. В первом он является *условием* и главным *требованием* к итоговому решению. Во втором он выступает как *результат,* итог всего процесса. В связи со сказанным представляется необходимым разделять два принципиально различных (и даже противоположных) типа консенсуса – консенсус как условие и консенсус как результат.

Существенно сложнее обстоит дело с определением второго основания, конкретизирующего собственно групповую «составляющую» реализации консенсуса. Главной трудностью является при этом предельная сложность и гетерогенность совокупности *групповых* закономерностей и механизмов (что само по себе делает сложным выбор какого-либо одного из них).

Однако именно учет этой сложности (а не «уход» от нее) делает возможным определение второго искомого основания. Консенсусные решения, согласно нашим общим представлениям, – это, как уже отмечалось, решения интегративно-группового уровня. Но это означает, что именно в них (и только в них) интегративно, то есть максимально полно и комплексно, представлена *вся* система групповых процессов, феноменов, механизмов и пр.; причем не просто представлена, а образует самую суть – «ткань и материал» выработки решений, становясь их *ведущим уровнем.* В результате этого возникает *явление расхождения двух «контуров»* выработки групповых решений – собственно решенческого (то есть содержательного, информационного, инструментального) и группового (образованного динамикой неспецифических по отношению к решению процессов – процессов группового функционирования). Более того, именно последние, то есть неспецифические, внерешенческие процессы и детерминанты значительно сильнее первых; они могут поэтому либо ингибировать, либо даже блокировать их. Здесь вполне уместна аналогия (которая, на наш взгляд, является более чем просто аналогия) между отмеченным взаимодействием двух «контуров» выработки группового решения (решенческим – инструментальным и внерешенческим – экспрессивным) и взаимодействием когнитивных и эмоциональных механизмов и процессов при выработке индивидуальных решений. При выработке консенсуса (особенно в сложных, ответственных условиях) сталкиваются и «спорят», как правило, не столько аргументы, сколько люди; больший «вес» имеет не содержание высказываний, а статус высказывающего.

Наряду с этим следует учитывать, что любая *интеграция* как таковая может вести к двум основным типам эффектов. Первый – это эффекты *супераддитивности,* возникающие вследствие генеративных, порождающих механизмов. Они по отношению к групповому функционированию проявляются в виде феноменов групповой синергии, социальной фасилитации, когнитивной супераддитивности и др. Второй тип возникает в случаях неэффективной интеграции и приводит к эффектам групповой *инфрааддитивности.* Они, как известно, проявляются, например, в феноменах социальной ингибиции, блокады, «лености», а также в ряде других контрпродуктивных феноменов группового функционирования. Легко заметить, что именно этот вариант, скорее всего, и будет иметь место в том случае, если при выработке консенсуса начинают доминировать внерешенческие факторы.

Таким образом, перевод процессов ПГР на уровень их общегрупповой организации приводит к ситуации, когда они реализуются той же метасистемой в целом, которую они обслуживают. При этом возможны два основных обобщающих варианта развертывания процесса. Первый – возникновение и доминирование «продуктивных», генеративных, системных качеств, то есть эффектов супераддитивности. Второй – аналогичное доминирование контрпродуктивных системных качеств, то есть эффектов инфрааддитивности.

Синтез двух предложенных выше и обусловленных самой психологической природой консенсуса оснований дает «матрицу типов консенсуса», имеющую размерность 2х2 (см. рис.).

Можно видеть, что представленные на данном рисунке варианты охватывают *главные* из эмпирически выявленных типов консенсуса. Это вполне закономерно, поскольку данная типология построена на аналогичных, то есть также главных, «сущностных», особенностях консенсуса.

1. *Парциальный консенсус.* Данный тип консенсуса частичен, конечно, не в том смысле, что с итоговым решением не согласна какая-либо часть группы. В этом плане консенсус вообще не может быть парциальным, поскольку он перестает в этом случае быть таковым. Речь идет о другом – о парциальном, частичном, а часто очень неполном учете в итоговом решении *содержания индивидуальных вариантов.* В итоговом решении сохраняется лишь то, что *объединяет* эти варианты, а различия устраняются. Для него характерна априорная установка на то, что окончательное решение *в принципе* может являться *только* продуктом общего согласия. Она явно и предельно четко регламентируется процедурно, а каждый участник решения получает «право вето». Он может заблокировать любой, даже объективно лучший для группы, вариант, если тот его в чем-то не устраивает. И именно поэтому общее качество такого рода решений обычно невысоко в силу максимальной представленности явлений инфрааддитивности.

Парциальный консенсус возникает, прежде всего, при доминировании, а часто и высоком антагонизме индивидуальных интересов, позиций, целей. Группа, однако, вынуждена идти на решение, которое принимается здесь по принципу «не навреди себе и другим». Оно исходит из постулата сохранения членами группы своих главных интересов, что в итоге ведет либо к максимально общим, либо к недостаточно конструктивным решениям.

2. *Деструктивный консенсус.* Он принципиально и даже *формально* отличается от 1-го типа, поскольку группа априорно не принимает метарешения о выборе стратегии консенсуса, о его *обязательности* как средства организации своей работы. Между тем *содержательно* данный тип имеет значительное сходство с консенсусом 1-го типа, усу-

	Консенсус - условие	Консенсус - результат
Групповая инфраадитивность	1 Парциальный консенсус	2 «Деструктивный» консенсус
Групповая супераддитивность	3 Консенсус - компромисс	4 Интегральный консенсус

Рис. Основные типы консенсуса

губляя, однако, его негативные особенности. Он имеет место обычно в группах, для которых характерны высокая степень сплоченности, большой опыт совместного функционирования, развитая, а часто запутанная структура формальных и неформальных межличностных отношений, высокая степень групповой самоидентичности и автономности, явления групповой и корпоративной обособленности и замкнутости.

Все эти особенности характеризуют, таким образом, группы высокого уровня самоидентификации, стремящиеся к ее сохранению и усилению. Сохранение группы и своей принадлежности к ней выступает для членов таких групп как специальный, а часто основной мотив их поведения при выработке решений. В связи с этим достижение «единодушия», общего решения как такового, а через него поддержание единства, целостности группы выступает здесь как самоцель и самоценность, подменяя собой задачу выработки действительно оптимального (рационального) решения.

Хотя консенсус данного типа не декларируется в качестве предварительного условия, он, тем не менее, как бы *предполагается*, закладывается в «общем векторе» группового функционирования, в общей его логике. В результате всего этого возникает очень важное и широко известное явление «группового единомыслия», точнее, «огруппления мышления» (Groupthink), впервые описанное Янисом [6]. Этот стиль мышления, обладая определенным симптомокомплексом психологических особенностей, детерминирован, главным образом, потребностью в сохранении группы и себя в качестве ее члена[1].

3. *Компромисс.* Это, пожалуй, наиболее известный и широко представленный на практике тип консенсуса[2] [8], что связано, прежде всего, с двумя обстоятельствами. Во-первых, он позволяет преодолеть явные недостатки консенсусов 1 и 2-го типов (их соответственно либо выраженную инфрааддитивность – низкую реализацию потенциала группы; либо субъективизм вырабатываемых решений). Во-вторых, он, так же как консенсус 1-го типа, позволяет обеспечить соблюдение основных интересов всех субъектов, участвующих в решении. В то же время он принципиально отличен от консенсуса 1-го типа. Главное отличие состоит в том, что, работая в условиях консенсуса 3-го типа, все его участники поставлены перед *абсолютной* необходимостью принятия конкретного решения, причем именно ориентированного на конструктивное преодоление внешней проблемы. Такая необходимость *вынуждает* участников решения не ограничиваться принципом «не навреди себе и другим», а идти на частичные уступки, трансформацию своих позиций и интересов в направлении их взаимного сближения (феномены «схождения мнений», «конвергенции вариантов решения»). Причем, в отличие от консенсуса 2-го типа, участники остаются на почве реальности, не подвержены субъективным деформациям, свойственным феномену Groupthink. Характерно и то, что в качестве итогового может приниматься вариант, который не был предложен ни одним из участников, но который является как бы *«равнодействующей»* по отношению к ним. Тем самым возникает выход за пределы суммы индивидуальных вариантов, то есть имеет место явление (и механизм) супераддитивности в групповых решениях. В зависимости от меры уступок компромисс может приобретать бóльшую или меньшую степень полноты. В этом случае принято говорить о разных уровнях компромисса.

4. *Интегральный консенсус.* Он имеет две основные особенности.

- Группа априорно не накладывает на себя ограничений действовать именно в соответствии

[1] Основными симптомами данного явления выступают: 1) иллюзия неуязвимости, разделяемая большинством или всеми членами группы, следствием чего являются излишний оптимизм и тяга к чрезмерному риску; 2) коллективное стремление дать рациональное объяснение принимаемому решению, дабы отбросить любые возможные возражения; 3) безусловная вера в исповедуемые группой принципы поведения, побуждающие ее членов игнорировать моральные последствия принимаемых решений; 4) стереотипный взгляд на соперников (другие группы) или как на людей, обладающих слишком многими негативными чертами, чтобы вступать с ними в какие-либо переговоры, или как на очень слабых и глупых, чтобы удержаться от соблазна препятствовать достижению ими своих целей; 5) открытое давление на членов группы, выдвигающих аргументы против групповых стереотипов; 6) самоцензура членов группы, их готовность минимизировать собственные со-мнения и контраргументы, касающиеся групповых решений; 7) иллюзия единодушия относительно оценок и мнений, согласующихся с точкой зрения большинства; 8) появление самозванных охранителей «группового духа» – индивидуумов, которые защищают группу от неблагоприятной информации, способной нарушить испытываемое членами группы чувство удовлетворенности от принимаемых решений [7].

[2] Он, однако, может выступать и результатом иных форм процессов ПГР, например «свободной».

с принципом консенсуса, а *приходит* к необходимости применения этого принципа как наиболее выгодного и приемлемого в ходе групповой дискуссии, и развертывания самого́ процесса решения.

- Итоговое решение практически полностью отражает интересы членов группы. Причем оно обычно *не совпадает* ни с одним из исходных индивидуальных вариантов, а *вырабатывается* в ходе обсуждения. Оно является новым, а в этом плане – творческим, преодолевающим ограниченность исходных, индивидуальных вариантов.

Тем самым *процесс* достижения интегрального консенсуса как бы вбирает в себя все те преимущества, которые характерны для предыдущей формы ПГР – свободной, «дискуссионной». Достижение консенсуса здесь осуществляется под доминирующим воздействием не групповых и статусных факторов, а под влиянием содержательных, собственно решенческих детерминант. Сила группового давления уступает место силе аргументов. Процедура достижения консенсуса максимально десубъективизируется и строится, в основном, на рационалистических основаниях. В плане *результата* – эффективности консенсуса – все это ведет к тому, что он «выходит за пределы» среднегруппового качества индивидуальных вариантов. В ходе процесса обсуждения и на основе генеративно-порождающих механизмов, присущих группе как системе, могут возникать принципиально новые варианты, существенно превосходящие качество индивидуальных – исходных решений. Результат интегрального консенсуса в любом случае (а особенно если он приобретает свою наиболее совершенную разновидность – вид синергетической альтернативы) обеспечивается на основе механизма супераддитивности. Эмпирически этот тип консенсуса описан и терминологически закреплен в выражениях «полный», «исчерпывающий» консенсус; консенсус «высокого уровня» и т. п.

Таким образом, обобщая результаты, являющиеся следствиями предложенной двумерной типологии видов консенсуса, можно сделать итоговое заключение. По существу, все основные, *эмпирически* известные сегодня *виды* консенсуса предстают, в действительности, как различные, *теоретически* возможные его *формы*. Общая феноменологическая картина консенсусных решений получает тем самым концептуальную упорядоченность. Последнее оказывается возможным благодаря тому, что предложенная типология базируется на двух главных и атрибутивных – обобщенных (а не локальных) и наиболее специфических (а не внешних, искусственных) для группового выбора – параметрах, основаниях.

Итак, в завершении проведенного анализа можно заключить, что синтез социально-психологических исследований консенсуса с психологической теорией решений в целом, а также его трактовка с позиций разработанных нами представлений о структурно-уровневом принципе организации процессов ПГР (где он рассматривается как один из уровней – интегративно-групповой), действительно, способствуют раскрытию психологической природы консенсуса. Она содействует дифференциации и структурированию самого понятия консенсуса и обретению им статуса объяснительного, а также разработке обоснованной и экологически валидной типологии его основных видов и адекватному раскрытию их психологических механизмов.

Список использованной литературы

1. Гермейер Ю. Б. Игры с непротивоположными интересами. М.: Наука, 1976. 244 с.; Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979. 504 с.; Conflict and Consensus: A general Theory of Collective Decision / Ed. by S. Moscovici, W. Doise. N. Y., 1996. 224 p.; Group Decision-Making / Ed. H. Brand. L.: Acad. Press, 1982. 210 p.; Janis I. Victims of Groupthink. Boston, Hougthon, 1972. 288 p.

2. Карпов А. В. Психология групповых решений. М.: ИП РАН, 2000. 522 с.; Conflict and Consensus.

3. Ibid.

4. Карпов А. В. Общая психология субъективного выбора. М.: ИП РАН, 2000. 409 с.; Его же. Психология групповых решений; Его же. Психология принятия управленческих решений. М.: Юристъ, 1998;

5. Group Decision-Making; Conflict and Consensus; Карпов А. В. Психология групповых решений.

6. Janis I. Op. cit.

7. Ibid.

8. Conflict and Consensus.

УДК 159.9

В статье на основе результатов лонгитюдного исследования представлены 7 типов траекторий профессионального развития студентов-психологов в образовательном пространстве вуза. Показаны различия личностных особенностей студентов, профессиональное развитие которых происходит по конструктивным и неконструктивным траекториям профессионального развития. Типология может использоваться не только для оценки результативности подготовки психологов в высшей школе, но и в системе работы по сопровождению профессионального развития студентов на разных этапах вузовского обучения.

Ключевые слова: профессиональное развитие; траектории и стратегии профессионального развития студентов; образовательное пространство вуза.

The article based on the outcomes of research presents 7 types of trajectories of professional development of psychology students in educational space of higher school. Distinctions of personal features of students whose professional development goes along constructive and non-constructive trajectories of professional development are shown. The typology can be used not only for an estimation of productivity of preparation of psychologists in the higher school, but also in the system of work on professional development support of students at different grade levels.

Key words: professional development; trajectories of student professional development; educational space of high school.

И. П. Краснощеченко

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
E-mail: kviip@yandex.ru

Типология траекторий профессионального развития студентов-психологов в образовательном пространстве вуза

Научная статья

I. P. Krasnoshchechenko

Thchiolkovsky Kaluga State University
E-mail: kviip@yandex.ru

Typology of Trajectories of Psychology Students Professional Development in Educational Space of High School

Scientific article

Ускорение темпа жизни и высокая динамика социальных изменений обусловливают актуальность таких качеств современного человека, как целеполагание, целеустремленность, умение четко определять цели и задачи не только на ближайшее время, но и в масштабе жизнедеятельности. Проблеме анализа, определения, постановки и реализации перспектив в жизнедеятельности человека посвящены работы многих зарубежных и отечественных авторов (К. А. Абульханова, Б. Г. Ананьев, Э. Берн, И. В. Вачков, Е. И. Головаха, Э. Ф. Зеер, Ф. Зимбардо, Н. В. Коваль, Т. Коттл, А. А. Кроник, Л. М. Митина, Ж. Ньютен, С. Л. Рубинштейн, В. С. Хомик и др.). В ряде исследований убедительно показано, что жизненные ориентиры, воспринимаемые и формулируемые личностью на различных этапах жизненного пути, детерминируют не только ее представления о будущем и формат ее активности, но являются одним из средств самоорганизации и самореализации жизни человека в настоящем.

Авторы опубликованных работ по данной проблематике используют различные понятия: «стратегия жизни», «жизненные сценарии», «антиципация жизненного пути», «жизненные перспективы» и т. д.

Понятие «стратегия» (от др.-греч. στρατηγία – «искусство полководца»), означающее общий, неделализированный план какой-либо деятельности, охватывающий длительный период времени, способ достижения сложной цели [1], получило широкое распространение в сфере управления в связи с развитием рыночной экономики, где оно употребляется в таких значениях, как «план или руководство», «ориентир или направление развития», «дорога из настоящего в будущее», а также «принцип поведения или следования некой модели поведения» [2].

В психологических исследованиях данное понятие стало активно использоваться после издания

© Краснощеченко И. П., 2011

в 1991 г. К. А. Абульхановой-Славской монографии «Стратегия жизни». Автор определила стратегию жизни как «некоторый универсальный закон», «способ самоосуществления человека в различных сферах его жизни, индивидуальное достояние, индивидуальное открытие каждого», как «принципиальную, реализуемую в различных жизненных условиях и обстоятельствах способность личности к соединению своей индивидуальности с условиями жизни, к ее воспроизводству и развитию», выделяя три основных признака жизненной стратегии: 1) выбор способа жизни, 2) разрешение противоречия «хочу–имею», 3) создание условий для самореализации, творческий поиск [3].

О. С. Васильева и Е. А. Демченко [4], развивая данный подход, характеризуют жизненную стратегию как искусство ведения собственной жизни, главной целью которой является поиск и осуществление своего уникального смысла. Важными характеристиками жизненной стратегии, по мнению исследователей, рассматривается уровень ответственности, степень осмысленности жизни, система ценностей и отношений человека. В их работе показано, что респонденты с высоким уровнем осмысленности жизни, принимающие ответственность за ход ее событий и считающие себя хозяевами своей жизни, более удовлетворены самореализацией и находят свою жизнь интересной, эмоционально насыщенной, чем те, которые не верят в способность влиять на свою жизнь. Такие люди часто не удовлетворены своей жизнью и считают, что ими управляют обстоятельства и другие люди, что обусловливает их большую подверженность неврозам, межличностным и внутриличностным конфликтам.

Близкое по смыслу к стратегии жизни понятие «жизненная перспектива» используется в работах Е. И. Головаха, К. А. Кроника, Е. Ю. Мандриковой, И. А. Ральниковой, Л. Д. Деминой и др. Так, И. А. Ральникова, Л. Д. Демина определяют жизненную перспективу как многомерный образ будущего, единство которого представляет совокупность измерений жизненной перспективы: ценностно-смысловое (ценности, ценностные ориентации, мотивы, личностные смыслы); эмоционально-оценочное (эмоции, чувства, возникающие в связи с содержательным наполнением образа будущей жизни); когнитивное (предвосхищаемые жизненные события, цели и средства их реализации); организационно-деятельностное (совокупность стилей, стратегий, форм поведения человека в настоящем, создающая возможность последовательного воплощения жизненных планов) [5].

Жизненный сценарий как неосознаваемый план жизни, реализация которого определяется степенью зрелости / инфантильности личностных установок, является предметом исследования в трансактном анализа Э. Берна. Эти сценарии, согласно автору, бессознательно формируются в детстве, подкрепляются родителями, постепенно разворачиваются на протяжении многих лет в процессе социального взаимодействия человека, в минимальной степени подчиняясь его воле, и завершаются так, как было предопределено с самого начала [6].

На материале субъектов образовательного процесса сценарный подход реализован в работах отечественных исследователей – Ю. С. Тюникова и М. А. Мазниченко [7], М. А. Киселевой, Г. Н. Малюченко, О. В. Кариной, Н. Е. Шустовой [8], Л. Н. Плоткиной и др. Авторы утверждают, что все многообразие типов взаимодействия обучаемый – обучающий может быть представлено 3-4 типами. Так, Л. Н. Плоткина на основе дихотомической комбинации ключевых критериев (успешность учебной деятельности и эмоционально-когнитивная оценка будущей профессии) описывает 4 типа сценариев профессионально-личностного становления: 1) сценарий максимальной включенности в образовательный процесс (успешный / интересующийся); 2) сценарий формальной включенности в образовательный процесс (успешный / неинтересующийся); 3) сценарий амбивалентной включенности (неуспешный / интересующийся); 4) сценарий отчужденного пребывания в образовательном пространстве вуза (неуспешный / неинтересующийся) [9].

Изучая профессиональное развитие личности, Э. Ф. Зеер и Э. Э. Сыманюк оперируют понятиями «стратегия» и «траектория». Стратегия профессионального развития личности в их исследовании обозначает наиболее общие параметры – особые поведенческие синдромы, характеризующиеся актуализацией адаптивных механизмов психической саморегуляции. Траектория профессионального развития, или сценарий, определяется авторами как визуальное представление профессионального становления личности, являющееся равнодействующей трех факторов: возрастных изменений, обусловливающих периодизацию развития, системы непрерывного образования и ведущей профессионально ориентированной деятельности [10].

В нашем исследовании представлены траектории профессионального развития будущих психо-

логов. Понятие «траектория» (означающее линию, которую описывает точка при своем движении [11]) используется нами в связи с тем, что типология разработана на основе анализа эмпирических данных мониторинга, охватившего весь период обучения студентов-психологов в вузе и представляет собой результат обобщения индивидуальных особенностей профессионального развития. В то же время типология траекторий используется в работе со студентами в начале обучения в вузе при самопроектировании ими стратегии собственного профессионального развития.

Разработанная типология траекторий профессионального развития студентов-психологов (см. табл.) основана на следующих критериях: 1) академическая подготовленность при поступлении в вуз, 2) уровень мотивации профессионального развития, 3) включенность в деятельности, формирующие профессиональную субъектность студентов, 4) опыт практической деятельности и трудоустройства в период обучения на старших курсах и к завершению обучения в вузе. Кроме того, нами проводится сопоставление типа реализованной студентом-психологом траектории и уровня развития его профессиональной субъектности, рассматриваемого как интегральный показатель результативности саморазвития и эффективности образовательного процесса по отношению к каждому студенту-выпускнику по следующим критериям: удовлетворенность полученным образованием; идентификация с профессией и специализацией; выраженность гуманистических ценностей в структуре ценностно-смысловой сферы; мотивация профессиональной деятельности; сформированность ПВК и профессиональных компетенций (самооценка и экспертные оценки) и включенность профессиональных планов в жизненные перспективы.

Исходя из данной типологии траекторий, представим характеристики студентов-психологов и особенности их позиционирования в образовательном пространстве вуза на протяжении обучения в зависимости от реализованного типа траектории профессионального развития.

Таблица

Критериальная таблица траекторий профессионального становления и развития студентов-психологов

Типы траекторий	*Исходный уровень академической подготовленности*	*Уровень мотивации*	*Деятельности, в которые включен субъект*				*Опыт трудоустройства на старших курсах*		*Уровень развития профессиональной субъектности к завершению обучения*
			учебная	*научная*	*творческая*	*практическая*	*по профессии*	*не по профессии*	
Предопределенно-целенаправленная	высокий	высокий	+	+	±	+	+		высокий
Разносторонне-активная	высокий	высокий	+	+	+	+	±	±	высокий
Учебно-ориентированная	средний	средний	+	–	–	–	–	–	средний
	высокий	высокий	+	–	–	–	±	±	высокий
Постепенное вхождение в образовательный процесс	низкий	средний	+	–	–	+	±	±	средний
	средний	высокий	+	+		+	±	±	высокий
Разносторонне-поверхностная	средний	средний	+	–	+	+	–	+	средний
	низкий	средний	+	–	±	+	–	+	низкий
Самореализация за пределами профессионального образования	средний	средний	±	–	–	–	–	+	низкий
	низкий	низкий	–	–	–	–	–	+	низкий
Диффузная	низкий	низкий	–	–	–	–	–	±	низкий

1. Предопределенно-целенаправленная траектория. Реализуется студентами, которые определились с профессией уже на довузовском этапе, сделав осознанный выбор, как правило, прошли профильную подготовку в школе и/или учреждении дополнительного образования, участвовали в психологических олимпиадах школьников и научно-практических конференциях. При поступлении на факультет они имели высокую мотивацию получения психологического образования, четкое представление не только о профессии, но и будущей специализации, позитивные ожидания от своего профессионального будущего. Такие студенты успешно осваивают образовательную программу, с желанием выполняя дополнительные задания по учебным дисциплинам, с младших курсов включаясь в деятельность научно-практических лабораторий и научно-исследовательскую работу в соответствии со своими устойчивыми научно-профессиональными интересами. Обучаясь на старших курсах, успешно проявляют себя на производственной практике, что, как правило, помогает им трудоустроиться и получить опыт работы по профессии еще до завершения обучения в университете. Эти студенты уже с младших курсов ориентированы на научную работу, по окончании вуза многие из них поступают в аспирантуру, другие же связывают свою жизнь с практико-ориентированной психологией. В профессиональной деятельности достигают успехов в работе, развитии профессиональной карьеры.

2. Разносторонне-активная траектория. Траектория поиска, открытия и саморазвития в процессе получаемого образования. Данная траектория характерна для студентов, которые на младших курсах активно «пробуют себя» в разных сферах деятельности, не ограничиваясь учебной: принимают участие в работе научно-исследовательских и практических лабораторий, проектной, творческой деятельности. Выстроенная на факультете система психолого-педагогического сопровождения помогает им осознать и раскрыть свои возможности, успешно развиваться и личностно, и профессионально. К старшим курсам они постепенно все более концентрируются на освоении профессии и специализации и задаче трудоустройства, при этом с готовностью участвуют в проектной деятельности на факультете, приобретая профессиональный опыт. В данной группе преобладают студенты с высоким уровнем мотивации достижения и активности, успешные и в учебе, и в других сферах деятельности.

3. Учебно-ориентированная траектория. Студенты, развивающиеся по траектории данного типа, сконцентрированы в основном на учебе как условии профессионального развития, в незначительной степени проявляя себя в других видах деятельности. К завершению обучения имеют ограниченный опыт практической деятельности и социального взаимодействия, вследствие чего у некоторых из них возникают проблемы с трудоустройством по специальности. Тем не менее среди данной группы немало тех, кто в последующем успешно реализует себя в профессиональной деятельности.

4. Траектория постепенного «нахождения себя» в профессии. Реализуется студентами, поступающими в университет с относительно низким уровнем академической подготовленности (зачисленные на льготные или внебюджетные места), что обусловливает значительные трудности в овладении учебной программой. Однако в условиях образовательного пространства у них усиливается мотивация достижения и самоутверждения, желание доказать, что они могут быть успешными. К середине периода обучения в вузе им удается «подтянуться» до среднего, а в отдельных случаях даже до высокого уровня в учебе. Они в основном успешно завершают образование и в последующем нередко работают по специальности, развиваясь и совершенствуясь.

5. Разносторонне-поверхностная траектория. Реализуется студентами, с первого курса включенными не только в учебный процесс, но и другие формы активности в образовательном пространстве вуза и вне его пределов. Однако их успехи как в учебе, так и в других видах деятельности не являются блестящими. К старшим курсам некоторые из них достигают определенных конструктивных изменений в собственной профессиональной субъектности, завершают профессиональное образование, мотивированные на трудоустройство в соответствии с полученной профессией, решают данную задачу, однако другие – с легкостью принимают предложения о трудоустройстве в других сферах, изменяя направление своего дальнейшего профессионального развития.

6. Траектория преимущественной самореализации вне профессионального образования. Характерна для студентов с низкой мотивацией профессионального развития, но проявляющих себя за пределами образовательного простран-

ства вуза. Для них главное – получение диплома о высшем образовании. Работать по профессии они не собираются. Решают вопросы создания семьи, вхождения в привлекательные для них социальные группы молодежи, трудоустройства, обеспечения собственной материальной независимости. Отсутствие направленности на профессиональное образование обусловливает низкий уровень развития их профессиональной субъектности.

7. Диффузная траектория. Характерна для студентов, поступивших на факультет без четко выраженных целей обучения и мотивации профессионального развития. Система психолого-педагогического сопровождения не способна оказать влияние на существенное изменение их отношения к учебе, усиление познавательного интереса к получаемой профессии. Такие студенты имеют низкие академические результаты. Профессиональная субъектность у них слабо сформирована, попытки устроиться по специальности и в годы обучения, и по окончании вуза они не предпринимают.

На рисунке представлено распределение студентов-психологов 2009 г. выпуска с учетом траекторий профессионального развития.

Проведенный анализ результатов исследования показал, что среди студентов-психологов выпускного курса с высоким уровнем развития профессиональной субъектности (51,9%) преобладают молодые люди, реализующие траектории профессионального становления первого, второго, а также в отдельных случаях третьего и четвертого типа (конструктивные траектории). По данным мониторинга профессионального развития, большинство студентов данных групп на начальном этапе обучения на факультете имели высокие показатели мотивации учебной деятельности и профессионального развития. Среди них преобладали студенты с выраженной мотивацией самопознания, познания других и оказания им помощи. Они проявляли высокую активность в учебной деятельности и вовлеченность в другие виды деятельности в условиях образовательного пространства факультета.

Применение статистического критерия U Манна-Уитни для сравнения значений результатов личностных особенностей, выявленных с помощью комплекса методик, показало статистически значимые различия между группами студентов, чье развитие происходило по первой, второй и третьей траекториям и соответственно студентов, реализовавших траектории шестого и седьмого типов. В частности, значимые различия были получены по следующим шкалам методик: общей интернальности, «Цели в жизни», общий показатель смысложизненных ориентаций (Uэмп. = 48; Uэмп. < U0.1 = 53), осмысленность жизни (Uэмп. = 32), (методика СЖО Д. А. Леонтьева); по шкалам целеполагание, анализ противоречий (Uэмп = 31), прогнозирование (Uэмп. = 30), принятие решений (Uэмп. = 33), результативность в жизни (Uэмп. = 27) (методика «Способность самоуправления» Н. М. Пейсахова), мотивация достижения (Uэмп. = 45) (Методика А. А. Реана) и т. д.

Следует отметить, что данная типология, как и любая другая, в определенной мере условна и не отражает всего многообразия индивидуальных вариантов становления и развития профессиональ-

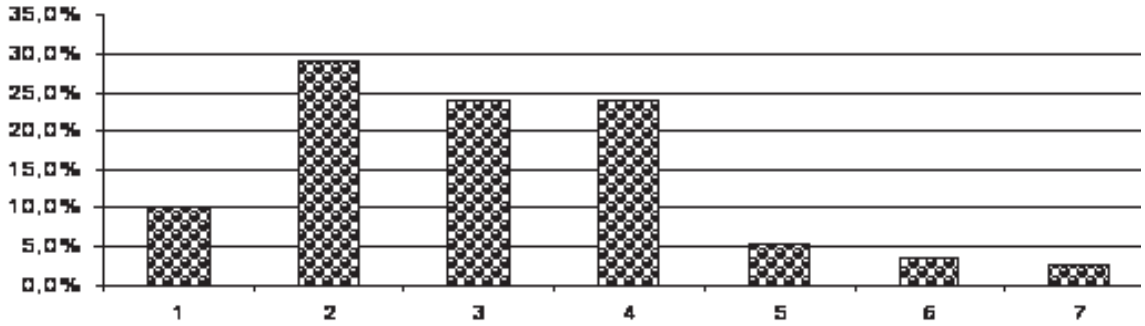

Рис. Процентное распределение выпускников факультета 2009 г. в зависимости от типа реализованной траектории профессионального развития: 1 – предопределенно-целенаправленная; 2 – разносторонне активная; 3 – учебно-ориентированная; 4 – постепенного вхождения в образовательный процесс; 5 – разносторонне поверхностная; 6 – траектория самореализации за пределами профессионального образования; 7 – диффузная траектория

ной субъектности, специфики преодоления противоречий в развитии студентов-психологов в процессе обучения на разных курсах. Тем не менее она позволяет представить наиболее распространенные и часто встречающиеся варианты продвижения студентов-психологов в образовательном пространстве конкретного вуза и факультета. Данная типология траекторий позволяет не только констатировать варианты профессионального развития будущих психологов и оценивать результативность образовательного процесса по конкретному направлению подготовки, но может применяться в системе работы по сопровождению профессионального развития студентов. В частности, с целью содействия формированию у будущих психологов установок на саморазвитие, в рамках курса «Введение в профессию» проводится тренинг проектирования саморазвития в образовательном пространстве для оказания помощи первокурсникам в осознании возможных вариантов собственного развития в образовательном пространстве вуза, самоопределении и выборе наиболее предпочтительной индивидуальной конструктивной стратегии. В работе со студентами третьего курса данная типология используется для самоанализа динамики реализованных шагов, осмысления достижений и затруднений в становлении собственной профессиональной субъектности, что в отдельных случаях помогает выбрать корригирующие меры по преодолению неконструктивного вектора собственного профессионально-личностного развития.

Список использованной литературы

1. Википедия: свободный словарь // URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 16.02.11).

2. Минцберг Г., Альстрэнд Б., Лэмпел Дж. Школы стратегий. СПб.: Питер, 2000. С. 16–19.

3. Абульханова-Славская К. А. Стратегии жизни. М.: Мысль, 1991. С. 3–6.

4. Васильева О. С., Демченко Е. А. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 74–85.

5. Ральникова И. А., Демина Л. Д. Интеллектуальная репрезентация становления жизненных перспектив личности // Вестник НГУ. Серия: Психология. Т. 4, вып. 1. 2010. С. 55–59.

6. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. СПб.: Лениздат, 1992. 400 с.

7. Тюников Ю. С., Мазниченко М. А. Преподаватель и студент: сценарии взаимодействия // Высшее образование в России. 2004. № 12. С. 97–108.

8. Антиципация жизненного пути и социальное самочувствие молодого поколения. Саратов: Саратовский источник, 2009. 122 с.

9. Плоткина Л. Н. Сценарии профессионально-личностного становления будущих IT-специалистов в образовательном пространстве вуза // Профессиональное и личностное самоопределение молодежи в современной России: материалы третьей Всерос. науч.-практ. конф. Самара, 2010. С. 231–237.

10. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Психология профессиональных деструкций. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2005. 240 с.

11. Российский энциклопедический словарь. / гл. ред. А. М. Прохоров: В 2 кн. М.: Российская энциклопедия, 2001. Кн. 2: Н–Я. С. 1593.

УДК 159.922.8:378.178

Исследование посвящено месту и роли личностных черт, детерминирующих субъективное благополучие личности. Данные, полученные с использованием скрининговой шкалы субъективного благополучия, сопоставлялись с базовыми личностными характеристиками (в рамках концепции «большой пятерки»). Обнаружено, что основные кластеры субъективного благополучия по-разному обусловлены особенностями личности. Это открывает возможности оказания адресной помощи при обращении человека за психологической помощью.

Ключевые слова: студенты-медики; субъективное благополучие личности; NEO-PI-R; концепция личности «большая пятерка».

The study describes the place and the role of personality traits that determinate subjective wellbeing of an individual. The data received by usage of a screening scale of the subjective wellbeing are compared to the basic personality traits (within the limits of a «big five» conception). It was discovered that basic clusters of the subjective wellbeing are caused by the personal peculiarities in different ways. It opens up possibilities to offer personal assistance when a person applies for the psychological help.

Key words: medicine students; personality subjective wellbeing; NEO-PI-R; personality conception of «big five».

В. А. Урываев, А. А. Тарасова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: ladoyar@mail.ru; alia.1987@mail.ru

Субъективное благополучие в структуре личностных черт

Научная статья

V. A. Uryvaev, A. A. Tarasova

P. G. Demidov Yaroslavl State University
E-mail: ladoyar@mail.ru; alia.1987@mail.ru

The Subjective Wellbeing in the Structure of Personality Traits

Scientific article

Актуальность исследования определяется значительной представленностью студенческой выборки в структуре населения страны и реальной сложностью процесса адаптации к специфике учебы в высшей школе. В этом контексте студенты-медики, определенные нами как экспериментальная группа, испытывают дополнительные трудности, связанные с особенностями обучения в высшей медицинской школе: повышенные требования к интеграции разнохарактерных дисциплин, относящихся к изучению природы человека (добавим к этому преимущественно индуктивный характер знания по основным дисциплинам); высокая эмоциональная включенность в процесс обучения (вскрытия на занятиях по анатомии, практика по уходу за тяжелобольными, обучение на базе клиник, несущих реальную угрозу здоровью самого студента, и проч.), повышенная (по сравнению с другими вузами) степень ответственности на практических занятиях у постели больного и др. Мы полагаем, что с учетом перечисленных особенностей психологические закономерности адаптации на данной студенческой выборке проявляются более рельефно. С другой стороны, нам представляется важным исследовать влияние на субъективное благополучие личности тех или иных ее черт. Это позволит определить реальные «мишени» коррекционной помощи со стороны психологической службы вуза.

Методы. Шкала субъективного благополучия (ШСБ) была разработана французскими психологами Perrudent-Badox, Mendelsohn и Chiche и опубликована впервые в 1988 г. (адаптация методики к русской выборке проведена в НПЦ «Психодиагностика» Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова [1]). Шкала состоит из 17 пунктов, содержание которых связано с собственно эмоциональным состоянием, социальным поведением и некоторыми физическими симптомами. В соответствии с содержанием пункты делятся на шесть кластеров (ввиду незначительной распространенности методики дадим краткий комментарий по каждому из них):

• напряженность и чувствительность (субъективное переживание тяжести выполняемой работы;

© Урываев В. А., 2011
© Тарасова А. А., 2011

необходимость взаимодействовать с другими; потребность в уединении);

• признаки, сопровождающие основную психиатрическую симптоматику (нарушения сна; субъективно переживаемое чувство беспредметного беспокойства; чрезмерная острота реакций на незначительные препятствия и неудачи; нарастающее переживание усиления рассеянности);

• изменения настроения (ухудшение настроения; значительное снижение оптимистического модуса восприятия);

• значимость социального окружения (совместное решение проблем, переживание одиночества, отношение с семьей и друзьями);

• самооценка здоровья (общее переживание здоровья, вопрос физической «формы»);

• степень удовлетворенности повседневной деятельностью (переживание скуки в повседневной деятельности, настроение по утрам, собственно удовлетворенность повседневной деятельностью).

Вторая из использованных в исследовании методик – опросник NEO-PI-R [2] создавался как операционализация Пятифакторной модели личности, или, как ее часто называют, «большой пятерки» (Big Fife). Он отражает структуру черт, которая развивалась и уточнялась в течение последних четырех десятилетий. Опросник NEO-PI-R предназначен для измерения пяти основных личностных переменных, составляющих базовые шкалы опросника, и достаточно большого количества других черт личности, составляющих субшкалы опросника. Объединенные в целостную систему 5 основных шкал (нейротизм, экстраверсия, открытость опыту, сотрудничество, добросовестность) и 30 субшкал NEO-PI-R позволяют достаточно широко продиагностировать личность взрослого человека.

Испытуемые. В исследовании приняли участие 230 студентов лечебного факультета Ярославской и Ставропольской государственных медицинских академий 21–22 года (четвертый курс). Для анализа в публикации были взяты данные именно четвертого курса, так они занимают среднее положение по степени выраженности субъективного неблагополучия между началом и окончанием обучения в вузе [3]. При обработке результатов применялась процедура вычисления коэффициента ранговой корреляции.

Результаты. Корреляционный анализ показателей Шкалы субъективного благополучия и оценок личностных черт по NEO-PI-R представил для интерпретации следующие группы зависимостей.

На уровне пяти основных факторов личности повышение уровня субъективного неблагополучия (суммарные значения) сопровождается напряжением фактора «нейротизм», с крайне высокой степенью тесноты связей ($r = 0,70$ при $p < 0,001$); «обратным» (стабилизирующим) влиянием фактора «добросовестность» ($r = – 0,37$ при $p < 0,001$) и отсутствием значимых корреляций с тремя остальными факторами.

Все (отдельные) кластеры, входящие в шкалу субъективного благополучия, имеют статистически достоверные положительные корреляционные связи (чем выше значения шкал, тем выше показатели неблагополучия) с фактором «нейротизм» («напряженность» $r = 0,28$ при $p < 0,01$; «психотизм» $r = 0,63$ при $p < 0,001$; «настроение» $r = 0,58$ при $p < 0,001$; «окружение» $r = 0,48$ при $p < 0,001$; «здоровье» $r = 0,59$ при $p < 0,001$; «повседневность» $r = 0,44$ при $p < 0,001$). Положительная корреляция (кроме «нейротизма») отмечена также между показателями кластеров «психотизм» и «открытость опыту» $r = 0,22$ при $p < 0,01$.

Отрицательные корреляции отмечаются у большинства кластеров с фактором «добросовестность» («психотизм» $r = – 0,26$ при $p < 0,01$; «настроение» $r = – 0,23$ при $p < 0,05$; «здоровье» $r = – 0,38$ при $p < 0,001$; «повседневность» $r = – 0,40$ при $p < 0,001$). Отрицательные корреляции также отмечаются между фактором «экстраверсия» и кластерами «настроение» ($r = – 0,37$ при $p < 0,001$) и «окружение» ($r = – 0,22$ при $p < 0,05$).

Более детальный анализ связей уже между отдельными чертами личности и отдельными кластерами выявил следующую картину. По числу и интенсивности корреляций с психическим *не*благополучием отдельные черты личности можно расположить в следующем порядке (от высоких значений к низким): «тревожность», «депрессия», «рефлексивность», «враждебность», «ранимость», «импульсивность», «чувства» и «эстетика»; по числу и интенсивности корреляций с психическим благополучием это будет выглядеть так (от низких значений к высоким): «сердечность», «доверие», «послушность долгу», «стремление к достижениям», «общительность», «настойчивость», «действия», «обдумывание поступков», «самодисциплина», «позитивные эмоции», «компетентность».

Обсуждение результатов. Анализ психологического характера утверждений, составляющих шкалу субъективного благополучия, позволяет отметить, что две трети содержания приведенных высказыва-

ний (по своей сути – моношкал) связаны с оценкой социально-психологических аспектов отношений личности (оставшаяся треть отражает психофизиологические аспекты самочувствия). Отсюда корреляционный анализ результатов оценки по ШСБ (как в целом, так и по кластерам) и показателей оценки личностных черт (как по основным факторам, так и по отдельным чертам личности) представляет особый научный интерес.

Первый из пяти ведущих факторов оценки личности – «нейротизм» – оказывается не только значимым, но и во многом определяющим показатели всех кластеров шкалы субъективного благополучия. Авторы концепции «большой пятерки» специально подчеркивают непатологический характер этого показателя, но мы можем утверждать, что высокие значения «нейротизма» – априори важный сигнал будущему специалисту о необходимости освоения программ саморегуляции. Высокая аффективная насыщенность данного фактора для студентов-медиков – фактор, существенно затрудняющий адаптацию к требованиям высшей медицинской школы.

Список отдельных личностных черт, существенно затрудняющих адаптацию: «тревожность», «враждебность», «депрессия», «рефлексивность», «импульсивность», «ранимость» (тесно коррелирующих с показателями кластеров субъективного неблагополучия), как мы видим из представленных результатов, в значительной степени определяется характеристиками, традиционно связанными с различными проявлениями психического (психосоматического) нездоровья [4]. В этой связи актуальность профилактической работы в среде студенческой молодежи по тематике психического здоровья получает дополнительную аргументацию.

На этом фоне личностные особенности, способствующие субъективному благополучию, по результатам исследования представлены и более объемно, и более разнообразно. Можно утверждать, что обучение в вузе предъявляет высокие требования к таким личностным особенностям, как личностная (социально-психологическая) зрелость, коммуникативные способности (понимаемые в широком смысле этого слова) и профессиональная компетентность (в аспекте добросовестной учебы и освоения практических навыков). Эта часть суммарных показателей, таким образом, определяет цели тренинговой работы психологической службы вуза в части профилактики дезадаптации (причем в данном направлении усилия психологов представляются, безусловно, более востребованными, чем профессиональная деятельность врача).

Результаты исследования в целом позволяют согласиться с точкой зрения Р. М. Шамионова [5], утверждающего, что построение модели субъективного благополучия личности без учета психофизиологической основы поведения не корректно. Вместе с тем полученные результаты существенно расширяют и конкретизируют это положение.

Опираясь на данные исследования, можно утверждать, что трудности совладания с проявлениями психофизиологической неустойчивости (традиционно связываемые с особенностями темперамента) в значительной степени нивелируются (ближе к старшим курсам особенно) формированием волевых черт характера. Активность, продуктивность усилий личности позитивно влияют и в конечном счете определяют уровень общего субъективного благополучия личности.

Список использованной литературы

1. Соколова М. В. Шкала субъективного благополучия: руководство. 2-е изд. Ярославль, 1996. 42 с.

2. Лаак Ян тер., Бругман Г. Big 5: как измерить человеческую индивидуальность: оценки и описания. М.: Университет, 2003. 112 с.; Мартин Т. А., Орел В. Е., Сенин И. Г. Опыт адаптации методики диагностики личностных характеристик NEO PI-R // Вестник клинической психологии. 2003. Т. 1, № 2. С. 193–198; Орел В. Е., Сенин И. Г. Личностный опросник NEO PI-R: Руководство по применению. Ярославль: Психодиагностика, 2006. 34 с.

3. Урываев В. А. и др. Динамика субъективного благополучия студентов в процессе обучения: лонгитюдное исследование // Медицина и психология: пути поиска оптимального взаимодействия»: материалы XI международной научно-практической конференции. Рязань: РязГМУ, 2011. С. 343–350.

4. Петров Д. В., Урываев В. А. Использование скрининговой шкалы оценки субъективного благополучия в работе кабинета медицинской профилактики // Экология человека. 2011. № 2. С. 39–42.

5. Шамионов Р. М. Социальная психология субъективного благополучия личности: Теоретический анализ и эмпирические исследования. М.: Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2010. 328 с.

УДК 159.9

В статье описана выявленная модель структуры индивидуально-психологических особенностей личности подростка, включающая в себя поведенческий, ценностный, регулятивный, эмоциональный и когнитивный компоненты.

Ключевые слова: индивидуально-психологические особенности личности; коммуникативная компетентность; интернальность; эмпатийность; сензитивность; ценностные ориентации.

The model structure of individual psychological features of a teenager's personality including behavioral, valuable, regulative, emotional and cognitive components are described in this article.

Key words: individual psychological features of a personality; communicative competence; internality; empathy; sensory; value orientation.

Е. Ю. Киселева, И. Г. Абашин

Омский государственный аграрный университет
E-mail: lenakis1@mail.ru; iabashinteacher@mail.ru

Структурно-функциональный анализ индивидуально-психологических особенностей личности подростков

Научная статья

E. Ju. Kiseleva, I. G. Abashin

The Omsk State Agrarian University
E-mail: lenakis1@mail.ru; iabashinteacher@mail.ru

Structural Functional Analysis of Individual Psychological Features of Teenager's Personality

Scientific article

В результате социально-экономических преобразований современного периода предъявляются значительные требования к индивидуальной адаптации личности подростка в новых социальных условиях, что предполагает гармоничное сочетание разнообразных индивидуально-психологических особенностей личности («экологических ниш» индивидуальности) (Т. Ф. Базылевич) [1]. В психике подростков отчетливо выступает противоречивость, связанная с неравномерностью психического созревания (немотивированные колебания настроения и др.).

Значение в развитии индивидуально-психологических особенностей личности подростка имеют и семейные отношения, что ставит проблему анализа структурно-содержательных компонентов индивидуально-психологических особенностей личности в подростковом возрасте, решение которой позволит выбрать эффективные психологические средства для оптимального их развития у подростков, особенно в семьях с нарушенными взаимоотношениями.

Категория «индивидуально-психологические особенности личности» предполагает опору на представления Е. П. Ильина при рассмотрении её содержательных особенностей. Автором выделяются следующие направления анализа индивидуальных различий: свойства нервной системы как природная основа индивидуальных различий (М. Б. Теплов, В. Д. Небылицын и др.); индивидуальные различия в поведении (эмоциональные проявления, мотивационные различия, различия в проявлении силы воли, типологические особенности интеллектуальной деятельности) (Г. Олпорт, Р. Кеттелл и др.); индивидуальные особенности деятельности (способности, стили деятельности, руководства и общения) (Б. Г. Ананьев, А. Н. Леонтьев) [2].

Индивидуально-психологические особенности личности понимаются нами как психологические особенности (явления) личности, отражающие её индивидуальность, уникальность, отличие от других личностей.

Наше исследование, направленное на выявление влияния стилей семейных взаимоотношений на индивидуально-психологические особенности личности (ИПОЛ) подростка, проводилось в 2005–2009 гг. на базе гимназии № 12 и Межшкольного

© Киселева Е. Ю., 2011
© Абашин И. Г., 2011

учебного комбината ЛАО г. Омска. В исследовании принимали участие 138 человек: 92 родителя (36–52 лет) и 46 подростков (15–17 лет) из нуклеарных однодетных полных семей.

В процессе исследования использовались психологические методы, с помощью которых изучались ИПОЛ подростков («Шкала эмоционального отклика» А. Меграбиана и Н. Эпштейна; «Самоактуализационный тест» (САТ) Л. Я. Гозмана; методика «Самооценка-25» (СО-25) В. Н. Куниciной; опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК) Е. Ф. Бажина) и стили семейных взаимоотношений («Тест-опросник родительского отношения» А. Я. Варга и В. В. Столина; «Методика диагностики межличностных отношений» Т. Лири; «Методика PARI» Е. Шеффер и Р. Белла). Результаты обрабатывались методами математико-статистического анализа.

В работе представлен один из основных этапов экспериментального исследования по структурно-функциональному анализу ИПОЛ подростка. Сопутствующей задачей стало выявление различий в ИПОЛ подростков, обусловленных факторами пола.

Полученные данные позволяют отметить, что девочки на значимом уровне превосходят испытуемых мальчиков. Первые отличаются ориентацией на собственные ценности в отношениях с окружающими, большей сензитивностью, контактностью, проницательностью, чувством юмора, интуицией. Средние значения по шкалам контактность, интуиция, чувство юмора выше установленных границ нормы, что свидетельствует о завышенной самооценке, личностной незрелости, неумении правильно оценивать результаты деятельности. Мальчики демонстрируют низкие показатели по шкалам сензитивность (неумение осознавать собственные чувства, потребности) и проницательность (непонимание эмоциональных состояний окружающих).

Поведенческий компонент структуры ИПОЛ подростка (см. табл.) включает качества коммуникативной компетентности: умение находить общий язык с другими, влиять на окружающих, а также практичность, проницательность, хитрость.

Регулятивный компонент связан с общей интернальностью, возможностью подростка сдерживать импульсивное поведение, использовать волю для

Таблица

Факторная модель структуры индивидуально-психологических особенностей личности подростка

Название фактора	*Содержание фактора*
F1. (25,7%) ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ	По тесту «Самооценка-25»: предприимчивость (0,366), практичность (0,776), хитрость (сноровка) (0,361), проницательность (0,430), интуиция (0,705), умение ладить с людьми (0,857), юмор (0,726), общительность (0,899), умение вести беседу (0,822), уверенность в общении (0,862), влиятельность (0,417), оптимизм (0,550)
F2. (16,63%) РЕГУЛЯТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ	По тесту УСК: общая интернальность (0,887), интернальность в области достижений (0,723), интернальность в области неудач (0,874), интернальность в семейных отношениях (0,703), интернальность в межличностных отношениях (0,445). По тесту «Самооценка-25»: организованность (0,710), сила воли (0,871), самообладание (0,459), выносливость (0,703), контроль над жизненными событиями (0,440)
F3. (12,87%) ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ	По тесту А. Меграбина, Н. Эпштейна: уровень эмпатии (0,416). По тесту САТ: поддержка (0,722), сензитивность (0,767), спонтанность (0,705), представления о природе человека (0,401), принятие агрессии (0,833), контактность (0,770), креативность (0,396). По тесту «Самооценка-25»: воспитанность (0,583), готовность жертвовать своими интересами (0,725)
F4. (10,93%) ЦЕННОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ	По тесту САТ: ориентация во времени (0,779), ценностные ориентации (0,421), гибкость поведения (0,701), самоуважение (0,568), самопринятие (0,805). По тесту «Самооценка-25»: знание себя (0,562)
F5. (9,08%) КОГНИТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ	По тесту «Самооценка-25»: предусмотрительность (0,464), дальновидность (0,363), безошибочность решений (0,435), знание жизни (0,674)

достижения целей, структурировать и контролировать свою деятельность.

Эмоциональный компонент включает: эмпатийность, сензитивность, спонтанность, представление о природе человека, креативность, контактность, готовность жертвовать своими интересами, воспитанность. Ценностный компонент – ориентацию во времени, гибкость поведения, самоуважение, самопринятие. Когнитивный компонент – прогноз развития межличностных отношений, понимание людей, интеллектуальные механизмы успешности социального взаимодействия; предусмотрительность, дальновидность, безошибочность решений, знание жизни, ориентацию на личный опыт.

Таким образом, полученные результаты представляют: а) эмпирический анализ различий индивидуально-психологических особенностей личности подростков, обусловленных гендерными особенностями; б) описание теоретико-эмпирической структуры индивидуально-психологических особенностей личности подростка. Полученные данные о структуре ИПОЛ подростка могут быть использованы в психологопросветительской, диагностической, консультативной и коррекционной работе психологов средних учебных заведений, семейно-психологических служб, социально-реабилитационных центров. Программа психокоррекции неэффективных взаимоотношений между родителями может использоваться при организации психологического сопровождения подростков в семьях с неэффективными стилями семейных взаимоотношений.

Вместе с тем полученные результаты исследования порождают возможность новых исследований прикладного характера, например в области политической психологии, что отражает «новые веяния» в сфере, как среднего, так и высшего образования. В средних учебных заведениях в порядке факультатива «создаются», например, «Школы молодых политиков», а высшая школа не исключает функционирование отделений различных политических групп, например «Молодой гвардии» как молодёжной организации «Единой России». Предметно научный интерес в контексте сказанного, в частности, представляет изучение ценностей учеников, что отражает проблему взаимосвязи отождествления школьниками себя с категорией обучающихся и одновременно категорией «политического человека», которая в будущем проявляется посредством их голосования на выборах в органы власти.

Список использованной литературы

1. Общая психология: Словарь / под общ. ред. А. В. Петровского. М., 2005 // URL: http://slovari.yandex.ru/~книги/ (дата обращения: 20.12.2010).

2. Ильин Е. П. Психология индивидуальных различий. СПб.: Питер, 2004. 701 с.

УДК 159.923.3

В статье рассматриваются вопросы структурной организации блока личностно значимых качеств специалистов различных типов профессий: «Человек – человек», «Человек – знаковая система» и «Человек – техника». Процесс профессионального становления личности и ее трансформации представляет собой сложную иерархически организованную метасистему с ее уровнями и взаимосвязями между ними. В основу эмпирического исследования была положена четырехфакторная деятельностная теория личности. На определенном этапе профессионализации формируется некоторая интегративная подструктура личностно значимых качеств, причем различная для представителей различных типов профессий.

Ключевые слова: системный подход; структурная организация личности; типы профессий; личностно значимые качества специалистов.

In the article are considered questions of the structural organization of personal meaningful characteristics block of the various types of professions specialists' personality: «human – human», «human – sign system» and «human – technics». Process of professional formation of a personality and its transformation is a difficult hierarchically organized metasystem with its levels and interrelations between them. The four-factor activity theory of a personality has been put into a basis of the empirical research. At a certain stage of professionalization a kind of integrative substructure of personal meaningful characteristics block is formed, bring various for representatives of various types of professions.

Key words: system approach; structural organization of the personality; profession types; personal meaningful characteristics of specialists.

О. В. Филатова

Владимирский государственный университет
E-mail: ofilvladimir@rambler.ru, psyho-vlgu@mail.ru

Структурная организация блока личностно значимых качеств специалистов различных типов профессий

Научная статья

O. V. Filatova

Vladimir State University
E-mail: ofilvladimir@rambler.ru, psyho-vlgu@mail.ru

Structural Organization of the Block of Personal Meaningful Characteristics of Various Types of Professions Specialists

Scientific article

Актуальность изучения структурной организации личности представителей различных типов профессий обусловлена тем фактом, что профессиональное становление личности является весьма сложным и многоплановым процессом, который не только длится на протяжении всей жизни человека, но и оказывает свое воздействие на формирование и развитие специфических свойств и качеств личности представителей определенных типов профессий. В нашей работе за основу исследования структурной организации личностно значимых качеств представителей различных типов профессий была взята классификация фаз жизненного пути профессионала Е. А. Климова [1]. Наиболее важными фазами являются фазы адепта, адаптанта и профессионала. Фаза адепта соответствует первому году обучения в вузе. В этот период происходит освоение системы профессиональных знаний, умений и навыков, а также формирование профессионально важных качеств личности, склонностей и интересов к будущей профессии. Фаза адаптанта в нашем исследовании рассмотрена на примере студентов четвертого курса, которые в процессе обучения начинают осваивать практическую деятельность, входить во многие ее тонкости. Самой высокой стадией профессионального становления, на которой происходит интеграция сформированных профессионально важных качеств личности и индивидуального стиля деятельности, является уровень профессионала. Это способствует качественному и творческому выполнению профессиональной деятельности. Данная стадия проанализирована на примере специалистов, имеющих богатый профессиональный опыт.

Исследование проводилось на базе Владимирского государственного университета и в организациях г. Владимира и Владимирской области.

© Филатова О. В., 2011

Выборку составили представители профессий: «Человек – Человек» – 127 человек, «Человек – Техника» – 247 и «Человек – Знаковая Система» – 111.

Использованные в работе психодиагностические методики были подобраны нами по трем блокам: 1 – блок мотивации и ценностей; 2 – блок личностно значимых качеств; 3 – блок профессионально важных качеств. В блок личностно значимых качеств вошли методики «Шкала тревоги и личностной тревожности» Ч. Д. Спилбергер, Ю. Л. Ханина; «Межличностные отношения» Т. Лири, Г. Лефоржа, Р. Сажека, «Методика определения индивидуальной меры рефлексивности» А. В. Карпова, В. В. Пономаревой. Для обработки полученных данных использовали методы статистической обработки данных: описательная статистика, корреляционный анализ с использованием коэффициента Пирсона, метод структурограмм. Структурный метод обработки результатов исследования на выборках студентов первого и четвертого курсов, осваивающих профессии различного типа, а также специалистов позволил выявить наличие следующих структурных образований в блоке личностно значимых качеств (см. рис. 1–7).

В блоке личностно значимых качеств студентов первого курса, осваивающих профессии типа «Человек – Знаковая система», была выявлена единственная корреляционная взаимосвязь между реактивной тревожностью и подчиненным типом межличностных отношений (теснота связи равна 1 баллу). Выявленная взаимосвязь характеризуется обратной пропорциональной зависимостью (см. рис. 1). У студентов четвёртого курса ядер в структуре блока личностно значимых качеств не выявлено.

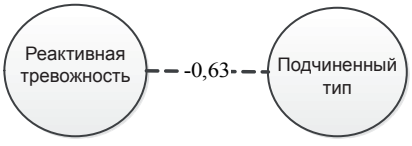

Рис. 1. Структурная организация личностно значимых качеств у студентов первого курса, осваивающих профессии типа «Человек – Знаковая система»

В блоке личностно значимых качеств у специалистов профессий «Человек – Знаковая система» ядрами являются личностная тревожность (удельный вес – 18) и рефлексия (удельный вес – 17). Плеядой первого ядра являются саморефлексия, альтруистический тип отношений, коммуникативная рефлексия и общий уровень рефлексивности (теснота связей по 3 балла), авторитарный, агрессивный и эгоистический типы отношений (теснота связи по 2 балла), а также дружелюбный и подчиненный типы отношений (теснота связи равна по 1 баллу), то есть при повышении уровня личностной тревожности у специалистов профессий типа «Человек – Знаковая система» обостряются все перечисленные выше показатели. Плеядой ядра рефлексии являются все типы отношений: зависимый, эгоистический, авторитарный, дружелюбный и альтруистический, а также личностная тревожность (теснота данных связей по 2 балла); подозрительный и зависимый типы отношений (теснота связи по 1 баллу). Таким образом, повышение уровня рефлексивности способствует увеличению паттернов поведенческих типов межличностного взаимодействия и личностной тревожности. Исследование показало, что у студентов первого и четвертого курсов, которые обучаются данному типу профессий, сформировавшаяся структура личностных свойств не просматривается. Данная структура формируется скачкообразно в период выполнения профессиональной деятельности. Причем данная система является статичной и мало поддающейся изменениям ИКС = 65, ИДС = 0, ИОС = 65. Таким образом, личностно значимые качества у представителей профессий типа «Человек – Знаковая система» проявляются не в период обучения, а во время реализации непосредственной профессиональной деятельности.

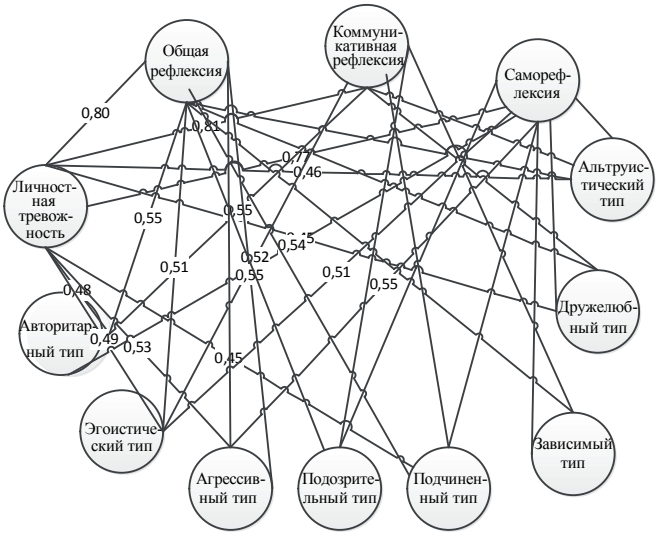

Рис. 2. Структурная организация личностно значимых качеств у специалистов профессий типа «Человек – Знаковая система»

В блоке личностно значимых качеств у студентов первого курса, осваивающих профессии типа «Человек – Человек», выявлена единственная отрицательная взаимосвязь между уровнем реактивной тревожности и агрессивным типом межличностных отношений (теснота связи равна 1 баллу) (см. рис. 3).

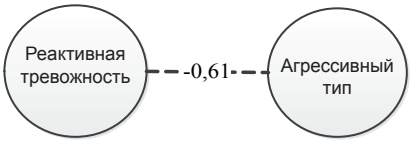

Рис. 3. Структурная организация личностно значимых качеств у студентов первого курса профессий типа «Человек – Человек»

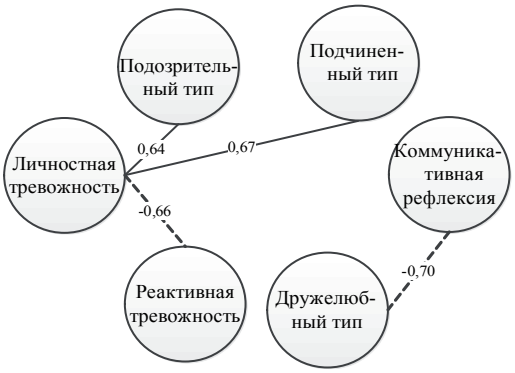

Рис. 4. Структурная организация личностно значимых качеств студентов четвертого курса профессий типа «Человек – Человек»

В блоке личностно значимых качеств у студентов четвертого курса данного типа профессий ядром структурной организации выступает личностная тревожность (удельный вес элемента равен 2). Плеядой ядра являются подозрительный и подчиненный типы межличностных отношений (теснота связи по 1 баллу) (см. рис. 4). Иными словами, повышение уровня личностной тревожности данных студентов способствует развитию подозрительности, обидчивости, слабоволию и склонности к уступчивости в межличностных контактах. На данном этапе обучения профессии системный блок личностно значимых качеств находится на стадии формирования и на его становление могут повлиять группы других факторов. ИКС = 4, ИДС = 4, ИОС = 0.

В блоке личностно значимых качеств ядром структурной организации личностно значимых качеств у специалистов профессий типа «Человек – Человек» является «саморефлексия» (удельный вес элемента равен 3). Плеядой данного ядра является реактивная тревожность, подчиненный и авторитарный типы межличностных отношений (теснота связи равна по 1 баллу) (см. рис. 5). При увеличении способности оценивать свои действия и поступки со стороны увеличивается ситуативная тревожность и покорность в межличностных взаимоотношениях, а также снижается уровень авторитарности личности. Данная система характеризуется устойчивостью и сформированностью ИКС = 8, ИДС = 1, ИОС = 7.

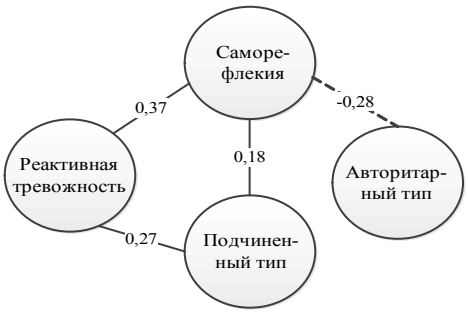

Рис. 5. Структурная организация личностно значимых качеств у специалистов профессий типа «Человек – Человек»

У студентов-первокурсников, которые только начали осваивать систему основных профессиональных знаний, умений и навыков профессий типа «Человек – Человек», ядер в структурной организации блока личностно значимых качеств не выявлено в ходе исследования. На четвертом курсе обучения и освоения профессиональных навыков начинает формироваться система, организуемая структурным ядром, – личностная тревожность. Однако данная система претерпевает реорганизацию у специалистов при интеграции профессиональных навыков организующим ядром блока личностно значимых качеств становится саморефлексия. Таким образом, динамика структурной организации блока личностно значимых свойств характеризуется изменчивостью ядер при относительной сохранности основных компонентов системы.

У студентов первого курса, начинающих осваивать профессии типа «Человек – Техника», в ходе исследования не удалось выявить структуры системной организации блока личностно значимых качеств личности. В блоке личностно значимых свойств у студентов четвертого курса ядром структурной организации является авторитарный тип межличностных отношений (удельный вес элемента равен 2) (см. рис. 6). Плеяду данного ядра

составляет саморефлексия и общий уровень рефлексивности (теснота связи по 1 баллу).

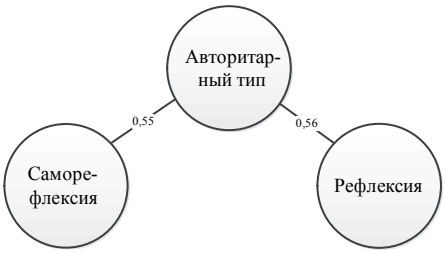

Рис. 6. Структурная организация блока личностно значимых качеств у студентов четвертого курса профессий типа «Человек – Техника»

Иными словами, повышение уровня социальной ориентации, направленной на авторитарность в межличностном взаимодействии, способствует повышению уровня критичности по отношению к себе и совершаемым поступкам, а также к поступкам других людей. Данная структурная организация оценивается нами как статичная (ИКС = 4, ИДС = 0, ИОС = 4).

В блоке личностных качеств у специалистов профессий типа «Человек – Техника» ядром структурной организации блока личностно значимых качеств является общая рефлексия и тревожность (удельный вес по 3 балла). Плеядой первого ядра выступают личностная тревожность, реактивная тревожность и зависимый тип межличностных взаимоотношений (теснота связи между элементами по 1 баллу). Плеядой второго ядра являются ядро данной структурной организации – общая рефлексия, а также коммуникативная рефлексия и саморефлексия (теснота связей по 1 баллу) (см. рис. 7). Специалисты профессий типа «Человек – Человек» характеризуются тем, что при повышении уровня рефлексивности у них повышается личностная и реактивная тревожность. Результаты свидетельствуют, что данная структурная организация личностно значимых качеств носит взаимный, дополняющий характер и требует более глубокого анализа. Система сформирована, т. к. ИКС = 13, ИДС = 2, ИОС = 11.

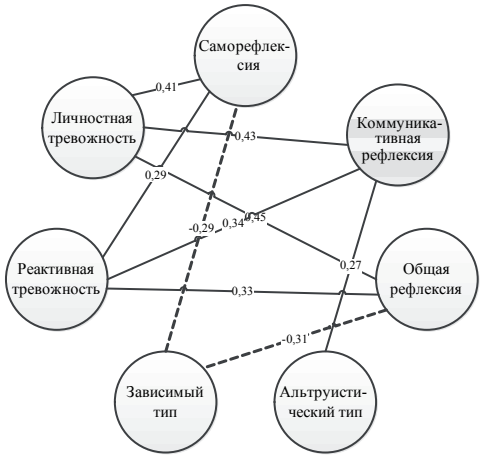

Рис. 7. Структурная организация блока личностно значимых качеств у специалистов профессий типа «Человек – Техника»

Таким образом, мы видим, что у студентов, обучающихся на первом курсе, не выявлено структурных ядер в блоке личностных свойств. У студентов, продолжающих осваивать данный тип профессий на четвертом курсе, структурным ядром является авторитарный тип взаимоотношений. Для специалистов профессий типа «Человек – Техника» характерно то, что ведущими свойствами их личности выступают тревожность и рефлексия, которые влияют на ход выполняемой ими деятельности.

Список использованной литературы

1. Климов Е. А. Введение в психологию труда. М.: Юнити, Культура и спорт, 1998. 350 с.

УДК 159.9

В статье предпринята попытка определения соци¬ально-психологических особенностей политического феномена. Рассматриваются социальные условия существования субъектов политики в соответствующем пространстве страны, анализируется сопряжённость идентичности с социальными ценностями индивидов, отождествляющих себя в том или ином виде с политическими группами российского общества.

Ключевые слова: политическая идентичность; социальные ценности.

The attempt to determine the social-psychological peculiarities of political phenomenon was undertaken in the article. Social conditions for the existence of the subjects of the politics on the corresponding territory of the country are considered. The attendance to identify social values of individuals who identify themselves in particular states with political groups of the Russian society is analysed.

Key words: political identity; social values.

И. Г. Абашин

Омский государственный аграрный университет
E-mail: iabashinteacher@mail.ru

Политическая идентичность в системе высшей школы

Научная статья

I. G. Abashin

Omsk State Agrarian University
E-mail: iabashinteacher@mail.ru

The Political Identity in the System of Higher School

Scientific article

Самоопределение индивида в качестве члена политической группы на основе ценностей, разделяемых им и группой, определяют в качестве групповой политической идентичности [1]. Анализ этого феномена в рамках психологии социального познания, предполагающей ценностный подход при его изучении, приводит к мысли, что важнейшей детерминантой его развития выступают социальные условия существования индивида в группе. Конституирующая роль значимого «Другого» при обсуждении вопросов политики в её достижении личностью является основополагающей. Так, Дж. Тэджфела социальным условием развития этой идентичности предполагает желание человека иметь основание для своей позитивной оценки, которое он находит, сравнивая свои ценности с ценностями других. Позитивный результат сравнения является основой для позитивной личностной идентичности и самооценки. Другими словами, противоречие между тем, кем человек является, кем его считают и кем он должен стать в политической группе, становится побудительной силой развития феномена [2].

Референтная политическая идентичность – самоопределение индивида в терминах соотнесения себя с политической группой. Субъект не включен в неё, но среди других выделяет именно эту группу, рассматривает её ценности как значимые для себя. Если «знакомство» с группой оказывается для него *значимым*, то оно дополняется позитивными чувствами и отождествлением с ней [3]. Отличие референтной идентичности от групповой в том, что она представляет совокупность индивидов, не включённых в политическую группу, но *составляющих другую социальную группу, члены которой отождествляют себя с группой политической*. Выявление «ценностного» содержания политической идентичности реализуется посредством концепции С. Шварца – В. Билски и методики «Структура ценностных ориентаций».

В нашем случае выборку исследования составили 180 студентов и преподавателей Омских вузов: государственного университета им. Ф. М. Достоевского, педагогического университета им. М. Горького, гуманитарной академии. Данные социальные группы как наиболее образованная часть российского общества ярко отражают тенденцию стабильности либо изменчивости ценностей социума. Респонденты с

© Абашин И. Г., 2011

референтной идентичностью составили 100 человек, с групповой – 80 человек. Они являются членами политических групп либо отождествляют себя с ними: ЛДПР, КПРФ, «Единой России».

Факторный анализ результатов опроса выявил 3 фактора. Высокие факторные нагрузки (больше 0,5) первого фактора увеличивают значимость ценностей «религиозность» (р = 0,52), «послушание» (р = 0,53), «социальная справедливость» (р = 0,54), «широта взглядов» (р = 0,54), «эстетическое наслаждение» (р = 0,55), «честность» (р = 0,57), «смирение» (р = 0,58), «умеренность» (р = 0,60); «снисходительность» (р = 0,70). В фактор «Духовной самоактуализации» вошли «традиционно русские ценности». Ценность «религиозность» объясняет присутствие в нём ценностей «послушание», «смирение», «снисходительность».

В соответствии с концепцией С. Шварца [4] эти ценности, за исключением «эстетического наслаждения» и «широты взглядов», находятся на полюсе Консерватизма. Их смысл в ограничении действий индивида, причиняющих вред другим или нарушающих социальные нормы поведения.

Проводя исследование ценностей студентов и преподавателей в 2000 г., Н. М. Лебедева [5] отмечала факт отвержения этих ценностей респондентами. Полученные результаты, напротив, предполагают их наличие, если и не в контексте культуры русских людей, то хотя бы в контексте политической жизни общества россиян: «наличие» этих ценностей у респондентов отражает желание испытуемых «видеть» их и у представителей «своих» политических групп. Возможно, с учётом «духовной» ориентации населения с согласия Президента Д. А. Медведева в средних школах в порядке факультатива вводятся дисциплины «Религиозные учения» и «Светская этика».

Ценность «широта взглядов» относится к ценностям полюса Интеллектуальной автономии, основанной на независимости идей и праве индивида следовать собственным путём, а ценность «эстетическое наслаждение» к полюсу Аффективной автономии, отражающему устремленность индивида к переживанию позитивных эмоций.

В целом, в первый фактор вошли ценности, находящиеся на разных полюсах биполярных осей, противоположных друг другу в теории С. Шварца [6]. Это означает, что на индивидуальном уровне у респондентов выражено стремление быть самостоятельными людьми, желание ощущать широту взглядов, например, на выборах их представителей в органы власти. Они ведут насыщенную событиями политическую жизнь в эстетическом русле, что свидетельствует о наличии у них чувства прекрасного. Выдвигая задачи духовного развития индивида на принципах самоактуализации *в процессе взаимодействия по вопросам политики*, респонденты, однако, осознают ограничения для их реализации в политической сфере, признавая, что для этого нужны условия, которые создает российское общество в целом.

Второй фактор увеличивает значимость ценностей «компетентность» (р = 0,51), «уважение старших» (р = 0,52), «влиятельность» (р = 0,55), «наслаждение» (р = 0,56), «власть» (р = 0,58), «социальное признание» (р = 0,58), «социальная власть» (р = 0,60), «богатство» (р = 0,75). Он был назван «Фактор материального самоутверждения».

На полюсе Иерархии находятся ценности «власть», «влиятельность», «социальная власть», «социальное признание». Их смысл в необходимости уровневой системы ролевых предписаний, обеспечивающих социально ответственное поведение людей. Ценности «компетентность», «социальное признание» находятся на полюсе Мастерства. Люди здесь стремятся подчинить себе природный и социальный мир. Ценность «уважение старших» находится на полюсе Консерватизма. Ценности Иерархии и Консерватизма находятся в Гармонии с ценностями мастерства – это «компетентность», «социальное признание», что свидетельствует о стремлении к установлению группового единства и гармонии среди респондентов. В целом ценности этого фактора взаимосвязаны с рыночной экономикой: готовность людей к риску, значимость денег и собственности и т. д. Такие установки, например, предполагают ценности Иерархии и Мастерства.

Ранговый дисперсионный анализ зависимости типов политической идентичности от силы влияния первого фактора показал его статистическую значимость у респондентов с референтой идентичностью. Следовательно, содержание референтной политической идентичности – ценности «духовной самоактуализации».

Среди респондентов с этой идентичностью они статистически гораздо ниже у тех, кто отождест-

вляет себя с ЛДПР, чем у сторонников «единороссов» и коммунистов, между которыми по этому фактору нет различий. Существенно, однако, то, что сторонники и члены КПРФ, отличавшиеся материалистическим подходом к мироощущению в советский период развития страны, в настоящее время не демонстрируют этого при одновременной приверженности их идеям социализма. Это отражает неконфликтный характер существования противоположных ценностей по решению проблемы альтернативного коммунистическому «взаимодействию» человека с миром в политической жизни общества, в чём и заключается одна из возможных особенностей политической идентичности студентов и преподавателей вузов.

Список использованной литературы

1. Пушкарева Г. В. Политический менеджмент. М., 2002. 450 с.

2. Андреева Г. М. Психология социального познания. М., 2000. 230 с.

3. Щербакова И. В. Социологические, политические и социально-психологические механизмы формирования политической идентичности молодёжи: теоретические аспекты // Вестник Московского университета. 2004. № 1. С. 129–152.

4. Лебедева Н. М. Ценностно-мотивационная структура личности в русской культуре // Психологический журнал. 2001. № 3. С. 26–36.

5. Там же.

6. Семененко И. С., Лапкин В. В., Панин В. И. Идентичность в системе координат мирового развития // Политические исследования. 2010. № 3. С. 40–60.

УДК 159.98

В статье ставится задача обоснования используемой в индивидуальном и групповом психологическом консультировании интегративной концепции и выстроенной на ее основе психотехнологии сопровождения личностной интеграции и трансформации. Исследование на основе анализа клиентских запросов и самоотчетов участников интегративных групп демонстрирует обоснованность подхода.

Ключевые слова: интеграция; интегративная методология; интегративный подход; интегративная готовность; жизнеформирующий сценарий.

In this paper the authors set the task of justify usage of integrative concepts in individual and group psychological counseling and based on the architecture of psychotechnologies maintenance of personal integration and transformation. The study, based on analysis of client requests and self-integrative groups of participants, demonstrates the validity of the approach.

Key words: integration; integrative methodology, the integrative approach, integrative readiness; life-forming scenario.

М. И. Фаерман

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: mifolog@mail.ru

Интегративная концепция в групповом и индивидуальном консультировании

Научная статья

M. I. Faerman

P. G. Demidov Yaroslavl State University
E-mail: mifolog@mail.ru

The Integrative Concept of Group and Individual Counseling

Scientific article

J. C. Norcross и L. M. Grencavage (1990) выделяют ряд согласованных различий между эклектикой и интеграцией как теоретическими подходами. Если эклектика характеризуется как технический, дивергентный подход, предполагающий выбор из многих альтернатив, применение того, что есть, собирание, отбор, применение частей, эмпирицизм, суммирование частей, то интеграция является теоретическим, конвергентным подходом, предполагающим комбинирование многих составляющих, смешение, синтез, объединение частей, бо́льшую теоретичность, нежели эмпиричность, получение большего, чем простая сумма составляющих частей [1].

A. A. Lazarus (1995), анализируя возможные опасности использования различных типов эклектики и интеграции, подчеркивает принципиальную невозможность как эклектики, так и интеграции несовместимых друг с другом теоретических подходов. Эта невозможность связана, прежде всего, с тем, что часто различные подходы строятся на диаметрально противоположных методологических основаниях, несовместимых позициях по отношению к ответам на основополагающие онтологические и эпистемологические, да и аксиологические вопросы [2].

Как пишет В. В. Козлов, «самое элементарное понятие "интеграции" – присоединение части к целому. При этом под частью понимается вытесненный фрагмент сознания, изгнанный из сферы сознания как чуждое "Эго" в сферу "Не так", "Не Я" под знаком отрицания "Нет". Интеграция – это осознание конфликтов между "Я" и "Не я", "Так" и "Не так" и открытое, оценивающее принятие того, что ранее отвергалось, отрицалось, подвергалось подавлению и было нерефлексируемо. Интеграция – осознание выбора "Так" и "Не так" как конфуза дуальности» [3].

Интегративная психотерапия, по Петцольду (Petzold H.), – метод, направленный на интеграцию различных направлений и одновременно пытающийся подвести под психотерапевтическую деятельность научный фундамент. Этот метод называют также интегративной гештальттерапией. Интегративная терапия, развиваемая с середины 1960-х, связывает метод с конфликтцентрированным, глубинным подходом, включающим в себя упражнения и испытания определенных эмоций. Она расширяет принцип классической гештальттерапии «здесь-и-сейчас» и одновременно временную перспективу, горизонты прошлого и

© Фаерман М. И., 2011

будущего, учитывая при этом временной континуум, социальное и экологическое пространство в качестве контекста. Интегративная психотерапия, по Петцольду (подход), направлена на то, чтобы воспринимать человека как нечто целое, и предлагает ему соответствующую терапию. При этом она основывается на опыте современных исследований по психотерапии, которые доказывают, что большинство подходов в психотерапии имеют общие основополагающие, но различные факторы воздействия и что, благодаря совмещению этих факторов, можно избежать односторонней направленности психотерапии. Петцольд пытается объединить в интегративной терапии теорию и практику психоанализа, гештальттерапии, психодрамы, телесно-ориентированной психотерапии и когнитивно-поведенческой психотерапии. Не должно возникать случайной смеси упомянутых терапий (эклектизм), а, напротив, следует стремиться к всеобъемлющему систематическому подходу [4].

Тель Ашер указывает: «…все направления психологии ставят перед собой задачу: привести личность к более целостному состоянию, то есть интегрировать те или иные "части", которые до этого были диссоциированы» [5]. Однако в настоящих моделях, по мнению Ашера, исследуются конфликты только между отдельными «частями» личности и не предлагается метод общей интеграции.

В. Козлов так трактует практику в интегративном русле: «Интегративные психотехнологии – система концепций, моделей, методов и навыков, которые ведут человека к большей целостности, к меньшей конфликтности, раздробленности сознания, деятельности, поведения. При этом первый шаг работы с клиентом – это принятие зоны "И так тоже", вместо жесткого ограничения – гибкий выбор.

Цель интеграции – устойчивое обживание пространства "И так тоже", где каждый может отыскать равновесие и целостность, которые им подходят» [6].

По мнению В. Козлова, конфликт, боль, страдание не менее значимы для создания «удивительно насыщенной палитры осознанной человеческой жизни», чем целостность, наслаждение, благостность. В этом и состоит сущность личностной интеграции. В данном ключе В. Козлов рассматривает зону «НЕ ТАК» как самую плодотворную для личностного роста, подтверждая свою мысль словами Л. С. Выготского: «Кризисы – это не временное состояние, а путь внутренней жизни» [7].

Интеграция подробно рассматривается с позиции биосинтеза – подхода, развиваемого английским психотерапевтом Дэвидом Боаделлой и его последователями. «Термин "биосинтез" означает – "интеграция жизни". Речь идет об интеграции трех жизненных энергетических потоков, которые дифференцируются в первую неделю жизни эмбриона, интегративное существование которых существенно для соматического и психического здоровья и которые слипаются у невротиков.

Эти энергетические потоки связаны с тремя зародышевыми листками: эндодермой, мезодермой и эктодермой, – связанными с эмоциями, движением и мыслями соответственно.

В биосинтезе терапевт старается направить клиента к первичному ядерному уровню ощущений, т. к. только в контакте с чувствами радости, надежды, благополучия, удовольствия, по мнению приверженцев биосинтеза, человек получает энергию для реальных изменений и исцеления – физического, психического, духовного. После эмоционального отреагирования клиент должен получить новый источник внутренней поддержки. Любые паттерны человека в биосинтезе не ломаются, а исследуются с большим уважением» [8].

Развивая идеи интегративной психологии и биосинтеза, Лилиан Дэвис так характеризует интегративный процесс: «Интеграция означает полнота, связанное целое. Интеграция – это естественное состояние полноценно функционирующего энергетического процесса. "Панцирь", или защита – любое эффективное прерывание движения жизненной силы – всегда означает дезинтеграцию. Защиты в любых своих формах разъединяют целое. В этом как раз и состоит их назначение. Работа по восстановлению биоэнергетического функционирования, "связанного целого" всегда подразумевает достижение интеграции.

Здоровая функциональная интеграция – это состояние, а также свойство энергии: энергия стремится к пульсации, движению вперед, соединению и объединению. Она стремится к росту и развитию» [9].

В 1977 г. К. Уилбер представил «интегративный подход», согласно которому различные школы философии, психологии, антропологии, психотерапии понимаются не как конкурентные, взаимоисключающие дисциплины, а как подходы, справедливые лишь в определенных частях полного «спектра сознания» [10].

Опираясь на приведенные выше взгляды и собственное видение, выделим ключевые моменты интегративного подхода и *интегративных интен-*

сивных психотехнологий (термин В. В. Козлова [11]) в индивидуальном и групповом консультировании (группах интеграции и трансформации личности):

- интеграция – основополагающий процесс развития и изменения человека, способствующий благополучию на физическом, психическом и духовном уровнях;

- интеграция – это постоянный переход, включающий состояние трансцендентности, подчиняющийся закону энтропии (мера хаотичности, отклонение от идеального состояния);

- интегративный консультационный подход ориентирован на развитие личности, «подъем к высшему состоянию» (Т. Ашер [12]), представляет целостную модель, применимую на практике для развития личности и построения будущих психологических методик;

- интеграция как личностный и консультационный процессы затрагивает такие системы, как социальное – материальное – духовное – личностное; психическое – соматическое; сознательное – бессознательное; различные структуры личности (например, «Оно» – «Я» – «сверх Я»); персональное – трансперсональное; разум – эмоции – поведение; с позиции нейропсихологии: правополушарную и левополушарную активность; «так» – «не так» – «так тоже»; прошлое – настоящее – будущее; поведенческие паттерны: расслабление – активация, канализация – ротация; другие дуальные аспекты психической реальности, от внутренней бесконфликтности которых зависит субъективное благополучие человека;

- интегративный подход предполагает не эклектическую склейку известных методов работы, а системный подход, в который логически укладывается телесно-ориентированная терапия (биосинтез в частности), психодрама, арт-терапия (сама по себе являющаяся интегративным методом), символ-драма, практики трансперсонального подхода, рассматриваемые на данном этапе как основные инструменты интегративной психологии, экзистенциальный и гуманистический подходы (в шатре которых, по словам Ялома, «нашли приют» многие течения интегративной психологии), феноменологический подход, поведенческий подход, гештальттерапия, НЛП – практики;

- консультирование и группы в рамках интегративной концепции моделируют открытое пространство для встраивания контекстов – конкретных направлений интеграции под управлением консультанта (групп-лидера) либо самими участниками, при этом всегда содержат исследовательскую направленность, ресурсную подпитку, эффект самообновления, направленность на изменения. Так же существуют несколько универсальных, называемых нами *интегрирующими контекстами,* направлений работы: *межличностные отношения, отношения с реальностью и самим собой, саморегуляция, смыслообразование, личностная потенциальность и ресурсность, самопознание, расширение поведенческих, когнитивных и эмоциональных паттернов, готовность к изменениям и выстраивание изменений внутренней и внешней реальности, достижения;*

- консультирование, использующее интегративные психотехнологии, строится в пространстве «здесь и сейчас», пространстве «там и тогда» и уникальном, парадоксальном, на наш взгляд, пространстве, которое условно можно обозначить несколькими метафорами: «там и сейчас» – «трансперсональное» – «ин-реальностное» («внутриреальностное»), т. е. смоделированное метафорическое пространство, включающее одновременно внешнюю и внутреннюю реальности, прошлое, настоящее и будущее, контакт с миром и оторванность от него;

- сопровождаемое пространство интеграции позволяет интенсифицировать естественный процесс развития, интегративный цикл, через который субъект проходит в стрессовых, конфликтных или значимых жизненных ситуациях, предполагающих начальную дезинтеграцию, кризис и другие негативно воспринимаемые состояния. Интегративное терапевтическое пространство позволяет моделировать, активировать, интенсифицировать, проживать интегративный цикл в позитивном ключе самоисследования, нового необычного опыта, заинтересованности, что способствует формированию целесообразной активности субъекта, предупреждению деструктивных проявлений, как минимум, и созданию стойких ресурсов для развития и целостности, как максимум. Иными словами, подход создает «интегративную готовность» к конструктивному изменению и трансформации. В индивидуальном консультировании или в групповом для этого через психотехнологии провоцируется конфликт между психическими дуальностями, создаются условия для интеграции и реинтеграции полученного опыта, создаются внешние и внутренние ресурсы – энергия для изменения.

Анализ клиентских запросов. Практика консультирования и ведения групп дает основание утверждать, что большинство клиентских запросов

укладываются в предмет интегративной концепции. В качестве иллюстрации покажем тематику клиентских запросов в индивидуальном консультировании Центра корпоративного обучения и консультирования (ЯрГУ, г. Ярославль) за 2008–2009 годы:

- **межличностные взаимоотношения**: детско-родительские отношения, супружеские отношения, общесемейные отношения, любовные и дружеские отношения – **213 обращений;**

- **личностный рост, изменения и развитие:** экзистенциальные проблемы, внутриличностные проблемы, конфликты, внутриличностные конфликты, планирование и целеполагание – **98 обращений**;

- **личностный кризис:** эмоциональные расстройства, невротические расстройства, эмоциональный дизбаланс – **75 обращений**;

- **узкоспециализированная тематика, включая навыковое обучение, диагностику:** школьная детская адаптация, асоциальное поведение, обучение навыкам и умениям, детская диагностика, профнавыки – **59 обращений**.

Выделяя и анализирую тематику клиентского запроса в индивидуальном консультировании, мы отмечаем пересечение и сложность четкого разведения таковых по содержанию и силе проявленности (за исключением, пожалуй, последней). Так, ситуация ссоры в супружеских отношениях может перейти из категории *межличностных взаимоотношений* в категорию *личностный кризис*, а последняя тесно переплетена с категорией *личностный рост, изменения и развитие*. На эмпирическом уровне такая размытость подтверждает интегративную природу клиентской проблематики, психической реальности и, как следствие, консультационного подхода.

Авторская интегративная методика. В заключение приведем авторскую интегративную методику, которая отвечает обозначенным выше положениям и применима в перечисленных областях клиентского запроса, обозначенных нами как интегративные. Предлагаемая методика прошла апробацию на 7 группах интегративного развития и трансформации (84 человека) с 2008 г. по настоящий момент.

Методика, получившая название «Жизнеформирующий сценарий» (термин «жизнеформирующий» заимствован из текстов Дж. Бюджентала [13]), имеет в основе гуманистический, феноменологический, когнитивно-рациональный, телесно-ориентированный, биосинтетический, психодраматический подходы. Под выбранными основами мы понимаем заложенные в методике принципы: конструирования клиентом собственного «пути» по заданным эмпирически выявленным шагам интегративного цикла; объемного моделирования на рационально-логическом (аналитико-синтетическом), телесно-чувственном и энергетическом (иррациональном), поведенческом уровнях; рефлексивности, самопознания и развития; индивидуальной и социальной (групповой) активности; отыгрывания ситуации через метафору (символичность) и взаимодействие с другими участниками группы. Клиент и взаимодействующая с ним группа (в групповом варианте) несет основную *авторскую* функцию, выстраивая уникальную развивающую (терапевтическую) систему. Рассмотрим групповой вариант методики.

ЖИЗНЕФОРМИРУЮЩИЙ СЦЕНАРИЙ (интегративный цикл)

Инструкция для участников

Шаг 1. Каждому участнику предлагается рассмотреть происшедшую с ним актуальную значимую кризисную жизненную ситуацию и разбить ее на этапы, начиная с возникновения проблемы, заканчивая ощущением полной удовлетворенности.

Приведем перечень этих этапов, полученных от участников групп и обобщенных нами. Итак, ***семь стадий интеграции жизнеформирования*** (название: на уровне ощущений – осознания – объективная реальность):

1) **дезинтегрированность**: неудовлетворенность – отсутствие желаемого;

2) **сегментирование:** активация – постановка задач – наличие возможных вариантов;

3) **напряжение:** болезненность – разочарование – ложные варианты и неудачи;

4) **интегративная напряженность** (потенциальная энергия): эмоциональное выравнивание – пересмотр ситуации – внутренние изменения;

5) **реинтеграция:** эмоциональный подъем – постановка новых задач – расширение поведенческих паттернов;

6) **интегративная готовность:** заинтересованность – открытие – появление варианта;

7) **интеграция** (трансформация): удовлетворенность – актуальная желаемая реальность

Шаг 2. Индивидуально предлагается описать прохождение актуальной жизненной ситуации, двигаясь по семи стадиям, выделенным выше.

Шаг 3. Участникам предлагается заполнить матрицу локализации и направленности психической энергии, т. е. по каждому шагу выбрать вектор

активности: внешняя (действия, поступки) – внутренняя (переживания, рефлексия); направленность психической энергии: абсорбция (поглощение, зарядка) – трансляция (отдача, самовыражение).

Шаг 4. Этот шаг может предлагаться только в группе, прошедшей предварительную подготовку по применению телесно-ориентированных технологий. В нем участникам в мини-группах предлагается смоделировать каждый шаг пути интеграции актуальной жизненной ситуации через телесную метафору. Участники могут построить свой набор телесных метафор и воплотить их самостоятельно либо с помощью группы. Мы предлагаем свои маркеры, которые наносятся на полученную в предыдущих шагах *карту ситуации.*

Шаг 5. Рефлексия полученного опыта. Обсуждение в групповом режиме или с консультантом.

Резюме. Эмпирическое исследование на основе описанной интегративной методики «Жизнеформирующий сценарий (интегративный цикл)» подтверждает вышеописанную феноменологию. В самоотчетах клиенты отмечают изменения эмоционального и смыслового (оценочного) восприятия смоделированной ситуации; принятие различных сценариев продолжения жизненной ситуации, поскольку изначально рассматривался только один; значимые изменяющиеся взаимоотношения с участниками группы, принимающими участие в телесном моделировании, расширении эмоционального спектра восприятия и другое.

Таким образом, можно говорить о теоретическом и эмпирическом рассмотрении специфики интегративной концепции, методологии, методической базы и конкретной технологии в психологическом консультировании, что дает основание для расширения арсенала интегративных психотехнологий, базирующихся на четких принципах этой концепции.

Список использованной литературы

1. Янчук В. А. Интегративно-эклектический подход к анализу психологической феноменологии: словарь-справочник // Национальная психологическая энциклопедия. URL: http://www.vocabulary.ru/dictionary (дата обращения: 12.10.2009).

2. Там же.

3. Козлов В. В. Истоки осознания: Теория и практика интегративных психотехнологий. Волгоград, 1999. 287 с.

4. Психологическая энциклопедия // URL:http://www.mirslovarei.com/ content_psy/INTEGRATIVNAJA-PSIXOTERAPIJA-PO-PETCOLDU-540.html (дата обращения: 21.08.2009.)

5. Ашер Т. У истоков интегративной психологии // Московский психологический журнал. 2007. № 6. URL: http://www.magazine.mospsy.ru/nomer6/s5.shtml (дата обращения: 11.07.2009).

6. Козлов В. В. Указ. соч. С. 46–48.

7. Там же.

8. Боаделла Д. Что такое биосинтез // Энергия и характер. Журнал биосинтеза. М. 2009. С. 8.

9. Девис Л. Там же. С. 73.

10. Ашер Т. Указ. соч.

11. Козлов В. В. Указ соч. С. 4–9.

12. Ашер Т. Указ. соч.

13. Братченко С. Л. Экзистенциальная психология глубинного общения: уроки Джеймса Бюджентала. М., 2001. 242 с.

УДК 159.9:072

Представлены результаты лонгитюдного исследования особенностей развития мнемических способностей детей 8–12 лет с ЗПР. С помощью метода развертывания мнемической деятельности выявлено, что структура мнемических способностей детей 8–12 лет с ЗПР отличается недоразвитостью, в которой почти отсутствуют операционные механизмы. Память работает за счет функциональных механизмов. При этом часть детей отличается определенной недоразвитостью перцептивных и аттенционных способностей. Операционные механизмы мнемических способностей 8–12-летних школьников с ЗПР находятся на ранних стадиях своего формирования. При анализе результатов выявлен эффект неспособности срисовать испытуемыми простой невербальный материал после правильного его воспроизведения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : мнемические способности; функциональные механизмы; операционные механизмы.

The results of a long-term research on mnemonic abilities of 8–12 year old children with developmental delays are presented. Applying a method of formation of mnemonic activity it is revealed that the structure of mnemonic abilities of 8–12 year old children with developmental delays is underdeveloped due to almost absence of operational mechanisms. Memory functions due to inborn mechanisms. Some children differ by certain underdevelopment of perceptive abilities and attentional abilities. Operational mechanisms of mnemonic abilities of 8–12-year old students with developmental delays are at early stages of the formation. When analyzing results the effect of inability to copy a simple nonverbal material after its correct reproduction is revealed.

K e y w o r d s : mnemonic abilities; inborn mechanisms; operational mechanisms.

С. В. Мурафа

Московский государственный областной гуманитарный институт
E-mail: murafa.svetlana@gmail.com

Лонгитюдное исследование мнемических способностей младших школьников с ЗПР

Научная статья

S. V. Murafa

Moscow State Regional Humanitarian Institute
E-mail: murafa.svetlana@gmail.com

Long-Term Research on Mnemonic Abilities of Junior School Children with Developmental Delays

Scientific article

В процессе развития памяти в младшем школьном возрасте способность к запечатлению информации становится основой формирования способностей школьника запоминать разнообразный материал. Учебная деятельность как ведущий тип деятельности в младшем школьном возрасте предполагает усвоение ребенком большого количества информации и в значительной степени зависит от уровня развития его мнемических способностей. Появление в структуре мнемических способностей операционных и регулирующих механизмов определяет успешность освоения детьми учебной информации [1].

Возникающие затруднения в учебе в ряде случаев могут быть вызваны недостаточной сформированностью отдельных функциональных систем психики, недостаточной «зрелостью» психических процессов [2]. Знание особенностей и возможностей детей с различными недостатками развития дает педагогу и школьному психологу средства для их коррекции в условиях обычной школы и помогает избежать непоправимых ошибок в определении способов обучения ребенка, неправильное применение которых может губительно повлиять на всю его жизнь [3].

Неравномерность развития ВПФ (высших психических функций), свойственная норме, в еще большей степени выражена у детей с ЗПР (задержка психического развития). Исследования психологов (К. С. Лебединская, 1975 г.; Н. Г. Манелис, 2001 г.; И. Ф. Марковская, 1993 г.) показывают, что наряду с эмоционально-волевой и личностной незрелостью у таких детей отмечается и несформированность отдельных ВПФ, особенно функций программирования и контроля и левополушарных гностических функций [4]. При этом современные исследования

© Мурафа С. В., 2011

(Н. Г. Манелис, 2001 г.) подтверждают точку зрения Л. С. Выготского о том, что закономерности психического развития в норме в условиях задержанного развития сходны [5].

Развитие мнемических способностей младших школьников с ЗПР происходит неравномерно и гетерохронно. Отклонения в развитии памяти являются характерными признаками для всех форм ЗПР. При благоприятном развитии перцептивных и мыслительных функций, а также коррекции памяти к концу обучения в начальной школе возможен прогресс в изменении строения и эффективности мнемических способностей детей с ЗПР. Исследование мнемических способностей предполагает анализ их структуры, которая может рассматриваться как система функциональных, операционных и регулирующих механизмов [6].

Целью данного исследования явилось изучение продуктивности и качественного своеобразия мнемических способностей младших школьников с ЗПР. Для оценки эффективности и качественного своеобразия мнемических способностей применялся метод развертывания мнемической деятельности В. Д. Шадрикова, Л. В. Черемошкиной [7]. Чтобы выявить уровень развития мнемических способностей и определить продуктивность функциональных механизмов памяти, мы использовали методику диагностики мнемических способностей, разработанную на основе данного метода Л. В. Черемошкиной [8]. Методика диагностики мнемических способностей предусматривает использование 10 карточек с изображенными на них фигурами нарастающей сложности, которые состоят из прямых пересекающихся линий. Экспериментальный материал в данном иследовании – карточки № 1, 2, 3. Невербальный бессмысленный материал и определенный порядок его предъявления позволяют «развернуть» мнемическую деятельность и вычленить продуктивность реализующих ее механизмов: функциональных, операционных и регулирующих.

С помощью данного метода оценивались два показателя: 1) продуктивность запоминания с опорой на функциональные механизмы, для чего использовалась карточка № 2 (простой невербальный бессмысленный материал); 2) эффективность запоминания благодаря функциональным и операционным механизмам, для этого использовалась карточка № 3 (усложненный невербальный бессмысленный материал). В качестве показателей рассматривалось время запоминания (t запоминания) карточек № 2 и 3.

Лонгитюдное исследование было проведено в 2006–2009 гг. на базе школ Орехово-Зуевского района Московской области и проходило в два этапа. Первый этап проходил в 2006/2007 учебном году, испытуемыми были учащиеся 2–4 классов (8–10 лет) с ЗПР в количестве 25 человек. Диагноз «задержка психического развития» был поставлен психолого-медико-педагогической комиссией Орехово-Зуевского района. Согласно этим данным, ЗПР у обследованных детей имеет церебрально-органическую или множественную этиологию. Дети обучались по специальной коррекционной программе.

Полученные результаты показали заметную вариативность продуктивности мнемических способностей детей с ЗПР. Были выделены группы с типическими характеристиками проявления когнитивных способностей детей с ЗПР. Для подтверждения полученных результатов был проведен второй этап исследования. Он проходил в 2008/2009 учебном году и испытуемыми были те же учащиеся, но обучающиеся в 5–6 классах (10–12 лет) по стандартной общеобразовательной программе. Между экспериментальными сериями прошло 2 года. В качестве испытуемых участвовали 15 младших школьников. Дифференциации детей по уровню успеваемости не проводилось. В данном исследовании была поставлена задача исследовать мнемические способности детей в одинаковой для них социальной ситуации развития [9].

Была выполнена математическая и статистическая обработка экспериментально полученных данных с использованием пакета программ System/360 Scientitic Subrounte Pakage (360-CM-03X) Version III. Для оценки достоверности сдвига значений времени запоминания стимульного материала применялся *t*-критерий Стьюдента для зависимых выборок, r-ранговая корреляция по Спирмену.

В начале исследования с первым заданием (карточка № 2) справились 80% испытуемых. При этом 20% испытуемых не смогли правильно воспроизвести простой невербальный материал (см. рис. 1). Из группы участников, справившихся с карточкой № 2, никто не смог воспроизвести карточку № 3. На втором этапе справились с первым заданием (карточка № 2) 100% испытуемых. Карточку № 3 смогли воспроизвести 33% испытуемых, то есть каждый третий.

По времени запоминания простого невербального материала было выделено 6 подгрупп испытуемых (см. табл.).

1-я группа. Испытуемые имеют очень высокую продуктивность функциональных механизмов.

Обдуманного, осознанного процесса запоминания не наблюдается, испытуемые затруднялись объяснить то, каким образом они выполняли задание: «Запомнил и все».

2-я группа. Испытуемые имеют высокую продуктивность функциональных механизмов и развитые операционные механизмы. Представлена способность к рефлексии собственных действий. Они точно указывают, когда именно начали выполнять какие-либо действия. Представители данной группы пытались упростить, схематизировать образ запоминаемого стимула.

3-я группа. Продуктивность функциональных механизмов выше среднего. Операционные механизмы реализуются на перцептивном уровне. Испытуемые не планируют и слабо контролируют процесс запоминания.

4-я группа. Продуктивность функциональных механизмов средняя и слабо развитые операционные механизмы. Запоминание характеризуется

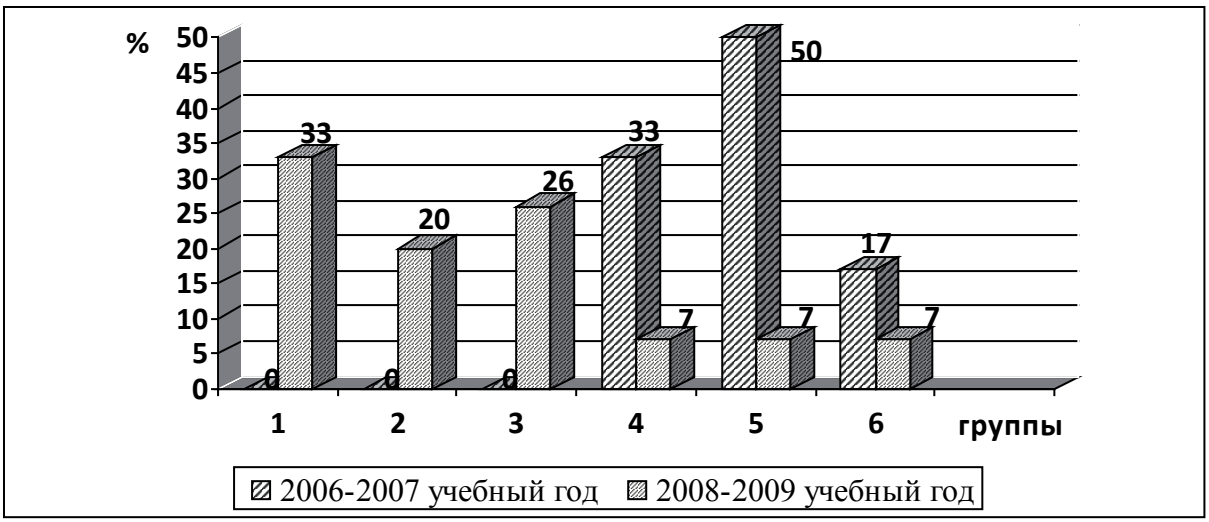

Рис. Динамика развития мнемических способностей младших школьников с ЗПР

Таблица

Продуктивность мнемических способностей школьников 8-12 лет с ЗПР по группам

Испытуемые	*Время запоминания простого невербального материала (среднее, с)*		*% выполнения*		*Оценка результата (продуктивность мнемических способностей)*	
	2006/ 2007 г.	*2008/ 2009 г.*	*2006/ 2007г.*	*2008/ 2009 г.*	*2006/ 2007 г.*	*2008/ 2009 г.*
1-я группа (t зап. 1–5 с.)	нет результата	3	нет результата	33	очень высокая	очень высокая
2-я группа (t зап. 6–10 с.)	нет результата	7	нет результата	20	высокая	высокая
3-я группа (t зап. 12–20 с.)	нет результата	18	нет результата	26	выше среднего	выше среднего
4-я группа (t зап. 22–30 с.)	25	26	33	7	средняя	средняя
5-я группа (t зап. 33–45 с.)	41	45	50	7	ниже среднего	ниже среднего
6-я группа (t зап. 48–60 с.)	53	51	17	7	низкая	низкая

развернутостью. Рефлексия развита слабо. Информация скорее механически запоминается, нежели обрабатывается.

5-я группа. Продуктивность функциональных механизмов ниже среднего, операционные механизмы не развиты, отсутствуют регулирующие механизмы. Результат зависит от внимательности и сосредоточенности в момент испытания.

6-я группа. Уровень продуктивности функциональных механизмов низкий. Результат достигнут благодаря механическому запоминанию с помощью повторений. Целенаправленная, осознанная обработка запоминаемого материала отсутствует.

У большинства (93%) испытуемых за прошедшие 2 года между исследованиями наблюдается динамика развития (см. рис.). Нет динамики у 1-го испытуемого (7%), уровень продуктивности мнемических способностей остался на прежнем низком уровне. Но при этом выполнил задание № 3 (карточку № 3) за 16 секунд. Срисовать в обоих случаях стимульный материал не смог.

При дальнейшем анализе результатов запоминания испытуемыми карточки № 2 были обнаружены выраженные различия в качестве срисовывания уже запомненного материала. Выявлен эффект неспособности правильно срисовать невербальный бессмысленный материал после его правильного запоминания и воспроизведения [10]. В первом исследовании он проявился у 92%, во втором у 75% испытуемых.

В лонгитюдном исследовании использовался один и тот же стимульный материал (карточка № 2), поэтому мы получили возможность определить коэффициент корреляции между показателями времени запоминания одного стимула у одних и тех же испытуемых в двух исследованиях, проведенных с интервалом в 2 года.

Согласно результатам математико-статистической обработки (r-ранговая корреляция по Спирмену) выявлена корреляционная связь между показателями времени запоминания простого невербального материала (карточка № 2) с интервалом исследования в 2 года. Для данного объема выборки минимальное критическое значение r составляет 0,58 (при $p \leq 0,05$). Иначе говоря, абсолютное значение полученного результата (0,6) находится на статистически значимом среднем уровне, корреляционная связь является положительной и не случайной. Следовательно, в запоминании стимула в двух исследованиях задействованы одни и те же механизмы мнемических способностей: запоминание опирается преимущественно на функциональные и формирующиеся операционные механизмы.

С целью оценки достоверности сдвига значений времени запоминания стимульного материала мы использовали *t*-критерий Стьюдента для зависимых выборок. По результатам двух исследований, осуществленных с интервалом в 2 года, выявлено статистически значимое различие, которое составляет 2,76 при $p \leq 0,05$. То есть сдвиг значений между показателями времени запоминания карточки № 2 в первом и во втором исследованиях достоверен, результаты испытуемых за два года обучения значимо изменились.

В результате проведенного лонгитюдного исследования можно говорить, что структура мнемических способностей детей 8–12 лет с ЗПР отличается специфичностью: почти отсутствуют операционные механизмы (способы обработки материала), регулирующие механизмы (способы управления процессом запоминания). При этом часть детей отличается определенной недоразвитостью перцептивных и аттенционных способностей. В структуре мнемических способностей детей 8–12 лет с задержкой психического развития преобладают функциональные механизмы. Их мнемические способности находятся на переходном этапе (от первого ко второму) развития мнемических способностей.

Мы полагаем, что операционные механизмы мнемических способностей младших школьников с ЗПР в начале лонгитюдного исследования (8–9 лет) находились на ранних стадиях своего формирования и ко второму этапу эксперимента (10–12 лет) перешли на более высокую фазу своего развития и тем самым создали условия для эффективного развития мнемических способностей у большинства (93%) испытуемых. Можно сделать предположение, что эффективность запоминания с опорой на функциональные и операционные механизмы мнемических способностей, отмеченная на заключительном этапе исследования по времени запоминания карточки № 2, повысилась в результате коррекционно-развивающего обучения.

Полученные нами результаты исследования мнемических способностей детей с ЗПР предполагают возможность развития и коррекции их памяти. Эффект неспособности срисовать детьми 7–12 лет невербальный бессмысленный материал после его запоминания и правильного воспроизведения нуждается в системном обосновании с применением не только психологических, но и нейропсихологических и нейрофизиологических методов исследования.

Список использованной литературы

1. Черемошкина Л. В. Психология памяти. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 297.

2. Микадзе Ю. В., Корсакова Н. К. Нейропсихологическая диагностика и коррекция младших школьников в связи с неуспеваемостью в школе. М: Знание, 1994.

3. Лубовский В. И. Специальная психология. М: Академия, 2007.

4. Лебединская К. С. Клинические варианты задержки психического развития // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. М., 1980; Манелис Н. Г. Хрестоматия по нейропсихологии / под ред. Е. Д. Хомской. М: Институт общегуманитарных исследований, 2004; Марковская И. Ф. Задержка психического развития: клиническая и нейропсихологическая диагностика. М., 1993.

5. Мамайчук И. И., Ильина М. Н. Помощь психолога ребенку с задержкой психического развития. СПб.: Речь, 2004.

6. Ананьев Б. Г. Психология чувственного познания. М., 1960.

7. Шадриков В. Д., Черемошкина Л. В. Мнемические способности: развитие и диагностика. М.: Педагогика,1990.

8. Черемошкина Л. В. Указ. соч.

9. Мурафа С. В. Мнемические способности детей 7–11 лет с ЗПР // Психологические исследования интеллекта и творчества: материалы науч. конф., посв. памяти Я. А. Пономарева и В. Н. Дружинина. М: ИП РАН, 2010. С. 182–184; Ее же. Эффективность мнемических способностей детей 7–11 лет с ЗПР // Психология индивидуальности: материалы III Всероссийской научной конференции. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. С. 64–65; Ее же. Продуктивность развития мнемических способностей младших школьников 7–12 лет с ЗПР // Психология XXI века: материалы VI Межд. науч.-практ. конф. молодых ученых, ЛГУ. СПб: Айсинг, 2010. Ч. 2. С. 208–213.

10. Черемошкина Л. В., Мурафа С. В. Эффект неспособности срисовать ранее запомненный материал детьми с ЗПР // Pedagogical and Psychological issues in Education – 2010. Lithuania: Scientia Educologica, 2010. V. 25. С. 162–173.

УДК 159.96

В статье обсуждается роль и место рефлексивных механизмов в процессе переживания кризиса профессионального развития. На основе результатов феноменологического и эмпирического исследований обосновывается положение о том, что направленность рефлексии является косвенным критерием диагностики кризисных переживаний.

Ключевые слова: нормативный кризис личности; кризис профессионального развития; направленность рефлексии.

The article discusses the role and place of reflexive mechanisms in the experiences of the crisis of professional development. On the basis of the phenomenological and empirical research substantiates the proposition that the focus of reflection is an indirect criterion of crisis experiences diagnostics.

Key words: normative personality crisis; crisis of professional development; orientation of reflection.

О. Н. Саковская

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: orisona@gmail.com

Направленность рефлексии в кризисе профессионального развития

Научная статья

O. N. Sakovskaya

P. G. Demidov Yaroslavl State University
E-mail: orisona@gmail.com

Direction of Reflection in the Crisis of Professional Development

Scientific article

Для многих людей взрослые периоды жизни – это периоды максимальной самореализации в профессиональной и трудовой деятельности. Если сравнивать периодизации различных авторов, анализирующих взрослые периоды жизни человека, то главным критерием перехода от одной стадии к другой выступает готовность человека переосмысливать свою жизнь и профессиональную деятельность, связанную с перестройкой системы ценностей. Именно поэтому изменения в профессиональной жизни нередко сопровождаются кризисными переживаниями.

Основываясь на концепции профессионального становления личности, кризисы можно определить как резкие изменения вектора ее профессионального развития. Непродолжительные по времени, они наиболее ярко проявляются при переходе от одной стадии профессионального становления к другой. Кризисы протекают, как правило, без ярко выраженных изменений профессионального поведения. Однако происходящая перестройка смысловых структур профессионального сознания, переориентация на новые цели, коррекция и ревизия социально-профессиональной позиции подготавливают смену способов выполнения деятельности, ведут к изменению взаимоотношений с окружающими людьми, а в отдельных случаях – к смене профессии.

В качестве факторов, порождающих профессиональные кризисы, могут выступать [1]:

- социально-экономические условия жизнедеятельности человека: ликвидация предприятия, сокращение рабочих мест, неудовлетворительная зарплата, переезд на новое местожительство,
- возрастные психофизиологические изменения: ухудшение здоровья, снижение работоспособности, ослабление психических процессов, профессиональная усталость, интеллектуальная беспомощность, синдром «эмоционального сгорания»,
- вступление в новую должность, участие в конкурсах на замещение вакантной должности, аттестации и тарификации специалистов.

Кризисные явления нередко сопровождаются нечетким осознанием недостаточного уровня своей компетентности и профессиональной беспомощностью. Иногда наблюдаются кризисные явления при уровне профессиональной компетентности, более высоком, чем требуется для выполнения нормативной работы. Как следствие, возникает состояние профессиональной апатии и пассивности.

Все чаще исследователями подчеркивается, что в кризисные периоды жизни личности активизиру-

© Саковская О. Н., 2011

ется рефлексия [2], которая является предпосылкой для целенаправленного изменения себя и перехода на новый, более высокий, уровень развития. Данные факты подчеркивают актуальность исследования рефлексивных механизмов переживания кризиса. Поскольку рефлексивность рассматривается как базовый регулятивный компонент психики [3], то есть основания предполагать, что направленность рефлексии в кризисе профессионального развития будет отражать характер течения переживаний и, следовательно, меняться.

Данные факты обусловили специфику нашего исследования, а именно изучение динамики направленности рефлексии в кризисе профессионального развития. Таким образом, **объектом** нашего исследования стал кризис профессионального развития, **предметом** – направленность рефлексии в кризисе профессионального развития. **Гипотеза** исследования – существует специфика направленности рефлексии в кризисе профессионального развития.

Для проверки выдвинутой гипотезы были проведены следующие диагностические методики:

1. Методика оценки уровня рефлексивности личности А. В. Карпова, В. В. Пономаревой.

2. Методика уровня выраженности и направленности рефлексии М. Гранта.

3. Структурированное интервью, которое составлялось с учётом признаков, характерных для профессионального кризиса.

В исследовании приняли участие 140 человек: 66 мужчин и 74 женщины, работники различных профессий.

Исследование проходило в несколько этапов:

1. Формирование выборки по критерию «общий уровень рефлексивности». В дальнейшей части исследования принимали участие респонденты со средним уровнем рефлексивности, т. к. на среднем уровне рефлексивности актуализируется максимальное количество адаптивных стратегий [4];

2. С участниками исследования проводилось структурированное интервью, для предварительной диагностики наличия кризисных переживаний. По результатам интервью выделились две подгруппы: люди «в кризисе» и люди «не в кризисе»;

3. На третьем этапе определялась ведущая направленность рефлекии внутри каждой подгруппы респондентов. Для вычисления значимости различий в показателях направленности рефлексии в профессиональном кризисе и в отсутствие кризисных переживаний использовался U-критерий Манна Уитни.

Рассмотрим результаты исследования.

Анализ данных феноменологического интервью позволил установить, что люди, переживающие кризис карьеры, не удовлетворены той должностью, которую они занимают. У них существуют другие представления о желаемой должности. Также на кризис профессиональной карьеры может накладываться кризис «середины жизни», когда человек начинает переоценивать свой прошлый опыт, понимая, что многие возможности уже упущены и многое нельзя вернуть назад. Респонденты указывали на то, что не достигли в профессиональной сфере тех целей, которые ставили перед собой ранее. Данное несоответствие между тем, что хотелось достичь и что реально достигнуто, может привести к возникновению кризисного состояния. Люди, переживающие кризис профессионального развития, отмечают, что не удовлетворены своим социально-профессиональным статусом; указывают на плохое физическое самочувствие; испытывают депрессию из-за неудовлетворённости сложившейся ситуацией. На фоне этого возникают внутренние противоречия, в результате чего человек теряет смысл в своем дальнейшем профессиональном развитим. В период проживания профессионального кризиса у него происходит изменение направленности профессиональных ценностей.

При сравнении выраженности направленности рефлексии у обеих групп респондентов были получены следующие результаты. Различия между уровнем выраженности рефлексии будущей деятельности у людей, находящихся в профессиональном кризисе и не находящихся в нём, лежат в зоне значимости, где $U_{кр.} = 48$, на уровне вероятности ($p < 0{,}01$). Уровень выраженности рефлексии будущей деятельности уменьшается в кризисе профессионального развития. Это объясняется тем, что человек, не переживающий кризис, может быть ориентирован на будущее, строить планы, видеть дальнейшие перспективы своей профессиональной деятельности, а кризис – это некоторая стагнация профессионального развития, остановка, когда человек перестаёт видеть смысл того, что он делает, начинает погружаться в прошлое. В этот период он рассматривает предпосылки, мотивы, причины происходившего, прошедшие этапы и результаты, возможные ошибки, начинает задумываться над тем, действительно ли он занимается делом всей своей жизни.

Данные доводы подтверждаются и значимыми различиями в выраженности ретроспективной направленности. Различия между уровнем ретро-

спективной направленности рефлексии у людей, находящихся в кризисе профессионального развития и не проживающих данный кризис, находятся в зоне высокой значимости, где Uкр. = 27,5, на уровне значимости ($p < 0,001$). Сдвиг в сторону ретроспективной направленности рефлексии в кризисе профессиональной карьеры проявляется через анализ прошедших событий, разворачивается стратегия актуализации фрагментов прошлого опыта и их оценка с точки зрения возможности использования в актуальной ситуации. Люди начинают искать в прошлом причины наступления кризиса, однако это не приносит желаемых результатов, состояние ухудшается. В результате математической обработки различия по шкале саморефлексии у людей, находящихся в кризисе профессионального роста и не находящихся в нём, попали в область неопределённости, т. е. значимы на уровне тенденции, где Uкр. = 70 (чем меньше значение U, тем достоверность различий выше), на уровне значимости ($p < 0,05$). У группы людей, не находящихся в профессиональном кризисе, уровень выраженности саморефлексии ниже, чем у людей, находящихся в данном кризисе.

Увеличение выраженности саморефлексии в период переживания кризиса профессионального роста связано с тем, что человек пытается анализировать свои поступки, профессиональную деятельность, становится более замкнутым для окружающих, пытается понять, что сам может сделать для того, чтобы его карьера стала успешной.

Было обнаружено, что в кризисе профессионального развития наблюдается значимое понижение выраженности рефлексии будущей деятельности. Когда человек не переживает кризис, он ориентирован на будущее, строит планы, видит дальнейшие перспективы своей профессиональной деятельности.

В ходе проведения корреляционного анализа было установлено, что в профессиональном кризисе наблюдается появление большего количества корреляционных взаимосвязей между различными формами рефлексии, чем в некризисный период. Подтвердилась гипотеза об изменении направленности рефлексии внутри и вне проживания кризиса профессионального развития, а именно на этапе кризиса рефлексия направлена в настоящее, а направленность рефлексии в будущее резко уменьшается по сравнению с некризисным состоянием, уровень выраженности рефлексии будущей деятельности на этапе кризиса понижается. В проведённых нами ранее исследованиях [5] было выявлено, что направленность рефлексии в личностном кризисе и кризисе первой беременности также изменяется, поэтому диагностика направленности рефлексии может служить косвенным средством диагностики субъективно трудных жизненных ситуаций.

Список использованной литературы

1. Ниемеля П. Развитие и нормальные кризисы взрослого человека // Психология развития: хрестоматия / под ред. А. К. Болотовой и О. Н. Молчановой. М.: ЧеРо, 2005. С. 420–426.

2. Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология метакогнитивных процессов личности. М.: ИП РАН, 2005. 352 с.

3. Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология рефлексии. М.: ИП РАН, 2002. 348 с.

4. Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология метакогнитивных процессов личности.

5. Саковская О. Н. Направленность рефлексии в кризисе первой беременности // Вестник ЯрГУ. Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 99–102.

УДК 159. 953. 3.

Представлены результаты исследования воспроизведения учебного материала школьниками 12 лет с различным уровнем развития мнемических способностей. Целью исследования явилось изучение воспроизведения учебного материала в зависимости от мнемических способностей школьников. Показано, что эффективность непосредственного и отсроченного воспроизведения учебного материала является следствием системного взаимодействия функциональных, операционных и регулирующих механизмов, обусловливающих уровень развития мнемических способностей.

Ключевые слова: запоминание; воспроизведение; мнемические способности; функциональные механизмы; операционные механизмы; регулирующие механизмы.

The results of the research on reproduction of the educational material by 12-year old schoolchildren of with different levels of the development of the mnemonic abilities are produced in the article. The aim of the research was to study reproduction of the educational material by schoolchildren depending on their mnemonic abilities. It is shown that the efficiency of the direct and deferred reproduction of the educational material is a consequence of a system interaction of functional, operational and regulating mechanisms thus specifying a level of mnemonic abilities development.

Key words: storing; reproduction; mnemonic abilities; functional mechanisms; operational mechanisms; regulating mechanisms.

Т. Н. Осинина

Московский государственный областной гуманитарный институт
E-mail: tatyanaosinina@yandex.ru

О запоминании и воспроизведении учебного материала

Научная статья

T. N. Osinina

Moscow State Regional Institute of Humanities
E-mail: tatyanaosinina@yandex.ru

On Storing and Reproducing Educational Material

Scientific article

Проблема изучения эффективности воспроизведения учебного материала школьниками с различным уровнем развития мнемических способностей имеет особую значимость для организации учебной деятельности и для оказания своевременной психологической помощи слабоуспевающим школьникам. Большинство экспериментальных исследований процесса воспроизведения были осуществлены не на учебном материале и, вследствие этого, проблема обусловленности воспроизведения учебного материала в зависимости от мнемических способностей ученика не была раскрыта [1]. Представления о мнемических способностях как системе разноуровневых механизмов [2] дают возможность приблизиться к объяснению причин различной успешности воспроизведения учебного материала. Необходимо отметить принципиальную значимость участия в процессе воспроизведения индивидуальной меры выраженности разноуровневых составляющих мнемической деятельности – функциональных, операционных и регулирующих механизмов.

© Осинина Т. Н., 2011

Цель представленного исследования – изучение процесса воспроизведения учебного материала школьниками с различным уровнем развития мнемических способностей. Объект исследования – мнемическая деятельность школьников 12 лет. Предмет исследования – процесс воспроизведения учебного материала школьниками 12 лет с различным уровнем развития мнемических способностей. Исследование проводилось на базе шестых классов общеобразовательных школ города Орехово-Зуево Московской области. Объём выборки составил 64 школьника 12 лет.

Исследование осуществлялось в несколько этапов: 1. Диагностика мнемических способностей; 2. Запоминание и непосредственное воспроизведение текста; 3. Воспроизведение текста спустя сутки; 4. Воспроизведение текста спустя неделю; 5. Воспроизведение текста спустя год.

Изучение мнемических способностей школьников осуществлялось с использованием методики диагностики мнемических способностей Л. В. Черемошкиной [3]. В основу данной методики

положен метод развертывания мнемической деятельности [4]. Для диагностики мнемических способностей школьников 12 лет мы использовали две фигуры из предлагаемого в методике набора – 2 и 3. Кроме того, данная методика предполагает опрос испытуемого [5]. Использовались следующие показатели: продуктивность запоминания с опорой на функциональные механизмы; эффективность запоминания благодаря функциональным и операционным механизмам; уровень развития регулирующих механизмов; уровень обработки материала; уровень развития мнемических способностей.

В качестве экспериментального материала для исследования воспроизведения учебного текста использовался отрывок из учебника по биологии для 6-х классов общеобразовательных учреждений [6]. Выбранный нами текст дает возможность исследовать как функциональную и операционную, так и регулирующую стороны памяти. На данном этапе подготовки экспериментального исследования использовался прием выделения смысловых единиц содержания текста. Под смысловыми единицами понимаются слова (понятия, термины и т. п.) и словосочетания с наибольшей смысловой нагрузкой. При определении необходимого количества составляющих экспериментальный материал смысловых единиц мы опирались на закономерности функционирования памяти, в частности на показатель объема кратковременной памяти: 7 ± 2 единицы [7]. Текст «Семейство паслёновые» включает 8 смысловых единиц, 27 предложений, 268 слов. Подсчитывались следующие показатели: количество правильно воспроизведенных смысловых единиц, предложений, слов; количество искажений; количество и характер привнесений в оригинал. Время воспроизведения не ограничивалось, текст предъявлялся один раз. Полученные данные обрабатывались с помощью статистических методов.

Распределение выборки испытуемых по уровням развития мнемических способностей показало, что у 21,88% школьников, находящихся на первом уровне развития, процесс запоминания совершается с опорой на функциональные механизмы, так как операционные механизмы еще не появились. Для большинства школьников (48,44%) характерен второй уровень развития. Главная особенность этого уровня – появление в структуре памяти операционных механизмов. 29,69% школьников имеют третий уровень развития мнемических способностей, сущность которого заключается в появлении внутреннего контроля процесса запоминания (регулирующих механизмов).

Для школьников с низким уровнем развития мнемических способностей характерно проявление операционных механизмов перцептивного уровня. Испытуемые данной группы отталкиваются только от особенностей материала. Следует отметить отсутствие явной обработки, хотя некоторые перцептивные признаки материала учащимися были отмечены. Таким образом, результат достигается за счет функциональных механизмов при наличии перцептивной обработки, большей частью неосознаваемой. Распределение результатов непосредственного и отсроченных воспроизведений текста школьниками с низким уровнем развития мнемических способностей представлено в табл. 1.

У школьников с низким уровнем развития мнемических способностей значение среднего, при воспроизведении спустя неделю увеличивается по следующим показателям: количество воспроизве-

Таблица 1

Эффективность воспроизведения учебного материала школьниками с низким уровнем развития мнемических способностей

Показатели	*Воспроизведение*							
	непосредственное		*спустя сутки*		*спустя неделю*		*спустя год*	
	M	σ	M	σ	M	σ	M	σ
КВСЕ	2,43	1,55	2,36	1,55	2,57	1,4	1,46	0,66
КВП	4,86	3,44	4,86	3,53	5,36	3,77	3,23	3,44
КВС	33,71	25,49	34,29	28,53	33,86	27,32	22	19,51
КП	0,21	1,37	0,79	2,39	1,07	2,43	1,38	2,1
КИ	1,79	1,67	1,93	1,49	2	1,52	0,93	0,66

Примечание: M – среднее значение, σ – стандартное отклонение, КВСЕ – количество воспроизведенных смысловых единиц, КВП – количество воспроизведенных предложений, КВС – количество воспроизведенных слов, КП – количество привнесений, КИ – количество искажений.

денных смысловых единиц, предложений, привнесений, искажений. Значение среднего по количеству слов возрастает при воспроизведении спустя сутки, а спустя неделю уменьшается. Следует отметить, что у испытуемых с плохо развитыми операционными механизмами существенных различий по всем показателям непосредственного и отсроченного спустя сутки и спустя неделю воспроизведения не выявлено. Этот факт подтверждает отсутствие способов обработки материала, совершающихся на образном или мыслительном уровнях. При воспроизведении спустя год среднее значение по всем показателям (кроме количества привнесений) значительно уменьшается. Значение среднего по количеству привнесений возрастает, что может быть связано с наличием у школьников установки на полноту воспроизведения ($t = 2,61$; $p < 0.03$).

У школьников с высоким уровнем развития мнемических способностей наряду с операционными механизмами перцептивного и образного уровней наблюдается тенденция к появлению операционных механизмов мыслительного уровня. При мыслительной обработке ощутима концентрация внимания на запоминании материала, заметно влияние желания запомнить. В самоотчетах испытуемых данной группы прослеживаются ориентировочные, контролирующие, планирующие принятия решений действия. Распределение результатов воспроизведений текста школьниками с высоким уровнем развития мнемических способностей представлено в табл. 2.

У школьников с высоким уровнем мнемических способностей среднее значение по количеству воспроизведенных смысловых единиц, предложений, слов, количеству искажений достигает максимума спустя сутки. По показателю привнесений значение среднего постепенно увеличивается. У данных учащихся различия по количеству воспроизведенных смысловых единиц спустя сутки и спустя неделю статистически значимы ($t = 2,8$; $p < 0.01$). Различия по количеству искажений спустя сутки и спустя год статистически значимы ($t = 2,17$; $p < 0.05$). Различия по количеству привнесений при непосредственном воспроизведении и спустя год статистически значимы ($t = 2,37$; $p < 0.05$).

Выявленные различия по показателям непосредственного и отсроченного воспроизведений у школьников с различным уровнем развития мнемических способностей свидетельствуют о его влиянии на эффективность воспроизведения материала. Школьники с первым уровнем развития, не владеющие способами обработки запоминаемого материала и опирающиеся на функциональные механизмы мнемических способностей, воспроизводят лишь незначительную его часть. С появлением в структуре памяти операционных механизмов процесс запоминания принципиально меняется. Чем выше уровень развития операционных механизмов, тем выше вероятность долговременного запоминания и правильного воспроизведения учебного материала. Воспроизведения испытуемых с перцептивным уровнем обработки характеризуются объединением смысловых единиц текста, заменами слов, искажениями, опусканием деталей. Активная мыслительная переработка информации, предопределенная развитой операционной стороной памяти, и появление регулирующих механизмов меняют характер сохранения учебного материала, повышая показатели как непосредственного, так и отсроченного воспроизведений. Для школьников с мыслительной обра-

Таблица 2

Эффективность воспроизведения учебного материала школьниками с высоким уровнем развития мнемических способностей

Показатели	*Воспроизведение*							
	непосредственное		*спустя сутки*		*спустя неделю*		*спустя неделю*	
	M	σ	M	σ	M	σ	M	σ
КВСЕ	3,21	1,27	3,47	1,58	2,74	1,33	1,81	0,83
КВП	5,58	2,06	5,63	2,48	4,74	2,9	3,63	1,78
КВС	36,84	15,94	40,37	19,67	32,58	23,14	27,69	15,93
КП	0,79	1,23	0,84	0,83	1,11	1,88	1,56	1,41
КИ	1,32	0,95	1,79	1,27	1,42	1,5	0,68	0,87

Примечание: M – среднее значение, σ – стандартное отклонение, КВСЕ – количество воспроизведенных смысловых единиц, КВП – количество воспроизведенных предложений, КВС – количество воспроизведенных слов, КП – количество привнесений, КИ – количество искажений.

боткой характерно точное изложение материала на основе его анализа и конкретизации.

Таким образом, эффективность непосредственного и отсроченного воспроизведения учебного материала является следствием системного взаимодействия функциональных, операционных и регулирующих механизмов, обусловливающих уровень развития мнемических способностей [8].

Школьники, не владеющие способами обработки запоминаемого материала и опирающиеся на функциональные механизмы, как правило, воспроизводят лишь незначительную его часть. С появлением в структуре памяти операционных механизмов процесс запоминания принципиально меняется. Чем выше уровень развития операционных механизмов, тем выше вероятность долговременного запоминания и правильного воспроизведения учебного материала. Наличие в структуре мнемических способностей регулирующих механизмов повышает эффективность как непосредственного, так и отсроченного воспроизведения учебного материала.

Список использованной литературы

1. Междисциплинарные исследования памяти / под ред. А. Л. Журавлева и Н. Н. Корж. М.: ИП РАН, 2009. 283 с.; Флорес Ц. Память // Экспериментальная психология. М., 1973. Вып. 4. 340 с.

2. Черемошкина Л. В. Психология памяти. М., 2009. 318 с.

3. Там же. С. 297.

4. Шадриков В. Д., Черемошкина Л. В. Мнемические способности: Развитие и диагностика. М., 1990. С. 80.

5. Черемошкина Л. В. Психология памяти. С. 300.

6. Пасечник В. В. Биология. Бактерии, грибы, растения, 6 класс: учебник для общеобраз. учреждений. 8-е изд., стереотип. М., 2005. 304 с.

7. Миллер Дж. А. Магическое число семь плюс или минус два // Психология памяти / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М., 1998. 272 с.

9. Черемошкина Л. В., Осинина Т. Н. Мнемические способности школьников и успешность воспроизведения ими учебного материала // Психология учебной деятельности и готовности к обучению: сб. науч. ст. / под ред. Н. В. Нижегородцевой. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. С. 137.

УДК 159.9.072

В статье представлены результаты 2-летнего исследования, посвященного изучению субъективных представлений о своем возрасте и его оценок у детей при переходе от дошкольного к младшему школьному возрасту. Представлена разработанная автором методика «Возрастная линейка» для изучения адекватности оценок детьми своего возраста. Данные, полученные в ходе исследования, указывают на существенную связь представлений о возрасте с интеллектуальным уровнем развития и полом детей.

Ключевые слова: дети 6–8 лет; «Возрастная линейка»; представления о своем возрасте; оценка своего возраста.

This article describes results of the two year research of the subjective idea of one's own age and it's estimation for children while moving from preschool age to primary school age. The work also describes the new method «Age Line» developed by the author for studying the adequacy of children's estimation of own age. Data received in the research shows the important relations between children's idea of their own age and intellectual level and gender.

Key words: 6–8 years children; «Age Line»; idea of own age; estimation of own age.

А. М. Нилопец

Московский городской психолого-педагогический университет
E-mail: nilopec_anna@mail.ru

Исследование представлений о своем возрасте у детей 6–8 лет

Научная статья

A. M. Nilopets

Moscow State University of Psychology and Education
E-mail: nilopec_anna@mail.ru

Research on the Idea of One's Own Age for 6–8 Year Old Children

Scientific article

В последние десятилетия в обществе происходят кардинальные изменения, затрагивающие основы социально-политического строя, уклада жизни, системы образования, семьи. Они сказываются и на социальной ситуации развития детей, особенно современных первоклассников, которые наиболее подвержены различным социальным рискам. В настоящее время стираются внешние границы между дошкольным и школьным детством, сокращается время, отводимое на детскую игру; в первый класс приходят дети разного возраста (от 6 до 8 лет) и с разным уровнем готовности к школе.

Существенные сдвиги в социальной ситуации развития современных первоклассников сказываются на их субъективном восприятии себя как взрослеющих и изменяющихся, на их восприятии и представлениях о своем возрасте относительно более младших и более старших – детей и взрослых. В этот период происходит усвоение ребенком новых социальных ролей и норм, успешность принятия которых во многом зависит от адекватности восприятия ребенком своего возраста. Если первоклассник говорит о себе: «я еще маленький», то у него могут возникнуть существенные трудности в адаптационный период и это может привести к формированию негативного отношения к школе и спровоцировать «застревание» и регрессию к более ранним этапам развития.

В последнее время проблема психологического возраста все чаще привлекает внимание исследователей. Однако большинство работ проводится с контингентом людей, у которых понятие возраста достаточно сформировано и осознано (взрослый, юношеский, подростковый возраст) (Е. И. Головаха, А. А. Кроник, Ж. Ньюттен, К. А. Абульханова-Славская, Т. Н. Березина и др.). Дошкольники и младшие школьники реже попадают в фокус внимания исследователей, что можно объяснить их более короткой историей жизни; они мало что могут рассказать об особенностях разных возрастных периодов.

Проведенный критический анализ существующих в психологии методов изучения восприятия детьми своего возраста показал, что в исследованиях, как правило, применялись 2 типа методик. К первому типу относятся проективные методики: рисуночные пробы «Этапы жизни человека», «Мое прошлое, настоящее и будущее» Т. В. Ермоло-

© Нилопец А. М., 2011

вой, И. С. Комогорцевой [1], «5 автопортретов» Н. Н. Толстых, О. В. Беловой [2] и т. д. Ко второму – простые измерительные шкалы: выявление предпочитаемого возраста Б. Заззо, методика «Золотой возраст» А. М. Прихожан [3].

Предварительное исследование показало, что простые шкалы, в которых используются оценки возраста, получаемые при измерении в сантиметрах расстояния от левого края шкалы до отметки, сделанной ребенком, неинформативны. Получаемые абсолютные показатели значимо не различались в разных возрастных подгруппах и у детей с разными уровнями развития интеллектуальной сферы, а также при повторных измерениях.

Исходя из этого, шкальная методика была нами модифицирована и получила название «Возрастная линейка».

Стимульный материал: горизонтальная линия длиною в 10 см, с одного края надпись «Ребенок», с другого – «Взрослый» (см. рис.).

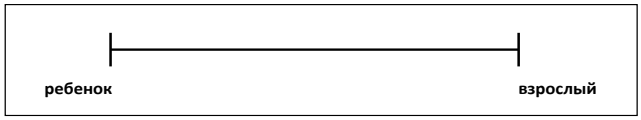

Рис. Бланк методики «Возрастная линейка»

Ребенка просят представить, что это – «очередь», в начале которой (указание на левый край шкалы) стоят маленькие дети, за ними ребята чуть постарше, затем еще старше и т. д. А заканчивается она (указание на правый край шкалы) – взрослыми людьми. Предлагается отметить, где в этой «очереди» стоит он сам.

Понятие «очередь» использовалось для того, чтобы детям было легче принять задание, поскольку многие затрудняются поставить отметку на абстрактной возрастной шкале. В завершении процедуры детей спрашивают о возрасте ребенка и взрослого по краям шкалы.

Обработка результатов заключалась в вычислении «условного возраста», который отражает оценку на субъективной возрастной шкале, границы которой заданы самим ребенком через указание им возраста абстрактного ребенка и взрослого. Условный возраст (УВ) вычислялся по формуле:

УВ = возраст ребенка + *(возраст* взрослого – возраст ребенка) * *на* отметку *на шкале / 10*

Например, если возраст взрослого указан 26 лет, возраст ребенка 1 год, а отметка своего возраста отстоит от левого края шкалы на 2,5 см, то УВ равен 1+ (26-1)*2,5/ 10 = 7,25 (лет).

Дополнительно проводилось исследование интеллектуального развития детей. Использовались обобщенные результаты стандартных методик психологической диагностики развития высших психических функций («4 лишний», «Прогрессивные матрицы» Равена, «Лабиринт» Векслера, корректурные пробы). А также учитывались экспертные оценки, которые давали классные руководители на основе успеваемости детей по школьным предметам и опыта общения с детьми на уроках и во внеурочное время. Вычислялся интегральный показатель уровня развития, и дети распределялись на 3 группы: с высоким, средним и низким развитием интеллектуальной сферы.

Исследование проводилось на базе ГОУ СОШ № 751 г. Москвы в течение 2 лет (2007–2009 гг.) и в нем приняли участие 105 детей в возрасте от 6 до 8 лет, среди них 51 мальчик и 54 девочки. С интервалом в год 53 ребенка из разных возрастных групп были протестированы повторно. Обработка и анализ полученных данных проводился при помощи статистического пакета SPSS.

В ходе исследования не было выявлено значимых различий средних значений условного возраста у детей разных возрастных групп. Отметим, что у третьеклассников наблюдается завышение оценок своего возраста. В каждой возрастной группе были выявлены дети, которые сильно занижают или завышают оценку своего возраста по сравнению со средними значениями.

Анализ повторных измерений показывает, что у детей за год значимо увеличились условные оценки своего возраста ($t = -3,2$; $p < 0,01$). В 2008 г. среднее значение условного возраста равнялось 7 годам, а в 2009 – 11,9 годам. Следовательно, с одной стороны, дети ощущают свое взросление, с другой стороны, используемая методика позволяет зафиксировать это изменение и является пригодной для повторных измерений.

В ходе исследования была выявлена связь оценок условного возраста с интеллектуальным развитием детей (табл. 1).

Различия средних значений статистически достоверны ($F = 2,9$; $p < 0,05$). Поскольку в основе выставления оценки в используемых методиках лежит достаточно сложный набор интеллектуальных операций (представление возрастных границ диапазона, соотнесение себя с ними), то дети с более высоким уровнем развития точнее дают оценку своему возрасту. Оценки собственного возраста у детей с низким уровнем развития заметно

выше хронологического возраста и имеют больший разброс. Соответственно, адекватность оценки возраста может служить индикатором уровня интеллектуального развития.

При изучении оценки своего возраста были выявлены гендерные статистически значимые различия (см. табл. 2).

Из таблицы следует, что вычисляемый возраст у девочек более приближен к хронологическому возрасту, а у мальчиков заметно завышен ($F = 5,6$; $p < 0,01$). Таким образом, девочки точнее ориентируются в возрастных понятиях и оценивают свой возраст. За год у девочек и мальчиков статистически значимо повышаются условные оценки возраста: для девочек $t = –2,5$; $p < 0,01$, для мальчиков $t = –2,1$; $p < 0,05$.

Для изучения особенностей детей, которые не справляются с оценкой своего возраста на шкале, дополнительно был проведен анализ запросов их родителей и учителей на коррекционно-развивающую работу с ребенком в психологической службе ГОУ СОШ № 751 г. Москвы. Сопоставление данных показало, что у тех ребят, которые в конце первого класса и в более старшем возрасте ставят свою отметку на полюс «ребенок», на шкале отмечается инфантилизм, низкий уровень развития произвольности, преобладание игровой мотивации, уровень интеллектуального развития ниже нормы. Дети, которые ставят себя на полюс «взрослый», характеризуются гиперактивностью (87%), низкими показателями развития или неблагоприятными семейными обстоятельствами (гиперопека / гипоопека, матери-одиночки, алкоголизм).

Таким образом, можно утверждать, что в исследовании удалось выявить определенный способ ориентировки ребенка на возрастном континууме. Он заключается в том, что ребенок использует свои собственные представления о границах интервала, в котором выставляется оценка. Можно предположить наличие некоторого индивидуального подвижного фрейма, ограниченного оценками возраста абстрактного ребенка и абстрактного взрослого. Эта рамка с взрослением испытуемых сдвигается вправо по хронологической шкале в сторону более старших возрастов и используется для самооценки возраста. Поскольку это довольно сложный набор действий, то с ним лучше справляются более развитые дети.

Вместе с тем во всех процедурах при оценке детьми собственного возраста следует выяснять границы, на которые ориентируется ребенок, и вычислять условную оценку, не полагаясь при этом на абсолютные показатели.

Список использованной литературы

1. Ермолова Т. В., Комогорцева И. С. Временной аспект образа себя у старших дошкольников // Вопросы психологии. 1995. № 2. С. 47–59.

2. Толстых Н. Н. Хронотоп: культура и онтогенез. Смоленск; М.: Универсум, 2010. 312 с.

3. Прихожан А. М. Психология тревожности. Дошкольный и школьный возраст. СПб: Питер, 2007. 192 с.

Таблица 1

Условные оценки возраста у детей с разным уровнем развития

Уровень интеллектуального развития	*Кол-во человек*	*Среднее значение условного возраста*	*Стд. отклонение*
Ниже среднего	22	18,2	13,0
Средний уровень	61	12,6	9,0
Выше среднего	18	11,6	8,7

Таблица 2

Гендерные различия средних значений условного возраста по методике «Возрастная линейка»

	Кол-во человек	*Среднее значение условного возраста*	*Стд. отклонение*
Мальчики	51	16,1	11,9
Девочки	54	11,4	7,7

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 22.00.04; 22.00.05

В статье приведен краткий обзор и анализ моделей, обладающих потенциалом для социологического исследования коррупции.

Ключевые слова: коррупция; модель; социология коррупции.

The article gives a brief survey and analysis of the models which have potential for sociological studies of corruption.

Key words: corruption; model; sociology of corruption.

О. В. Епархина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: gelaq@mail.ru

Моделирование коррупции: параметры, условия, возможности

Научная статья

O. V. Eparkhina

P. G. Demidov Yaroslavl State University
E-mail: gelaq@mail.ru

Simulation of Corruption: Parameters, Conditions, Potential

Scientific article

В западной научной социологической и экономической литературе в настоящий момент существует большое число математических моделей коррупции, представляющих различные ее аспекты. В основном они относятся к экономическим моделям, поскольку ими воспроизводятся условия рынка коррупционных услуг. В частности, такие модели могут помогать в исследовании внутренней и внешней коррупции, многообразных равновесных коррупционных состояний, циклов коррупции и пр. Экономические модели используются, в том числе, и для социологического анализа, поскольку частично удовлетворяют запросы социологов в описании логики действия субъектов коррупции.

Методологической базой большинства западных исследований коррупции являются классические работы С. Роуз-Аккерман [1], в которых анализируется коррупция при одном бюрократе (исполнителе) и конкурирующих за государственный контракт субъектах (клиентах). С. Роуз-Аккерман рассматривает коррупцию как экономическое поведение в условиях риска, связанного с совершением преступления и возможным наказанием за него. Она анализирует сущность коррупции, причины возникновения, структурные основания ее воспроизводства, способы борьбы с нею, потери и прибыль, возможные в результате коррупции, динамику её развития. Автор не только описывает конкретные случаи коррупции, но и предлагает математические модели, которые до сих пор являются основой для исследования коррупционных проявлений экономистами, правоведами, социологами.

В ранних работах С. Роуз-Аккерман [2] рассматриваются внешние субъекты, стремящиеся подкупить чиновника (монополиста). И тот и другой несут риски наказания за эти действия, и суть модели – просчитать поведение рискующих субъектов в различных ситуациях, в том числе вычислить возможность отказа или выбора варианта коррупционного взаимодействия в этих условиях. Различия условий предполагают, что продукт взяткодателей может быть равноценным (по цене, качеству и пр.) или различаться, равно как и предпочтения «заказчика» могут быть сформированными или несформированными. Кроме того, дополнительными условиями модели являются рыночная специфика страны и система формирования государственного заказа в конкретной стране.

Суть модели состоит в том, что при наличии развитого рынка товар может быть продан другому

© Епархина О. В., 2011

реципиенту (не монополисту) и тогда вероятность коррупции снижается. В противном случае чаще всего используются закрытая схема торгов, в рамках которой возможна продажа товара по меньшей цене или подкуп монополиста. Взятка наиболее вероятна, если предлагаемые товары равноценны. В этом случае будут актуальны следующие параметры: размеры взятки; цена товара; количество товара, необходимое для монополиста; штраф монополиста; нематериальные издержки монополиста; штраф продавца; издержки продавца; нематериальные издержки продавца.

Через них рассчитывается оптимальная величина взятки путем выявления ее допустимых областей для продавца и монополиста. Размеры максимальной взятки, которую фирма готова заплатить, зависят от издержек производства, а также от того, насколько четко определился монополист в своих предпочтениях качества – в последнем случае это повысит активность субъекта по предложению взятки, а монополист выберет субъекта, максимизирующего его прибыль.

Автором также отмечается, что, поскольку фирмы, не выигравшие контракт, могут сообщить властям о взятке, в интересах субъекта-победителя поделиться с конкурентами прибылью от заключения контракта. Таким образом, коррупция предполагает не развитие конкурентных отношений, а установление сговора.

Аналогичная модель М. Бинстока предполагает учет вариации вероятности обнаружения незаконной сделки и вариации размера штрафа. Такого рода модели дают возможность формирования количественных и качественных параметров исследования коррупции. Они позволяют точно установить количественные параметры, которые необходимо исследовать в целях борьбы с коррупцией. К ним относятся: характер издержек участников коррупционной сделки и их величина (величина риска) и нормативная укорененность этих рисков; характер издержек общества, их величина, прогноз последствий коррупции.

Модель помогает сделать и ряд качественных выводов, например о том, что коррупция поощряется или ограничивается системой отношений между государством и частным сектором. Основными путями борьбы с коррупцией в рамках такой модели становятся прозрачные правила игры на рынке госзаказов, создание государственной структуры, которая должна отследить нечетко формулируемый заказ, создание системы наказаний для участников коррупционных сделок, степень тяжести которых зависит от прибыли фирмы, вероятности обнаружения нарушения законов, уровня формализации требований к заказу.

В модели показано также, что потенциальные коррупционеры должны действовать более эффективно, чем те лица, которые максимизируют прибыль в некоррумпированной экономике, чтобы иметь возможность заплатить достаточно высокую взятку. Более того, для победы над конкурентами субъект должен сокращать свои моральные издержки, усиливать политическое влияние, делающее тяжелое наказание маловероятным и уменьшающее одновременно вероятность обнаружения его участия в коррупционной деятельности.

В более поздних работах С. Роуз-Аккерман [3], рассматривая коррупцию как политическую проблему, т. е. проблему рынка в дисфункциональной политической системе, и сокращая собственно математический компонент модели, переходит к описанию четырех основных моделей коррумпированного рынка: клептократии (это единственная модель, в которой коррупция сконцентрирована на самом верху государственной пирамиды; в иных моделях взятки концентрируются на низовых ступенях чиновничества), двусторонней монополии, мафиозного государства и конкурентного взяточничества (см. табл.).

Кроме того, в той же работе С. Роуз-Аккерман указывает и на культурный аспект проблемы (культура дарения в примитивных обществах), и на экономический (взятка как экономический стимул для бюрократа, как способ снижения издержек). Не

Таблица

Типы коррумпированных государственных систем (по С. Роуз-Аккерман) [4]

Получатели взяток	*Многочисленные взяткодатели*	*Немногочисленные взяткодатели*
Высшие эшелоны власти	Клептократия: государство-вымогатель; слабое государство	Двусторонняя монополия
Низшие эшелоны власти	Конкурентное взяточничество с потенциалом спиралевидного роста	Мафиозное государство

вводя соответствующих параметров в модель, она, однако, приходит к выводу, что реформы, резко изменяющее систему стимулов (т. е. снижающие выгоды и повышающие издержки злоупотреблений), способны снизить коррупцию до приемлемых масштабов [5]. К ним относят сокращение государственных программ, приватизацию, административные реформы, реорганизацию системы госзаказа и антикоррупционное законодательство.

Менее известны, но также часто используются в практике научных исследований модели П. Чендера и Л. Уайльда, Т. Бесли и Д. МакЛарена, Д. Акемолгу и Т. Вердье, К. Блисса и Р. Д. Телла, Д. Д. Лаена, Ф. Т. Луи, Д. Мукхерьи, А. Ламберт-Могилански. Остановимся на наиболее востребованных работах последних лет.

Для большинства указанных работ характерно использование классической для западных исследований модели principal – agent – model, которая позволяет анализировать отношения между исполнителем и клиентом в условиях различного распределения ресурсов, а также вмешательства в процесс государства как поставщика «правил игры» [6]. В рамках этого направления возможно несколько ракурсов изучения проблемы.

1. Структурные модели, описывающие взаимодействия участников коррупционных сделок. Взаимодействие участников коррупции осуществляется в рамках единой структуры, предполагающей определенную организацию информации, правил принятия решений, иерархию контроля над группой исполнителей. Цель такой структуры – максимизация прибыли. В такой иерархии существует промежуточное звено «контролеров» и взятки распределяются и передаются от исполнителей более низкого уровня исполнителям более высокого уровня. Таковы, например, работы А. Хиллмана и Е. Катца, рассматривающих общественные издержки, получаемые в результате «раскрадывания» взятки, в результате конкуренции вокруг позиции клиента и каждой позиции исполнителя (государство стремится минимизировать общественные издержки, а исполнители могут быть различные), работы Ф. Кофмана и Дж. Лавари, М. Бека, С. Бхатачарья и А. Мишра, А. Ламберт-Могилански, А. П. Михайлова, Т. Е. Олсена и Дж.Торсвика, Дж. Хендрикса, М. Кина и А. Муттио.

Наиболее известна работа **А. Ламберт-Могилански** [7], где исследуется выполнение нелегально заключенных контрактов, исполнение которых не гарантируется. Поэтому существует легальная сеть, состоящая из множества клиентов, и один бюрократ, с которым клиенты могут заключать нелегальные соглашения. Выполнение таких соглашений гарантировано, поскольку бюрократ и клиенты связаны нормами взаимоконтроля в рамках легальной сети. Если один из клиентов нарушит нелегальное соглашение, то бюрократ бойкотирует всю сеть. Между фирмами и бюрократом воспроизводятся действия, которые приводят к оформлению нелегальных соглашений.

Проблема распределения ресурсов рассматривается также в работе Д. Лаена. В предложенной им модели изучаются возможные недостатки распределения, связанные с коррупционной деятельностью. Им показано, что вероятность недостатков в распределении ресурсов повышается при росте дискриминации бюрократом одного клиента в пользу другого [8].

В работе Д. Мукхерьи также анализируется игра двух участников и последствия воздействия мер государства на равновесное состояние этой игры. Участниками игры является клиент, загрязняющий окружающую среду, и исполнитель, который должен доложить государству о результатах проверки фирмы. Государство может менять функцию штрафов за коррупцию, функцию премиальных за выявленное загрязнение и функцию штрафов за загрязнение, добиваясь при этом нескольких целей: минимизации усилий и минимизации загрязнения. Интересным результатом является тот факт, что только значительное изменение размера штрафов способно привести к уменьшению загрязнения.

Д. Акемолгу и Т. Вердье анализируется экономика, состоящая из нейтральных к риску агентов, каждый из которых может заниматься одним из двух видов деятельности – предпринимательской или общественной. Производство происходит в частном предпринимательском секторе, а общественный сектор необходим для гарантии прав собственности. Предприниматели-торговцы подкупают бюрократа в целях максимизации прибыли, что ведет к снижению инвестиций в производство со стороны предпринимателя-производителя. Равновесное состояние модели включает некий масштаб коррупции, индекс прав собственности и инвестиций в производство. При оптимальной организации общества в нем все же будут содержаться ренты (завышенные зарплаты) для бюрократов общественного сектора, некоторый объем коррупции и неоптимальное распределение талантов. В работе этих же авторов в рамках модели, несколько отли-

чающейся от предыдущей, доказывается, что все эти последствия (присутствие коррумпированных бюрократов, ренты в общественном секторе и пр.) могут пресекаться осознанным вмешательством государства [9].

2. Системные модели, рассматривающие динамику коррумпированной системы, ее устойчивость, циклы развития и пр. Модели этого направления являются преимущественно динамическими и в большей или меньшей степени экономическими. Ярким примером таких моделей является модель Ф. Т. Луи, показывающая, почему схожие экономики имеют разные уровни коррупции. Автор рассматривает распределение ресурсов с механизмом «живой» очереди. Время, непродуктивно затрачиваемое на ожидание в очереди, можно сократить, купив за взятку право пройти вне очереди, причем чем больше взятка, тем меньше время ожидания. Такой механизм может приводить к повышению эффективности распределения. Другим примером таких моделей является работа Дж. Фейхтингер и Ф. Уирла, которые изучают, как фазы борьбы против политической коррупции сменяются периодами ее общественного приятия. Дж. Тиролем была проанализирована значимость коллективной репутации при воспроизводстве коррупционных паттернов. В работе К. Биччиери и К. Ровелли показано, как эволюция коррупции в экономике может самопроизвольно привести к своеобразной «революции честности», в результате которой социальная система меняет ключевые характеристики. В работе К. Блисса и Р. Ди Телла изучается факт, согласно которому в странах, повысивших уровень конкуренции в экономике, иногда происходит подъем коррупции, что говорит о том, что вслед за ростом конкуренции не обязательно следует сокращение коррупции. Сложность изучения влияния конкуренции на уровень коррупции состоит в том, что конкуренция не обязательно является экзогенным параметром, при изменении которого выявляется степень его влияния на уровень коррупции. Коррупция, в свою очередь, также влияет на уровень конкуренции. В работе изучается связь между коррупцией и конкуренцией и предлагается модель, в которой и равновесное число фирм, и уровень коррупции определяются другими параметрами.

К этому же направлению можно отнести работы А. Антоци и П. Л. Сакко, О. Кадота.

3. Отраслевые модели коррупции. Наиболее исследована проблема политической коррупции, ей посвящены работы Л. Дадли и К. Монтмаркетти, Э. Расмусена и Дж. М. Рамсейера, А. Шлейфера и Р. У. Вишни, Р. Б. Майерсона.

В работе Р. Майерсона, например, сравниваются системы голосования с точки зрения оптимизации правительственной коррупции с помощью игрового анализа. Выводом такого исследования явился тот факт, что голосование большинством является лишь отчасти эффективным в том смысле, что всегда существует некое равновесие, в котором члены коррумпированных партий исключены из правительства.

В работе **А. Шлейфера и Р. У. Вишни** [10] исследуются проблемы, схожие с рассматривавшимися в работах С. Роуз-Аккерман, – возможность изъятия у государства благ, которые распределяет монополист в лице государственного служащего, взаимосвязь структуры политических, экономических институтов и уровня коррупционной активности. Коррупция определяется ими как продажа государственными служащими государственной собственности в частных целях. Рассматриваются такие условия, как максимизация взяток со стороны чиновника, уровень конкуренции внутри среды исполнителей и клиентов, уровень монополизации рынка чиновником. Чем выше конкуренция между поставщиками за получение взяток, тем меньше размер взяток. При этом он может компенсироваться максимизацией объема взяток. Ими рассмотрены причины негативных последствий коррупции, которые заключаются в слабости правительства, позволяющей различным государственным агентствам и аппарату чиновников собирать взятки независимо от правительства; в изменениях интереса к экономическим проектам, вызванных необходимостью держать информацию о коррупционных сделках в секрете. Требование секретности может сместить инвестиции в стране от наиболее выгодных проектов (в здравоохранении, образовании) в сторону потенциально бесполезных проектов (оборона, невостребованная инфраструктура), если последние обеспечивают лучшие условия для сокрытия коррупции [11]. Таким образом, экономическая и политическая конкуренция могут уменьшить уровень коррупции и ее неблагоприятные последствия.

Указанные модели, однако, будучи исключительно экономическими, удовлетворяют социологический интерес к проблеме лишь частично. Работы социологической направленности появляются в отечественной литературе с середины 1990-х гг., но они, как правило, не предлагают

соответствующих математических моделей [12]. Наиболее продуктивным с точки зрения анализа социальной составляющей представляется подход известного отечественного специалиста в сфере моделирования **А. Шамрая**, предложившего модель циклических режимов в коррумпированном государстве, описывающую математическими средствами трудно формализуемый объект – коррумпированное государство [13]. Уровень коррупции – число случаев коррупции за определенный период, число коррумпированных чиновников или совокупная сумма взяток за период. Модель имеет рабочий вид во всех трех случаях. Поскольку с коррупцией борется только государство, соотношение между этими параметрами можно выразить системой уравнений, рассматриваемых в плоскости переменных. Государство стремится, чтобы уровень коррупции перестал расти; при этом затраты последнего на эту борьбу вначале растут, затем система переходит в стабильное состояние и затраты снижаются и фиксируются. Таким образом, государство переводит рост коррупции в некий циклический режим, с тем чтобы он не превышал некоей критической величины, опираясь на скорости изменения уровня коррупции. При этом следует учитывать, что часть доходов, полученных от коррупции, чиновники неизбежно будут направлять на противодействие мерам государства по ограничению коррупции. Скорость распространения коррупции зависит от общего уровня коррумпированности страны, активности государства по борьбе с коррупцией и уровня вознаграждения чиновников. Подобная система уравнений имеет решения, которые и являются приемлемой величиной коррупции, снижающей общественные издержки. При этом в странах, где коррупционеры не реагируют на антикоррупционные действия властей, систему нельзя привести к устойчивому циклическому состоянию при приемлемом уровне коррупции [14].

***

Таким образом, на сегодняшний день в научной литературе пока не существует комплексных формальных моделей, полностью удовлетворяющих возможностям социологического изучения коррупции. Наиболее близки к таковым модели политической коррупции; модели, рассматривающие коррупцию как явление более низкого порядка в рамках глобальной равновесной системы; модели, рассматривающие ее как поведение в условиях риска, и циклические модели коррупции.

Список использованной литературы

1. Rose-Ackerman S. Corruption and Development // Annual Bank Conference on Development Economics / The World Bank. Washington, D. C., 1997. P. 238.

2. Rose-Ackerman S. The Economics of Corruption // Journal of Political Economy. 1975. № 4.

3. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. М.: Логос, 2010.

4. Там же.

5. Там же.

6. Моделирование коррупции / Е. Батракова и др. // URL: http://www.indem.ru/corrupt/levin/index.htm

7. Lambert-Mogiliansky A. Essays on Corruptions // Department of Economics. Stockholm University, 1996.

8. Моделирование коррупции.

9. Там же.

10. Shleifer A., Vishny R. W. Corruption // The Quarterly Journal of Economics. 1993. V. 107, № 33.

11. Там же.

12. Кирпичников А. Взятка и коррупция в России. СПб., 1997.

13. Математическое моделирование социальных процессов. Вып. 9: сб. ст. / под ред. А. Михайлова. М.: КДУ, 2007.

14. Там же.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1(7)

В статье рассматривается методика введения основных русских пространственных предлогов (*в – из; на – с; до; к – у – от*) с точки зрения сознательного и системного усвоения учащимися данной темы. Демонстрируется наличие у отношений, передаваемых этими предлогами, характеристик, которые могут быть обобщены и систематизированы.

Ключевые слова: пространство; предлог; статические и динамические глаголы; антонимичность; приставка; принцип сознательности в обучении.

The article considers the method of introduction of the basic Russian spatial prepositions (*в – из; на – с; до; к – у – от*) from the point of conscious and systematic mastering the topic by students. The article demonstrates that the relations, transmitted by these prepositions, have characteristics which can be summarized and systematized.

Key words: space; preposition; static and dynamic verbs; antonymic; prefix; principle of awareness in learning.

И. И. Арбузова

Балтийский государственный технический университит им. Д. Ф. Устинова
E-mail: viarb@yandex.ru

Методические аспекты преподавания русских пространственных предлогов в иностранной аудитории

Научная статья

I. I. Arbuzova

Ustinov Baltic State Technical University
E-mail: viarb@yandex.ru

Methodical Aspects of Teaching Russian Spatial Prepositions for Non-Native Speakers

Scientific article

Статья посвящена вопросам преподавания пространственных предлогов *в – из*, *на – с*, *до* и *к – у – от*, поскольку эти предлоги являются наиболее распространенными и изучаемыми на начальных этапах обучения русскому языку. Они многозначны и потому трудны для иностранцев. Академик В. В. Виноградов писал: «Ни в одном другом типе слов … не совмещается так много разнообразных значений и оттенков, как в первичных предлогах. *На* – особенно многозначен» [1]. Он отмечал [2], что в области пространственных отношений имеется наибольшее богатство значений и смысловых оттенков. По мнению Б. Н. Аксененко, значения места и времени – та основа, от которой возникли все другие лексические значения предлогов [3].

Для ориентации в пространственной ситуации нужно понимать, *где* ты находишься, *откуда* пришел и *куда* направляешься. Умение задать вопрос *Где?*, *Куда?* или *Откуда?* – ключевое умение, которым должен овладеть иностранный учащийся, чтобы выбрать правильный предлог. А предлог подскажет падеж идущего за ним существительного.

Тема «*Где? – Куда? – Откуда?*» изучается в каждом учебнике русского языка. Но студенту не дают механизма, как задать вопрос к пространственной ситуации, описываемой в предложении. Авторы не формулируют правила, а предлагают копировать модели и механически запоминать списки словосочетаний с предлогами.

Предлоги вводятся одновременно с глаголами движения. Для нас принципиально важно мнение В. В. Виноградова: «Предложно-падежные конструкции в своем подавляющем большинстве группируются вокруг глагола. К глаголу притягиваются частицы речи, во всяком случае, предлоги» [4]. Глагол – это структурный центр словосочетания или предложения. Связь изучения предлогов с изучением глаголов, безусловно, необходима. Но выполнение упражнений только по моделям приведет к восприятию материала лишь на интуитивном уровне.

© Арбузова И. И., 2011

Необходимо объяснение сути явления, показ того, что разрозненные факты употребления предлогов подчиняются логическим закономерностям. Причинно-следственные связи, присутствующие в данной теме, нужно обозначать, иначе студентам останется одно – механически запоминать. Надо учитывать при изучении данной темы сознательность – важнейший дидактический принцип, облегчающий усвоение материала и сокращающий объем запоминаемого материала.

Предлоги, приставки и падежи составляют ядро языкового поля пространства [5]. Они отражают все многообразие языковых форм, обозначающих пространственные связи. Е. С. Скобликова считает [6], что падежная форма является «дифференцирующим средством: *спрашивал брата / у брата / о брате*». Между падежной формой и предлогом существуют очень тесные, жесткие связи. Предлог, будучи неполнозначным словом, предопределяет форму (т. е. падеж) слова полнозначного. Поскольку выбор падежа часто невозможно объяснить, слово (в том числе и предлог) должно изучаться вместе с падежными формами зависимых слов.

Предлоги и префиксы – незнаменательные единицы языка – имеют, однако, собственные значения [7]. В семантику глаголов движения приставки и употребляемые парные с ними предлоги вносят значение одного и того же направления: *зайти за дом – отойти от дома.*

Префиксация – главное средство расширения семантики глагольной лексики в русском языке. Есть явная взаимосвязь между морфологическим строением слова и его синтаксическими функциями; предложное управление глагола часто предопределяется его морфемным составом [8]. Поэтому надо привлечь внимание студентов к вопросам словообразования, к необходимости анализировать состав слова, видеть его составные части. Важно обратить внимание учащихся на зависимость выбора того или иного предлога в словосочетании от семантики приставочных глаголов; на тот факт, что семантика приставки в глаголе определяет выбор предлога: например, в составе глагола может присутствовать префикс, который не позволит ему сочетаться ни с каким другим предлогом, кроме данного: *забежать за* (*угол*). Отсюда видно, что словообразовательные элементы глагола (префикс) могут диктовать тенденции управления другими частями речи.

Подобные случаи грамматического плеоназма характерны для русского языка. И в то же время, наряду с *въехал в город*, *съехал с горы,* возможно и *приехал в город*, *ехал с горы*, т. е. выражение определенных пространственных отношений не меняется от того, находит оно подкрепление в глагольной приставке или нет.

Повторение приставкой предлога означает только двустороннее выражение направления движения: синтаксическое – в предложно-падежной форме зависимого слова и словообразовательное – в приставке господствующего слова [9]. Последовательнее всего это наблюдается с глаголами движения и пространственного перемещения: *войти в комнату, отойти от стола, дойти до дома*. Но обязательности нет и тут: *въехал на мост, влез на стол* [10].

Имея собственную семантику, приставки изменяют значение бесприставо чных лексических единиц, значительно влияя на их сочетательную ценность [11]. Приставки конкретизируют значение глагола и этим ограничивают его сочетаемость. Приставка играет роль не сама по себе, а лишь постольку, поскольку сужает лексическое значение и тем лимитирует возможности сочетания глагола с другими формами [12]. Например, глагол *ехать* может вступать в соединение со многими падежами и предлогами, выражая разнообразные пространственные отношения: *ехать в город / из города / к городу / в городе / около города*… Но с приставкой (например, *в-*) сочетаемость его резко сужается: приставка придает выражению движения направленность (внутрь): *въехать в город*. Пример подобного влияния приставки [13] приведён в таблице 1.

Таблица 1

Условия сочетаемости предлогов

Глагол	*Сочетаемость с предлогами, указывающими направление*					
	Куда?			*Откуда?*		
	в	*на*	*к*	*из*	*с*	*от*
летел	+	+	+	+	+	+
подлетел	–	–	+	–	–	–
полз	+	+	+	+	+	+
выполз	–	–	–	+	–	–

Бесприставочные глаголы *летел, полз* – безотносительные к направлению движения – имеют неограниченную сочетаемость; но с появлением приставки, конкретизирующей направление движения – *подлетел, выполз* – их сочетаемость резко ограничивается.

Е. С. Скобликова приводит существительные *институт / завод*; *деревня / хутор* и считает, что объяснить, почему одни из них сочетаются с предлогом *в*, а другие – с предлогом *на*, невозможно [14].

Думается, однако, что это можно сделать, мысленно представив картину изучаемого явления. Употребление здесь предлогов *в* и *на* поддается объяснению с помощью такого правила: *открытое пространство* требует употребления предлога *на*, а *закрытое*, *строго ограниченное* – предлога *в*.

Институт – это здание, отделенное от внешнего мира стенами, а *завод* – это территория, включающая в себя и рудники, и множество зданий, где руду переплавляли, и жилые помещения для рабочих. *Деревня* – это поселение, имеющее четкие и строгие административные границы; *хутор* – уединенное поселение, включающее в себя и дом, и земельный надел; хутор удален от других людей, а потому четких границ не имеет.

Примером является и употребление предлогов *в* и *на* в словосочетаниях *идти в школу*, но *на почту*, *ехать в Германию*, но *на родину*. *Школа*, как и *институт,* – это здание, внутрь которого мы входим, а «*почта*» – это множество почтовых отделений, разбросанных по территории страны, но объединенных в единую организацию; *Германия* – это страна, очерченная строгими государственными границами, а «*родина*» – это и страна, и город (или деревня), и улица, и даже дом, где человек родился.

Такое представление вооружит студентов пониманием ситуации, разбудит их воображение и позволит правильно употребить предлог и с другими аналогичными существительными. То, что понято, легче запоминается, учит анализировать ситуацию, помогает правильно ориентироваться и выбирать предлог в других случаях, например: *ехать в Сочи*, но *на юг*, *работать в магазине*, но *на рынке*.

Предлагаемая и апробированная нами методика четко обозначает оппозиции и причинно-следственные связи в работе над темой пространственных предлогов русского языка, показывает взаимосвязи морфологических категорий русского языка, таких как *предлог*, *падеж* и *приставка*. Поэтому нужно дать эту тему не разрозненно, а сконцентрированно и целенаправленно.

В подавляющем большинстве учебников (Ю. Г. Овсиенко, Л. В. Московкин, С. И. Чернышов и многие другие) употребление предлогов *в* и *на* с определенными словами предлагается запоминать. Лишь в [15] и [16] для указания местонахождения некоторые существительные объединены в семантические группы: континенты, страны, здания и т. д. Но правила, поясняющие их объединение, не приводятся. Есть ли они? Попробуем сформулировать их в таблице 2.

Правило вооружит студентов пониманием ситуации, позволит правильно употребить предлог с другими существительными, не указанными в списке: *пляж, платформа, стадион, спектакль, концерт, экскурсия, дискотека,* …

Для правильного употребления предлогов одним из решающих условий является умение правильно задать вопрос *Где?*, *Куда?* или *Откуда?* Это требует разностороннего семантико-синтаксического анализа предложения, которому нужно обучить студентов.

Т. П. Засухина отмечает [17], что многие предлоги, в том числе *в* и *на*, многозначны: они могут обозначать как место, так и направление, что требует употребления разных падежей: для обозна-

Таблица 2

Правила употребления предлогов в и на

Предлоги			
в **Четкие границы; замкнутое помещение**		***на*** **Открытое пространство; процесс**	
материки	*Европа, Азия*	острова, берега	*Куба, Кипр*
населенные пункты с четкими границами	*города, села, деревни*	пространство, не имеющее четких границ	*север, юг, запад, восток*
закрытые замкнутые пространства, помещения	*магазин, театр, школа, музей, дом*	открытое незамкнутое пространство	*улица, площадь, остановка*
		процессы, требующие времени	*занятие, урок, лекция, экзамен*

чения места – предложный падеж (*Где? – в доме*), а для обозначения цели – винительный (*Куда? – в дом*). Это вызывает у студентов большие трудности. Чтобы эти трудности снять, нужно обозначить критерий – взаимообусловленность употребления определенных предлогов и падежей в русском языке.

Предлоги уточняют синтаксическую роль падежей в строе предложения и обогащают их значения смысловыми оттенками [18]. Те же отношения, которые выражаются косвенными падежами существительных (кроме отношения субъектного), выражаются и предлогами [19]. Это нужно объяснить студентам. Они должны понять, что каждый падеж русского языка связан с определенными предлогами и имеет свои, присущие лишь ему, функции.

Так, одной из функций предложного падежа является обозначение местонахождения предмета (*Где?*), а винительный падеж нужен для того, чтобы указать целенаправленное движение, ответив на вопрос *Куда?*.

Родительный демонстрирует «удаление, отделение, исхождение» [20], и с помощью предлогов *от*, *из* и *с* этот падеж ответит на вопрос *Откуда?*. «... Предложно-падежная форма грамматически обобщенно выражает, как данный предмет соотносится с различными явлениями» [21]: *идти в лес*: *лес* – В. п., значит, это объект, *цель* движения, *Куда?*; *он в лесу*: *в лесу* – П. п., значит это *место*, *Где?*.

Кроме падежа, анализ семантики глагола (*статика* или *динамика* + наличие *цели* движения) также скажет, о чем речь: о *месте* (*Где?*) или о *направлении* (*Куда?* или *Откуда?*).

Если глагол *статический* (*работать*), значит, речь идет о месте (*Где?*): *Он работает в музее / на заводе*. Если глагол *динамический*, а именно глагол *движения*, то нужно понять, *какое* это движение – в определенном направлении, один раз или в разных направлениях, много раз.

Глагол первого типа (*плыть, лететь* – 1 раз) – это однозначно направление (*Куда?* или *Откуда?*). Глагол второго типа (*плавать, летать* – много раз) означает, что речь может идти как о месте (*Где? – плавать в бассейне*), так и о направлении (*Куда? – плавать в Швецию* или *Откуда? – плавать из Швеции*). Тогда нужно выяснить, имеется ли *цель* движения или его *исходная точка*. Если цель есть – речь о направлении (*ехать Куда? – в парк*), если нет – это место (*гулять Где? – в парке*).

Анализ глагольной приставки и лексики, используемой в предложении, покажет, *какое* направление имеется в виду – *Куда?* или *Откуда?*. Это позволит студенту ощутить логичность русского языка, приучит к анализу языковых явлений, разовьет языковое чутье, позволит выбрать нужный в данном контексте предлог и определить падеж присоединяемого предлогом существительного.

Каждый предлог с исходным «отделительным» значением (*из*, *с*, *от*) имеет предлог-**антоним** с «достигательным» значением (*в*, *на*, *до*) [22]. Привлекая внимание студентов к явлению антонимичности предлогов и приставок, можно практически снять вопрос выбора предлогов с «отделительным» значением. Объем запоминаемого материала сокращается ровно вдвое.

Студенты должны запомнить, что если при ответе на вопрос *Куда?* используется предлог, например, *в*, то, отвечая на вопрос *Откуда?*, они **обязаны** использовать его антоним *из*.

Практика показывает, что учащиеся этот факт не осознают. Выбор предлога при ответе на вопрос *Откуда?* для них никак не связывается с выбором предлога при ответе на вопрос *Куда?*. Это для них две отдельные, невзаимосвязанные задачи, что неправильно. Поэтому на имеющуюся жесткую взаимосвязь необходимо указать.

В русском языке «*слово*, будучи вынутым из предложения, сохраняет свою грамматическую характеристику» [23]. Например, во фразе: *стоят большие столы* множественное число выражено трижды: в существительном, прилагательном и глаголе, что является закономерностью для языка синтетического строя, каковым является русский язык. Проигрывая в экономичности, язык в силу своей избыточности оказывается более надежным для того, кто принимает данное сообщение.

Подобная же картина языковой избыточности наблюдается и в отношении предлогов: *<u>во</u>шел <u>в</u> комнату*, *<u>вы</u>шел <u>из</u> комнат<u>ы</u>* – и приставка, и предлог, и падеж несут одну и ту же информацию. На это нужно обратить внимание студентов. Это будет способствовать более глубокому усвоению материала, формированию чувства языка. Представляется, что понимание, анализ лингвистической ситуации, системность и концентрированность изложения темы «Пространственные предлоги» явится залогом того, что данная тема будет прочно усвоена учащимися. Апробация курса подтвердила этот факт.

Список использованной литературы

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк., 1986. С. 566.

2. Виноградов В. В. Грамматика русского языка: в 2 т. Т. 1: Фонетика и морфология. М.: АН СССР, 1960. С. 651.

3. Аксененко Б. Н. Предлоги английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. С. 38.

4. Виноградов В. В. Русский язык. С. 528.

5. Засухина Т. П. Пространственная семантика предлогов, приставок и падежей в современном русском языке: автореф. дис… канд. филол. наук. Екатеринбург, 1992. С. 5.

6. Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке. М.: URRS, 2005. С. 53.

7. Мирошниченко О. Ф. О сочетаемости приставочных глаголов и зависимых словоформ с предлогом, одноименным приставке в современном русском языке (на материале глаголов с приставками *на* и *над*): автореф. дис… канд. филол. наук. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1972.

8. Григорян В. М. Префиксальные глаголы и их управляющие свойства в современном русском языке. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1984. С. 5.

9. Скобликова Е. С. Указ. соч. С. 90.

10. Там же. С. 92.

11. Найденова К. Об установлении особенностей сочетаемости русских приставочных глаголов сравнительно с их болгарскими эквивалентами // Сочетаемость русских слов как лингвистическая и методическая проблема : материалы для преподавателя: в 2 т. М.: Институт рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1983. Т. 2. С. 199–200.

12. Скобликова Е. С. Указ.соч. С. 91.

13. Там же. С. 63.

14. Там же. С. 77.

15. Максимова А. Л. Корректировочный курс русской грамматики. СПб.: Златоуст, 2005.

16. Пехливанова К. И. Грамматика русского языка в иллюстрациях. М.: Дрофа, 2006.

17. Засухина Т. П. Указ. соч. С. 5.

18. Аксаков К. С. Опыт русской грамматики. М.: тип. Л. Степановой, 1860. С. 128.

19. Прокопович Н. Н., Дерибас Л. А., Прокопович Е. Н. Именное и глагольное управление в современном русском языке. М.: Рус. яз., 1981. С. 13.

20. Виноградов В. В. Русский язык. С. 560.

21. Скобликова Е. С. Указ.соч. С. 39.

22. Бондаренко, В. С. Предлоги в современном русском языке. М.: Учпедгиз, 1961. С. 11.

23. Широкова А. В. Сравнительная типология разноструктурных языков: фонетика, морфология. М.: Добросвет, 2000. С. 104.

УДК 81'373.6: 811.112.2: 811.161.1

Статья посвящена этимологической характеристике немецких и русских лексем кровного родства по мужской линии. Цель работы – комплексное изучение языковых и социокультурных процессов в их взаимодействии в рамках сопоставительного подхода к языку. Данный подход позволяет выявить у лексем семантические, эмоциональные, стилистические и стилевые оттенки, отражающие национальную специфику.

Ключевые слова: этимологическая характеристика; лексемы; кровное родство; мужская линия; немецкий и русский языки.

The article is dedicated to an etymological feature of German and Russian lexemes denoting the male line's blood kinship. The main aim of this work is a complex study of linguistic and socio-cultural studying processes in their interaction within the framework of the comparative approach to language. The given approach allows revealing the semantic, emotional, stylistic and styled tones of the lexemes, reflecting national specifics.

Key words: etymological feature; lexemes; blood kinship; male line; German and Russian languages.

Е. А. Шимко

Мичуринский государственный аграрный университет
E-mail: Shimko_maksim@mail.ru

Этимологическая характеристика немецких и русских лексем кровного родства по мужской линии

Научная статья

E. A. Shimko

Michurinsk State Agrarian University
E-mail: Shimko_maksim@mail.ru

Etymological Characteristics of German and Russian Lexemes Denoting Male Line's Blood Kinship

Scientific article

На современном этапе развития лингвистики все очевиднее становится необходимость комплексного изучения языковых и социокультурных процессов в их функциональном взаимодействии в ходе исторического развития общества. Целесообразность подобного подхода обусловлена, в частности, невозможностью рассмотрения целого ряда важнейших языковых явлений в отрыве от условий функционирования общества, развития его культуры.

Изучение вопроса о соотношении феноменов «язык» и «культура» во многом затруднено в связи с отсутствием четкого и непротиворечивого определения понятия «культура». Насчитывается не менее 600 определений культуры, однако разброс в интерпретации объема понятия «культура» в них настолько велик, что некультурологу весьма непросто сориентироваться в этом море дефиниций. Не вдаваясь в детали этих определений, отметим, что культура в них нередко отождествляется либо с обществом в целом, либо с овеществленным трудом, либо со всей совокупностью духовных и материальных ценностей, созданных человеком. Соответственно варьируются и представления о роли языка в культурном процессе. В целом диапазон оценок включает либо полное растворение языка в культуре (причем языку нередко неправомерно приписывается лишь сугубо инструментальная роль), либо, напротив, отрицание прямой взаимосвязи обоих феноменов. Не можем не заметить, что ведущиеся по этому поводу дискуссии носят зачастую схоластический характер [1].

Из широкого круга вопросов, охватываемых проблемой «Язык и культура», наиболее разработанными в настоящее время являются лишь некоторые аспекты, касающиеся, например, роли языка в художественном творчестве, а также «отражательной» или «познавательной» функции языка. В последнем случае языковеды оперируют пониманием культуры как совокупности материальных и духовных ценностей, созданных человеком. Причем язык рассматривается как своего рода «слепок» того или иного культурного слоя, как исторически изменчивый набор обозначений, фиксирующих культурный прогресс общества, его историческую

© Шимко Е. А., 2011

эволюцию. Иными словами, язык фиксирует цивилизационные напластования, многие из которых являются предметом специальных этимологических разысканий [2].

Оба феномена – язык и культура – являются автономными, но вместе с тем тесно взаимодействующими знаковыми системами, соотнесенными с мышлением и коммуникацией. Следует, однако, подчеркнуть несколько важных, на наш взгляд, моментов:

1) обе системы имеют комплексный характер, так как они используют некоторое множество знаковых систем;

2) знаковые системы, характерные для языка, являются однородными. Они манифестируются в виде различных форм существования этнического языка (литературный язык, обиходно-разговорная речь), используемых как в звуковой, так и в графической реализации. В силу этого можно говорить о гомогенности языка как системы в целом;

3) знаковые системы, используемые в культуре, весьма разнообразны и неоднородны, они существенно отличаются друг от друга;

4) оба феномена, как уже отмечалось, тесно связаны с мышлением и коммуникацией, однако значимость этой взаимосвязи, ее удельный вес существенно отличаются друг от друга. Так, коммуникативная функция, безусловно, превалирует в языке, являясь его доминирующим функциональным назначением. В культуре, напротив, преобладает функция эстетическая, прежде всего это установка на эстетическое самовыражение личности, творца;

5) как в языке, так и в культуре действует сходная коммуникативная цепочка: генератор (коммуникатор), порождающий определенный текст, – каналы коммуникативной связи, обусловливающие как синхронную, так и диахронную трансляцию текста, – адресат (реципиент), коммуникант как финальный пункт коммуникативной цепочки [3].

Таким образом, тесно взаимодействуя друг с другом, оба феномена имеют большую зону пересечения в силу того, что язык является одним из важнейших способов объективации, экстеоризации культуры, выполняет в ней существеннейшую эстетическую функцию.

В связи с этим следует отметить, что значительное место в последние годы отводится такой научной дисциплине, как этнолингвистика, которая рассматривает исторические данные как языковое культурное наследие, присутствующее в современном языке [4]. Вот почему при сопоставлении лексического состава языков следует уделять внимание взаимосвязи языка и этнической специфики.

Обратимся к сопоставительному анализу лексем кровного родства по мужской нисходящей линии – отец, сын, внук в русском и немецком языках.

Рассмотрим репрезентацию лексемы «**отец**» в русском языке.

Отметим, что в славянских языках существовало несколько употребительных названий отца: старославянский отьць, древнесербский отьць, сербский отац, болгарский отец (устаревшее), древнерусский отъцъ, отець, русский отец, диалектный отёк, атька, украинский отець, отця, вітця (малоупотребительный), белорусский айцец, польский ojciec**,** нижнелужицкий wosc (торжественный), верхнелужицкий wotc (von Gott gebraucht), чешский otec, словацкий otec.

Основным индоевропейским названием отца является *patēr с характерным гласным ə, представляющим собой ступень редукции старого корневого гласного в предударной позиции: * patēr. А. Вальде и А. Циммерман вслед за Дельбрюком объясняют *patēr, pater из слова «детского языка» ра-, ра-ра.

И. Трир толкует этимологию patār < «охранять, защищать»; автор старается привлечь обильный сравнительный материал, в основу которого положил некоторые моменты ларингальной теории. И. Трир предлагает сопоставление индоевропейского *pətēr, *potis и *ра-, объясняя эти формы как сочетания корневого гласного с ларингальным. Он конкретизирует значение ра- как «ограда, огораживать» и предполагает, что в основе всей группы слов лежало обозначение большой семьи как круга, ограды, круглого родового собрания. Отсюда *potis, *pətēr «вождь, господин» [5].

Прежде чем приступить к анализу формы и значения слав. *otьcь, остановимся на близких образованиях, которые легли в основу этого слова.

Индоевропейское *ă̯tta содержит краткий гласный ă̯, который, как полагает А. Мейе, встречается лишь в особых, экспрессивных образованиях, призываниях. Ю. Курилович уточняет, указывая, что эти формы, естественно, вторичны по отношению к появлению ă̯ [6].

Столь же характерно для индоевропейского *ă̯tta наличие древнего долгого t, что единогласно отмечается исследователями как атрибут экспрессивных слов. Впрочем, отмечаются и трудности изучения подобных случаев. Так, А. Мейе высказывает интересные мысли о недостаточности одной ссылки на принадлежность к детской речи того или иного слова для объяснения удвоенности согласного по

той естественной причине, что детская речь распространяется лицами, вполне развитыми в отношении речи. Он склонен видеть в индоевропейском *tt, *ddh отношения древнего морфологического чередования согласных. В другом месте А. Мейе указывает на сохранение удвоенного *tt в индоевропейском только в экспрессивном образовании (*ătta), когда удвоение является именно выразителем экспрессивности. Э. Герман согласен с А. Мейе в его оценке индоевропейского *ătta как экспрессивного (фамильярного) образования, хотя не видит необходимости отрицать его происхождение из детской речи. В общем так же, как А. Мейе, характеризует слово А. Вайан, полагающий, однако, что удвоение не обязательно столь же древнее в данном случае, как само слово [7].

Как уже говорилось, индоевропейское *ătta через производное *ăttikos дало наиболее распространенное название отца в славянском – otьcь. При этом индоевропейскй *ă>славянкий o. Кроме этой производной формы, в славянском есть немногочисленные, но вполне достоверные следы основы *oto- < балтославянский *ata-: старославянский otьnъ, сравните русский диалектный безотной «не имеющий отца», сравните в славянской топонимике Восточной Германии: Oteslawe, Wotzlaff < *Oteslav [8].

Индоевропейский характер имеет и другое обозначение отца – *tăta, для которого, видимо, справедливо будет предположить этимологическую связь с рассмотренным *atta через редупликацию основы. Что касается консонантизма, то вполне возможно, что экспрессивность здесь выражена другим доступным в таких образованиях способом – удлинением корневого гласного вместо выраженного в *ătta экспрессивного удвоения согласных. Там, где количество гласного не изменилось, экспрессивность выражается прежним путем (сравните греческий τέττά: «тятя! батюшка!»). Во всяком случае есть основания полагать, что выражение экспрессивности удлинением гласного, типичное для славянского tata, коренится еще в индоевропейской древности [9].

А. А. Шахматов называет славянское otьcъ в числе заимствований из кельтского, сравните кельтский otikos – ирландский aithech, athech «Mann aus einer der besitzenden Klassen», британский ozech «home», причем кельтский otikos<*potikos (утрата p в начале кельтского слова). В итоге А. А. Шахматов принимает первоначальное значение славянского otьcь – «Hauswirt, хозяин». В противном случае он считает неясной исходную славянскую форму для otьcь. Известное otьnь возможно < otьcьnь, древнерусский отьчьнь, под влиянием братънъ А. А. Шахматов не учитывает возможности самостоятельного развития слав. otьcь<и.-е. *attiko-s, а также наличия несомненных следов *-oto- [10].

Таким образом, в основе слав. otьcь лежит значение «отцов», как о том свидетельствует этимология: otьcь<*att-iko-s<*atta. Такое толкование вполне закономерно, сравните другие примеры: древневерхненемецкий eninchili «внук», собственно «дедов» (древневерхненемецкий ano, немецкий Ahn «дед, предок»). Это находится также в полном соответствии с единственно правильным представлением о первичности всякий раз именно притяжательных и вторичности уменьшительных значений.

Интересно изучить возможные условия возникновения этого производного слова. Дело в том, что славянское otьcь «отец» останется совершенно непонятным, если полагать, что оно всегда обозначало отца. Отца обозначало индоевропейское *ătta, с которым *otьcь связано притяжательными функциями, особенно прозрачными в древней форме *attikos.

При анализе славянского *otьcь будем исходить из структуры древнего рода и современных ему воззрений на родство. Тесная связь между членами рода и единое кровное происхождение большинства их (за вычетом фактов экзогамии) находили, как известно, выражение в том, что каждый род знал своего предка. Развившиеся на такой почве воззрения могут, очевидно, объяснить тот факт, что индоевропейская терминология родства знает единые названия отца, но дает сбивчивые, несогласованные показания о конкретных названиях восходящего кровного родства. Это можно объяснить тем, что при родовом строе каждый кровный родич по восходящей линии мог считаться отцом любого младшего кровного родича. Вернувшись к славянскому otьcь и уже будучи знакомы с его этимологической структурой, мы можем прийти к выводу, что первоначально члены рода употребляли термин otьcь как название ближайшего отца, который сам был в сущности «отцов» (*att-iko-s), то есть происходил от старшего, общего отца (славянский *otъ, индоевропейский *ătta).

Данное значение сохранилось и в современном русском языке. Под словом «отец» принято понимать: 1) мужчина по отношению к своим детям. – *Он родился просто, как говорят, ни в мать ни в отца, а в проезжего молодца*; 2) тот у кого есть дети. – *Он уже отец*; 3) самец по отношению к своему потомству; 4) тот, кто заботится о других: покровитель, благо-

детель; 5) основоположник учения какой-нибудь отрасли науки. – *Гомер, отец стихов*; 6) предки, предшествующее поколение. – *Вот то-то, все вы гордецы. Спросили бы, как делали отцы*; 7) вежливое обращение к пожилому мужчине. – *Посторонись, отец*! 8) название служителей культа, монахов. – *Благослови меня, честный отец* [11].

Слово «отец» в немецком языке служит для обозначения названия главы семьи, кормильца и происходит из индогерманского *pətēr (сравните средневерхненемецкий vater, староверхненемецкий fater, готский fadar, английский father). Синонимом слова «отец» как в русском, так и в немецком языках является слово «папа». Его употребление характерно для детской речи (сравните греческий papas, латинский papa) и имеет индогерманский корень *pō[i] в значении «оберегать, защищать» [12].

В современном немецком языке слово der Vater означает: 1) человек, который имеет несколько детей. – *Der leibliche Vater*; 2) праотец, предок; 3) творец, создатель. – *Der Heilige Vater*; 4) обращение к пожилому человеку – *Vater*! [13].

Итак, этимологический анализ лексем «отец» и «der Vater» показал, что данные лексемы имеют общее «человек, имеющий детей; предок, вежливое обращение к пожилому мужчине».

Обратимся к номинациям «**сын**» и «der Sohn». В индоевропейских языках обнаруживается довольно большое разнообразие обозначений такого близкого родства. Наиболее распространенным обозначением является *sūnus. Сюда относятся: старославянский сынъ, древнерусский сынъ, русский сын, украинский син, белорусский сын, польский syn, диалектный synek, нижнелужицкий syn, чешский syn, словацкий syn, сербский сȗн, болгарский син [14].

Исходное индоевропейское *sūnu-s имеет ту редкую среди индоевропейских терминов родства особенность, что его этимология давно выяснена и всеми без исключения принята, – от индоевропейского *seu-, *sū- «рождать» [15].

Следует оговориться, что индоевропейское *sūnus является общеиндоевропейским образованием. Германское *sunus (при *sūnus в других языках) следует понимать как sū:su, отношение долгой и краткой ступени одного корня, который и в других формах обнаруживает обе ступени, сравните индоевропейское *sū-s «свинья» (того же корня) с долгим ū в немецком Sau и кратким ŭ в славянском svinъ. В индоевропейском *suịus «сын» важно наличие общего с *sūnus корня, правда, оформленного другим суффиксом. Таким образом, большинство данных говорит о том, что здесь можно видеть один общий индоевропейский термин [16].

Известно, что индоевропейское *sūnus значит «рожденный матерью», поскольку исходное индоевропейское *sū- определяет материнскую функцию, рождение. Таким образом, в индоевропейском*sūnus совершенно объективно запечатлено именно отношение к матери. Правда, одного этого факта было бы мало, чтобы говорить, что в индоевропейском названии сына отразился древний матриархат, так как называние производится в громадном большинстве случаев не по главному признаку обозначаемого, а по наиболее броскому, то есть нередко случайному его признаку.

Но эта апперцепция («сын» = рожденный матерью», «вскормленный матерью») запечатлена в целом ряде названий сына, детей в индоевропейских языках (сравните древнеисландский burr «сын», готский baur, barn, древнеанглийский byre из индоевропейского *bher- «носить», латинский filius «кормить грудью»). Поэтому здесь нельзя говорить о случайности. Больше того, анализ ряда таких семантически близких слов дает вполне объективное свидетельство о закономерности явления.

Следует отметить, что ряду индоевропейских языков известно иное название сына, представленное в санскрите putra – «сын» и родственных формах. Уступая по распространенности индоевропейскому *sūnus и другим формам от *sū-, это второе название сына, тем не менее, носит индоевропейский характер. Оно известно, помимо индоиранских языков, греческому, латинскому и, возможно, славянскому языкам. Правда, только индо-иранские языки знают это слово в его основном значении, все же остальные представляют формы нередко с весьма измененным значением. Сравните латинский pūbēs «мужественный, мужской, взрослый»; «мужчины, зрелая молодежь», puer, pullus «молодой», pūsus, pūpus, pūpilla, praepūtium «крайняя плоть», pūtus «дитя».

Остановимся на весьма достоверном латинском *pūtum pupus «любовник, прелюбодей», обозначающем совершенно определенно чисто мужские действия. Поэтому есть основание конкретизировать предполагаемое значение индоевропейских pu-, pou-: «производить (о мужчине)», с оттенком мужской активности. Таким образом, в *pū- мы имеем мужской термин «производить», в то время как индоевропейское *sū представляет женский термин, собственно – «рожать». Исходя из этого, можно толковать формы от pū с суффиксом -t-

как «зачатый (отцом, мужчиной)». Славянские и балтийские языки хорошо сохранили образования этого рода: литовский putytis «птенец; детеныш».

На основании всего сказанного можно утверждать, что во всех словах этого корня исконно значение «сын, дитя» при вторичных «мальчик», «малыш».

В современном русском языке лексема «сын» имеет несколько значений: 1) лицо мужского пола по отношению к своим родителям; 2) переносное значение: человек, гражданин как участник или обитатель чего-нибудь, как член какого-нибудь коллектива. – *Сыны снегов, сыны славян*; 3) в качестве обращения [17].

В немецком языке лексема «der Sohn» имеет следующую этимологию: в средневерхненемецком sun, son, в староверхненемецком sun[u], son, в готском sunus, в английском son, в шведском son и восходит к индоевропейскому корню *seu [18].

В современном немецком языке для данной лексемы характерны дефиниции: 1) der Sohn – сын; der verlorene Sohn «блудный сын»; der Höhle Sohn – исчадие ада; 2) die Söhne des Landes – сыны отечества; 3) Statt annehmen – усыновить мальчика; 4) потомок по мужской линии [19].

Таким образом, сопоставительный анализ лексем «сын» и «der Sohn» показывает, что они имеют общее значение – мужчина, мальчик по отношению к родителям.

Значение лексемы «**внук**», вполне вероятно, не отличается большой древностью и сложилось уже после смены классификаторской системы описательной системой родства. Действительно, «внук» описан в своем отношении к деду, в то время как в более древнее время, при родовом строе, в таком термине не было надобности, поскольку внук мог считаться таким же «сыном» деда, как и реальный сын последнего. Таким образом, «внук» и «дед» в собственном смысле слова – сравнительно поздние термины. Тем не менее оба названия могли быть образованы из древних морфем. Это относится также и к слав. vъnukъ: старославянский вънoука, древнерусский вънука, в русском внук, украинский онук, белорусский унук, польский wnuk, нижнелужицкий wnuk, чешский vnuk [20].

Что касается более древней истории слав. *vъпикъ, несомненно, что согласный v- носил протетический характер и появился уже в славянскую эпоху перед ъ, который не мог стоять в абсолютном начале славянского слова. Этот ъ представляет ступень редукции и.-е. *ă̯. Таким образом, славянский *ъп (без суффикса -икъ) < индоевропейский * *ă̯n,* хотя вполне возможно наличие промежуточной ступени в виде славянского *о* (сравните украинский онук), в определенных условиях редуцировавшегося.

Славянскому *vъпикъ наиболее близко аналогичное по образованию и по использованию общего индоевропейского **ă̯n-* немецкий Enkel, древневерхненемецкий eninchili «внук». Обычно видят в eninchili уменьшительное, то есть «маленький дед» [21]. Последнее значение плохо подтверждается фактами, больше того, О. Шрадер в одной из работ, пересматривая особенности древневерхненемецкого eninchili, не находит возможным говорить о древнем родстве со славянским vъnukъ, а предполагает заимствование из наиболее близкой славянской формы – польский wnek. Г. Хирт, напротив, повторяет толкование eninchili = «маленький дедушка» и, выводя его из индоевропейского *anenkos, видит в славянском vъnukъ заимствование из германского. Оба объяснения недостаточно убедительны: и славянский vъпикъ и древневерхненемецкий eninchili нужно рассматривать как параллельные образования, не обязательно восходящие к древнеиндоевропейской эпохе. Со стороны формальной древневерхненемецкий eninchili представляет производное от названия предка с двумя суффиксами -ko- и -l-, для которых может считаться достоверной первичность указания на принадлежность, происхождение, как и вообще для большинства случаев с уменьшительным значением. Значит, «внук» в сущности – «принадлежащий предку, деду», «происходящий от предка, деда» [22].

Индоевропейский **an-* объединяет многие значения из сферы родственных отношений. Но наиболее часто встречаются в разных индоевропейских языках значения «старый», «предок». Вполне возможно, что именно это наиболее древние значения. В связи с этим сравните мысль О. Шрадера о близости **ano «*предок, прадед» и греческого α «вверх», причем предки могли восприниматься как такие, к которым обращались взоры наверх, как к началу рода. Естественно предположить, что индоевропейское **an-* относилось к предкам рода, почитаемым всеми членами рода и косвенно игравшим большую роль в жизни рода. Тогда остальные значения остается объяснить как более поздние переносы значений. Для **ă̆n-*, как и для индоевропейских *tă̆t, *mă̆m, *bă̆b, характерно несколько особое словообразование (сравните родственное редуплицированное **nan-* (с экспрессивным удли-

нением в славянском) в лужицком nan «отец» и других, упоминавшихся выше). Сюда же немецкие диалектные формы тирольского nēnə мужской род «дедушка», nūnə женский род «бабушка», тоже редуплицированные [23].

Итак, этимология лексемы «внук» определяется следующим: внук – украинский онук, древнерусский вънукъ, болгарский внук, мнук, словенский vnúk, чешский vnuk, польский wnuk. Литовское anûkas «внук» заимствовано из славянского [24].

В современных русском и немецком языках лексемы «внук» и «der Enkel» идентичны и имеют значение: 1) сын дочери или сына; 2) потомок.

Таким образом, рассмотрев специфику этимологической характеристики лексем кровного родства по мужской линии, следует отметить, что при изучении лексем необходимо связывать значения слов с жизнью определенного коллектива. Тем самым значение слова получает особые семантические, эмоциональные, стилевые и стилистические оттенки, которые отражают национальное своеобразие выражения мысли.

Список использованной литературы

1. Ешич М. Б. Культура в системе общества // Культура в общественной системе социализма. М., 1984. С. 124–138.

2. Нещименко Г. П. Проблема функциональной дифференциации национального языка в аспекте сопоставительного изучения славянских языков // X Международный съезд славистов: Славянское языкознание. М., 1988. С. 85–97.

3. Zima P. Jazyk a kultura // Slovo a slovesnost. 1978. № 1. С. 120–125.

4. Аклаев А. В. Духовная культура и этническое самосознание наций. М., 1990. 184 с.; Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.

5. Trier J. Vater, Versuch einer Etymologie // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Germanistische Abteilung. Bd. 65. Weimar, 1947. S. 98–115.

6. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938. Изд. 3-е. УРСС, 2002. 185 с.; Kuryłowicz J. Études indoeuropéennes, I. Kraków, 1935. 106 s.

7. Meillet A. Les dialectes indoeuropéens. Paris, 1922. 228 s.; Hermann E. Einige Beobachtungen an den idg. Verwandtschaftsnamen // IF. Bd. 53, 1935. 189 s.; Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves, T. 1. Paris; Lyon, 1950. 342 s.

8. Trautmann R. Die Elb- und Ostseeslavischen Ortsnamen. Berlin, 1948. 169 s.

9. Machek V. Germano-slavische Wortstudien // Casopis pro moderní filologii, Roč. 26, 1939. S. 33–48.

10. Schachmatov A. A. Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen // AfslPh. Bd. 33, 1911. 452 s.

11. Ушаков Д. И. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2005. 1239 с.

12. Duden C. Etymologie: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. 2, völlig neue Bearb. u. Erw. / Aufl. Von Günter Drosdowski. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1989. Bd. 7. 844 s.

13. Duden C. Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim, Leipzig, Wien, 2007. 1379 s.

14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. СПб.: Терра-Азбука, 1996. 2938 с.

15. Walde – Pokorny. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Berlin; Leipzig, 1926–1932. 789 s.

16. Ibid.

17. Ушаков Д. И. Указ. соч.

18. Duden C. Etymologie.

19. Duden C. Deutsches Universalwörterbuch.

20. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Астрель, 2004. 1152 с.

21. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 11. Aufl. Berlin u. Leipzig, 1934. 1326s.

22. Schrader O. Über Bezeichnungen für die Heiratsverwandtschaft bei den indogermanischen Völkern // IF. Bd. 17, 1904. S. 34–56; Hirt H. Untersuchungen zur idg. Altertumskunde // IF. Bd. 22, 1907. S. 84–112.

23. Schrader O. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Strassburg, 1901. 308 s.

24. Фасмер М. Указ. соч.

УДК: 821.161.1

Статья посвящена сходству и различиям природы смеха в творчестве поэта первой волны эмиграции Ю. Одарченко и главы поэтической группы ОБЭРИУ Д. Хармса. Подробно рассматривается проблема смешного, анализируются сходства и различия в подходах авторов к решению этой проблемы и к поэтическому ее воплощению. Именно в специфическом отношении к смешному содержится зерно того общего абсурдного мироощущения, которое объединило этих двух поэтов.

Ключевые слова. истоки смеха; проблема смешного; пародийное восприятие культуры; карнавал; маски; страх смерти; ирония; ужасный смех; черный юмор; цинизм; лиризм; гуманизм; жалость.

The article is devoted to some features of philosophy of ridiculous by the two poets, J. Odarchenko, the little-known poet of the first wave of emigration, and the well-known Russian poet D. Kharms, the writer who was the head of poetic group OBERIU. In the article the problem of ridiculous is considered in detail, similarities and distinctions in approaches of the two authors to this problem and to its poetic implementation are analyzed. The specific relation to the ridiculous contains the elements of «absurd» attitude is shared by the two poets.

Key words: laughter sources; problem of ridiculous; parody perception of culture; carnival; masks; fear of death; irony; awful laughter; black humor; cynicism; lyricism; humanism; pity.

О. В. Постоянцева

Литературный институт имени А. М. Горького (Москва)
E-mail: postoyantseva@gmail.com

Истоки смеха: Юрий Одарченко и Даниил Хармс

Научная статья

O. V. Postoyantseva

Literary Institute named after A. M. Gorky (Moscow)
E-mail: postoyantseva@gmail.com

Laughter Sources: Jury Odarchenko and Daniel Kharms

Scientific article

В начале 1990-х г., когда читателям метрополии стала доступна эмигрантская литература, на страницах поэтических журналов заговорили о любопытном сходстве эмигранта-«маргинала» Ю. Одарченко, выпустившего в 1949 г. свою единственную книгу стихотворений («Денёк»), с поэзией знаменитых «маргиналов» круга ОБЭРИУ. Мнения критиков разделились: одни увидели в этом сходстве *генетическое* явление [1], другие именно *влияние*, полагая, что поэт-эмигрант «наследовал традиции» обэриутов [2]. С. Иванова, составитель и редактор книги «Сочинений» [3] Одарченко, также уделила особое внимание этому сходству, предложив вниманию читателя конкретные приметы этой «общеобэриутской» манеры: 1) взгляд на предмет «голыми глазами»; 2) особая логика дисгармонии: дурная бесконечность, порочный круг, вереница нелепых историй; 3) пристальное внимание ко всему хрупкому, быстроживущему, обреченному на скорую гибель [4]. В самом деле, перекличку с мотивами поэзии Одарченко можно найти в стихах почти каждого поэта, близкого группе ОБЭРИУ: А. Введенского, Н. Заболоцкого, Н. Олейникова, И. Бахтерева. И все же, на наш взгляд, специфика поэтического зрения поэта Одарченко – по своим главным внутренним качествам – особенно близка опытам Д. Хармса. Неведомые друг другу ровесники по разные стороны кордона фактически создали одну и ту же эстетику.

Вспомним главную претензию А. Бахраха, первого рецензента на книгу стихов Одарченко: «Почему поэт вынужден заслоняться от нас личинами? Почему не говорит открыто на своём языке?» [5]. Тот же вопрос не раз задавали себе и исследователи творчества Хармса. На наш взгляд, это, прежде всего, вопрос о едином историческом типе сознания «младшего» поколения революции, «детей» 1900-х гг. рождения с общим генетическим кодом и потому во многом общей поэтической судьбой. Важный момент, повлиявший на сознание этого поколения, связан с иронически-игровым пародийным восприятием культуры, которое зародилось в России на рубеже веков. В это время был отмечен небывалый массовый интерес к сцене:

© Постоянцева О. В., 2011

спектакли самых разных театров имели большой успех, возрождались традиции площадного действа, где основными художественными средствами становились плакат, гротеск и карикатура. Главную роль в этих постановках играли не характеры, но маски. Карнавал определял стиль эпохи, оказывая влияние даже на образ жизни людей: многие стремились выразить свои эстетические принципы в своем поведении [6]. «Артистический жест» был общим врожденным свойством натуры Хармса и Одарченко: так, если первый, по воспоминаниям современников, во время делового разговора невозмутимо вынимал изо рта цветные шарики [7], то второй носил, не снимая, эксцентричный синий берет, нервно смахивал с плеч собеседников «юрких зелёненьких чертенят» и всегда брился вслепую, ибо панически боялся зеркал [8]. Смех как реакция на обессмысливание окружающего постреволюционного послевоенного мира, на крайнее разобщение, разъединение людей странным образом соединил этих поэтов. Болезненно пережив в новом мире неадекватность традиционно серьёзных ценностей и слов, они раз и навсегда отшатнулись от «высокой» лексики, используя иронию как защитный покров мысли и чувства. Поэты одного поколения, как правило, крепко между собой связаны. Так, несмотря на довольно позднее (по сравнению с Хармсом) вступление Одарченко в литературу (конец 1940-х гг.), их психологическое единство для нас очевидно, и оно может быть и должно быть установлено.

Юрий Одарченко рассматривал смех как средство освобождения от необходимости и связанности, в которой человека держит трагическая цепь «серьезных» жизненных ситуаций. Неоднократно выражая свою позицию в стихах, он дал ей теоретическое обоснование в эссе «Истоки смеха» [9]. Его главная мысль, что человек стал человеком *вдруг*, когда впервые неожиданно для себя рассмеялся и смехом победил свой «главный страх», выражает едва ли не всю суть его эстетического отношения к действительности и способ ее художественного видения и постижения. Страх смерти – отчаянный липкий страх посмертного уничтожения личного «я»; неверие в бессмертие – главный человеческий страх. Чтобы пережить этот страх, полагал Одарченко, его нужно осмеять. Таким образом, смех для него – это своеобразное «благо», залог спасения «я» путём провозглашения его полной независимости и непричастности к конкретной невыносимой реальности жизни.

Исследователь творчества Д. Хармса, швейцарский филолог-русист Ж.-Ф. Жаккар, кратко затронув ту же проблему смеха в своей монографии [10], использовал довольно экспрессивное (и применительно к Хармсу очень точное) выражение «ужасный смех», рассматривая его как реакцию на трагический разрыв сознания автора: «я – мир, а мир – не я». В условиях абсурдного земного существования взрыв смеха, страшного и ликующего, рождается неизбежно как единственно возможное самоутверждение смертного человека. Еще характернее позиция Хармса раскрывается в его собственной заметке «О смехе»: «Есть сильный сорт смеха, когда смеётся только та или иная часть залы в полную силу, а другая часть залы молчит. <...> Это лучший смех. Скоты не должны смеяться» [11]. Таким образом, и для Хармса, и для Одарченко смех выполняет, прежде всего, функцию *силы*, разоблачающей серьёзность и демонстрирующей нам метафизическую *свободу* смеющегося человека. Основные формы «ужасного смеха» мы, вслед за исследователями творчества Хармса, определяем как «чёрный юмор» и «циничный смех» [12]. Однако между этими видами смешного, традиционно родственными до неразличимости, есть существенная разница, и очень важная для нас, так как именно в ней заключается принципиальное отличие поэтики Одарченко от поэтики Хармса.

В области «черного юмора» смешное обычно сочетается с чем-то необратимым и горестным: насилием, унижением, болью, смертью и т. д. Именно этот вид смеха («случаи» как жанр в прозе, «вариации» как жанр в стихах) фактически положен в основу всего творчества Хармса, и он же в изобилии встречается у Одарченко. Юмор такого рода претендует, прежде всего, на то, чтобы быть лекарством от главного человеческого страха – страха смерти, и это его основная черта. Насколько «преодоление» смерти (то есть бессмертие) кажется нам невозможным, настолько бесконечное число возможностей игры со смертью открыты чёрному юмору. Главный способ этого игрового преодоления и у Хармса, и у Одарченко один и тот же: толчок – падение – и смех «героя» над «трусом» в самом себе. С той лишь разницей, что для Хармса «толчок» находится уже целиком вне искусства в старом его понимании, так что «падения» его героев, как правило, подчёркнуто примитивны («Падение с моста», «Падение вод», «Вываливающиеся старухи», «Случаи» и т. д.); в то время как Одарченко свои «падения» все еще пытается

осмыслить сюжетно, «художественно», выстраивая своеобразную вертикаль надежды на спасение героя, увлекая по ней читателя выше и выше, чтобы в финальной, кульминационной точке с треском «спихнуть» его вниз.

Забирается чудак
Выше рая, на чердак…
<…>
С нами Бог! Со мной и с вами!
Озаряет нежно пламя:
Как в углу, на чердаке,
На тончайшем ремешке…
Свет погас. Теперь ни зги...
– Пашенька, Пашенька, помоги!..
(«В рай со свечкой не дойти…»)

Эти своеобразные падения призваны помочь нам взглянуть на себя трезво со стороны и обличить себя, осознав, как велико заблуждение человека относительно того места в мире, которое занимает его личное «я»[1] [13]. И в этом можно усмотреть элемент некоей спасительной «инициации» – и отчасти она действительно присутствует и у Хармса, и у Одарченко: чёрный юмор оказывается для обоих кратчайшим способом сближения с читателем, а сутью их диалога становится взаимная доверительная беззащитность и не-сокрытость человеческой боли и страха.

Претензия «циничного смеха» значительно серьезнее, так как он всегда апеллирует к истине и являет собой своеобразное «слово победителя». Если чёрный юмор еще можно представить формой защитной реакции от мира, то циничный смех – это уже отношение к миру, почти мировоззрение, которое отрицает стыд, сострадание и жалость как несоответствующие интересам личного «я». В основе такого смеха, как правило, лежит разоблачение «святынь»: имён, явлений или понятий, осмеяние которых традиционно переживается нами как кощунство [14]. У Хармса этот вид смеха встречается постоянно, и интенсивность его варьируется от невинных «анегдотов» из жизни Пушкина до умышленно-вульгарных «непристойностей», где уже собственно авторское чувство стыда переживается и преодолевается им со скандальным надрывом (таково, например, стихотворение «Баня», а также все его эротические стихи: «Жене», «Ты шьешь. Но это ерунда…», «Гости радостно пируют…» и т. д.) Наконец, предельно циничный смеховой характер имеет ряд его знаменитых сочинений о детях: «Меня называют катерпиллером…», «Я не люблю детей...», «Лидочка сидела на корточках…» и т. д. Неизбежно оказываясь в контексте гуманистических традиций русской литературы, для которой дети – абсолютная ценность, а их страдания – абсолютное зло, Хармс так настойчиво и демонстративно уничтожает их, что читатель вздрагивает (робеет) и предпочитает называть это литературной игрой или блестящей провокацией, которую нельзя воспринимать буквально. У Одарченко сочинений такого рода фактически нет. Многим его произведениям свойствен предельно чёрный, зловещий, типично «хармсовский» юмор, но всё-таки *не цинизм*. В сборнике «Денёк», на наш взгляд, есть лишь одно по-настоящему циничное сочинение: это интерпретация знаменитого библейского сюжета об Аврааме и Исааке; и параллель с Хармсом здесь особенно показательна: детская тема решается в том же откровенно кощунственном ключе.

Ой, ой, ой, что это за мясо?
Это же ягненок!
Ой, ой, ой, что это за мясо?
Это твой ребенок!
Аврааму слава!
Исааку слава!
Солнцу, звездам слава!
Человеку слава!
Жри его, орава…
Что это за жуть?.. –
Это райский путь.
(«Щи да каша – / Пища наша…»).

Речь автора предельно саркастична, даже глумлива, славословие сознательно вывернуто в срамословие, но за всем этим чувствуется «подпольное» страдание и мука: «Что это за жуть?.. – / Это райский путь». В отличие от Хармса, Одарченко любил детей больше всего в мире, только в них видел оправдание и спасение мира, если оно

[1] То, что Одарченко ценил в таких падениях именно это отрезвляющее «само-отчуждение», подтверждает эпизод из мемуаров И. В. Одоевцевой: «Однажды я пришла к Одарченко, и он сказал, что написал обо мне стихи. <...> Выдержав многозначительную паузу, он начал читать с особым трепетом в голосе: “Было счастье бесконечное, было платье подвенечное, шлейф как Млечный путь…” Я, конечно, узнала собственные строки. А потом последовал “подарок” Одарченко: “Вот так-так, а теперь чердак, / Богу помолись и в петле удавись”. Я просто ахнула. “Надеюсь, эти стихи принесут вам пользу”, – сказал он. <…> Оказывается, он прочитал у Толстого, что человека, которому очень плохо, надо толкнуть, чтобы он упал. Когда он встанет, то начнет новую, совсем другую жизнь».

еще возможно, и только им доверял самое сокровенное. Чувство мистической жалости и нежности к ребёнку (и шире, вообще – к беззащитному, маленькому человеку) присутствует в самых беспощадных стихотворениях «Денька». Это чувство почти всегда покрывает и побеждает циничный смех, воскрешая в нашей памяти детские образы Достоевского, его надрывно-сентиментальный мир «ангельчиков» и их «неискупленных слёзок». Для Хармса человек *жалок*, но для Одарченко он еще и *жалостен* – именно здесь разница между ними становится очевидной и решающей. Игровое уничтожение главных гуманистических ориентиров русской литературы неизбежно оборачивается для Хармса реальным уничтожением врождённого душевного целомудрия и десакрализацией самих основ жизни. В этих условиях его смех теряет уже все потенции инициации, превращаясь в обыкновенный хамский смех, «нагло хохочущий рот» [15], бессмертный по-своему. В то же время «зловещие» свойства поэтики Одарченко оказываются второстепенными, как только на первый план прорывается сокровенная составляющая его поэтической личности – способность жалеть, ее неистребимое гуманистическое начало.

Список использованной литературы

1. Маневич Г. И. «Я расставлю слова...» // Журнальный зал: Арион. 1996. № 4. URL: http://magazines.russ.ru/arion/1996/4/odarch1.html.

2. Леонидов В. В. Юрий Одарченко // Новая юность. 1996. № 19–20. С. 140.

3. Одарченко Ю. П. Сочинения. М.; СПб.: Летний сад, 2001. 255 с.

4. Там же. С. 20–21.

5. Бахрах А. В. Семеро в поисках своего «я» // Новоселье. Париж; Нью-Йорк. 1950. № 42–44. С. 213.

6. Бахтин М. М. Беседы с проф. В. Д. Дувакиным. М.: Согласие, 2002. С. 212–215.

7. Герасимова А. Г. ОБЭРИУ. Проблема смешного // Вопросы литературы. М.: 1988. № 4. С. 48–79.

8. Померанцев К. Д. Оправдание поражения: Георгий Иванов, Владимир Смоленский, Юрий Одарченко // Мосты. Нью-Йорк. 1966. № 12. С. 242–265; Его же. Юрий Одарченко и его мир // Ю. Одарченко. Стихи и проза. Paris: La Presse Libre, 1983. С. I–XVII; Его же. Сквозь смерть: Воспоминания. London: OPI, 1986. 194 с.

9. Одарченко Ю. П. Указ. соч. С. 198–206.

10. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб: Академический проект, 1995. С. 253.

11. Хармс Д. И. Записные книжки. Дневник: в 2 кн. Кн. 2. СПб.: Академический проект, 2002. С. 179.

12. Гладких Н. В. Эстетика и поэтика прозы Д. И. Хармса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2000. URL: http://gladkeeh.boom.ru/Kharms/Autoreferat.htm.

13. Одоевцева И. В. На берегах Леты: главы из ненаписанной книги // Русская мысль. Париж, 1990. 23 нояб. С. 12.

14. Гладких Н. В. Указ. соч.

15. Блок А. А. Ирония // Собрание сочинений: в 9 т. Т. 5. М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1962. С. 346.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 008

Несмотря на известное философское положение «культура – вторая природа», истоки его недостаточно ясны. При анализе историко-философских текстов уточняется связь его с духовной традицией христианского Востока. Восточнохристианские авторы используют его для религиозно-философской оценки современного состояния человека. «Вторая природа» на языке святых отцов означает перерождение и неестественное положение духовного ядра человека – личности. В результате её деятельности, или культуры, создаётся искусственная среда, «вторая природа», в которой находит свои корни духовный кризис современного человека и его цивилизации.

Ключевые слова: личность; духовная природа человека; культура; творческая энергия.

In spite of the famous philosophical proposition «culture is the second nature» its origins are not quite clear. While analyzing the historical and philosophical texts its connection with the spiritual tradition of the Christian East is specified. The Eastern Church authors use it for a religious and philosophical assessment of a present-day state of a human. «The second nature» in the language of holy fathers means the degeneration and unnatural state of a spiritual nucleus of a human – a personality. As a result of its activity or culture an artificial environment is created, «the second nature», where a spiritual crisis of a modern human and his civilization finds its origin.

Key words: personality; the spiritual nature of man; culture; creative energy.

А. Г. Шустров

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: a.shustrov@list.ru

Понимание культуры как второй природы у восточнохристианских авторов

Научная статья

A. G. Shustrov

P. G. Demidov Yaroslavl State University
E-mail: a.shustrov@list.ru

Understanding Culture as a Second Nature in the Eastern Christian Writers

Scientific article

В контексте восточнохристианской философии грехопадение человека изменило не только его дальнейшую судьбу, но и всего творения. В соответствии с библейским мировоззрением человек не должен *жить* в естестве. Более того, по самому определению жизни как Божественной Благодати, или энергии, встречающемуся у христианских авторов, она в естестве и невозможна. Жизнедеятельность человеческой природы, по учению отцов Церкви, должна осуществляться в свете Божественного миротворения. Как говорит Псалмопевец, Бог поставил человека Владыкою над делами рук своих [1]. «Дела рук своих» в христианской литературе означают осязательность. Ум, неразрывно связанный с рассудком и чувствами, не может и не должен питаться плодами активности своей природы. Напротив, в первобытном состоянии он сам питает их энергией творчества, улавливаемой им свыше. Естество, входящее в состав человека и заканчивающееся чувствами, христианство считает безжизненным, т. к. источником жизни тело не является.

Обратиться всеми силами духа к чувствам на христианском языке означает войти в свою природу, данную человеку в подчинение, как *культуру*. Поэтому культура в христианском миропонимании рассматривается *как вторая природа,* место пребывания человеческого лица, или духа, после его ниспадения с духовных высот. Человек не приспособлен к земле. В отличие от тварных сущностей, связанных с веществом временем становления и распада, у него нет определенного *времени* земного существования, отведенного ему от сотворения мира. У него совершенно

© Шустров А. Г., 2011

отсутствуют какие бы то ни было общие земные нормы, например сна, отдыха, питания. Его ум, столкнувшись со временем, остается бессильным. Время, являясь обратной стороной вечности, в отличие от неё, не имеет сущности и поэтому непознаваемо.

Изгнание из рая в библейском сознании означает, что человек, будучи существом *общественным*, т. е. находящимся в постоянной связи с Богом, остался одиноким, один на один с принадлежащей ему «землей». Теперь он вынужден не *жить* со своей природой, а *быть* в своей природе, *обрабатывая землю* не в свете, а в поте лица [2].

Новая среда обитания человека оказалась для него настоящим *дном*, куда не доходят прежде легко доступные благотворные лучи. Творчество всегда легко, как говорит Иоанн Златоуст, земля же всё отдает с *трудом* [3]. По словам Игнатия Брянчанинова, собственный свет человеческого ума слаб [4]. Дионисий Ареопагит отмечает, что труд является деятельностью падшего ума [5]. В соответствии с христианским Преданием *вся деятельность человека понимается как культура*, но осуществляется после грехопадения с трудом. Человеку теперь *трудно*, почти невозможно жить. Он потерял силу, энергию и цель. «Вы не те, кем должны быть», – говорит апостол [6]. Всяк человек – суета, поётся в Псалтыри. «Что есть человек? Он подобен дуновению. Дни его – как уклоняющаяся тень» [7].

Игнатий Брянчанинов сообщает, что человек, будучи землей, лишен возможности ею владеть [8]. У Григория Паламы мы находим, что человек – земля и должен сам себя обрабатывать [9]. Одно дело, когда это совершается Богом, который не уподобляется Своему созданию, другое – деятельность человеческого духа, пожелавшего стать «как Бог» [10]. Слово «как», употребленное в Священном Писании, говорит о всей нереальности и даже пародийности ситуации. Бог, пишет Иоанн Златоуст, сотворил всё из ничего быстро и содержит все в сохранности [11]. Человек, отмечает Иоанн Кассиан Римлянин, при творении может быть лишь посредником [12]. Игнатий Брянчанинов дополняет эту мысль: «Мы ничего не делаем из ничего. Способности вложены в наше естество» [13].

Отвернувшись от Бога, что является в христианском догматическом учении источником греха, человек изменил свой образ. Его способности, пишет Игнатий Брянчанинов, осквернены грехом [14]. Далее он же добавляет мысль, принадлежащую всему православному Преданию, что это состояние человека *неестественное* и *болезненное*. Свойства же человека в болезненном состоянии называются *страстями* [15]. Поэтому культуру в свете христианской антропологии можно также понять как болезнь или страсть. Болезненность определяется тем, что ум перестает контролировать свою природу и пленяется рассудком и чувствами.

В естественном состоянии человека, как пишут христианские авторы, дух универсален, поскольку поднимается над землей и может обозревать все сущности мира. По словам Иоанна Кассиана Римлянина, ум без цели принимает форму внешних обстоятельств [16]. Природа для него стала чуждой и неизвестной. Человеческая ипостась, имевшая жизнь сама в себе, теперь спотыкается и преклоняется перед каждой формой или тварной сущностью из-за незамеченного прежде времени. Формы тварных вещей во времени остаются неизменными и воспринимаются «как боги». Текучесть вещества не предоставляет возможности воспользоваться ими. Больной ум надеется, как прежде, опереться на нечто неизменное и постоянное в своих чувствах и мыслях. Ему нужно быть «как Бог», т. е. иметь над кем-то абсолютную власть. Таким образом, на земле человек становится богом *инструментов*, или, что точнее, «как бы богом». Вместо своей некогда живой природы он создает *протезы*. Орудие представляет собой единство рассудочного и чувственного. Это омертвелый продукт, выработанный безжизненным естеством человека. Но без него *обрабатывать землю* невозможно. Искусственным инструментом, а не как прежде – энергией жизни посредством разума он рассекает материю. Обработать землю означает в православном Предании придать ей *вид,* или лицо, чтобы она, хотя и неодушевленная, могла принимать участие в высшем, расти, как бы видеть. Через вид время соединяется с вечным. Орудие должно донести веществу энергию мысли. Но сам инструмент является отражением человека, лишившегося света при грехопадении. В трудах отцов Церкви техника оценивается не как сила, а как человеческая слабость.

Христианское Предание осмысливает личность как погруженную во тьму веков. Так началась история, не имеющая своей цели. Под историей христианская мысль понимает единство *событий*. Событийный уровень существования, связанный с переменой чувств, неестествен для человека. Он оказался в мире *происхождений*. Происходит, по выражению Дионисия Ареопагита, только становящееся. Свет творческих энергий, замечает тот же автор, оказывает действие только на то, что способно воспринимать свет [17]. Становящие качества неустойчивы. В этих обстоятельствах ум человеческий, его духовное око, оказался почти слепым и опирается на инструмент как на *посох*. Им слепец ощупывает мир, не имея ни постоянных знаний о нем, ни пути, ни направления движения.

Как разум естественного человека соединяет существующее с несуществующим, чувственно выраженную материю с рационально постигаемыми силами мира, так и орудие как искусственный интеллект является чувственным отпечатком ума. Дух человеческий пытается себя выразить в другом материале, как ему кажется, послушном и надежном. Орудием ум надеется *победить время*.

Самообман больной личности, в контексте восточнохристианской мысли, заключается в том, что её действия не содержат в себе истины, а очень на нее *похожи*. Инструмент не может быть опорой духа, исходя из определения, потому что в нем чувственности больше, чем рассудочности. Он является яркой демонстрацией постепенного истощения и гибели интеллекта. Как мысль начинается с тонкости ума, не препятствующего движению творческих энергий Благодати, так и инструмент в подражание духу начинается с остроты вещества, следовательно, *чувств*. Страстность культуры предстает здесь как движение ума к чувственной *крайности*. Сама же рафинированность чувств расценивается в православной этике как развращенность.

Инструмент начинается с искусственного создания *острого* края или угла вещества. Тонкость и острота – не одно и то же. Тонкость – это природа ума, создающая условия восприимчивости к творящим энергиям. Проникновенность духа светом превосходящего его требует от человека творческой пассивности, а последняя, в свою очередь, определяет универсальность человеческой личности. Острота ума является следствием грехопадения. В первозданном состоянии он, приближаясь в слове к веществу, рассеивается. Форма движения его напоминает пирамиду. Духовная вершина дает узреть вещественные основания. Рассеивание не позволяет духу глубоко проникнуть в материю и связать себя чувственностью. Утрата цели движения, что, по мысли отцов Церкви, и составляет основу греховности, делает пирамиду человеческого духа перевернутой. Глубь мироздания теперь рассматривается не в его Создателе, а в противоположном Ему *бытии*. Последнее не пропускает творческих энергий и поэтому называется *плотью*. Уподобляющийся ей человек приобретает те же свойства. В Священном Писании плотью назван весь человеческий состав [18]. Игнатий Брянчанинов пишет, что падший человек ведет себя как вечный на земле, ниспадает в состояние нижеестественное, плотское, которое по отношению ко Христу есть смерть [19].

Человеческая неестественность *производит*, т. е. изменяет все вокруг, заражает греховной болезнью и лишает природности. На христианском богословском языке это называется *истощанием,* т. е. изменением сущности. По словам Дионисия Ареопагита, производит только безжизненная сущность [20]. Производить – следовательно, быть связанным с материей и выражаться в ней, иметь самостоятельность в переменчивости и во времени. В этом смысле производство отличается от творчества, под которым святыми отцами понимается божественное. Собственно человеческая природа очень слаба [21]. В первозданном состоянии она пассивна и послушна ему, являясь его помощником. Потерявший цель движения и изменившийся ум, вместо пользования собственной природой, вошел в нее, исказив и ее самою, сросся с ней, перестал быть независимым. То, что окружает теперь человеческий дух, в христианской модели мысли является *второй природой* уже в отношении последовательности. Выполнить данную от создания задачу человеку с такой природой невозможно.

После изгнания из рая, как говорится в книге Бытия, Адам возвращается в *землю*, из которой был взят. «Ибо ты прах и в прах возвратишься». Сама же земля произрастит для человека только тернии и волчцы [22]. Поэтому производить в

человеке может только ум, ведущий себя «как бог». Обрабатывать *землю свою* он должен в поте лица [23]. Производить – значит выражать себя в другом, не терять с ним внутренней связи и входить в его состав. Уму питаться землей противоестественно и трудно [24]. Более того, такая деятельность безрезультатна, т. к. природа земли есть прах. Как пишет Исаак Сирский, ежедневно, пока стоит земля, надлежит нам нужда исторгать из нее терния [25].

Тело наше, по православному вероучению, – состав безсущностный. Оно содержится в ипостаси, или лице, или духе, или уме, а иногда в этом же смысле употребляют слово душа. Бестелесная часть человека вполне самостоятельна и от телесной не зависит. Обращение всего внимания к собственному веществу делает зависимым ум от инструмента, чем для него являлась прежде вся земля. Дух нуждается теперь в самопроизводстве, потому что ощущает свою конечность. Производить – здесь понимается как поддерживать пошатнувшееся.

Тело и дух, в соответствии с святоотеческой антропологией, соединяются в ощущении, в касании вещества. Оно может быть рассеянным, как в первозданности, когда ум, сохраняя свою высоту, мог воспринимать все естество. При падении личности мир дается ей в остротах. Она как бы нанизывается на его законы, которые все глубже проникают в ее область, пока полностью не освоят ее душу и тело. Священное Писание и Священное Предание сравнивает движение от Бога с движением против рожна. Об этом говорится в Деяниях апостолов. Апостол Павел, будучи еще Савлом и преследователем Христа, идя по пути в Дамаск, упал на *землю* (курсив наш. – *А. Ш.)* и услышал голос: «Трудно тебе идти против рожна» [26]. Ум пронизывается раздражителями тела и прикрепляется к ним. Действуя на них по естеству своему словесно, он превращает их в чувства, которыми управлять не в силах.

Прежде, говорит Иоанн Златоуст, человек славил Бога своей природой, т. е. глазами, мыслями, поступками [27]. Орудие – это символ плотского человека, рассекающего его острием вещество в поисках света истины, но натыкающегося на него же и поражающего им самого себя. Человек видит в игле инструмента способ Богопознания, постижение другого, иного, чем «я». Остается же он один на один со своими ощущениями, чувствами, переживаниями, мыслями. Будучи существом общественным, связанным с Творцом от своего создания, человек после падения по причине гордости и тщеславия, по словам Игнатия Брянчанинова, стал *односторонним* [28] (курсив наш. – *А. Ш.*).

Если в естественном положении человеческий ум господствовал над телом, то после падения он зависит от инструмента, как своеобразного духовного истукана. Эти идолы – дела *рук* человеческих (курсив наш. – *А. Ш.*), говорит Давид Псалмопевец [29]. Орудие ведет человеческую природу словно на убой [30], приковав ее к себе страстью, возникшей из болезненности ощущений. Ум, отмечает Григорий Палама, вместо властелина человека превратился в раба страстей [31]. Дух не содержит тело, а содержится им [32]. Само же человеческое естество находится еще в одной среде. Максим Исповедник обозначает это как «то, что окрест тела» [33]. Священное Писание называет эти новые одежды «кожаными ризами» [34].

Филарет Дроздов толкует данное место из книги Бытия таким образом: «Бог дал падшим человекам плоть скотоподобную» [35]. Одежда является памятником стыда, греховности и, наконец, смертности. Но в то же время она свидетельствует, как пишет тот же автор, о Божием Промысле и милосердии к грешникам. «Кожаные ризы» защищают человека от действий внешних сил на его тело. В них он уже не может пользоваться орудием, знаменующим бессмертную жизнь, как было при создании. Имеется в виду орудие воли, веры, слова, цели, желания.

В библейском сознании до грехопадения Адам должен возделывать *рай* орудием вечности. После падения он вынужден возделывать *землю*, из которой взят, искусственными инструментами. «Теперь человек сам должен устроять в состав тела смертного. Он должен…пересоздать свое тело, чтоб истребить в нем останки запрещенного плода…» [36]. Наказание заключается не только в труде, т. е. неестественности протекания духовной и телесной жизни, но и в его бесплодности. «Без меня ничего не можете делать» [37]. Ветви, отпавшие от лозы как древа жизни, засыхают.

Человек, как пишут христианские авторы, оказался на земле, в среде для него неизвестной

и темной. Эта новая среда, в которой действует ум, на современном языке называется *культурой*. Чувственность земли требует для организации ее столь же ощутимых знаков. Они создаются умом, что лишает его ипостасности. Страсти, по словам Максима Исповедника, связывают дух с материальными вещами. По природе же своей он легче огня и без труда рассекает время [38]. Теперь ум действует во временных рамках, производя целые *эпохи*, где созидательная энергия его и разрушительная времени уравниваются, после чего сила распада берет верх, сводя на нет все плоды культуры.

Самая главная *трудность* человека, как отмечают святые отцы, – «быть как Бог». Душа, привыкшая к постоянству, гибнет от неизбежной текучести, в том числе и от переменчивости собственного тела. Укрепить землю означает заставить ее что-то произвести. В книге Бытия говорится, что земля по слову Бога произвела душу живую: зверей, скотов и гадов земных [39]. Эти сущности с ней связаны, и ее бытие к ним стремится в желании быть осуществленным. Но в них она не может достичь покоя, т. к. те по ее роду созданы. Человеку, сотворенному по образцу и подобию Бога, дано задание – привести землю в совершенство. Слово было главной силой его ума. Оно касалось вещества и возвращалось к Творцу творческой энергией истины. Падший дух теряет творческое слово. Оно на земле не содержит истины, в святоотеческом понимании слова [40]. Им ум пытается воссоздать себя в веществе. Он роняет слова как семена. Из них вырастают одни «тернии и волчцы». Его слово «стало плотью».

Идущее к своей цели утоньшается. Мир создан так, что все выходящее из земли имеет остроконечную вершину. Грех перевернул пирамиду. Для человека, в контексте восточнохристианской философии, земля стала *целью*. Острота как сила единства плоти облекла слово и произвела инструмент, созданный по его образу. Плоть едина только в момент ощущения. Ощущение точечно, как касание к течению бытия. Мгновение служит единицей времени. Отделяться – вот главная характеристика времени. Как пишет Максим Исповедник, человек порабощен времени [41]. Сам того не подозревая, ум его видит в ощущении *просвет* и стремится к нему, словно к истине. Поэтому сознание современного человека узкое, фрагментарное, *точечное*. Оно, скорее, и не сознание, которое подразумевает организацию духовной жизни, связанную с вечностью, а *мнение*, постоянно меняющаяся *точка зрения*. Апостол Павел пишет, что плотское мудрствование есть смерть [42]. Мертвый не ощущает своей смерти, развивает эту мысль Игнатий Брянчанинов, также и плотское мудрствование не осознает своей погибели. Плотское мудрствование – это образ мысли о Боге и о духовном, заимствованный из состояния падения [43].

Игнатий Брянчанинов пишет, что падшее естество человека может развиваться только при обилии пособий, доставляемых ему обществом: при богатстве, при учености, при почестях и т. д. [44]. Сколь бы ни был тяжел и изнурителен труд для человека, главным итогом его будет мыслиться *отдых*. При этом во внимание берется не состояние ума, а положение чувств. Чем больше острота ощущений, тем исступленнее ум. В этом суть *праздника*, где человек утверждает свое падшее положение [45]. Обрабатывает землю ветхий человек. Разделяя ее инструментом, он разделяет собственную природу. Чувственность служит основой рода человеческого [46]. Она результат соединения слова с ощущениями, которые от вещества. Поэтому праздник культуры – это праздник чувственности, укрепляемой трудом.

Падший человек, по мысли восточнохристианских авторов, не признает над собой высшей воли. Он действует как вечный и приписывает себе сверхъестественные дарования, выраженные в его культуре. Культура для него то же, что и человек для Бога – средство организации и управления миром. Греховная поврежденность личности заставляет ее смотреть на жизнь глазами рода, целью для которого становится *победа над природой*.

Список использованной литературы

1. Псалтирь. 8,7

2. Библия. Книга Бытия. 3, 22; 17–19.

3. Иоанн Златоуст. Беседы на Псалмы. М., 2005. С. 119.

4. Игнатий Брянчанинов. Аскетическая проповедь. Минск, 2002. С. 12.

5. Дионисий Ареопагит. Сочинения. Максим Исповедник. Толкования. СПб., 2002. С. 359.

6. Второе послание апостола Павла к Коринфянам. 13, 5.

7. Псалтирь. 38, 6; 143, 3–4.

8. Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты: в 2 кн. Минск, 2001. Кн. 2. С. 443.

9. Григорий Палама. Гомилии: в 3 кн. М., 1993. Кн. 3. С. 157.

10. Библия. Книга Бытия. 3, 5.

11. Иоанн Златоуст. Указ. соч. С. 618.

12. Иоанн Кассиан Римлянин. Собеседования египетских отцов. М., 2003. С. 294.

13. Игнатий Брянчанинов. Аскетическая проповедь. С. 278.

14. Там же. С. 384.

15. Там же. С. 387.

16. Иоанн Кассиан Римлянин. Указ. соч. С. 23.

17. Дионисий Ареопагит. Указ. соч. С. 427, 623.

18. Послание апостола Павла к Римлянам. 7, 14–18.

19. Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Кн. 2. С. 143.

20. Дионисий Ареопагит. Указ. соч. С. 323, 427.

21. Игнатий Брянчанинов. Аскетическая проповедь. С. 12.

22. Библия. Книга Бытия. 3, 18, 19.

23. Там же. 3, 19.

24. Там же. 3, 17.

25. Исаак Сирин. Слова подвижнические. М., 2006. С. 126.

26. Деяния апостолов. 9, 4–5.

27. Иоанн Златоуст. Указ. соч. С. 631.

28. Игнатий Брянчанинов. Аскетическая проповедь. С. 67–68.

29. Псалтирь. 113, 13–15.

30. Второе соборное послание апостола Петра. 2, 12.

31. Григорий Палама. Указ. соч. Кн. 3. С. 27.

32. Там же. Кн. 2. С. 16.

33. Максим Исповедник. Творения: в 2 кн. М., 1993. Кн. 1. С. 117.

34. Библия. Книга Бытия. 3, 21.

35. Филарет Дроздов митр. Толкование на книгу Бытия. М., 2003. С. 115.

36. Там же. С. 119.

37. Евангелие от Иоанна. 15, 5, 6.

38. Максим Исповедник. Указ. соч. Кн. 1. С. 124, 128, 192.

39. Библия. Книга Бытия. 1, 24.

40. Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Кн. 2. С. 93.

41. Максим Исповедник. Указ. соч. Кн. 1. С. 209, 216.

42. Послание апостола Павла к Римлянам. 8, 6.

43. Игнатий Брянчанинов. Аскетическая проповедь. С. 286, 287.

44. Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Кн. 2. С. 403.

45. Игнатий Брянчанинов. Аскетическая проповедь. С. 468.

46. Максим Исповедник. Указ. соч. Кн. 2. С. 220–222.

ЭКОНОМИКА

УДК УДК 336.71

Глобальный экономический кризис и усиливающиеся процессы глобализации заставляют Россию искать новые пути и методы регулирования денежно-кредитной политики с целью скорейшего преодоления последствий кризиса. В этих условиях власти многих стран прибегают к валютным интервенциям, жесткому протекционизму и снижению курсов своих валют. В России сложились три основных подхода к вопросу выбора политики государственного валютного регулирования. В статье анализируются указанные подходы и обосновываются причины и последствия выбора каждого из них.

Ключевые слова: валютное регулирование; денежно-кредитная политика; глобализация; инфляция; ВВП; меры прямого и косвенного регулирования.

The global economic crisis and intensifying globalization processes lead to the need for Russia to seek new ways and methods to control its monetary policy to overcome the consequences of the crisis. In these circumstances the authorities of many countries have resorted to currency interventions, rigorous protectionism and the depreciation of their currencies. In Russia there are three different views on state policies for foreign exchange regulation. The given paper describes these views and provides reasons for adopting each of them, as well as outcomes of it.

Key words: currency regulation; policy of monetary credit; globalization; inflation; GDP; measures of direct and indirect regulation.

Н. В. Круглова

НОУ ВПО Вятский социально-экономический институт
E-mail: Cruglova.@yandex.ru

Валютное регулирование и финансовая политика России в условиях глобализации

Научная статья

N. V. Cruglova

Vyatka Socio-Economic Institute
E-mail: Cruglova.@yandex.ru

Currency Regulation and Financial Policy of Russia in Globalization Environment

Scientific article

Особенности экономического положения современной России: сокращение ВВП, огромная скрытая инфляция, высокая безработица – обусловлены одновременным влиянием нескольких факторов. Во-первых, это глобальный экономический кризис, изменивший условия международной торговли. За два года были истощены значительные резервы, накопленные в годы экономического бума, исчез внешний спрос, что свидетельствует об ослаблении внешней торговли и сокращении притока капитала. Во-вторых, и это тоже следствие того же кризиса, резко изменилась величина внутреннего потребления. А ведь характерной особенностью периода экономического роста в России (1999–2008 гг.) являлось превышение уровня внутреннего спроса над уровнем роста ВВП (рис.). Это последствие увеличения объемов потребления и инвестиций, роста реальных зарплат и чистого дохода и во многом результат накопления нефтяных богатств. Средний ежегодный темп роста внутреннего потребления составил тогда 10%. С началом кризиса этот показатель резко снизился.

За время кризиса, а именно к 2009 г., резко упали темпы потребления и инвестирования. Общие инвестиции в основной капитал сократились на 18,2%, в то время как на протяжении семи лет этот показатель демонстрировал двузначные положительные значения (см. рис.). Темпы роста потребления в 2009 г. также сократились на 5,4% в отличие от непрерывного их роста в течение предыдущих лет [1]. Объемы инвестиций и потребления стали основными факторами, обусловившими отрицательный рост ВВП. Общий объем инвестиций отнял 9,4% у показателя

© Круглова Н. В., 2011

роста ВВП, 5,5% из этой величины составляет снижение товарных запасов. Спад темпов потребления уменьшил ВВП еще на 3,7%.

Автор не разделяет поспешных прогнозов отечественных аналитиков по поводу быстрого выхода России из кризиса и наращивания трех важнейших составляющих этого подъема: внутреннего спроса – инвестиций – снижения инфляции. Сегодня нет благоприятных факторов, например таких, как были в предыдущие года подъема. Это последовательное и устойчивое повышение цен на нефть, а также существенное удешевление рубля. Плюс к тому мировые тенденции валютного регулирования, связанные с глобализацией, ухудшают ситуацию. Но, как считают «экономисты-оптимисты», безвыходных ситуаций не бывает.

Новые условия мировой торговли и новая политическая ситуация требуют от России новых решений и применения новых методов и инструментов регулирования. Многие постулаты экономики прошлого века устарели. Эти новые процессы и последние тенденции связаны с глобализацией, интернационализацией экономики, ролью Федеральной резервной системы США, диктующей правила игры мировой валюты – доллара и выполняющей функции мирового финансового центра и в известном смысле – мирового центра торговли, связавшей большую группу стран мира воедино.

По нашему мнению, основанием для роста экономики станет возрождение внутреннего спроса. Растущий внутренний спрос и пополнение товарных запасов, обеспеченных растущими показателями индекса уверенности потребителей, – основные факторы роста. Еще одним толчком для дальнейшего роста экономики должны стать регулятивные меры государства.

Действия правительства, влияющие на валютный курс, принято делить на меры прямого и косвенного регулирования. Меры прямого регулирования дают быстрый и ощутимый эффект. К ним относятся:

1. Политика учетной ставки. Повышая учетную ставку (процент по кредитам, предоставленным центральным банком страны коммерческим банкам, или дисконт при учете их векселей), Центральный банк (ЦБ) прямо воздействует на повышение обменного курса валюты. Ведь при высоком проценте коммерческие банки меньше берут кредитов и меньше покупают иностранной валюты. Снижение спроса на нее приводит к росту курса национальной валюты. Если же учетная ставка снижается, то обменный курс национальной валюты падает.

2. Валютные интервенции – это целевые операции по купле или продаже инвалюты для ограничения динамики курса национальной валюты. Если ЦБ покупает валюту своей страны (продает

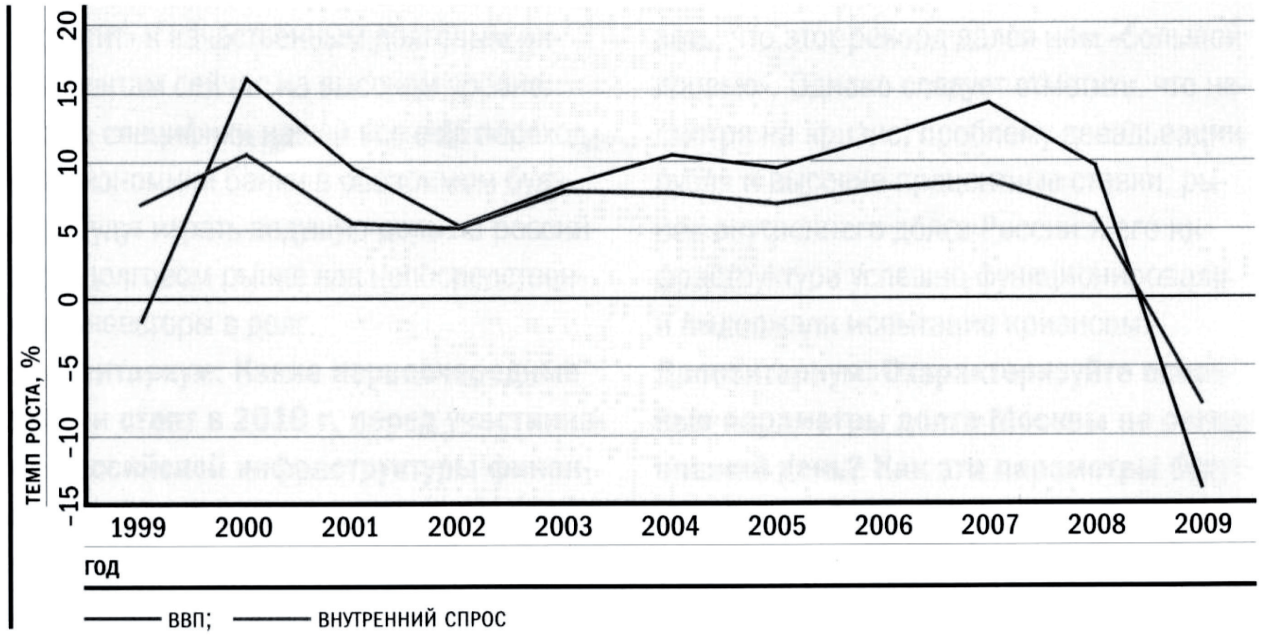

Рис. Внутренний спрос и ВВП России до начала и в период кризиса [2]

инвалюту) на валютных рынках, то это приводит к увеличению ее курса (растет спрос при неизменном предложении). И наоборот.

3. Девальвация (снижение курса своей валюты) и ревальвация (повышение курса). Косвенное воздействие на валютный курс оказывают все инструменты денежно-кредитной и финансовой политики. Если ЦБ проводит мероприятия, направленные на снижение инфляции в экономике, то это приведет к стабилизации обменного курса.

При ужесточении денежно-кредитной политики ограничивается рост денежной массы, сокращается предложение национальной валюты, что ведет к повышению ее курса. Смягчение денежно-кредитной политики создает тенденции к повышению курса национальной валюты. Ужесточение налоговой политики в целом, и особенно по отношению к нерезидентам, ведет к падению курса национальной валюты. Курс иностранной валюты по отношению к национальной, как известно, повысится, если:

– увеличится денежная масса в собственной стране, уменьшится денежная масса в другой стране;

– повысится ВВП в собственной стране, понизится ВВП в другой стране;

– понизятся процентные ставки в собственной стране, повысятся процентные ставки в другой стране;

– повысятся ожидаемые темпы инфляции в собственной стране, понизятся ожидаемые темпы инфляции в другой стране;

– повысится отрицательное сальдо торгового баланса собственной страны.

Но это говорит нам теория. А что мы имеем на практике?

Для начала немного истории. В 1992 г. в России был введен механизм единого плавающего валютного курса рубля по отношению к доллару США, который складывался под воздействием соотношения спроса и предложения на валютном рынке и практически определялся по результатам торгов на Московской межбанковской валютной бирже (ММВБ). Банк России использовал курс фиксинга ММВБ в качестве официального валютного курса рубля к доллару.

С июля 1995 г. был установлен режим валютного коридора, т. е. официально фиксируемых пределов колебаний текущего валютного курса рубля против доллара, поддерживаемых Банком России с помощью интервенций на валютном рынке. В мае 1996 г. Банк отказался от определения официального курса рубля путем привязки к фиксингу ММВБ и начал устанавливать его исходя из собственных оценок соотношения спроса на иностранную валюту и ее предложения, а также динамики основных макроэкономических показателей. Однако из-за обострения валютного кризиса власти в сентябре 1998 г. вынуждены были прекратить использование практики валютного коридора и валютный курс рубля вновь стал свободно плавающим. С целью сглаживания колебаний рыночного обменного курса рубля Банк России систематически использует механизм валютных интервенций.

С 1 марта 2011 г. Банк России изменил механизм курсовой политики. Так, проведено симметричное расширение операционного интервала допустимых значений рублевой стоимости бивалютной корзины (сумма 0.45 евро и $0.55, используемого для сдерживания излишне резких колебаний валютного курса). Кроме того, снижена величина накопленных интервенций, приводящих к сдвигу границ операционного интервала, с $650 млн до $600 млн. Указанные изменения были реализованы Банком России в рамках деятельности по постепенному переходу к режиму инфляционного таргетирования, что, согласно «Основным направлениям единой государственной денежно-кредитной политики на 2011 год и период 2012 и 2013 годов», является приоритетной задачей ЦБ в среднесрочной перспективе, комментирует решение ЦБ Виктор Белинский [3].

Сегодня в России действует плавающий операционный коридор, в рамках которого совершаются интервенции. С 1 марта этот коридор расширен до пяти рублей. Нижняя граница коридора – 32,45 рубля, верхняя граница – 37,45 рубля. Руководство ЦБ считает, что в условиях высоких цен на нефть расширение плавающего коридора бивалютной корзины будет способствовать укреплению рубля в краткосрочной перспективе и поможет обуздать инфляцию.

Еще одно новшество этого года – уменьшение предельного объема накопленных интервенций, при котором происходит «сдвижка» границ операционного коридора на 5 копеек. Сегодня это $600 млн. Прежний лимит был на $50 млн больше. В феврале общий объем интервенций ЦБР составил порядка $4,5 млрд. Повысить прозрачность курсовой политики и раскрыть механизм и лимиты целевых интервенций ЦБР, по словам заместителя председателя банка, пока не намерен.

Как считают руководители ЦБ РФ, повышение ставок может привлечь спекулятивный капитал, но расширение валютного коридора отпугнет люби-

телей *carry trade* [4]. При этом ЦБ одновременно увеличивает резервные требования по обязательствам перед нерезидентами именно для того, чтобы несколько демотивировать приток спекулятивного капитала. Расширение валютного коридора – это механизм против подобных притоков, потому что он увеличивает риски на этом рынке, охлаждает игроков и стоит против *carry trade*. Укрепление рубля без расширения коридора означает больший объем приобретения валюты, значит, больший объем выпуска рублевой эмиссии, что создает большее давление на активы.

Борьбе с инфляцией будет способствовать и повышение ставок ЦБР и увеличение норм резервирования. Просчитано, что эта мера может отвлечь у банков около 100 млрд рублей. Меры ЦБР вкупе с решением правительства обнулить импортные пошлины на часть продовольствия и провести зерновые интервенции должны помочь обуздать рост цен [6]. Конечно, для стабилизации политической ситуации очень важно обуздать инфляцию, но последствия применения вышеназванных методов могут негативно сказаться на других показателях экономического развития. Поэтому необходимо «…взвесить все соответствующие ресурсы и возможности, связанные с определением разумного влияния на уровень нашей национальной валюты, который необходим для поддержки экономики», подчеркнул в своем выступлении на Съезде Российского союза промышленников и предпринимателей в апреле 2011 г. В. В. Путин [5].

Сегодня в российском финансовом, политическом и промышленном сообществах сложились разные мнения об основных направлениях политики валютного регулирования. РСПП выступает за политику укрепления рубля, мотивируя это следующим. На фоне высокой цены на нефть сегодняшний курс рубля неизбежно оказывает определенное давление на экспортные сектора в нашей экономики и с определенным опозданием он, безусловно, скажется и на обрабатывающих секторах. Конечно, при падении курса внутренней валюты падают издержки, выраженные в валюте внешней, и, казалось бы, что выигрыш очевиден, однако для сегодняшней России это уже не совсем так.

Во-первых, зарплата основных топ-менеджеров номинирована в долларах или евро; во-вторых, подавляющая часть комплектующих и оборудования покупается за пределами страны, поскольку внутреннее производство разрушено; в-третьих, есть еще «неформальные» внутренние издержки, которые тоже номинированы во внешней валюте так, что от курса рубля не очень зависят; в-четвертых, падение курса рубля означает высокую инфляцию и необходимость наращивать рублевые расходы, так что для сегодняшних экспортеров падение курса рубля вовсе не представляется чем-то замечательным. Они уже давно живут в мировой экономике, и рубль для них во многом – это абстракция [6].

Для импортеров падение рубля тоже невыгодно, поскольку при этом растут рублевые цены на их товары, а граждане в условиях кризиса их не покупают. Иными словами, крупный российский бизнес в падении курса рубля вовсе не заинтересован. А поскольку при капиталистическом методе ведения хозяйства, каковой и имеет место в современной российской экономике, крупный бизнес играет в определении экономической политики не последнюю роль, то премьер Правительства России В. В. Путин, обеспокоенный указанным обстоятельством, на своей встрече с руководством РСПП поручил ЦБ, Минфину и Минэкономразвития провести консультации с бизнесом по вопросу усиления влияния курсовой политики на экономику.

В нашей стране есть еще категория субъектов хозяйствования, а именно средние предприниматели, которые должны составлять основу национальной экономики. Это производители, ориентированные на внутренний рынок. Для них укрепление рубля крайне негативный фактор, поскольку их товары в массе своей сегодня проигрывают конкуренцию импорту. И даже тот факт, что для них оборудование становится дороже при падении рубля, их волнует в меньшей степени: оборудование покупается один раз, а потом долго работает. А вот если на рынке появляется дешевый импортный товар, то от дешевого оборудования толку нет: оно все равно ничего конкурентного произвести не сможет. И наконец, есть еще одна проблема – комплектующие и сырье, которые сейчас во многом тоже завозятся по импорту. Здесь, казалось бы, тоже все более или менее понятно: если рубль растет, то издержки на эти комплектующие падают, но опять-таки не все: зарплата и другие внутренние издержки растут, а у импортного производителя этого роста нет. Тем более при падении рубля, может быть, станет, наконец, рентабельно организовывать часть производства комплектующих внутри страны.

Есть и еще одно обстоятельство, а именно бюджет. Крупные экспортно-импортные компании налогов платят мало (относительно своего размера; таможенные и прочие платежи не в счет, они к курсу

рубля имеют слабое отношение), а вот реальные производители, малый и средний бизнес от повышения курса рубля «загибаются». Тем более, при сегодняшних обстоятельствах, а именно увеличении на целых 8% с 1 января 2011 г. страховых взносов с доходов работников, которые «легли» на работодателей. При этом, как известно, последние вообще перестают платить налоги, уходя на теневые зарплаты. Летом 2009 г. Минфин уже от этого пострадал, сейчас, судя по всему, начинается новая волна. Более того, закрывающиеся малые и средние предприятия – это еще и рост безработицы, и регионы отчаянно требуют в Минфине денег на пособия, включая жилищные субсидии для бедных. Денег же поступает в казну все меньше и меньше. Правительство обеспокоено тем, что ситуация становится критической, и слова, сказанные на съезде РСПП, означают на самом деле, чтотерпеть укрепление рубля очень трудно и Правительство, вероятнее всего, будет ориентировано на его ослабление.

Таким образом, в современной экономической ситуации, в условиях глобализации мировой экономики и необходимости поиска выходов из глобального мирового экономического и финансового кризиса, Россия должна искать новые пути регулирования экономических процессов на основе эффективной ситуативно выстроенной финансово-экономической политики.

Список использованной литературы

1. Федоров М. Восстановление: миф, оплаченный государством за счет увеличения своего долга // Рынок ценных бумаг. 2010. № 8.

2. Чакаров И. Россия: на выходе из пике // Рынок ценных бумаг. 2010. № 2. С. 17.

3. Белинский В. Краткосрочные операции кэрритрейд ухудшили ситуацию на рынке сырья, порождая пузыри 8 апреля 2011 г. // URL: http://bloom-boom.ru/blog/Specialsight/12858.html.

4. Aslund A. Carry Trade Aggravates the Oil Shock // URL: http://www.piie.com/realtime/?p=2104.

5. Цит. по: Хазин М. Путин поставил ультиматум профсоюзу олигархов // URL: http://newskey.ru/news/130319 (дата обращения 25.04.11).

6. См.: Хазин М. Указ. соч.

УДК 801

В статье рассматриваются инновационные подходы к экономической теории в условиях модернизации высшего образования в современных условиях. Анализируются спорные аспекты содержания курса экономической теории, обосновывается необходимость включения вопросов, посвященных формирующейся «новой экономике». Предлагаются формы и методы руководства возрастающей самостоятельной работой студентов на основе создания целого комплекса учебно-методических материалов. Даются ссылки на инновационные учебные пособия, разработанные кафедрой микроэкономики Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Ключевые слова: модернизация высшего образования; инновационная экономика; новая экономика; исследовательская работа студентов; самостоятельная работа студентов; рабочая тетрадь; эссе; кейс-стади; рейтинговая система оценки знаний.

The article deals with the new approaches to economics in the context of the modernization of the actual university education in present conditions. The analysis covers the controversial aspects of the courses on economics. The necessity of including issues of the New Economy into the course is justified. New forms of tutoring the growing bulk of students' research and out-of-class activities are proposed with the emphasis on creating complexes of teaching materials. The innovative recent textbooks by the faculty of the Microeconomics Department of the Finance University under the Government of the Russian Federation are referenced.

Key words: modernization of higher education; innovation economy; New Economy; students research activity; out-of-class students activity; student's book; essay; case-study; rating system.

А. К. Касьянова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: alkasian@mail.ru

Инновационные подходы к экономической теории в современных условиях высшей школы

Научная статья

A. K. Kasyanova

Finance University under the RF Government
E-mail: alkasian@mail.ru

New Approaches to Economics in Modern University Education

Scientific article

Процессы модернизации высшего образования потребовали новых подходов к преподаванию экономической теории как с содержательной стороны вопроса, так и с точки зрения использования новых приемов и методов изучения учебного материала. Если говорить о содержательной составляющей экономической теории, то в известном смысле в высшей школе пришли к определенному единству в понимании того, что общей основой для преподавания экономической науки, в частности для бакалавров, является так называемый «мейнстрим», синтезированный в тех или иных разновидностях из западного курса «Экономикс». И хотя споры по этому важнейшему вопросу не закончены, тем не менее следует признать, что данный курс включает в себя действительно общие основы рассмотрения закономерностей функционирования рыночной экономики.

Наиболее общие подходы, представленные в курсе экономической теории, могут быть дополнены и развиты такими современными экономическим теориями, как «Институциональная экономика», «Теория общественного выбора, «Теория отраслевых рынков» и др. С точки зрения расширения и углубления знаний и представлений студентов о подходах к экономическому развитию несомненный интерес могут представлять и другие дополнительные курсы, посвященные современным концепциям рассмотрения тех или иных актуальных макроэкономических проблем: безработицы, инфляции, циклических колебаний и др. Возможность включения таких курсов в учебные планы зависит от специфики вуза: определенная часть дополнительных курсов может быть включена как вузовский компонент учебных планов, другая часть может быть представлена как курсы по выбору. Такой широкий альтернативный подход уже является в известном смысле инновационным.

© Касьянова А. К., 2011

Инновационным в содержательной части курса экономической теории, составленного на базе общепринятых тем стандарта по данной дисциплине, является такой важный акцент, сделанный кафедрой микроэкономики Финансового университета, как рассмотрение основных вопросов курса на примерах из российской практики, а не американской или какой-то абстрактной экономики. В этом смысле инновационными являются и два ведущих учебника Финансового университета – «Микроэкономика: Теория и российская практика» (под ред. А. Г. Грязновой, А. Ю. Юданова) [1] и «Макроэкономика: Теория и российская практика» (под ред. А. Г. Грязновой, Н. Н. Думной) [2], которые выходят огромными тиражами, имеют большое число изданий как в России, так и за рубежом и являются хитами продаж учебной экономической литературы. В основе этих учебников лежит большой коллективный труд по синтезу экономической теории и российской практики. Кафедра микроэкономики ФУ продолжила и дальше этот процесс поиска «своей ниши» в образовательном процессе и новых подходов к преподаванию микроэкономики, результатом чего стало новое учебное пособие, еще более практически приближенное к будущим деловым задачам выпускника высшей школы – «Микроэкономика: практический подход. (Managerial Economics)» (под ред. А. Г. Грязновой и А. Ю. Юданова) [3].

Важен и другой инновационный подход к преподаваемому курсу экономической теории, связанный с теми серьезными качественными изменениями, которые происходят в современной экономике. Она переходит в стадию постиндустриальной, а следовательно, информационно-сетевой, глобальной, инновационной экономики, основывающейся на знаниях («knowledge-based economy»), то есть «новой экономики» в широком смысле слова. Думается, что этот аспект не должен быть не замечен и, более того, должен активно использоваться в преподавании. Во-первых, проблемы «новой экономики» могут быть учтены практически во всех темах курса экономической теории, в частности в таких темах, как «Типы и модели экономических систем», «Фирма в современной экономике», «Труд как фактор производства», «Капитал как фактор производства», «Экономический рост, эффективность экономики и научно-технический прогресс», «Роль государства в рыночной экономике», «Финансовая система и финансовая политика государства», «Международные экономические отношения» и др.

Включение вопросов «новой экономики» необходимо учитывать как в лекциях, так и на семинарах, в первую очередь в виде соответствующих тем для написания студентами проблемных эссе, а также целой группы тем для действительно творческих, исследовательских курсовых работ и докладов. Конкретизация вопросов о качественных изменениях в экономических отношениях, свойственных современной экономике, потребует от студента рассмотрения как классических вопросов той или иной темы, так и дополнения их совершенно новым материалом из теории и практики современного хозяйства. На кафедре экономической теории (в настоящее время на кафедре микроэкономики) Финансового университета на протяжении нескольких лет была опробована такая практика написания курсовых работ по конкретным проблемам «новой экономики», которая показала очень хорошие результаты. Во-первых, предложенная тематика вызывает неподдельный интерес у студентов: в числе тем такие, как «Новая экономика: ее суть и факторы развития», «Структурные изменения в условиях формирования “новой экономики”», «Венчурный капитал и его роль в современной экономике», «Кластеры как новая форма конкурентных отношений в современной экономике», «Сущность и роль финансовых инноваций в современной экономике», «Электронный бэнкинг как новая форма современного рыночного хозяйства», «Аутсорсинг как новая форма современного рыночного хозяйства» и др. Практически каждый студент может реализовать себя в интересующей его теме, причем на современном уровне. Во-вторых, работы в основном имеют сугубо индивидуальный характер, в процессе ее подготовки уточняются и тема и план работы конкретно с каждым студентом, поэтому в конечном итоге получается достаточно самостоятельная исследовательская работа, выполненная студентом под руководством преподавателя.

Вопросы новой экономики являются важнейшим направлением научных исследований кафедры микроэкономики Финансового университета: уже несколько лет функционирует научно-практический межкафедральный семинар «Новая экономика» под руководством профессора Н. Н. Думной, регулярно выходит журнал «Мир новой экономики». Преподавателями кафедры подготовлены и изданы научные монографии, посвященные различным аспектам новой экономики [4], что представляет собой хорошую научную основу для дальнейших разработок в этом направлении, особое внимание кото-

рому уделяется при изучении экономической теории в магистратуре.

Вторая большая составляющая инновационных процессов в преподавании экономической теории в высшей школе заключается в использовании новых современных форм и методов обучения, общения преподавателя и студента. Очень важной современной тенденцией является изменение соотношения между аудиторной и внеаудиторной работой в пользу последней, увеличение удельного веса самостоятельной работы студентов, что потребовало новых форм контроля этой работы. Кафедра микроэкономики ФУ подошла к этому вопросу комплексно: по сути дела кафедра организовала комплексное поэтапное изучение каждой темы преподаваемого курса.

Во-первых, с учетом сокращения времени аудиторного общения со студентами преподаватели кафедры интенсифицировали как подготовительную работу к занятиям, так и само изложение учебного материала. Здесь большую вспомогательную роль сыграли инновационные компьютерно-информационные технологии. Практически все лекционные аудитории Финансового университета оснащены компьютерным оборудованием, что позволяет проводить лекции с использованием слайдов в программе PowerPoint. Несомненно, такая инновационная методика позволяет включить в лекцию больше новых, интересных, дополнительных аспектов, в результате чего объем, информативность, иллюстративность излагаемого лекционного материала и эффективность его изучения повышаются при таком подходе. К тому же дополнительный эффект получается при использовании электронной почты как формы связи преподавателя и студентов: последние могут получать рассылки презентации лекции накануне ее проведения и уже более осознанно и творчески взаимодействовать с преподавателем на лекции, меньше времени отводить рутинным формам конспектирования и больше времени уделять совместному рассмотрению спорных и актуальных вопросов.

Во-вторых, сокращение аудиторных часов и увеличение времени самостоятельной работы студентов потребовало создания большого количества новых методических материалов по разным формам работы. Кафедра микроэкономики и здесь подошла комплексно, создав целый шлейф учебно-методических материалов для разных форм работы. Были разработаны учебно-методические комплексы по разделу «Микроэкономика» (также и по разделу «Макроэкономика»), включающие в себя: программу курса, планы семинарских занятий, список основной и дополнительной литературы с учетом последних публикаций в экономических журналах по рассматриваемым вопросам, а также Рабочую тетрадь, методические указания по подготовке научных докладов, написанию курсовых работ, по подготовке к коллоквиуму и др. Уже из перечня данных методических разработок, входящих в комплекс, видно, какой широкий круг вопросов охватывается при руководстве и контроле за самостоятельной работой студентов со стороны преподавателя.

Особо хотелось бы остановиться на такой форме, как рабочая тетрадь. Это одна из главных форм самостоятельной работы студентов. Она является во многом гидом-сопровождением к тем учебникам «Микроэкономика» и «Макроэкономика», которые подготовила и использует в преподавании кафедра. Работа с рабочими тетрадями ведется студентами дома, а затем наиболее важные для усвоения курса проблемы по усмотрению преподавателя выносятся для общего обсуждения на семинаре. По мере надобности может также проводиться общая проверка тетрадей. Студентам рекомендуется обращаться к преподавателю по всем вопросам, вызвавшим затруднения или несогласие с предлагаемыми решениями.

По каждой теме рабочая тетрадь включает в себя несколько разделов. Первый раздел называется «Логика курса», где студенты должны ответить на основные вопросы данной темы, основываясь на материале учебника. Данный раздел призван выработать навыки корректного экономического мышления, а именно выделения главных логических элементов темы и установления их взаимосвязей; анализа системы используемых доказательств; выявления основных последствий рассматриваемых закономерностей. Он содержит контрольные вопросы, которые помогают повторить ключевые моменты соответствующей темы, и задания, нацеленные на выявление логических взаимосвязей, а также определение черт и характеристик наиболее важных явлений.

Раздел «Тесты и задачи» предназначен для самоконтроля и предполагает активное овладение знаниями, а также проверку усвоения материала в процессе тестирования и решения отдельных задач. Данные задания могут быть использованы для домашней работы студентов с последующей проверкой на занятиях и разбором ошибок совместно с

преподавателем или для решения непосредственно на семинарских занятиях. При выполнении тестов и решении предлагаемых задач студенты должны обратить особое внимание на то, чтобы аргументировать правильный ответ в тесте и логику решения задачи. На семинаре преподаватель может более детально рассмотреть наиболее сложные вопросы и сопоставить различные мнения студентов.

Раздел «Эссе» является важнейшим творческим заданием для студента. Он содержит темы эссе, при написании которых проявляется степень свободы владения материалом, умение приложить полученные знания для решения более сложных аналитических задач, чем обычные задачи или тесты. Его цель состоит в формировании умения вырабатывать и корректно аргументировать свою точку зрения по новым для автора (а часто и объективно спорным) проблемам, то есть делать именно то, что составляет значительную часть практической работы любого экономиста.

В рабочей тетради для помощи в работе студентов над сложными вопросами, поставленными в эссе, имеются своего рода подсказки, сгруппированные под заголовком: ***«Обратите внимание на следующие аспекты проблемы»***. Важно понимать при этом, что особо ценится свежий взгляд на проблему, выделяющий, кроме перечисленных в тетради наводящих вопросов, какие-либо новые аспекты проблемы. Многим темам эссе сознательно придается несколько провокационный характер, то есть вынесенный в их заголовок вопрос допускает как положительный, так и отрицательный ответ. Студенту не обязательно при этом придерживаться изложенной в учебнике или на лекции позиции, он может выбрать любую точку зрения. Важно лишь, чтобы аргументация была максимально проработанной и убедительной. Ниже приводится пример темы эссе из Рабочей тетради раздела «Микроэкономика», подготовленного профессором кафедры А. Ю. Юдановым.

Не является ли рыночная экономика эффективной только для богатых? *Обратите внимание на следующие аспекты проблемы*:

• *Как известно, рыночная экономика с помощью цен выравнивает объемы спроса и предложения, не допуская, таким образом, возникновения дефицитов или излишков. То есть производится то и только то, на что существует спрос. Это свидетельствует об эффективности рыночной экономической системы.*

• *Однако в этом рассуждении под спросом понимается только платежеспособный спрос. Последний же прямо связан с распределением доходов в обществе. То есть богатые, имеющие деньги для оплаты своих запросов, действительно, могут быть уверены в том, что рынок эффективно удовлетворит их потребности. Потребности бедных, не имеющих денег, напротив, останутся неудовлетворенными. В итоге в рыночной экономике вполне возможна ситуация, когда производство товаров и услуг будет ориентировано на удовлетворение прихотей и даже нелепых причуд богатых, в то время как бедные будут умирать от голода, холода и отсутствия медикаментов. Такая экономика не заслуживает названия эффективной.*

• *При этом рыночная экономика не имеет естественных или, как говорят экономисты, «встроенных» механизмов выравнивания доходов разных социальных групп. Или, по-вашему, такие механизмы все-таки есть?*

• *С другой стороны, существует так называемый «исторический аргумент» в пользу капитализма, предложенный великим австро-американским экономистом Йозефом Шумпетером. Он сравнил положение современного рабочего с положением крестьянина эпохи французского «Короля-солнце» Людовика. XIV. Ясно, что положение бедных радикально улучшилось за истекшие столетия господства рыночной экономики. Если же сравнить жизнь современного магната и аристократа старых времен, то сдвиги окажутся куда меньше. Они коснутся скорее формы удовлетворения потребностей, чем их сути (у маркиза времен Людовика. XIV не было электробритвы, но вряд ли он от этого страдал, так как его брил личный брадобрей). Вывод Шумпетера: история показывает, что от существования рыночной экономики бедные выигрывают не меньше богатых.*

• *Известен и контраргумент взглядам Й. Шумпетера. Современные бедные, действительно, живут лучше бедных прежних времен, но произошло это не из-за закономерностей функционирования рыночной экономики, а вопреки им. В частности, положение низов улучшилось из-за классовой борьбы и перераспределительной роли государства.*

Вообще эссе считается своего рода промежуточным жанром между научным и литературным произведением. Оно призвано показать скорее общий подход к проблеме, чем проанализировать ее детали. В эссе студенты могут и должны проявить свои собственные взгляды на ту или иную проблему, используя при этом дополнительные источники информации, основной перечень

которых они могут найти в планах семинарских занятий. Особое внимание при подборе тем эссе уделено получению студентами первичных навыков приложения теоретических положений к практике. Поэтому во многих случаях студенту полезно мысленно поставить себя на место экономиста-практика (руководителя фирмы, государственного регулирующего ведомства, банка и т. п.) и писать текст как бы от его имени, с учетом его (или его организации) интересов.

Подготовленные эссе могут служить хорошей основой для интересного научного доклада на семинаре или для дальнейшего изучения данной проблемы с тем, чтобы подготовить более серьезное выступление на научной студенческой конференции в рамках ежегодно проводимой Недели науки или других студенческих конференций. Следует отметить, что хорошим подспорьем для написания эссе и подготовки докладов является учебное пособие, подготовленное кафедрой «В поисках новой теории: Книга для чтения с проблемными ситуациями» (под ред. А. Г. Грязновой и Н. Н. Думной) [5].

В рабочей тетради студент может делать записи, решать тесты и задачи, для чего в ней имеются пробелы. Преподаватель может творчески подходить к рабочим тетрадям, включая в них новые тесты, задания и задачи. Таким образом, создана новая гибкая форма как самостоятельной работы студентов, так и аудиторных занятий.

Итогом изучения отдельных тем может быть проведение тестовых контрольных работ, что позволяет сделать объективные выводы о степени освоения материала каждым студентом. Такое контрольное тестирование также может проводиться в специальных компьютерных классах академии.

В качестве новейшей формы контроля и самоконтроля самостоятельной работы и уровня знаний студентов кафедрой подготовлены и используются в учебном процессе так называемые электронные диски-тренажеры «Бакалавр: Микроэкономика» (под ред. А. Ю. Юданова) и «Бакалавр: Макроэкономика» (под ред. Н. Н. Думной) [6], подготовленные на основе самообучающих программ и являющиеся еще одним весомым дополнением к имеющимся на кафедре учебно-методическим комплексам.

Данные диски представляют собой комплексные электронные обучающие курсы на основе кафедральных учебников, поскольку в них размещены разнообразные учебные материалы, взаимосвязанные между собой. Это и методические рекомендации (как работать с диском при изучении определенной темы, в том числе в звуковой форме), и текст соответствующего учебника с необходимыми подчеркиваниями и гиперссылками к другим материалам электронного обучающего курса, а также выводы по каждой главе, персоналии, видеоматериалы, глоссарий, список дополнительной литературы. Главная основа дисков – это тренировочные и контрольные тесты по каждому параграфу главы, в целом по каждой теме, а также по крупным тематическим разделам учебного курса. Последовательно проходя все стадии изучения определенной темы, студент должен выполнить сначала тренировочные тесты к каждому параграфу. При неправильном выполнении того или иного тренировочного теста электронная программа автоматически направляет студента к дополнительному изучению соответствующего раздела учебника, который размещен на диске. В конечном итоге необходимо выполнить контрольные тесты по данной главе, причем результаты контрольного тестирования (оценка по 10-балльной системе) автоматически отражаются в так называемом дневнике зарегистрированного студента, где также подробно расшифровываются ошибки, а дневник должен быть представлен преподавателю. На основе этих результатов программа автоматически формирует индивидуальную программу повторения для студента с обращением к необходимым разделам учебника.

В течение нескольких лет кафедра проводила работу по созданию фонда кейс-стади и ситуационных заданий. В конечном итоге было подготовлено и издано учебное пособие «Экономическая теория. Кейсы из российской практики. Бакалавриат» (под ред. Н. Н. Думной и М. А. Эскиндарова) [7]. Здесь кафедра продолжила свою линию преподавания экономической теории на основе российских примеров: проблемные ситуации, мини-кейсы взяты из российской практики, в том числе использованы публикации по актуальным экономическим проблемам из публицистических изданий. Все они сгруппированы по темам курса экономической теории для большего удобства в работе как преподавателя, так и студента. Думается, что это новый и очень серьезный шаг в общей модернизации российского высшего образования в русле Болонского процесса.

Интенсификация учебного процесса потребовала возврата к такой прежней традиционной форме работы со студентами, но на новой основе, как коллоквиумы. Они проводятся 1–2 раза в семестре в целях самостоятельного (или более подробного) изучения отдельных тем курса из-за недостатка

плановых аудиторных часов, а также для самостоятельного изучения дополнительной литературы по актуальным темам: коллоквиум может быть посвящен определенным научным публикациям (конкретным работам известных экономистов или серии статей на определенную тему). Среди новых аспектов в организации этой формы работы следует отметить более широкое использование компьютерных технологий. Например, для подготовки к ряду тем коллоквиумов кафедра заранее создает для студентов электронную мини-хрестоматию, включающую известные публикации по данной теме. Кроме того, студенты активно готовят и используют для своих выступлений во время проведения коллоквиума электронные презентации в программе PowerPoint. Это значительно повышает творческий интерес студентов, стимулирует их работу в команде, поскольку подготовка к вопросам коллоквиума может проводиться в мини-группах.

Важно подчеркнуть, что преподаватели кафедры в целом достаточно широко используют различные электронные формы общения со студентами с помощью интернет-технологий: при подготовке докладов и, главное, курсовых работ (причем на нескольких этапах их написания), для ответов на вопросы студентов и мини-консультаций, а также для сообщения результатов их контрольных работ и т. п.

Очень важной стороной современного процесса образования в высшей школе стало использование рейтинговой системы оценки знаний, основанной на 100-балльной шкале. Эта система нацеливает студента на достаточно равномерную заинтересованную работу в течение всего семестра, а не только при сдаче экзамена. Хорошо организованная учебная работа в течение семестра на основе использования целого комплекса новых методических материалов, подготовленных кафедрой, позволяет очень объективно, содержательно и убедительно оценить работу каждого студента в баллах. Подведение таких итогов текущей работы студента происходит дважды – в середине и в конце семестра. В целом за работу в семестре студент имеет возможность получить оценку до 30–40 баллов (зависит от решения той или иной кафедры). Остальные 60–70 баллов приходятся на экзамен, который проводится по нескольким теоретическим вопросам, часть из которых имеет проблемный характер, а также требуется решение задачи или выполнение некоторых тестов. Каждый вопрос и задача в экзаменационном билете имеет свою собственную оценку в баллах и в сумме составляет необходимые 60–70 баллов.

Таким образом, инновационная направленность учебного процесса в преподавании курса экономической теории на кафедре микроэкономики Финансового университета при Правительстве Российской Федерации подкреплена целым комплексом новейших учебно-методических материалов и форм работы, что позволяет сделать учебный процесс более эффективным, и этот опыт может быть использован многими другими кафедрами экономической теории различных вузов страны.

Список использованной литературы

1. Микроэкономика: Теория и российская практика: учебник / под. ред. А. Г. Грязновой, А. Ю. Юданова. М.: Кнорус, 2007–2011. 624 с.

2. Макроэкономика. Теория и российская практика: учебник / под. ред. А. Г. Грязновой, Н. Н. Думной. М.: Кнорус, 2007–2010. 688 с.

3. Микроэкономика: практический подход (Managerial Economics): учебник / под ред. А. Г. Грязновой и А. Ю. Юданова, М.: Кнорус, 2007–2009. 672 с.

4. Думная Н. Н. Новая рыночная экономика. М.: МаксПресс, 2009. 231 с.; Касьянова А. К., Ченцова М. В. На пути к экономике знаний: институционально-теоретический и практический аспекты. М.: МаксПресс, 2008. 192 с.; Юданов А. Ю. Опыт конкуренции в России: причины успехов и неудач. М.: Кнорус, 2008. 464 с.; Социально-экономические условия перехода к инновационному типу развития в России / под ред. И. П. Николаевой. М.: Дашков и К, 2010. 168 с.

5. В поисках новой теории: Книга для чтения по экономической теории с проблемными ситуациями / под ред. А. Г. Грязновой и Н. Н. Думной. М.: Кнорус, 2004. 368 с.

6. CD Бакалавр: Микроэкономика: электронный учебник / под ред. А. Ю. Юданова. М.: Кнорус, 2009.

7. Экономическая теория: Кейсы из российской практики: Бакалавриат / под ред. Н. Н. Думной и М. А. Эскиндарова. М.: Кнорус, 2008. 256 с.

УДК 330

В статье рассмотрены рыночные аспекты поведения хозяйствующих субъектов как участников инновационного процесса. Предложен механизм формирования экономически обоснованных цен на инновации. Сформировано представление об инновационном рынке как особом состоянии рынка в целом.

Ключевые слова: рынок инноваций; цена на инновации; инновационный рынок.

The article deals with aspects of market behavior of economic agents as participants in the innovation process. A mechanism is proposed for the formation of economically reasonable prices for innovation. An idea of the innovation market as a special state of the market as a whole is formulated.

Key words: market of innovations; price of innovations; innovative market.

Н. В. Костюкович, Е. Ю. Вычегжанин

Тверской государственный университет
E-mapl: evgenii_133@mail.ru

Современный рынок инноваций: особенности ценового механизма

Научная статья

N. V. Kostyukovich, E. Yu. Vychegzhanin

Tver State University
E-mapl: evgenii_133@mail.ru

Modern Market of Innovations: Distinguishing Features of Price Mechanism

Scientific article

К актуальным проблемам микроэкономики относится исследование поведения экономических субъектов как реальных или потенциальных участников инновационного процесса. Обратим внимание на два рыночных аспекта этой проблемы: рынок инноваций – сфера спроса и предложения инновационных идей, товаров, программ и инновационный рынок как особое состояние рынка в целом, отличающее инновационную экономику, к созданию которой стремится Россия.

Динамичное развитие современного хозяйства в принципе немыслимо без опережающего расширения рынка инноваций, на котором конкуренция товаров превращается в *соревнование и отбор идей*. Такого рода процесс преобразует традиционный экономический выбор между различными видами благ в целенаправленную замену устаревающих факторов и продуктов новыми как более эффективными. Это сказывается на качестве рыночного механизма – он обретает повышенную точность и эффективность. При осуществлении экономического выбора полезность инновационного блага для *конкретного потребителя* все более отчетливо доминирует над его общественной потребительной стоимостью. Если в прежние времена рынок, особенно при кризисах перепроизводства, направлял «в отвал» огромное количество готовой продукции в вещественной форме, то теперь он выбраковывает идеи, а вместе с ними – труд, затраченный в ходе исследований, на ранней, «предварительной», стадии воспроизводственного цикла. Это дает возможность существенно *сократить неэффективные затраты общественного труда*.

Обратим внимание на специфический состав участников рынка инноваций, среди которых:

- производители инновационных идей и программ – субъекты творческой деятельности, в качестве которых выступают как формальные организации, так и самостоятельные исследователи;

- производители инновационных товаров – материальных носителей указанных идей. Речь идет о совокупности организаций внедренческой направленности, в основном малого и среднего предпринимательства, приобретающих или реализующих собственные идеи;

- потребители инновационных товаров – заинтересованные фирмы, некоммерческие организации, домохозяйства. Их задача – выбрать для себя наиболее выгодную инновацию с учетом времени, рисков и др.;

- посредники, владеющие конъюнктурой данного рынка и обеспечивающие сопровождение спроса и

© Костюкович Н. В., 2011
© Вычегжанин Е. Ю., 2011

предложения инновационных товаров и программ. За соответствующую плату они также могут помочь производителям инновационных идей и товаров в решении вопросов предпродажной подготовки, приспособлении товаров к условиям их использования, экспертизе соответствия экологическим, санитарно-гигиеническим и другим нормам.

Особое качество инновационного рынка в том, что он стимулирует прежде всего производство инноваций, наказывая субъектов, неспособных к эффективной деятельности такого рода. Он действует как жесткая институциональная, дисциплинарная система. В процессе постиндустриализации, когда сфера материального производства стремительно сокращается относительно сферы услуг, он непосредственно включает процесс производства инноваций, имея в виду быстро растущую сферу инновационных услуг.

При всей важности промышленности, сельского хозяйства и строительства вектор развития современной экономики определяют другие отрасли – наука, образование, информатика, финансы. В эти сферы, обеспечивающие производство и обращение новых идей, продуктов и ресурсов, в первую очередь должны направляться инвестиции.

К сожалению, в реальности у нас пока что все наоборот. Распределение инвестиционных ресурсов остается во власти корпоративных структур, относящихся к материально-производственной сфере. Производство инноваций в России все еще зависит от спроса со стороны указанных структур, оказывается не исходным, а завершающим или вообще побочным звеном воспроизводственного цикла, что теперь уже противоестественно.

Зафиксированные в жесткой олигополистической структуре российского рынка, основные отечественные корпорации, независимо от доли участия в них государства, не воспринимают импульсы к инновационному развитию [1]. Как стимулятор инноваций рынок срабатывает у нас только в отношении малого и среднего бизнеса. Но ему достается ничтожная часть инвестиций, и его роль в инновационном развитии нашей страны не может быть решающей. В сравнении со многими другими странами работа рыночного механизма в России выглядит крайне неэффективной. Не случайно самые низкие оценки в развернутом профиле индекса глобальной конкурентоспособности мы имеем по позициям, касающимся эффективности товарных рынков [2]. Очевидно, требуется глубокое исследование факторов, мешающих эффективной работе рынка в инновационной сфере отечественной экономики, которое позволило бы определить меры по их устранению.

В этой связи необходимо обратить внимание на «нервную систему» рынка – **цены**. Формально цена есть высота экономического барьера для использования товара, в качестве которого выступает в рыночных условиях и инновация. Феномен цены, однако, связан и с более жесткой системой ограничений хозяйственной деятельности – административными нормами, выражающими общественный характер этой деятельности и наличие у субъектов определенных имущественных прав (собственности, владения, распоряжения, пользования) – возможностей определять векторы социально-экономического развития. Заплатив определенную цену, субъект преодолевает отчуждение от имущественного объекта, обретает на него право. Цены, таким образом, выполняют функцию преобразования административных, правовых ограничений в форму экономического расчета.

Они реализуются как информационно-энергетические импульсы, которые постоянно стимулируют как хозяйственную активность в целом, так и ее инновационную составляющую в частности. Ими определяются доходы от хозяйственной деятельности, включая их дополнительную часть, образующуюся на основе инноваций. Таким образом, цены обеспечивают функционирование механизма общественного воспроизводства инноваций. Сбои в работе ценового механизма дезориентируют участников рынка, вызывают раскоординацию их деятельности, нарушают работу «невидимой руки».

Применительно к инновационной сфере рынка логично определить специфическую цену как общее, абстрактное выражение цен на инновации (далее – *цена инновации*), цену единицы блага [3], иначе говоря – единичного прироста эффекта, получаемого от ее реализации. Такая цена инновации есть не что иное, как предельные издержки получаемого эффекта – величина дополнительных затрат, требуемых для ее осуществления, приходящаяся на единицу дополнительного эффекта от инновации.

По сути, эта величина, обратная по отношению к эффективности инновации: чем больше получаемый от нее эффект, тем меньше оказываются затраты в расчете на единицу этого эффекта. Если затраты и эффект выражаются в денежной форме, цена инновации оказывается относительной величиной – долей или процентом от эффекта, достающейся ее продавцу. Смысл купли-продажи иннова-

ции и цены, по которой она реализуется, собственно, в том и состоит, чтобы, во-первых, передать инновацию тому, кто может получить от нее эффект. И, во-вторых, разделить этот эффект в определенной пропорции между продавцом и покупателем.

Цены инноваций как эффективных новшеств всегда меньше обеспечиваемого ими эффекта. Только в таком случае инновация окажется выгодной покупателю. Цена инновации падает пропорционально повышению эффективности, стимулируя приобретение наиболее эффективных инноваций. Парадокс состоит в том, что самая эффективная инновация по результату ее применения оказывается самой дешевой и, соответственно, самая дешевая – самой эффективной.

Заметим, что в данном случае речь идет о реальной, уплачиваемой цене инновации, наряду с которой на рынке фигурируют цены, запрашиваемые продавцами (цены предложения) и предлагаемые покупателями (цены спроса). Рыночная свобода означает возможность отклонений запрашиваемых и предлагаемых цен от равновесного уровня, *игру цен*.

В условиях такой свободы цен рынок инноваций представляет, по сути, «лотерею», игровую систему, в которой происходит парное взаимодействие продавцов с покупателями. Предложение на таком рынке выглядит не как линия (кривая предложения), а как точка однозначного соответствия цены и технического параметра предлагаемого новшества, доказательств будущего эффекта от которого не существует. Имеет место, таким образом, не асимметрия информации, характерная для обычных, неинновационных товаров, а ее дефицит: величины эффекта не представляют ни продавец, ни покупатель даже вероятностно. Это ситуация неопределенности [4], которая выходит за рамки экономического риска, который может быть учтен и снижен известными способами.

На рынках обычных товаров при такой асимметрии используется биржевой механизм, позволяющий ограничить волатильность и обезопасить реальную экономику от неконтролируемых изменений биржевой конъюнктуры. Но инновации как товары носят уникальный характер, и биржевой характер торгов по ним противоестествен.

Инновации необходимо встраивать в производственный процесс индивидуально, «точечно». Поэтому определение цен на рынке инноваций должно быть особенно гибким, осторожным. Жесткая цена, которая уплачивалась бы в виде суммы, не зависящей от результата внедрения инновации, едва ли подходит для такого рода товара. Поэтому основная форма цены на конкретную инновацию – доля продавца в выгоде, получаемой от нее покупателем. Эта форма цены соответствует ее смыслу, о котором говорилось ранее. При такой цене не возникает конфликта интересов, обе стороны рынка заинтересованы в максимизации общего эффекта. Вопросы возникают, однако, по поводу того, какой должна быть в каждом конкретном случае доля продавца и как ему удостовериться в правильности расчета выгод, получаемых сторонами сделки. Такого рода вопросы наиболее успешно решаются в рамках интегрированных структур, включающих как производителей, так и приобретателей инноваций.

Вертикальная научно-производственная интеграция (создание концернов, холдинговых или финансово-промышленных групп) с функциями согласования расчетов между участниками совместных целевых программ превращает цены в условные, трансфертные величины, централизованно оптимизируемые с целью максимизации общего конечного результата интегрируемых организаций. Гибко изменяющиеся в интересах осуществления инноваций объединения хозяйственных организаций (среди которых могут быть коммерческие и некоммерческие, государственные и негосударственные структуры) образуют адекватное современным условиям сочетание начал сознательного управления и естественного рыночного саморегулирования, монополизма и конкуренции, свободы и дисциплины цен. Вступая в объединение, производители и потребители инноваций подпадают под власть финансового центра, определяющего цены для внутренних расчетов, но несут ответственность за эффективность своей деятельности и качество своей продукции, а также имеют право выйти из объединения. В интересах управляемой системы финансовый центр обрабатывает потоки информации об издержках и доходах организаций, производимых инновациях, обеспечивает эффективное распределение между ними ресурсов и выгод.

В таком режиме, собственно, функционирует высокоразвитый рынок инноваций, благодаря которому экономика развитых и успешно развивающихся государств переходит в постиндустриальное, инновационное состояние. Мировой рынок как глобальный экономический институт стимулирует переход к такому режиму и в остальных странах посредством выгод от международного научно-технического сотрудничества, подключения экономики этих стран к системе ТНК, болезненных

ударов кризиса и т. д. В рамках мирового рынка при этом сохраняется относительная обособленность внутренних рынков тех государств, которые отстают в инновационном развитии. Что отличает рынки инноваций в этих странах, к числу которых относится и Россия, с точки зрения ценовых механизмов? Отметим следующие основные моменты:

1) неразвитость, которая выражается в негибкости цен на инновации. Сформированные здесь интегрированные структуры ориентированы не на оптимизацию этих цен, а на спекуляцию обычной продукцией, монопольное завышение цен на которую для них – более значимый фактор;

2) сильная зависимость цен для субъектов внутреннего рынка от внешних факторов – притока иностранных инвестиций, спроса на основных, инновационных рынках и др. Производство инноваций, как и вся экономика, зависит от притока иностранной валюты. Это делает инновационный процесс крайне нестабильным; прерывающимся глубокими инновационными кризисами;

3) как и общий уровень цен, цены инноваций находятся во власти высокой инфляции, сокращающей и так заниженную долю покупателей в выгодах от инноваций. Как в странах с неразвитой системой рыночных отношений, в России отсутствует цивилизованный рынок инновационных посредников [5]. Различными посредническими структурами, готовыми в своих интересах блокировать инновационный процесс (информационными, финансовыми, административными, криминальными), присваивается подавляющая часть выгод. Дань этим структурам, оплата антикриминальных услуг и административных издержек, коррупционная рента составляют неофициальные формы косвенного налогообложения инноваций. Эти непроизводительные расходы перекладываются, в конце концов, на население – конечных потребителей, «съедая» получаемые ими выгоды.

Понятно, что широкие слои населения у нас не испытывают заинтересованности в инновациях и не способны поддержать инновационный процесс ростом спроса на инновационные товары. Эти товары (энергосберегающие приборы, автомобили с гибридными двигателями и т. п.) воспринимаются как непомерно дорогие игрушки. Зато охотно раскупаются быстро дешевеющие технические новинки недавнего прошлого (цифровые фотоаппараты, ЖК телевизоры и др.), огромный эффект дают недавние глобальные инновации, становясь инновациями местными.

Для создания инновационной рыночной среды, прорыва на рынок первичных, глобально значимых инноваций России предстоит убрать излишние звенья с внутреннего рынка инноваций, мешающие нормальной работе ценового механизма.

Список использованной литературы

1. Железный В. Б. Модернизация и инновационное развитие глазами государства и бизнеса // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2010. № 10. С. 6–12.

2. The Global Competitiveness Report, 2008–2009. Geneva: World Economic Forum, 2009.

3. Карасева Л. А., Зинатулин А. М., Петрищев М. В. Предпринимательство и конкуренция: нетрадиционные взгляды на традиционные представления: моногр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. 232 с.

4. URL: http://www.professional.ru/inman18.html.

5. Балацкий Е., Лапин В. Инновационный сектор промышленности // Экономист. 2004. № 1. С. 20–33.

УДК 330.3, 339.7

В статье исследуются сущностные черты такого базового элемента организационной составляющей инновационной инфраструктуры, как технопарк, и раскрывается место и роль иностранного капитала в его развитии.

Ключевые слова: экономика знаний; национальная инновационная система; инновационная инфраструктура; бизнес-инкубатор; технопарк; наукоград; прямые иностранные инвестиции.

The article investigates the essential features of such a basic element of the innovation infrastructure organizational part as technopark, and discovers the place and the role of foreign capital in its development.

Key words: knowledge-based economy; national innovation system; innovation infrastructure; business-incubator; technopark; “science city”; foreign direct investments.

Е. А. Сидорова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: ekaterina-sidorova1@yandex.ru

Прямые иностранные инвестиции как фактор развития инновационной инфраструктуры России*

Научная статья

E. A. Sidorova

P. G. Demidov Yaroslavl State University
E-mail: ekaterina-sidorova1@yandex.ru

Foreign Direct Investments as a Development Factor of Innovative Infrastructure in Russia

Scientific article

Несмотря на многочисленные дискуссии и решения российского Правительства сделать экономику инновационной, добывающие и сырьевые сектора играют по-прежнему ведущую роль. Тем не менее в настоящее время в мире в целом и в России в частности происходит формирование и становление экономики знаний. Феномен экономики знаний является новым многоплановым явлением. В данной работе под э**кономикой знаний** (ЭЗ) мы будем понимать экономику, в которой знания и инновации являются основным ресурсом и продуктом, неотъемлемой частью процесса воспроизводства на всех стадиях. Институциональная сущность ЭЗ исследуется на базе категории национальной инновационной системы (НИС). В работе НИС трактуется как процесс и результат интеграции разнородных по целям и задачам структур, занятых производством и коммерческой реализацией научных знаний и технологий в пределах национальных границ (мелкие и крупные компании, университеты, научные институты), обеспечиваемых комплексом институтов правового, финансового и социального взаимодействия, имеющих прочные национальные корни, традиции, политические и культурные особенности[1]. Отметим, что единого мнения по поводу основных элементов НИС и их взаимодействия не существует. По мнению автора, основными элементами НИС являются макроэкономическая политика, формируемая институтами государственной власти, институты генерации и распространения знаний, образование, инновационное производство, инновационная инфраструктура, рынок наукоемкой продукции и услуг. Между элементами НИС наблюдаются односторонние и двусторонние связи [1]. Следует особо выделить роль инновационной инфраструктуры в формировании и становлении НИС. В настоящее время существует множество различных типов и форм элементов инновационной инфраструктуры, но в статье мы подробно исследуем один из базовых элементов организационной составляющей инновационной инфраструктуры, а именно технопарковые струк-

[1] Общая для основоположников данной концепции (Б.-А. Лундвалл, К. Фримен, Р. Нельсон) трактовка НИС.

* Выполнено при поддержке государственного контракта № П104 от 12.04.2010 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

© Сидорова Е. А., 2011

туры. Самой популярной классификацией технопарковых структур сегодня стало их разделение на три основные категории: бизнес-инкубаторы, технопарки, технополисы [2]. **Бизнес-инкубаторы** представляют собой сложные многопрофильные комплексы и предназначены для образования и поддержки малых предприятий, оказания им инновационных услуг и обучения персонала. В настоящее время для поддержки компаний на ранней стадии развития в России создано порядка 130 бизнес-инкубаторов, которые предоставляют в аренду на льготной основе помещения, оказывают консалтинговые, бухгалтерские и юридические услуги. Общая площадь действующих бизнес-инкубаторов составляет 178 тыс. кв. метров, количество рабочих мест – 10,8 тысяч [3].

Понятие **технопарка** довольно близко понятию инкубатора. Отличаются технопарки более широким спектром инновационных предприятий, находящихся на различных стадиях коммерциализации высоких технологий, вплоть до крупных компаний. Помимо собственных зданий технопарки владеют территориями, выделяемыми под капитальное строительство офисных и производственных помещений, т. е. формируют более разнообразную и насыщенную инновационную среду, предоставляют более широкий спектр услуг по поддержке наукоемкого предпринимательства. Главная структурная единица технопарка – центр, вокруг него «вращаются» инновационно-технологический, учебный, консультационный, информационный, маркетинговый центры и промышленная зона. В эту структуру могут входить и бизнес-инкубаторы. В России наблюдается быстрый рост числа организаций, зарегистрированных как технопарки. По данным НИАЦ МИИРИС в 2006 г. было зарегистрировано 55 технопарков, в 2008 г. их уже не менее 83[2].

Технополис, «научный городок» или «наукоград», – самая крупная технопарковая форма, обычно включающая несколько вузов и научно-исследовательских институтов, крупные производства, жилые районы с развитой культурной и рекреационной инфраструктурами и находящаяся в живописных районах, гармонично вписанных в природные условия и местные культурные традиции.

Наукоград Российской Федерации – муниципальное образование со статусом городского округа, имеющее высокий научно-технический потенциал, с градообразующим научно-производственным комплексом.

Научно-производственный комплекс муниципального образования должен быть градообразующим и отвечать следующим критериям:

1) численность работающих в организациях научно-производственного комплекса составляет не менее 15% численности работающих на территории данного муниципального образования;

2) объем научно-технической продукции составляет не менее 50% общего объема продукции всех хозяйствующих субъектов, расположенных на территории данного муниципального образования, или стоимость основных фондов комплекса, фактически используемых при производстве научно-технической продукции, составляет не менее 50% стоимости фактически используемых основных фондов всех хозяйствующих субъектов, расположенных на территории муниципального образования.

В научно-производственный комплекс данного муниципального образования входят юридические лица, зарегистрированные на территории данного муниципального образования:

1) научные организации, учреждения высшего профессионального образования и иные организации, осуществляющие научную, научно-техническую и инновационную деятельность, экспериментальные разработки, испытания, подготовку кадров в соответствии с приоритетными направлениями развития науки, технологий и техники;

2) организации, осуществляющие производство продукции, выполнение работ и оказание услуг при условии, что доля производства наукоемкой продукции, соответствующей приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники в течение предшествующих трех лет, составляет не менее 50% их общего объема производства [4].

Таким образом, в соответствии с российским законодательством наукоград – комплексная структура, включающая научные организации, вузы, промышленные предприятия и обеспечивающая единую цепочку реализации научной разработки – от зарождения идеи до изготовления промышленного образца. Наукоград является самодостаточной корпорацией. Такие корпоративные структуры создаются с целью завоевания определенных сегментов рынка наукоемкой продукции. К концу 2008 г. 14 наукоградов получили статус «Наукоград Российской Федерации»: Бийск, Алтайский край; Дубна, Московская область; Жуковский, Московская область; Королев,

[2] В связи с отсутствием четких требований к организациям такого рода, по мнению некоторых экспертов, сейчас в России существует порядка 800 организаций, претендующих на это звание.

Московская область; Кольцово, Новосибирская область; Мичуринск, Тамбовская область; Обнинск, Калужская область; Петергоф, Санкт-Петербург; Протвино, Московская область; Пущино, Московская область; Реутов, Московская область; Троицк, Московская область; Фрязино, Московская область; Черноголовка, Московская область [5].

С точки зрения институциональной структуры, на наш взгляд, технопарк представляет собой уменьшенную модель НИС страны в целом, поскольку включает все вышеуказанные элементы. Однако взаимосвязи между элементами более сильные; расположение элементов относительно друг друга несколько меняется (см. рис. 1 и 2). Как говорилось выше, в технопарке в рамках соответствующего приоритетного направления развития науки, технологий и техники расположены одновременно образовательные учреждения, институты генерации и распространения знаний, инновационное производство, которые, как правило, связаны между собой через посредство инновационной инфраструктуры. Макроэкономическая политика, формируемая институтами государственной власти, и рынок наукоемкой продукции и услуг вынесены за рамки наукограда, но эти подсистемы НИС взаимодействуют с ним и между собой посредством него.

В 2006 г. Правительство Российской Федерации приняло государственную программу «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий». Она предусматривает создание сети технопарков более высокого класса, чем большинство существующих. Они, по замыслу разработчиков Программы, должны стать скорее технополисами, ядрами развивающихся высокотехнологичных кластеров. Предполагается, что государственная поддержка не будет подменять рыночные механизмы развития высокотехнологичных отраслей экономики, несмотря на то что объекты инфраструктуры технопарков создаются, в том числе, за счет средств бюджета Российской Федерации. Более того, в соответствии с российским законодательством присвоение муниципальному образованию статуса наукограда является основанием предоставления из федерального бюджета межбюджетных трансфертов бюджетам субъектов Российской Федерации для предоставления межбюджетных трансфертов бюджетам наукоградов в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации. Однако в 2011 г. на 14 наукоградов России запланировано 570 миллионов рублей. При этом применяется, как правило, подушевой метод государственной поддержки. На практике это выглядит следующим образом: деньги, выделяемые из федерального бюджета на все наукограды, распределяются между ними в зависимости от количества жителей [6].

Таким образом, на наш взгляд, для обеспечения эффективного функционирования технопарков необходимо привлекать частные инвестиции, в том числе иностранные. Как показывает мировой опыт, большинство стран мира поддерживает расширение участия иностранного капитала в сфере высокого знания, рассматривая его, прежде всего, как средство повышения технологического уровня тех отраслей промышленности, к которым национальный капитал не проявляет достаточного интереса.

Очевидно, что прямые иностранные инвестиции (ПИИ) являются одним из основных источников финансирования становления экономики знаний. На наш взгляд, с точки зрения формирования экономики знаний *прямые иностранные инвестиции выражают долгосрочные экономические отношения по поводу вложения и использования в течение длительного периода капитала в форме интернационализированных знаний с целью экономического роста, минимизации экономических рисков, создания дополнительных возможностей извлечения прибыли и получения высокой степени влияния над объектом инвестиций путем вынесения инновационных ресурсов за пределы национальной экономики инвестора.* Очевидно, что международный капитал является неотъемлемой частью процесса воспроизводства на всех стадиях.

Невозможно дать однозначную оценку притоку иностранных инвестиций, поскольку в разных условиях и в разных странах это может привести к разным последствиям для экономических, социальных и политических институтов принимающих стран. Вместе с тем этот процесс представляет объективное и совершенно неизбежное явление современности. Проведенное исследование механизма взаимодействия иностранных инвестиций и рыночных институтов в условиях формирования экономики знаний позволяет сделать следующие основные выводы:

1. ПИИ оказывают положительное влияние на экономику принимающей страны только при наличии четкой государственной программы взаимодействия с иностранными инвесторами и грамотной политики по привлечению и использованию иностранных инвестиций;

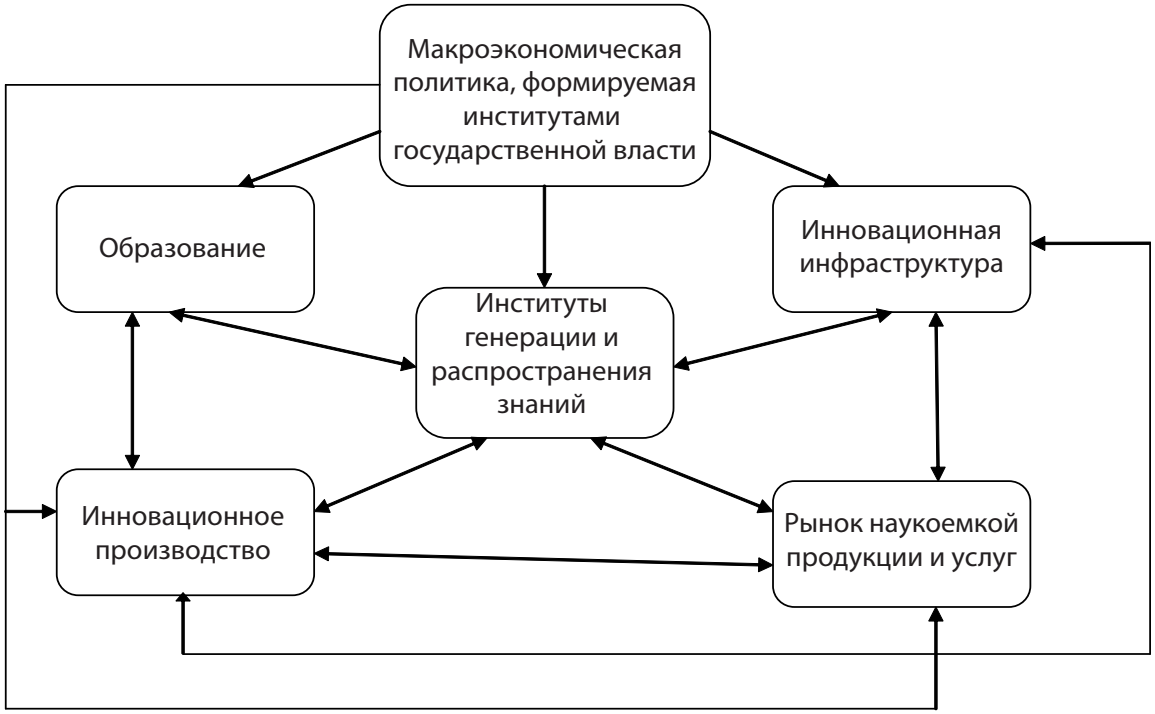

Рис. 1. Инновационно-ориентированная модель генерации знаний [3]

Рис. 2. Инновационно-ориентированная модель генерации знаний в рамках технопарка:

– – – – область технопарка

(модель разработана автором исследования)

2. Необходимым условием положительного влияния иностранного капитала, приходящего в страну, является высокая степень конкуренции в тех отраслях, в которые приходят иностранные инвестиции.

В рамках НИС страны в целом ввоз прямых иностранных инвестиций из внешней среды, как правило, осуществляется в подсистему производства, которая, в свою очередь, связана с подсистемами: макроэкономической политики, генерации знаний, рынка, инфраструктуры, образования. Что касается технопарков, то вследствие наличия сильных взаимосвязей между образовательными учреждениями, институтами генерации и распространения знаний, инновационным производством и инновационной инфраструктурой можно считать, что ввоз ПИИ осуществляется в данную конкретную инновационно-ориентированную систему генерации знаний в целом, что, с нашей точки зрения, способствует повышению эффективности использования иностранного капитала.

Что касается России, то в результате исследования выявлены особенности структуры иностранных инвестиций, поступивших в Россию. Примерно 58,8% их притока в 2008 г. составили взносы в капитал, весьма незначительна по международным меркам доля лизинга (менее 1,5%). Очень заметное место занимают кредиты, полученные от зарубежных совладельцев совместных предприятий, которые можно считать внутрикорпорационными займами, – 36,2% в 2008 г. Несовершенна и отраслевая структура поступающих в Россию ПИИ. Так, большая часть этих инвестиций направляется в торговлю, общественное питание, операции с недвижимостью, связь, транспорт, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, продукция которых потребляется преимущественно на внутреннем рынке. Для тех инвесторов, которые вкладывают средства в обрабатывающую промышленность (прежде всего, производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака), также характерна преимущественная ориентация на внутренний рынок. Достаточно широко представлены инвесторы, главный интерес которых состоит в доступе к национальным природным ресурсам.

Серьезными диспропорциями характеризуется распределение этих инвестиций по территории страны. В 2008 г. доля ПИИ, поступивших в Центральный Федеральный округ, составила 46,4%, в том числе в г. Москву – 31,9%. Благоприятная ситуация складывается в Северо-Западном Федеральном округе (12%) за счет значительного притока ПИИ в г. Санкт-Петербург (5,1%) и Дальневосточном Федеральном округе (15,4%) в связи с реализацией нефтегазовых проектов в Сахалинской области (11,8%). Наименьшая доля поступивших в 2008 г. ПИИ приходится на Южный Федеральный округ (2%) и Сибирский Федеральный округ (6,6%). Причем 6 субъектов Российской Федерации вообще лишены их притока (Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Кал-

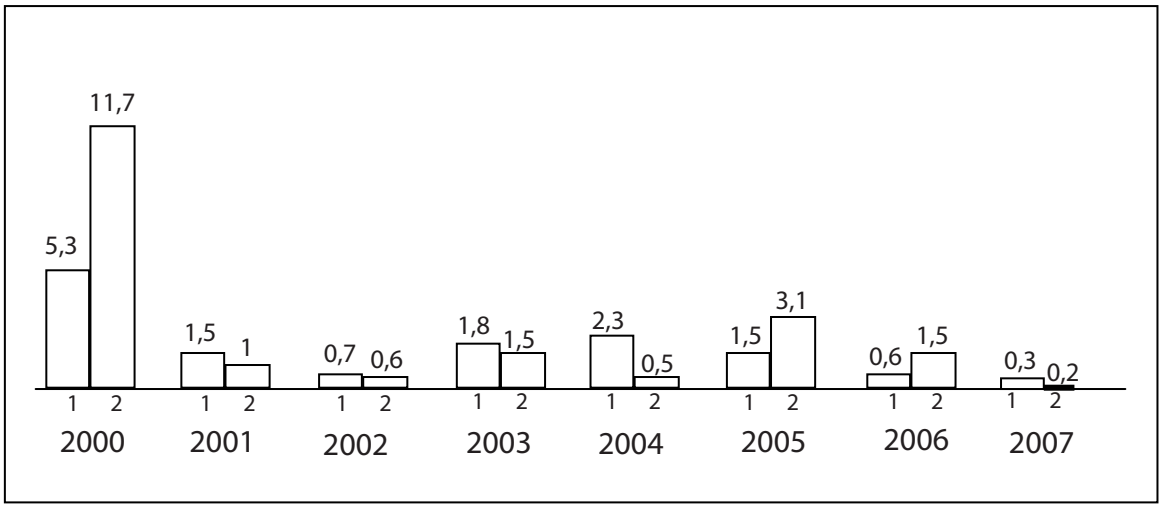

Рис. 3. Финансирование НИОКР российскими компаниями за счет иностранных инвестиций, в % [8]:
1 – добывающие, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды; 2 – связь, деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий

мыкия, Карачаево-Черкесская Республика, Чеченская Республика, Чукотский автономный округ) [7].

В результате исследования вопроса об участии иностранного капитала в сфере НИОКР в России доказано, что доля иностранных источников в финансировании НИОКР таких отраслей промышленности, как добывающие, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, а также связь, деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий, с 2000 по 2007 г. существенно уменьшилась и в 2007 г. составила всего 0,32% (рис. 3).

Учитывая, что по комплексному индексу, разработанному Всемирным банком, наша страна занимает лишь 60-е место среди 146 стран мира, главной целью оптимизации структуры потоков прямых иностранных инвестиций в условиях становления экономики знаний является переориентация ПИИ на генерацию инноваций и прирост нового знания, что приводит к выводу о необходимости привлечения иностранного капитала в технопарки России. На наш взгляд, необходимо осуществить следующие *основные мероприятия, направленные на привлечение иностранных инвестиций в Россию с целью развития национальных технопарков:*

1) развитие законодательной базы: увеличение числа льгот, предусмотренных Законом об иностранных инвестициях и их прозрачная формулировка для иностранных инвесторов; регулирование прав на объекты интеллектуальной деятельности, технических стандартов, особых экономических зон, наукоградов, а также таможенное законодательство, налоговое законодательство;

2) налоговые льготы и дотации для предприятий, осуществляющих инновационную деятельность на территории технопарков;

3) разработку механизма соотношения национальных и интернациональных институтов знаний в связи с формированием глобальной инновационной системы; при этом механизм соотношения включает в себя следующие элементы:

- определение уровней приоритетности и значимости международных институтов для национальной экономики знаний, и наоборот;

- выработку механизма участия в создании международных институтов, их включения в национальную экономику знаний;

- введение процедур разрешения споров между международными и национальными институтами;

- признание юридической силы международных обязательств и ответственности государств за их выполнение;

- использование международных принципов, норм, понятий и терминов в национальной экономике знаний.

Список использованной литературы

1. Моргунов Е. В., Снегирев Г. В. Национальная (государственная) инновационная система: сущность и содержание // Собственность и рынок. 2004. № 7. С. 10–21.

2. Hauschildt J., Steinkuhler R. H. The role of science and technology parks in NTBF development. URL: http://technopark.al.ru/tpark/ exp_role.htm#benefit (дата обращения: 10.01.2011).

3. URL: http://www.miiris.ru

4. Федеральный закон Российской Федерации от 07.04.1999 №70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 27.12.2009 № 360-ФЗ). URL: http://base.consultant.ru (дата обращения: 12.02.2011).

5.Наукограды и ЗАТО – ресурс инновационного развития России / под ред. академика РАЕН М. И. Кузнецова. М.: Взгляд, 2008. С. 15.

6. URL: http://www.strf.ru.

7. Инвестиции в России, 2009: стат. сб. / Росстат. М., 2009. С. 177–179.

8. Индикаторы инновационной деятельности, 2009: стат. сб. М.: ГУ-ВШЭ, 2009. С. 43–44.

УДК 336.152

В статье предлагается подход к анализу процесса реформирования пенсионной системы России с позиций исторических условий развития. В работе приведена авторская периодизация пенсионной системы РФ, проведен анализ достигнутых результатов и накопившихся проблем.

Ключевые слова: периодизация; накопительный этап; страховой этап; пенсионная модель; страховые взносы.

The author proposes an approach to studying the process of reforming pension system in Russia on the basis of historical conditions of its development. The work contains periodization of the pension system of the Russian Federation, the analysis of outcomes and issues.

Key words: periodization; accumulation stage; insurance stage; pension model; insurance payments.

А. Е. Иванов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: uniyardemidov@inbox.ru

Периодизация реформирования пенсионной системы Российской Федерации

Научная статья

A. E. Ivanov

P. G. Demidov Yaroslavl State University
E-mail: uniyardemidov@inbox.ru

RF Pension System Reform Periodization

Scientific article

Любая пенсионная система не существует обособленно. Ее состояние зависит от экономической обстановки и политических решений в стране. Изменения в этих сферах требуют обновления базовых принципов и порядка правовых, экономических и организационных взаимоотношений между страхователями, страховщиком и застрахованными гражданами.

В новой истории России, а именно в 2000-е гг., на наш взгляд, можно выделить два основных этапа преобразований в пенсионной системе:

– накопительный этап (он продолжался в период 01.01.02 – 16.12.08). В данный период решались вопросы развития негосударственных пенсионных фондов, стимулирования населения к инвестиционным накоплениям, развития финансовых рынков, выработки механизмов инвестирования накопленных средств, повышения доходов по накопительной составляющей пенсии за счет увеличения ставки взносов;

– страховой этап (16.12.08 – текущий момент). В этот период проводились и продолжаются до сих пор мероприятия по увеличению текущих пенсий, по усилению страховых принципов в пенсионной системе, повышению доходов по страховой составляющей пенсии за счет увеличения ставки взносов.

Дата 16.12.08 г. условна и означает переломный момент в реформировании. Так или иначе накопительные принципы продолжают развиваться, но уже в меньшей степени. Стоит отметить, что реформирование системы пенсионного обеспечения продолжается до сих пор, что связано с попытками властей найти компромисс между выплатой пенсии будущим пенсионерам и тем, кто заработал пенсию еще в советский период.

Пенсионную модель, введенную в действие с января 2002 г., отдельные авторы называют накопительной. В то же время в своей основе она осталась распределительной моделью, основанной на солидарности поколений. Большая часть средств, поступающих в пенсионную систему в виде налогов и взносов, расходовалась на выплату пенсий тем, кто уже находится на заслуженном отдыхе. Об этом убедительно свидетельствует и распределение пенсионных платежей (единого социального налога и страховых взносов). В 2008 г. для финансирования базовой части пенсии направлялось 6% от фонда оплаты труда, а оставшиеся 14 из 28% пенсионных платежей – на финансирование страховой части пенсии (для лиц 1967 г. рождения и моложе: 6% – на накопительную часть и 8% – на страховую часть).

Рассмотрим, какие задачи были решены к осени 2008 г.

© Иванов А. Е., 2011

1. Модифицирована распределительная модель пенсионного обеспечения и сформирована накопительная составляющая пенсионной системы;

2. Разделение трудовой пенсии на три составляющие позволило дифференцировать трудовой вклад каждого пенсионера;

3. Введена система добровольных страховых накоплений. Законодательно закреплена государственная поддержка таких накоплений с целью активизации населения по вопросу пенсионного накопления;

4. Созданы условия для развития отраслевых и региональных пенсионных систем, формирующихся за счет дополнительных добровольных отчислений работодателей в соответствующие негосударственные фонды;

5. Финансирование базовой части пенсии в размере, не зависящем от стажа и заработка за счет зачисления 6%-й ставки единого социального налога в федеральный бюджет;

6. Для обеспечения финансовой устойчивости системы обязательного пенсионного страхования за счет платежей в ПФР создан накопительный (не персонифицированный) резерв, который призван обеспечить безусловное выполнение обязательств государства перед застрахованными лицами при изменениях демографических и макроэкономических условий функционирования социально-экономической системы. Данный резерв формируется при возникновении профицита бюджета ПФР;

7. До 2002 г. тарифы страховых взносов устанавливались ежегодно федеральным законом, а начиная с 2002 г. в практику вошла система, основанная на установлении ставок на длительный период, что повысило стабильность.

В 2008 г. остро встала проблема сбалансированности бюджета. На протяжении 2005–2008 гг. постоянно увеличивались трансферты из федерального бюджета на поддержку пенсионной системы и достигли в 2008 г. 1,3% от ВВП. При анализе расходов федерального бюджета на 2009 год и на плановый 2010 г. данный трансферт должен увеличиться до 2,6% от ВВП (см. табл. 1).

Ко всему прочему не удалось ликвидировать отставание пенсии от уровня заработной платы (см. табл. 2). Коэффициент замещения неуклонно падал.

На наш взгляд, именно под воздействием мирового финансового кризиса было решено пересмотреть модель пенсионной системы РФ и определить стратегические направления дальнейшего ее реформирования. С этого момента, по нашему мнению, все мероприятия были направлены на повышение страховых принципов пенсионной системы, чтобы в дальнейшем пенсионная система сама себя окупала, т. е. доходы должны быть сопоставимы с расходами.

Кроме того, к такому шагу Правительство РФ подтолкнула неудовлетворенность накопительной пенсионной системой. По данным Пенсионного фонда РФ на 30 сентября 2008 г., общий объем пенсион-

Таблица 1

Источники финансирования трудовых пенсий, % от ВВП [1]

Показатель	*Годы*					
	2005	*2006*	*2007*	*2008*	*2009*	*2010*
Базовая часть ЕСН	1,2	1,2	1,2	1,2	1,3	–
Пенсионные взносы	2,8	3	3	3	3,2	4,2
на страховую пенсию	2,5	2,6	2,6	2,4	2,5	3,6
на накопительную пенсию	0,3	0,4	0,4	0,6	0,7	0,6
Итого налоги и страховые взносы	**4,1**	**4,1**	**4,2**	**4,2**	**4,5**	**4,2**
Трансферты из федерального бюджета за счет общих доходов	**0,9**	**0,9**	**1**	**1,3**	**1,6**	**2,6**
на базовую пенсию	0,8	0,7	0,6	0,8	1,3	–
на финансирование дефицита пенсионной системы	0,1	0,2	0,4	0,5	0,3	2,6
Всего ресурсы финансирования текущих и будущих трудовых пенсий	**5,0**	**5,0**	**5,2**	**5,5**	**6,1**	**6,8**
в том числе						
текущих пенсий (базовых и страховых)	4,7	4,6	4,8	4,9	5,4	6,2
будущих пенсий (накопительных)	0,3	0,4	0,4	0,6	0,7	0,6

Примечание: а) 2009 и 2010 гг. проанализированы по взносам на уровне 2008 г.; б) общие расходы на выплату базовой части пенсий запланированы в 2009 г. на уровне 1 034 млрд руб. При поступлении от ЕСН доходов на уровне 2008 г., т. е. 506,8 млрд руб., и в связи с уменьшением ВВП до 39 016,1 млрд руб. (в 2008 г. 41 256 млрд руб.) можно предположить, что трансферты из федерального бюджета за счет общих доходов на выплату базовой части пенсии составят 1,3 % ВВП.

ных накоплений Внешэкономбанка (ВЭБ) составил 350 млрд руб., частных управляющих компаний – 10,5 млрд руб., негосударственных пенсионных фондов – 39,9 млрд руб. По итогам 2008 г., на который пришелся удар финансового кризиса, ВЭБ показал отрицательную доходность – минус 0,46%, в то время как средняя доходность частных компаний составила минус 29% годовых [3]. **Рассмотрим последовательность действий правительства в направлении** реформирования пенсионной системы**.**

16 декабря 2008 г. в Москве проведен 1-й Пенсионный форум по теме «Приоритетные направления развития пенсионной системы в Российской Федерации», на котором вице-премьер А. Д. Жуков и министр здравоохранения и социального развития Т. А. Голикова изложили основные положения стратегии дальнейшего реформирования пенсионной системы России. На форуме обсуждался вопрос по валоризации и реформированию ЕСН (единого социального налога).

24 июля 2009 г. подписаны федеральные законы № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования» и № 213-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации».

1 января 2010 г. вступили в силу Федеральный закон от 24.07.2009 г. № 212-ФЗ и Федеральный закон от 24.07.2009 г. № 213-ФЗ. Единый социальный налог (ЕСН) заменяется страховыми взносами на конкретные виды социального страхования. Базовая часть трудовой пенсии по старости в Российской Федерации перешла в страховую часть трудовой пенсии по старости в виде **фиксированного базового размера.**

1 января 2010 г. проведена валоризация пенсии – увеличение денежной оценки пенсионных прав, которые были сформированы у людей по состоянию на 1 января 2002 г., и прежде всего прав, сформированных до 1991 г., то есть до запуска всех рыночных реформ в нашей стране. С января 2010 г. все пенсионные права были проиндексированы на 10% – это базовая ставка переоценки, а индивидуально для каждого пенсионера – по 1% за каждый год трудового стажа, который был у человека до 1991 г.

Среди достигнутых результатов за последние два года можно отметить следующие.

1. Повышен коэффициент замещения до 33%. Правительством заявлено довести данный показатель до 40% к 2020 г. Но если индексация будет опережать рост заработной платы, то данный коэффициент достигнет минимальной европейской планки уже в 2012 г.;

2. Отменена регрессионная шкала страховых взносов в Пенсионный фонд РФ. До 2010 г. страховые взносы уплачивались с большей заработной платы в меньшем объеме. Единственной чертой, после которой страховые взносы не взимаются, остается 415 тыс. руб., которая в будущем будет индексироваться. В результате Пенсионный фонд РФ получит значительные денежные средства;

3. Увеличение с 2011 г. ставки страховых взносов также способствует большему насыщению пенсионной системы денежными средствами (см. табл. 3).

Однако по-прежнему в пенсионной системе существует ряд проблем.

Таблица 2

Динамика коэффициента замещения в 2002–2009 гг. [2]

Показатель	*Годы*							
	2002	*2003*	*2004*	*2005*	*2006*	*2007*	*2008*	*2009*
Коэффициент замещения	31,6	29,8	28,4	27,6	25,6	22,9	24,2	33

Таблица 3

Ставки взносов в Пенсионный фонд РФ и федеральный бюджет, %

Фонд	*Годы*				
	2002–2004	*2005–2007*	*2008–2009*	*2010*	*2011*
Федеральный бюджет	14,0	6,0	6,0	–	–
Пенсионный фонд РФ, всего в том числе:	14,0	14,0	14,0	20,0	26,0
• на страховую часть	8,0	10,0	8,0	14,0	20,0
• на накопительную часть	6,0	4,0	6,0	6,0	6,0

1. Главной проблемой остается несбалансированность бюджета Пенсионного фонда РФ и зависимость его от общих доходов страны. По сути, денежные средства, которые могли быть использованы на развитие экономики, покрывают внутренний долг государства перед пенсионерами. Увеличение ставки страховых взносов с 26 до 34% и введение 100-процентной регрессивной шкалы негативно скажется на поступлениях в Пенсионный фонд РФ. По словам главы ПФР Антона Дроздова, налоговая нагрузка на бизнес увеличится на 150–180 млрд долларов. Такой шаг приведет скорее к сокрытию заработных плат и возрождению «серых» схем.

2. Сохраняется острая демографическая проблема. «Для России остро стоит проблема старения населения, – комментирует Оксана Чистова, директор по правовым вопросам НПФ "Стальфонд", – поскольку существующая модель финансирования предполагает соотношение работающих и пенсионеров два к одному и более» [4]. И в 2005 г. на каждого пенсионера действительно приходилось почти двое работающих. Но, как ожидается, к 2023 г. число пенсионеров вырастет до 42,8 миллионов человек, а работающих – снизится до 44,5 миллионов. Таким образом, проблема финансирования пенсий выходит на новый, драматический уровень. Уже сейчас из-за демографических изменений возрастает текущий дефицит бюджета Пенсионного фонда ФР. По мнению миссии Международного валютного фонда, изложенному Правительству РФ, одной из главных причин того, что нагрузка пенсионеров на работающих в России относительно большая, являются также льготы в пенсионном обеспечении, которые при данных экономических условиях кажутся весьма щедрыми. Сейчас из 29 млн. пенсионеров по старости 9,5 млн. человек являются получателями досрочной пенсии [5].

3. Не решен вопрос создания профессиональных пенсионных систем. Еще в 2002 г. был разработан проект закона о профессиональных пенсиях, но он так и не был принят.

Таким образом, можно утверждать, что пенсии в России все больше принимают характер страховых выплат, а накопительная составляющая представляет собой дополнительную возможность увеличения пенсии. С одной стороны, такая практика создает возможность пополнения бюджета Пенсионного фонда РФ за счет большей ставки страховых взносов. С другой стороны, может повториться ситуация конца 90-х гг. XX в., когда часть выплат уходила в теневую экономику. Однако подобные действия правительства вполне предсказуемы и даже неизбежны в ожидании возможного исчерпания финансовых резервов страны, выплаты из которых были увеличены во время финансового кризиса 2008–2009 гг. и легли тяжелым бременем на бюджетную систему.

Список использованной литературы

1. Гурвич Е. Перспективы Российской пенсионной системы // Вопросы экономики. 2007. № 9. С. 49.

2. Предложения по совершенствованию пенсионной системы в России // Институт современного развития. URL: http://www.riocenter.ru/ru/programs/materials/1251 (дата обращения: 28.09.2010).

3. Пенсионные накопления. Много ли их накопилось? // URL: http://www.3vozrast.ru/article/pravo/finansis/978/ (дата обращения: 04.10.2010).

4. Мерзликина О. Пенсия: система не даст расслабиться // Финанс. 2009. № 37(320). С. 48.

5. Биткина И.К. О путях повышения страховых принципов пенсионной системы // Финансы. 2009. № 2. С. 76.

УДК 339.1

В статье сделана попытка предложить структурированный подход к разработке, построению и реконфигурированию логистических систем на основе дифференциации ее компонентов по различным основаниям. Дается характеристика каждого из них, рассматриваются практические условия, требующие анализа логистических систем с позиции предложенных критериев. Предложения основаны на использовании количественного подхода к оценке логистических систем.

Ключевые слова: торговля; глобализация; стратегическое планирование; логистическая система; реконфигурирование; количественные критерии; логистическая рентабельность; интегральная модель.

The author of this article offers a new structural approach to development, design and reconfiguration of logistics systems that is based on its` components differentiation. The article contains the description of these components and also considers the practical conditions that need to be studied with the offered criteria. This approach is based on quantitative methods of logistics systems` analysis.

Key words: trade, globalization; strategic planning; logistics' system; reconfiguration; quantitative criteria; logistical profitability; integrated model.

Е. Р. Добронравин

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова
E-mail: info@genobium.com

Вопросы построения логистической системы на основе дифференциации ее составляющих

Научная статья

E. R. Dobronravin

P. G. Demidov Yaroslavl State University
E-mail: info@genobium.com

Analysis of Logistics System's Performance by Differentiating it's Components

Scientific article

По данным статистики, более 20% ВВП России создается отраслью розничной торговли [1]. При этом исследования А. Т. Кирни 2003 г. указывали на Россию и Восточную Европу как на регионы, дающие наибольшие возможности для сбыта продовольствия и распространения розничной торговли товарами широкого потребления в качестве международных планов экспансии [2].

В 1980–1990-х гг. идеологи построения логистических каналов исходят из приоритета розницы, близости к конечному потребителю. По мере того как становятся известными розничные торговые бренды, имеющие сильное конкурентное преимущество, производители и посредники ищут возможности быть представленными в их популярных сетях [3]. В то же время отечественные сети остаются представленными в основном лишь на национальном рынке. Все это настоятельно требует уточнения методологии построения оптимальных логистических систем.

Вопросы построения и реконфигурации существующих систем, разумеется, относятся к стратегическим вопросам логистики. Дадим следующее определение дистрибуционной стратегии: стратегическое планирование – это процесс принятия решения о целях фирмы, изменениях в целях фирмы, ресурсах достижения этих целей и политикеи управления приобретением и распределением ресурсов. В дистрибуции – это определение мест хранения, транспортировки, управления запасами, уровней обслуживания, информационных систем и способов их конфигурирования… «В действительности, единственный способ выжить в быстро меняющемся дистрибуционном окружении – это иметь хороший стратегический план и знать факторы, влияющие на дистрибуцию» [4]. В свою очередь для построения эффективной дистрибуционной стратегии необходимо четко понимать, что представляет собой логистическая система, и на основе этого сформулировать рекомендации в направлении достижения идеальной логистической системы для тех или иных условий ее функционирования. Для этого нам предстоит систематизировать составляющие логистических систем: типы используемых

© Добронравин Е. Р., 2011

логистических систем, типы распределяемых в них продуктов, виды издержек логистических систем, типы технологических элементов, функциональные области и решаемые логистические задачи, модели, методы, критерии, показатели эффективности для всей системы, на выходе из системы. Систематизированные данные представлены в табл. 1.

Как видим, при построении и характеристике логистических систем мы имеем дело с разнородными методами, функциональными областями и видами деятельности, процессами и моделями. В то же время логистическая система, будучи организацией, имеет единую цель, которая связана с эффективным использованием ресурсов и максимальным удовлетворением потребностей конечных потребителей.

Интеграции логистических систем на основе общих целей способствует развитие информационных технологий, которые призваны объединить все логистические элементы глобальной цепи на основе модели локальной информационной сети. При использовании интернет-технологий стираются искусственные и мешающие границы между управлением ресурсами предприятия и цепями распределения. Развитие информационных технологий позволяет рассматривать цепь организации поставки и оперировать ею как единой компанией. Это отражает суть логистического подхода, направленного скорее на межфирменную, чем на внутрифирменную, интеграцию. «Очевидно, что управление сбытовыми цепями SCM является новой границей MPC» [6]. Это означает, что при построении современной системы MPC в первую очередь рассматривается межфирменная интеграция, нежели внутрифирменная. При этому учитываются и такие особенности межфирменных систем, как различия между MPП-циклами, сдвиги, усиленные MPП, «эффект кнута».

Рассмотрение логистической сети как системы с серией узлов и транспортных соединений, через которые движется материальный поток, проходя через точки группировки и разгруппировки, дает нам основу для применения количественной оптимизирующей процедуры. Однако, на наш взгляд, для этого сети в логистике также подлежат дифференциации. Они могут быть как физические, так и информационные, или собственно-логистические. Физические сети соответствуют движению товарного потока, однако если субъект, как в случае использования VMI или 3PL технологии, находится отдельно от управляемого им объекта, то информационная сеть обособляется от физической, конфигурируется по собственной структуре и границам и строится по информационному потоку. Иногда на предприятиях происходит выделение в компьютерных системах виртуальных складов, в то время как физически они

Таблица 1

Признаки дифференциации логистических систем

Объект дифференциации	*Основные характеристики*
Типы логистических систем и культурная практика	Точно-в-срок, МРП, ДРП, классические системы управления запасами, различия в условиях применения, характере потребления и организации каналов в различных странах
Функциональные области логистики	Закупочная, производственная, информационная, распределительная, транспортная, складская область управления запасами
Издержки, критерии, показатели эффективности	Издержки заказа, хранения, дефицита; оборачиваемость, рентабельность, уровень обслуживания
Матрицы продуктов	Матрица неопределенности спроса и предложения товаров и соответствующих типов организации торговли (приобретение, множество, рычаг, стратегия) [5]
Логистическая цепь	Поставщик, производство, дистрибуция, дилер, розница, потребитель
Набор действующих факторов различных уровней в качестве параметров модели	Закупочные и продажные цены, стоимость исполнения заказа, вариация по срокам исполнения заказа, время исполнения заказа, спрос, вариация спроса, ценность капитала
Инструментарий (количественные методы логистики)	Методы иерархии; нейронные системы; прогнозирования; управления запасами; сетевого управления; ветвей и границ; имитационное моделирование; линейное программирование; транспортные задачи; теория очередей; динамическое программирование
Типы логистических задач	Задачи в рамках функциональных областей, задачи комплексного характера
Типы систем	Концептуальные, количественные и оптимизационные. Информационные, экономические, физические

находятся в одном месте. При этом их общий запас совместно выполняет функцию наличия в момент, когда это необходимо потребителю на данной территории. Кроме того, часто потребность, удовлетворяемая рядом розничных складов одной компании, подлежит консолидации для совместного заказа.

Существуют также транзитные заказы, соответственно собственно логистическая и информационная сети в этом случае также различаются по структуре и форме. Собственно логистические системы, в свою очередь, включают количественные и оптимизационные.

Оптимизации логистических систем служат современные технологии информации, производства, транспортировки. Они являются катализатором формирования современных логистических систем в соответствии с концепциями стройности и адаптивности [7]. Также существуют традиционные элементы, факторы и ограничения логистических систем, методические подходы к организации их функционирования (см. табл. 2).

Если попытаться проникнуть в сущность данных элементов логистической системы, то действие всех перечисленных условий можно свести к ряду параметров их влияния на логистические системы: ассортимент, неопределенность спроса и времени исполнения заказов, нетто-цены, маржинальная прибыль, время доставки, скорость доставки, надежность доставки, спрос и его составляющие, транспортные и административные расходы и другие. Эти и только эти параметры оказывают влияние на рассмотренный нами ранее интегральный показатель рентабельности логистической системы [8]. Следовательно, в качестве одного из методологических приемов при построении оптимальных логистических систем может быть использована следующая схема анализа: элементы, факторы логистической системы – параметр – максимально

Таблица 2

Технологии, факторы, ограничения и элементы логистических систем

Современные технологии, развивающие концепции стройности и адаптивности	Межмашинная интеграция, аналоги локальных информационных систем, мультиагентные системы поиска партнеров и заключения сделок, POS-терминалы и технологии раннего получения производством и отделом R&D данных о спросе, CAD/CAM, FMS, VMI, 4G, GPS, WMS, штрих-кодирование, сборка по голосу, радиочастотная идентификация, EDI, технологии интернет-предприятия различных типов, контейнерные и мультимодальные перевозки, высокоскоростной железнодорожный и воздушный транспорт, LASH суда, роудрейлеры, автоматизированные склады, промышленные роботы
Методические подходы к технологии	Блочный принцип упаковки, консолидация грузов, контейнер для смешанных перевозок, корпоративный перевозчик, отбор товара и комплектация заказа, пакетирование и паллетизация, приспособляемость заводов под потребителей, прямая отправка, упаковка в разобранном виде, методы прогнозирования, возможный продуктовый набор, трансотгрузка, система автоматического хранения и выдачи, централизованное складирование, контрактный склад, оптимизационные модели, закупка без запаса, логистические стратегии, упаковка, дизайн продукта и сборка, партионное производство, форвардная закупка, последовательность работ, процессы под заказ, услуги, добавляющие полезность
Факторы и ограничения	Внешнеторговая зона, грузовая единица, франко-условия доставки, импортные квоты, габаритная масса, запаздывающие заказы, нетарифные барьеры, норма уровня обслуживания, окно доставки и ночная доставка, осадка судна, продажа вагонами, сроки хранения груза, тарифы, понижающиеся с расстоянием, фрахтовые тарифы, сроки выполнения работ, расписание и график выполнения работ, ограничения по смесям, системы очереди, используемые стратегии, таможенный сбор, пробки трафика, таможенное регулирование и процедуры, Евросоюз, культурная практика, лицензирование, максимальная мощность, горлышки бутылки, эффект кнута, потребительская брешь, пропускная способность, контроль документов, складские расходы, затраты на ускорение поставок, издержки на обеспечение гибкости, стоимость рабочей силы, общие и административные расходы и т. п.
Элементы систем	Гидротранспортная система, железнодорожная ветка, корпоративный товарный склад, маршрут поезда, клиенты, океанские лайнеры, платформенный контейнер, распределительный центр, ролкеры, реверсивная логистика, автомобильно-железнодорожные перевозки, таможенные брокеры, товарный склад общего пользования, центр формирования грузов, экспортные упаковщики, склады, DHL, прямые дистрибуционные каналы, посредники, транспортная инфраструктура, железнодорожный транспорт, воздушный транспорт, автомобильный транспорт, водный транспорт, аутсорсинг, процесс производства, размещение мощностей и инфраструктура, уровень трудовых ресурсов

возможная рентабельность конкретной логистической системы. Подходить к построению и реконфигурации логистической системы следует с учетом ее возможной оптимизации и влияния на максимальную рентабельность той или иной выбираемой системы [9]. Несомненно, данные параметры системно связаны друг с другом. Например, неопределенность спроса и сроков поставки влияют на необходимые материальные запасы, а ускорение доставки влечет рост транспортных расходов. В литературе исследуется также влияние вариации на величину необходимых запасов в логистике.

Отдельного внимания заслуживает параметр ценность капитала. Он играет важнейшую роль при оптимизации цепи, добавляющей полезность, и при регулировании ресурсов в логистической системе. По той же причине важно использовать закупочные и продажные цены применительно ко всей логистической системе. Другие параметры также подлежат системной оценке. Например, известно, что в среднем стоимость доставки водным транспортом в 9 раз дешевле, чем по суше, в расчете на тонну груза. Тем не менее недостаток данного способа транспортировки состоит в том, что он более продолжителен по времени. Следовательно, необходимо учесть и возникающие добавочные затраты времени в единстве с финансовой экономией поставщика данной логистической системы. Время оказывает влияние на необходимый транспортный и страховой запасы. Это и есть плата за время. Такие факторы, как время, неопределенность, ресурсы, одновременно являются факторами нормативной рентабельности логистической системы. По-видимому, в последующих исследованиях подлежит систематизировать влияние факторов на рентабельность логистической системы.

Логистика имеет в своем распоряжении обширный математический аппарат и множество функциональных моделей, обслуживающих различные функциональные области логистики: закупочную, производственную, информационную, распределительную, транспортную, складскую, область управления запасами. В настоящее время актуальным является вопрос построения и использования интегральных логистических моделей и методов. В этом направлении существуют различные методические проблемы в данной области. К ним относятся: откладывание процессов производства, вопросы масштабов производства, проектирование компонентов, эффективная закупка, системы планирования ресурсов, оптимизация источников поставок, разные способы транспортировки, балансировка затрат на складирование и транспортировку, балансировка централизованного и децентрализованного способов складирования, приведение в соответствие уровня товарно-материальных запасов с возможным повышением объемов сбыта. Логистические задачи и решения при этом касаются разного уровня иерархии. Например, размещение товара на складе или оптимальное заполнение транспортного средства является функциональной задачей складской логистики. Существуют взаимосвязи в принимаемых решениях. Например, выбор упаковки и размер партии, ассортимент поставки и нагрузка кладовщика при сортировке по складу. По-видимому, такие задачи, как размещение склада и выбор вида транспорта, выбор поставщика, вопросы закупочных и отпускных цен и расчетов, приведение в соответствие производственных циклов и оптовых партий, целесообразность использования аутсорсинга и т. п., являются *наддфункциональными*. Различные типы логистических задач подлежат дальнейшей систематизации с установлением соподчиненности. При построении логистических систем экономический анализ подразумевает сопоставление всех инвестиций, включая стоимость строительства и оборудования складов с учетом экономии по каждой альтернативе. Должны учитываться затраты по перемещению персонала, запасов, оборудования, а также налоговые платежи, доходы от продаж существующих земель и зданий. Итогом должна стать интегральная оценка рентабельности активов и инвестиций.

Список использованной литературы

1. URL: http://www.rian.ru/economy/20040121/511502.html

2. Kent N. Gourdin. Global Logistics Management: a competitive advantage for 21st century. 2nd ed. N. Y., 2006. P. 10.

3. Ibid. P. 31.

4. Designing a distribution network to address today`s challenges // URL: http://www.tompkinsinc.com.

5. Хэндфилд Р. Б., Николс Э. Л. Реорганизация цепей поставок: Создание интегрированных систем формирования ценности. М.: Вильямс, 2003. С. 250.

6. Vollman T. E. Manufacturing Planning and Control for Supply Chain Management. 5-th ed. N. Y., 2005. P. 578.

7. О бизнес-концепциях адаптивности и стройности // Логистика. 2008. № 3. С. 17.

8. Содержание и использование показателя логистической рентабельности в работе торгового предприятия // Логистика и управление цепями поставок. 2010. № 5.

9. Там же. С. 38.

УДК 338.2

В статье рассматривается проблема нахождения баланса интересов заинтересованных сторон предприятия и предлагается аналитический инструмент их позиционирования и приоритезации, в основу которого положен метод анализа иерархий. Рассуждения сопровождаются описанием сущности и процедуры методики, а также ее преимуществ относительно других известных приемов и техник.

Ключевые слова: заинтересованные стороны; баланс интересов; метод анализа иерархий; приоритезация.

The article raises the question of balancing interests of stakeholders and presents an analytical technique for their positioning and prioritizing which uses the so called analytic hierarchy process (AHP). Our argumentation touches on the essence of the approach, description of analytical procedure, and its advantages in comparison with other well-known methods.

Key words: stakeholders; balance of interests; analytic hierarchy process; positioning; prioritization.

К. О. Прохоров

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: prohamster@mail.ru

Приоритезация заинтересованных сторон с использованием метода анализа иерархий

Научная статья

K. O. Prokhorov

P. G. Demidov Yaroslavl State University
E-mail: prohamster@mail.ru

Stakeholders Prioritization Using the Analytic Hierarchy Process

Scientific article

В процессе развития экономической науки вопросам организации эффективного управленческого процесса всегда уделялось большое внимание. Результатом этих многолетних исследований явилось ставшее сегодня классическим понимание менеджмента организации как процесса достижения ее стратегических целей, обеспечивающего благосостояние собственников бизнеса. Впрочем, в последние годы активно обсуждается и альтернативная точка зрения, воплотившаяся в теории заинтересованных сторон (ТЗС), согласно которой управление предприятием заключается в удовлетворении более широкого круга субъектов – стейкхолдеров [1]. Имея под собой достаточно глубокие экономические основания, а также обладая рядом заслуживающих доверие преимуществ, данная концепция постепенно входит в корпоративную практику, обеспечивает переход от традиционной управленческой модели к менеджменту стейкхолдеров, нацеленному на успех организации за счет эффективного и взаимовыгодного сотрудничества с ними.

Впрочем, в силу того что некоторые участники бизнеса, очевидно, имеют конкурирующие интересы и решения, принимаемые в пользу одних стейкхолдеров, зачастую ухудшают положение других, комплексная задача удовлетворения менеджерами их потребностей представляется достаточно сложной, тем более что имеющиеся в распоряжении предприятия ресурсы чаще всего ограничены, а потому должны быть использованы с достаточной эффективностью. Иными словами, следует говорить не столько о полном удовлетворении интересов стейкхолдеров, сколько о стремлении к нахождению некоторого баланса их интересов. Под ним мы, в частности, понимаем лучшее по какому-либо релевантному количественному критерию или их группе распределение ресурсов предприятия между его стейкхолдерами, обеспечивающее стабильное развитие организации в долгосрочном периоде.

На наш взгляд, потребность поиска указанного баланса требует в свою очередь разработки и последовательного применения конкретных управленческих инструментов, способных решить задачу позиционирования и приоритезации широкого круга различных участников бизнеса, претендующих на ресурсы целевого предприятия. При этом

© Прохоров К. О., 2011

мы исходим из того, что наибольшего внимания заслуживают те заинтересованные стороны, которые обеспечивают выживание и успешное развитие организации, а также оказывают либо могут оказать существенное влияние на ее функционирование.

Несмотря на то что научная литература, релевантная данной проблеме, уже предлагает несколько подходов, отличающихся разной степенью проработанности, эффективно решать задачу приоритезации стейкхолдеров они не позволяют. Так, например, широко цитируемая модель Митчелла [2] хотя и помогает разделять участников бизнеса на классы, исходя из свойственных им уровней власти, легитимности и срочности, и даже предлагает некоторые ситуационные стратегии, однако не является достаточно чувствительным аналитическим инструментом, поскольку оперирует лишь категориями наличия или отсутствия указанных признаков. Другая же часто используемая концепция – модель Брайсона [3] – на основе матричного подхода анализирует стейкхолдеров, как правило, лишь в свете двух взаимосвязанных атрибутов, хотя действительность, очевидно, ими ограничиваться не может. Иными словами, достаточно проработанной методики, способной одновременно решить проблемы чувствительности и многокритериальности, в настоящее время в ТЗС не существует. Отсюда кажется важным направить усилия на поиск более совершенного инструмента, а в качестве его теоретической базы предложить уже зарекомендовавший себя в зарубежном опыте стратегического управления метод анализа иерархий (МАИ).

Идея данного метода, впервые описанного Томасом Саати в 1980 г. [4], заключается в том, что любую сложную систему или совокупность множества взаимосвязанных обстоятельств, которые едва ли представляется возможным изучить как единое целое, можно, тем не менее, глубоко проанализировать поэлементно, если двигаться при этом в некоторой обоснованной последовательности, отражающей связи между компонентами данной системы, т. е. ее иерархию. В этом случае центральным вопросом анализа становится оценка относительной силы влияния нижних элементов иерархии на общую цель или результат, оказывающийся на ее вершине.

Главная же особенность метода состоит в том, что определение приоритетов нижнего уровня относительно цели сводится к последовательности их определения для каждого предшествующего уровня, а все такие задачи – к последовательности парных сравнений, то есть вместо изучения сложной системы как единого целого МАИ предлагает осуществить ее декомпозицию на отдельные доступные анализу составляющие, попарно сопоставить их по тем или иным критериям, а затем посредством алгебраических операций перейти к интегральным оценкам. Применительно к ТЗС, изучающей предприятие как систему взаимосвязанных стейкхолдеров, их интересов и действий, это может означать изучение их относительной важности для стабильного функционирования организации, что, очевидно, необходимо для обоснованного движения к оптимальному балансу их интересов.

На наш взгляд, процесс приоритезации заинтересованных сторон с использованием МАИ может включать в себя совокупность следующих этапов: построение аналитической иерархии, проведение парных сравнений, вычисление начальных приоритетов альтернатив, их корректировку с учетом значимости критериев и их групп на каждом уровне иерархии, а также контроль получаемых результатов[1].

Так, целью первого этапа является построение иерархии, которая в достаточной степени реалистично отражала бы связи, свойства и отношения объекта исследования. Учитывая, что в свете ТЗС нас интересует влияние, которое оказывают стейкхолдеры на функционирование предприятия, на вершине такой иерархии, очевидно, должен оказаться интегральный показатель такого влияния. Далее нужно расположить исчерпывающий перечень взаимосвязанных особым образом управляющих факторов или групп критериев, последовательный анализ которых позволит подойти к решению проблемы верхнего уровня. При этом отдельные группы факторов можно дополнительно детализировать в целях более глубокого отражения имеющихся в действительности взаимосвязей. А на нижнем уровне нужно расположить равнозначные компоненты системы (в нашем случае – заинтересованные стороны), приоритеты которых относительно цели и представляется необходимым определить. И раз они связаны со всеми или большинством элементов более высокого порядка, то, получается, могут быть через них сопоставлены. Пример типовой аналитической иерархии представлен на рис.

[1] Описание теоретической базы процедур, связанных с использованием МАИ, выходит за пределы данной статьи, поэтому далее мы описываем лишь общие принципы предлагаемого подхода, тем более что для более глубокого изучения метода каждый может обратиться к оригинальной литературе (см. [4, 5]).

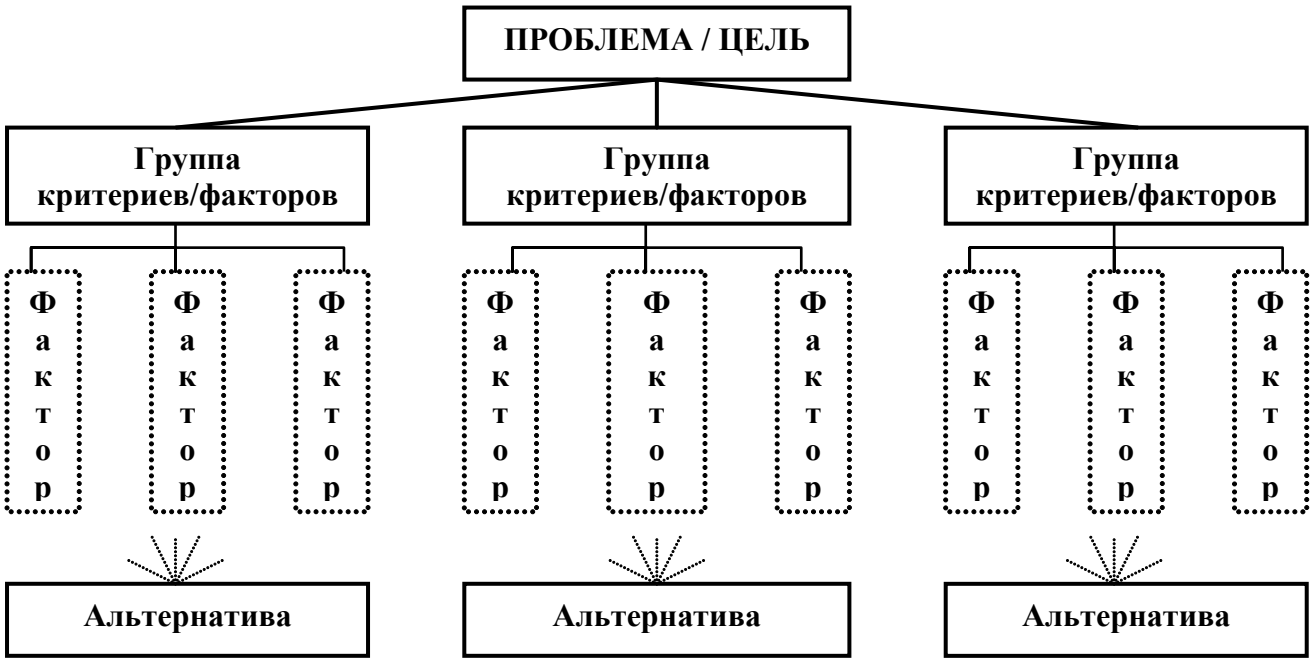

Рис. Типовая аналитическая иерархия [построено автором]

После построения иерархии начинается процесс парного сравнения альтернатив относительно критериев следующего за ними уровня. В частности, для каждого фактора строится обратносимметричная квадратная матрица, размерность которой соответствует числу исследуемых компонентов, и на пересечении ее строк и столбцов проставляются числовые значения, отражающие приоритет одной альтернативы над другой по данному фактору. Например, при сравнении таких стейкхолдеров, как персонал и поставщики, по критерию важности поставляемых ими ресурсов менеджеры компании сферы услуг, возможно, отдадут приоритет персоналу, а управленцы низко технологичного сборочного предприятия – поставщикам. При этом, если в основе сравнения лежат количественные показатели, оно становится тривиальным. Если же сопоставляются качественные величины, то автор МАИ предлагает использовать специальную шкалу оценок, подтвердившую свою эффективность в сравнении с иными 27 возможными шкалами [6].

Будучи заполненной приоритетами альтернатив относительно друг друга, матрица парных сравнений с использованием аппарата теории упорядоченных множеств и графов далее позволяет рассчитать так называемый собственный вектор, представляющий собой количественную оценку относительной силы стейкхолдеров по рассматриваемому фактору. Мощность МАИ здесь проявляется в том, что, хотя альтернативы и сопоставляются лишь парами, полученные приоритеты распространяются на всю матрицу в целом.

После же вычисления собственных векторов для всех факторов следующего за альтернативами уровня возникает естественная потребность в продвижении по иерархии вверх, т. е. в корректировке полученных приоритетов с учетом относительных значимостей критериев внутри группы и групп между собой. Логика здесь заключается в том, что если один стейкхолдер получает приоритет по менее значимому фактору, а другой – по более важному, то итоговое влияние второго при прочих равных условиях должно оказаться выше в той же степени, в какой отличаются значимости этих критериев. Иными словами, такая корректировка позволяет сместить акцент в пользу тех управляющих факторов, которые являются определяющими в изучении влияния заинтересованных сторон на анализируемое предприятие.

На последнем же этапе, когда собственные векторы оказываются скорректированными на каждом уровне иерархии, становится возможным рассчитать интегральные приоритеты альтернатив относительно цели верхнего уровня. Получившиеся в итоге значения становятся прямыми производными от проведенных на первом этапе парных сравне-

ний, что, собственно, и раскрывает мощность и удобство данного метода, в котором сначала происходит декомпозиция системы на доступные анализу составляющие, а затем обратная операция, связанная с получением интегральных оценок.

Впрочем, при использовании МАИ, как и в других экспертных методах, оценивающих качественные параметры путем выдвижения разного рода суждений (методы Дельфи, экспертных оценок и др.), встает проблема субъективности результатов, а также их согласованности. Однако отметим, что использование специально разработанного Саати показателя – отношения согласованности – позволяет контролировать качество получаемых собственных векторов и, при необходимости, пересматривать парные сравнения в целях обеспечения большей согласованности результатов [7].

В заключение отметим, что предложенный выше механизм приоритезации заинтересованных сторон с использованием МАИ кажется нам более подходящим аналитическим инструментом сразу по нескольким причинами. Во-первых, он по определению подходит для анализа сложных многофакторных систем, примером которых является сеть заинтересованных сторон предприятия. Во-вторых, является единственной из известных нам в ТЗС методик, имеющей в своей основе богатый математический аппарат, позволяющий получать количественные оценки приоритетов. В-третьих, он обладает чрезвычайной гибкостью, поскольку позволяет строить разные аналитические иерархии, а значит, и анализировать разнообразные факторы. И наконец, может использоваться как в стратегическом, так и в оперативном менеджменте, не требует больших затрат времени и сил, а также может быть значительно автоматизирован с использованием компьютерной техники.

Список использованной литературы

1. Freeman R. E. et all. Stakeholder Theory: The State of the Art. N. Y.: Cambridge University Press, 2010. 343 p.

2. Mitchell R. K., Agle B. R., Wood D. J. Toward a Theory of Stakeholder Identification and Salience: Defining the Principle of Who and What Really Counts // Academy of Management Review. 1997. Vol. 22. P. 853–886.

3. Bryson J. M. What To Do When Stakeholders Matter: A Guide to Stakeholder Identification and Analysis Techniques // Public Management Review. 2004. Vol. 6, № 1. P. 25–53.

4. Saaty T. L. The Analytic Hierarchy Process: Planning, Priority Setting, Resource Allocation. London: McGraw-Hill International Book Co, 1980. 287 p.

5. Саати Т. Принятие решений: Метод анализа иерархий. М.: Радио и связь, 1993. 278 с.

6. Там же.

7. Там же.

УДК 338.43

В статье рассматриваются проблемы финансовой устойчивости и платежеспособности фермерских хозяйств, что обусловлено необходимостью эффективного управления крестьянскими (фермерскими) хозяйствами и решения проблем банковского кредитования. Освещается опыт хозяйственной деятельности крестьянского (фермерского) хозяйства К. Г. Ибрагимова Чухломского района Костромской области, результаты работы которого свидетельствуют, что фермерские хозяйства являются весьма эффективным сектором аграрной экономики.

Ключевые слова: крестьянское (фермерское) хозяйство; финансовая устойчивость; платежеспособность.

The article deals with the issues of financial stability and solvency of farms, required for effective farm management as well as banking loans for farms and individual farms. The experience of the farm owned by K.G. Ibragimov in the Chukhloma district of the Kostroma region is described to prove that farms are quite an effective sector of the agrarian economy.

Key words: farm (individual farm); financial stability; solvency.

В. А. Губин

Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова
E-mail: vldmrgbn@rambler.ru

Институт фермерских хозяйств и их финансовая устойчивость

Научная статья

V. A. Gubin

Kostroma Nekrasov State University
E-mail: vldmrgbn@rambler.ru

Institute of Farming and Financial Stability of Farms

Scientific article

Проблемы аграрного сектора России тесно связаны с низким уровнем финансовой устойчивости и платежеспособности сельскохозяйственных предприятий. Наиболее ярко эти проблемы обозначились там, где сельскохозяйственные предприятия не погашают своевременно и полностью свои краткосрочные финансовые обязательства. Одной из фундаментальных проблем, которая в современных условиях актуализируется в большей мере, является низкий уровень финансовой устойчивости и платежеспособности фермерских хозяйств. Следует учитывать также специфику сельскохозяйственного производства, которая заключается в том, что сельское хозяйство непосредственно связано с природно-климатическими условиями. Есть особенности ведения сельского хозяйства. Они проявляются в том, что земля является главным, незаменимым средством производства и в качестве средств производства здесь выступают живые организмы – животные и растения, которые развиваются на основе биологических законов. В аграрном секторе экономики рабочий период не совпадает с периодом производства. Сезонность труда выражается в увеличении потребности в труде в период посевных работ, ухода за растениями, уборки урожая и т. д. Все это накладывает специфические черты на ведение сельского хозяйства: фермер должен учитывать эти риски.

Сезонность производства обусловливает неравномерное использование трудовых ресурсов, техники, средств производства. Несовпадение рабочего периода с периодом производства объективно требует или наличия значительных накоплений как резерва фермера, или использование банковского кредита на тот период, когда возрастает значительный объем сельскохозяйственных работ в производственном процессе. Продукция сельского хозяйства производится и реализуется только в конце хозяйственного года. Поэтому проблемы банковского кредитования предприятий аграрного сектора требуют решения комплекса задач. Современный бизнес ориентирован не на аграрный сектор экономики, а на быстрый оборот финансовых ресурсов: торговлю, общественное питание, услуги. Это говорит о банковской незаинтересованности кредитования предприятий. Увеличение кредитной активности связывают с активизацией

© Губин В. А., 2011

деятельности Внешэкономбанка и Россельхозбанка [1]. Выделим в связи с этим важнейшие факторы, которые препятствуют банковскому инвестированию производства. Во-первых, высокий уровень риска вложений в реальный сектор экономики, связанный с высокой долей убыточных предприятий и низким уровнем рентабельности. Наибольшее число убыточных предприятий в России находятся в таких отраслях, как сельское хозяйство (25,6%), рыболовство и рыбоводство (100,0%), добыча полезных ископаемых (31,9%), производство и распределение электроэнергии, газа и воды (43,7%), транспорт и связь (31,0%). В Костромской области эти показатели еще значительно выше: в сельском хозяйстве – 51,2%, добыче полезных ископаемых – 54,5%, производстве и распределении электроэнергии, газа и воды – 59,2%, транспорте и связи – 44,0%. То есть с точки зрения банков вышеперечисленные отрасли имеют наибольший уровень риска. Во-вторых, краткосрочный характер сложившейся ресурсной базы банков. Доля депозитов, привлеченных на срок более 3 лет, составляет лишь около 10% от общей суммы [2]. Несоответствие краткосрочных пассивов российских банков потребностям в инвестициях несет угрозу ликвидности банка.

Наиболее привлекательными заемщиками для банков являются стабильные отрасли с быстрой оборачиваемостью капитала. Существующий уровень рентабельности даже не обеспечивает покрытие кредита, так как процентные ставки по кредитам значительно превышают уровень рентабельности предприятий.

История функционирования фермерских хозяйств Англии, США, Канады, Скандинавских и западноевропейских стран свидетельствует, что фермеры принимают превентивные меры к тому, чтобы была финансовая устойчивость их хозяйств. Это проявляется в том, что, наряду с узкоспециализированными фермерскими хозяйствами, фермеры развивают и другие направления производства, которые связаны или являются смежными с той или иной отраслью. Так, например, в молочном скотоводстве – это откорм крупного рогатого скота, продажа молодняка. Конечно, количество отраслей не должно быть значительным, но, как показывает опыт западных стран, их должно быть не менее двух-трех. Это способствует рациональному использованию внутренних ресурсов и обеспечивает финансовую устойчивость предприятий. Надо отметить, что молочное скотоводство требует, однако, бо̀льших капиталовложений, чем другие отрасли сельского хозяйства [3]. На молочных фермах потребность в рабочей силе также больше, чем в других отраслевых хозяйствах, за исключением специализированных свиноводческих, птицеводческих хозяйств или хозяйств интенсивного земледелия. Владелец молочной фермы должен, по возможности, содержать такое количество скота, для ухода за которым требуется полный рабочий день одного, двух или больше человек. Нерационально содержать меньше, поскольку для обслуживания скота потребуется только часть рабочего дня, который при этом надо разбить на уход за скотом и выполнение других работ. Многие считают, что один человек вполне может обслужить 30 коров, содержащихся в коровнике, и 40 коров при наличии доильного зала. С преодолением всех этих препятствий молочное скотоводство становится одной из наиболее эффективных отраслей сельского хозяйства [4]. Молочное хозяйство – это образец идеального типа хозяйства, так как обеспечивает людей работой и зимой. Если оно комбинируется с другими предприятиями, то оно дает хороший доход. Однако исключительная продажа молока – невыгодная форма в плане надлежащего использования рабочей и конской силы. Если единственная работа фермера заключается в том, чтобы доить коров и снабжать их кормом, то перед ними встанет задача, как использовать время в промежутке между дойками, так как наличное количество коров недостаточно, чтобы быть занятым все время [5].

В качестве примера рассмотрим результаты хозяйственной деятельности успешного крестьянского (фермерского) хозяйства К. Г. Ибрагимова Чухломского района Костромской области. Предприятие занимается производством и реализацией картофеля, молока, мяса крупного рогатого скота.

Необходимо отметить, что за период 2007–2009 гг. размер среднегодовой стоимости производственных основных средств увеличился в 1,6 раза (или почти на 2 млн руб.), среднегодовая стоимость оборотных средств снизилась на 6% (или на 35 тыс. руб.). По сравнению с 2007 г. энерговооруженность возросла в 3 раза, фондовооруженность в 2 раза и в 2009 г. составила 48 л.с. и 1 370 тыс. руб. соответственно. Данные о земельных ресурсах хозяйства представлены в таблице 1.

В структуре земельных угодий наибольший удельный вес занимают сенокосы (50%), затем пастбища (40%) и пашня (10%). При этом посевные площади состоят из картофеля (20 га) и многолетних трав (20 га).

Таблица 1

Состав земельных ресурсов крестьянского (фермерского) хозяйства К. Г. Ибрагимова Чухломского района Костромской области

Показатели	*Годы*	
	2008	*2009*
Общая земельная площадь, га	200	200
в т. ч. площадь сельскохозяйственных угодий, га	200	200
из них: пашня, га	20	20
сенокосы, га	100	100
пастбища, га	80	80

В структуре работников хозяйства наибольший удельный вес занимают операторы машинного доения (50%), затем трактористы-машинисты (25%) и скотники крупного рогатого скота (25%). В предприятии среднегодовая численность работников сократилась на 20% (или на 1 человека), а среднемесячная заработная плата в 2009 г. составляла 4 292 руб. Благодаря этому существенно изменилась обеспеченность трудовыми ресурсами и их использование. В 2009 г. работником отработано на 30 дней (или 240 часов) больше, чем в 2007 г. Кроме того, коэффициент использования годового фонда рабочего времени составил 0,80. Необходимо также отметить, что в структуре затрат труда отрасль животноводства занимает 76% (или 2,5 тыс. чел.-ч.), отрасль растениеводства 24% (или 0,8 тыс. чел.-ч.). Состав животных хозяйства на конец 2009 г. характеризуется следующими количественными данными: крупный рогатый скот 90 гол., в том числе коров – 33 гол., овцы – 20 гол., из них овцематки – 6 гол., 1 лошадь.

Такие ресурсы крестьянского (фермерского) хозяйства позволили сформировать финансовую эффективность этого хозяйства. Структура денежной выручки в 2009 г. по сравнению с 2007 г. возросла на 35,3%, или на 420 тыс. руб., при этом за счет увеличения реализации продукции животноводства – на 8,3% и растениеводства – на 27%. Прежде всего необходимо отметить, вследствие чего произошло такое значительное изменение денежной выручки. К причинам этого можно отнести: рост цен реализации, объема производства молока на 27% (или на 175 ц), урожайности картофеля в 3,1 раз (или на 44 ц/га), продуктивности коров на 25% (или на 500 кг). Необходимо отметить, что в 2009 г. цена реализации мяса крупного рогатого скота составила 150 руб./кг, молока – 8,60 руб./кг, картофеля – 6,0 руб./кг. К тому же снизилась себестоимость 1 центнера картофеля на 8,5%, или на 53 руб. При этом сократилась трудоемкость возделывания картофеля в 3,3 раза, многолетних трав на сено в 1,5, молока в 1,84 раза, в то время как трудоемкость прироста крупного рогатого скота возросла на 39,1%.

Финансовая деятельность хозяйства в 2009 г. характеризуется прибылью в размере 24 тыс. руб. Ее размер увеличился по сравнению с 2007 г. на 60%, или на 9 тыс. руб. за счет роста цен реализации и объема продаж. Однако в 2009 г. по отрасли животноводства получен отрицательный результат. Эти расчеты и опыт фермера К. Г. Ибрагимова подтверждают наше положение и ряда авторов о том, что в фермерском хозяйстве необходимо иметь не менее двух-трех отраслей, которые дополняют и сглаживают сезонность труда, повышают эффективность использования ресурсов и обеспечивают более высокую финансовую устойчивость. В хозяйстве достаточно высокий уровень товарной продукции: картофеля – 46,2%, молока – 38,8%, скота и птицы в живой массе – 100%. Основной статьей доходов являются доходы от реализации сельскохозяйственной продукции. Основными статьями расходов в 2009 г. были расходы на приобретение основных средств – 26,5%, на приобретение материальных ресурсов – 51,1% (в том числе на корма – 28,4%, нефтепродукты – 7,6%, электроэнергию – 2,5%), на оплату труда – 13% и прочие расходы – 9,5%. Кроме того, хозяйство покупает комбикорм по цене 650 руб./ц.

Автором были проведены расчеты платежеспособности крестьянского (фермерского) хозяйства (табл. 2).

Представленные данные требуют некоторого комментария. Так, в 2007–2008 гг. фермерское хозяйство не могло погасить в ближайшее время часть краткосрочной задолженности за счет имеющихся у него денежных средств, а также не могло погасить часть текущих обязательств не только за счет имеющихся денежных средств, но и за счет ожидаемых поступлений от дебиторов. Коэффициент текущей ликвидности, который является одним из критериев вероятности банкротства предприятия, находится на оптимальном уровне. В 2009 г. полученные показатели соответствуют оптимальным значениям. Это свидетельствует о том, что фермерское хозяйство является ликвидным и платежеспособным.

Далее рассмотрим финансовую устойчивость крестьянского (фермерского) хозяйства (см. табл. 3).

Представленные данные свидетельствуют, что в 2007–2008 гг. крестьянское (фермерское) хозяйство имело нормальную устойчивость финансового состояния, при котором хозяйство является платежеспособным. Однако в отдельные промежутки времени оно может испытывать трудности с погашением своих текущих обязательств. В 2009 г. у хозяйства – абсолютная устойчивость финансового состояния, при котором предприятие является платежеспособным, прибыльным, ведет расширенный процесс воспроизводства и характеризуется низким уровнем финансового риска. Необходимо отметить, что в 2009 г. коэффициент автономии, который характеризует степень независимости хозяйства от заемных средств, соответствует оптимальному значению. Кроме того, за анализируемый период коэффициент обеспеченности собственными источниками, который является одним из критериев вероятности банкротства хозяйства, находится на достаточно высоком уровне. Это свидетельствует о достаточности собственных средств фермерского хозяйства для финансирования текущей деятельности.

На основе полученных результатов можно сделать вывод: крестьянское (фермерское) хозяйство К. Г. Ибрагимова Чухломского района в 2009 г. характеризуется достаточно высоким уровнем платежеспособности и финансовой устойчивости; в 2007–2008 гг. испытывало трудности с платежеспособностью и финансовой устойчивостью, которые связаны с приобретением новой сельскохозяйственной техники и сокращением среднегодовой численности работников на 20%. При этом использовалась достаточно большая сумма краткосрочных и долгосрочных заемных средств, в связи с чем предприятие не могло погасить часть краткосрочной задолженности за счет имеющихся у него денежных средств.

В аграрном секторе экономики четко обозначилась проблема финансовой неустойчивости и неплатежеспособности крупных сельскохозяйственных предприятий (ООО, СПК, МУП и т. д.). Фермеры же, занимающиеся достаточно трудоемкими видами продукции (выращиванием картофеля, овощей) и находящиеся в зоне высокого риска, имеют лучшие экономические показатели.

Таблица 2

Платежеспособность крестьянского (фермерского) хозяйства К. Г. Ибрагимова Чухломского района Костромской области

Показатели	*Оптимальное значение*	*Годы*		
		2007	*2008*	*2009*
1. Коэффициент абсолютной ликвидности	≥ 0,2	0,191	0,199	0,303
2. Коэффициент критической ликвидности	≥ 0,8	0,795	0,751	1,151
3. Коэффициент текущей ликвидности	≥ 2	2,087	1,989	2,811
4. Общий показатель платежеспособности	≥ 1	1,013	1,043	1,492
5. Коэффициент маневренности	≥ 0,5	0,233	0,311	0,502

Таблица 3

Финансовая устойчивость крестьянского (фермерского) хозяйства К. Г. Ибрагимова Чухломского района Костромской области

Показатели	*Оптимальное значение*	*Годы*		
		2007	*2008*	*2009*
1. Коэффициент автономии (финансовой независимости)	≥ 0,5	0,51	0,49	0,63
2. Коэффициент финансовой устойчивости	> 0,7	0,7	0,67	0,81
3. Коэффициент задолженности	< 0,7	0,31	0,4	0,29
4. Коэффициент капитализации	< 1	0,6	0,65	0,44
5. Коэффициент обеспеченности собственными источниками	> 0,1	0,2	0,18	0,31
6. Коэффициент иммобилизации	< 0,6	0,41	0,52	0,46
7. Коэффициент модернизации	0,3–0,5	0,49	0,35	0,42

Поэтому необходимы мероприятия по улучшению социальной сферы села и поселений. Речь идет прежде всего об интересе к труду и оплате, способной обеспечить достойную жизнь семьи; доступном образовании, здравоохранении, культуре. Необходима государственная поддержка института фермерских хозяйств и аграрного сектора экономики России, а также создание оптимальных условий для кредитования сельскохозяйственных предприятий, оказание сильной поддержки в становлении и развитии фермерства в стране.

Вышеизложенное дает основание сделать вывод о том, что фермерские хозяйства являются весьма эффективным сектором аграрной экономики. Они менее обременены заботой государства и местных органов власти. Современная аграрная политика региона и федеральных властей должна быть коренным образом изменена и ориентирована на цивилизованное ведение сельского хозяйства, то есть на институт фермерства, что было сделано в высокоразвитых странах с рыночной экономикой.

Список использованной литературы

1. Гришина И. Частные инвестиции в основной капитал регионов России как объект исследования: постановка проблемы и опыт статистического анализа параметров регионального распределения // Инвестиции в России. 2007. № 10. С. 32–36.

2. Осипов М. А., Дрозд В. И. Стимулирование роста источников финансовых инвестиций // Финансы и кредит. 2008. № 8. С. 47–50.

3. Хэджес Т. Р. Организация хозяйства на фермах. М.: Прогресс, 1966. С. 385.

4. Блегборн С. Планирование и организация производства на ферме. М., 1963. С. 297.

5. Уоррен Г. Ф. Организация сельского хозяйства. М., 1930. С. 106.

Дополнительные сведения об авторах

Марасанова Виктория Михайловна – доктор исторических наук, профессор

Барлова Юлия Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент

Осипова Маргарита Сергеевна – аспирантка

Шмелев Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, доцент

Личак Наталия Николаевна – кандидат исторических наук, доцент

Иерусалимская Светлана Юрьевна – кандидат исторических наук

Фролов Роман Михайлович – аспирант

Голотин Илья Вадимович – аспирант

Кузьмичев Александр Викторович – аспирант

Логинова Диана Васильевна – старший преподаватель

Сорокин Сергей Павлович – аспирант

Власенко Иван Сергеевич – аспирант

Старкин Сергей Валерьевич – кандидат политических наук, доцент

Тарусина Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, доцент

Иванов Артем Борисович – кандидат исторических наук, старший преподаватель

Соловьев Олег Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент

Ильин Андрей Александрович – аспирант

Иванчин Артем Владимирович – кандидат юридических наук, доцент

Карпов Анатолий Викторович – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО

Краснощеченко Ирина Петровна – кандидат психологических наук, доцент

Урываев Владимир Анатольевич – кандидат психологических наук, доцент

Тарасова Алина Александровна – аспирантка

Киселева Елена Юрьевна – аспирантка

Абашин Игорь Георгиевич – аспирант

Филатова Ольга Валерьевна – кандидат психологических наук, доцент

Фаерман Михаил Исаакович – кандидат психологических наук, старший преподаватель

Мурафа Светлана Валентиновна – аспирантка

Саковская Ольга Николаевна – старший преподаватель

Осинина Татьяна Николаевна – аспирантка

Нилопец Анна Михайловна – аспирантка

Епархина Ольга Валерьевна – кандидат политических наук, доцент

Арбузова Ирина Ильинична – аспирантка

Шимко Елена Алексеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель

Постоянцева Ольга Витальевна – аспирантка

Шустров Андрей Григорьевич – кандидат философских наук, доцент

Круглова Нелля Викторовна – кандидат экономических наук, доцент

Касьянова Алла Константиновна – кандидат экономических наук, профессор

Костюкович Николай Витальевич – кандидат экономических наук, доцент

Вычегжанин Евгений Юрьевич – аспирант

Сидорова Екатерина Александровна – ассистент

Иванов Анатолий Евгеньевич – аспирант

Добронравин Евгений Руфинович – кандидат экономических наук, старший преподаватель

Прохоров Кирилл Олегович – аспирант

Губин Владимир Анатольевич – аспирант

Contributors

Marasanova Victoria Mikhailovna –Doctor of Historical Sciences, Professor

Barlova Yulia Yevgenyevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Osipova Margarita Sergeyevna – Postgraduate student

Shmelev Dmitry Victorovitch – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Lichak Nataliya Alekseevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Ierusalimskaya Svetlana Iurievna – Candidate of historical sciences

Frolov Roman Mikhailovich – Postgraduate student

Golotin Ilya Vadimovich – Postgraduate student

Kuzmichev Alexander Viktorovich – Postgraduate student

Loginova Diana Vasilyevna − Senior Lecturer

Sorokin Sergey Pavlovich – Postgraduate student

Vlasenko Ivan Sergeevich – Postgraduate student

Starkin Sergey Valeryevich – Candidate of Political Sciences, Associate Professor

Tarusina Nadezhda Nikolaevna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor

Ivanov Artem Borisovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer

Solovyev Oleg Guennadievitch – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor

Ilyin Andrey Alexandrovich – Postgraduate student

Ivanchin Artem Vladimirovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor

Karpov Anatoliy Viktorovich – Doctor of Psychological Sciencts, Professor, RAO Correspondent Member

Kasnoshchechenko Irina Petpovna – Candidate of Psychological Science, Associate Professor

Uryvaev Vladimir Anatolievich – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

Tarasova Alina Alexandrovna – Postgraduate student

Abashin Igor Georgievich – Postgraduate student

Kiseleva Elena Jurievna – Postgraduate Student

Filatova Olga Valer'evna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

Faerman Mikhail Isaakovich – Candidate of psychological sciences, Senior Lecturer

Murafa Svetlana Valentinovna – Postgraduate student

Sakovskaya Olga Nikolaevna – Senior Lecturer

Osinina Tatyana Nicolaevna – Postgraduate student

Nilopets Annf Mikhailovna – Postgraduate student

Eparkhina Olga Valerievna – Candidate of Political Sciences, Associate Professor

Arbuzova Irina Ilinichna – Postgraduate student

Shimko Elena Alexeevna – Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer

Postoyantseva Olga Vitalievna – Postgraduate student

Shustrov Andrey Grigorievich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

Cruglova Nellya Viktorovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Kasyanova Alla Konstantinovna – Candidate of Economic Sciences, Professor

Kostyukovich Nikolai Vitalyevich – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Vychegzhanin EvgeniyYuryevich – Postgraduate student

Sidorova Ekaterina Aleksandrovna – Teaching Assistant

Ivanov Anatoly Evguenievich –Postgraduate student

Dobronravin Evgeny Rufinovich – Candidate of Economic Sciences, Senior Lecturer

Prokhorov Kirill Olegovich – Postgraduate student

Gubin Vladimir Anatolyevich – Postgraduate student